

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2018. Т. 13

№3 (179)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 3
Social and Political Sciences

2018. T. 13

№ 3 (179)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- Э. Э. Сыманюк**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнёв**, чл.-корр. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ

- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- К. Кроо**, проф. (Венгрия)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов,
канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,
канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,
канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,
докт. филос. наук, проф.

Е. Г. Трубина,
докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),
докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,
докт. филос. наук, проф.

Социология

Н. Л. Антонова,
докт. социол. наук, проф.

Е. В. Грунт,
докт. филос. наук, проф.

Я. В. Дидковская,
докт. социол. наук, доц.

А. В. Меренков,
докт. филос. наук, проф.

А. В. Старшинова,
докт. социол. наук, проф.

Политология

В. Д. Камынин,
докт. ист. наук, проф.

А. А. Керимов,
канд. полит. наук, доц.

Н. А. Комлева,
докт. полит. наук, проф.

В. И. Михайленко,
докт. ист. наук, проф.

О. Ф. Русакова,
докт. полит. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

- Кемеров В. Е., Томильцева Д. А.* Гуманизация современной философии и гуманитаризация общественных наук (обзор конференции) 5
- Керимов Т. Х.* Обновление гуманизма: его возможности и границы 16
- Азаренко С. А.* Социальное воспроизводство и топология предела 27
- Красавин И. В.* Проблема общего интеллекта: гетерархия и социальная сложность 38

ГУМАНИТАРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ЛИЧНОСТЬ, СОЦИУМ И МИР

- Вахрушева Е. А.* Идея толерантности и критическая теория: к деконструкции концепта 53
- Табаринцева-Романова К. М.* Культура в международных отношениях: дипломатия, безопасность, конфликт 60
- Богатырева О. Н., Лескина Н. В.* Образовательная дипломатия европейских регионов 67
- Ковба Д. М., Исаков А. С.* «Мягкая сила»: рецепция концепта азиатскими государствами 79
- Кравивницкая Е. Д.* Субсидиарная и гуманитарная защита вынужденных мигрантов в Италии 88

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ В ЭПОХУ ПОСТГРАМОТНОСТИ

- Круглова Т. А., Вершинин С. Е.* Михаил Лифшиц в контексте 1930-х гг.: к вопросу определения понятия «советский интеллектуал» 97
- Богомяков В. Г.* Формирование протопоэтик: новые ипостаси поэтического ... 112
- Третьяк А. Р.* Язык как праксис: к теории речевого акта Паоло Вирно 118

- Гомес К.-Дж.* Протестная реакция зрителей на морально-провокационное искусство 124
- Гузикова М. О., Вершинина Т. С.* Ценность профессионального владения иностранным языком будущими лингвистами: опыт эмпирического исследования 134

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

- Жакупбекова Д. А.* Понятие бесполезности в концептуализации номадизма... 143
- Меньшиков А. С., Пургина Е. С.* «Охота за головами» Кэролайн Майтингер: аутентичность, колониализм и космополитизм в травелогах межвоенного периода 152
- Мальцев А. В., Шкурин Д. В.* Единый государственный экзамен в мнениях родителей крупного промышленного центра 164

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Комлева Н. А.* Специфика силовой компоненты функционирования экономических корпораций 177

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Васильева С. А.* ЕАЭС и Тюркский совет: перспективы взаимодействия 184
- Валиахметова Г. Н., Герман М. А.* От идеологического противостояния к стратегическому партнерству: специфика эволюции китайско-саудовских отношений 192

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

- Быстров Н. Л.* Феномен невозможного спасения в «поэзии Холокоста»: случай Дана Пагиса 204
- Авторы номера 221
- Summary 224

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

В мае нынешнего года кафедрой социальной философии департамента философии Уральского гуманитарного института нашего университета при финансовой поддержке РФФИ была проведена международная научная конференция «Гуманизация философии и гуманитаризация общественных наук». В этом разделе мы публикуем обзор мероприятия и несколько статей, подготовленных авторами на основе их выступлений на конференции.

УДК 303.01 + 101.2

**В. Е. Кемеров
Д. А. Томильцева**

ГУМАНИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (обзор конференции)

В статье представлены краткий обзор конференции «Гуманизация современной философии и гуманитаризация общественных наук» и содержание выступлений и докладов основных участников конференции. Показано, как в контексте современного философского видения и рефлексии социальных наук выстраивается понимание гуманизма и процессов гуманитаризации, раскрываются основные тенденции конституирования образа человека и человекосоразмерной деятельности. Кроме того, отмечается, что в свете теоретических и методологических изменений, происходящих в философском и социальном знании, строгое дисциплинарное разделение, сложившееся к началу XX в., оказывается более не состоятельным.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальные науки, философия, гуманизм, гуманизация, гуманитаризация, человек.

17–18 мая 2018 г. в департаменте философии УГИ УрФУ была проведена международная конференция «Гуманизация современной философии и гуманитаризация общественных наук», организованная кафедрой социальной

философии и ведущей научной школой этой кафедры — «Гуманитаризация общественнознания» — при финансовой поддержке РФФИ¹. Многоаспектность темы, возможность ее преломления как в контексте общего методологического видения проблемы, так и в рамках узких дисциплинарных и прикладных вопросов привлекли внимание как философов, так и представителей гуманитарных наук из России, Казахстана, Германии и Беларуси. Мы представляем вниманию читателей краткий обзор выступлений участников конференции.

В своем вступительном слове профессор В. Е. Кемеров (Екатеринбург) осветил историю становления и разделения социальных и гуманитарных наук. Он обратил внимание на то, что в качестве специфических отраслей знаний ни гуманитарного, ни социального не существовало еще в относительно недавнем прошлом, а самой проблеме разделения этих наук не исполнилось и двухсот лет. В докладе были озвучены логические предпосылки произошедшего разделения, его связь с кризисом философии и влияние на становление общественных наук.

Профессор Т. Х. Керимов (Екатеринбург) выступил с докладом о современных формах концептуализации гуманизма в философии и проблеме без-основности философии. Если способность философии описывать и объяснять человеческую социальность с необходимостью связана с конкретными образами человеческой природы, то для описания и объяснения самой человеческой социальности философия должна построить фундаментальный образ человека, из которого она будет исходить, а затем обеспечить себя философскими основаниями, позволяющими ей обосновать такой образ человека. Следовательно, каждый раз образ человека и объяснение социальности обосновываются в философском основании, которое философия устанавливает сама для себя. В итоге образ человека, социальность и философское понимание социальности образуют взаимосвязанное и взаимозависимое целое. Т. Х. Керимов подчеркнул, что по этой причине во многих отношениях философия может пониматься как серия различных образов человека, социальности и их обоснований.

Как можно выйти за пределы «порочного круга», в который оказалась заключена философская мысль? Прежде всего, через проблематизацию основания, на котором философия законодательно закрепляет свою дискурсивную систему, и соответственно философского образа человеческого бытия и социальности. Более того, тотальность философской системы мысли показывает, что обоснование образа человека и человеческой социальности неосуществимо без философского основания. Кроме того, без возможности законодательно утверждать свою собственную и всеобщую власть философия не способна оправдать образ человека и не в состоянии предложить модель человеческой социальности. Таким образом, пояснил докладчик, необходимо не просто подвергнуть критике способность философии обосновать собственные основания и предложить образ человека и социальности, но связать эту критику философского самообоснования с обновленным представлением о социальности. Последнее нуждается в том, чтобы

¹ Проект № 18-011-20027 — Организация конференции «Гуманизация современной философии и гуманитаризация общественных наук», конкурс Г.

внимательнее присмотреться к акту самообоснования философии. Т. Х. Керимов подчеркнул, что момент самоопределения и самообоснования философии оказывается для нее самой неразрешимым.

В ином аспекте проблематика построения образа человека была раскрыта в выступлении профессора Т. М. Шатуновой (Казань). В ее докладе описывался дискурс метафизики негативности как соответствующий некоторым характеристикам современного Реального и раскрывалась негативно-метафизическая сущность человека, Абсолюта и «чистого бытия». В докладе подчеркивалось, что метафизика негативности обретает в жизни современного человека позитивные смыслы и тем самым предстает в качестве новой, сложной и противоречивой формы гуманизма.

Профессор А. Е. Смирнов (Иркутск) обратил внимание участников конференции на проблему соотношения категорий «технического» и «человеческого». По его мнению, в качестве одной из важнейших причин современного антропологического кризиса принято называть технику; традиционные опасения вызывает возможность технического «расчеловечивания», неограниченной экспансии био- и нанотехнологий, информатики, виртуалистики, искусственного интеллекта и т. д. Подобного рода воззрения опираются на классическую философскую традицию, в соответствии с которой техника является негативной стороной искусственного в его противопоставлении естественному, подлинному, человеческому. В противовес данной точке зрения А. Е. Смирнов представил тезис: техническое имманентно человеческому. Более того, техника есть то, благодаря чему человеческое имеет место, техника есть процесс, благодаря которому человек очеловечивается, а техническим называется такой процесс, в котором некто ставит цель и обладает рядом знаний и умений, способствующих ее достижению.

«Антропологический минимум» технического отношения заключается, по мнению А. Е. Смирнова, в объективации чего-либо в качестве не-Я, а также, и прежде всего, в возможности воздействовать на себя как на другого. В соответствии с этим положением исследователем были выведены два трансцендентальных условия технического отношения: 1) «понимание-забвение» этого антропотехнического минимума и 2) его нахождение под знаком «всегда уже». Онтологический факт не-понимания субъектом своего антропотехнического минимума принадлежит к исходному, «фундаментальному пониманию» и одновременно является условием возможности и невозможности всякого онтического понимания вообще. Всякое техническое, таким образом, одновременно является «пойетическим», выводящим в присутствие, про-изводящим, фундаментально-антропологическим. Техническое неотделимо от гуманитарного и, шире, социального.

Профессор С. И. Голенков (Самара) и профессор С. В. Борисов (Челябинск) свои выступления посвятили проблеме представления философских практик. По мнению С. И. Голенкова, образ философии как осознанной жизни, или жизни в осознанности, есть ее изначальный образ, сложившийся параллельно с зарождением самой философии. В этом смысле философствование как практика осознанности является не просто размышлением, а деланием жизни (прежде всего своей, проживаемой в образе, жизни мудрой, и затем жизни других через

наставничество). В докладе акцент был сделан на рассмотрении практикования осознанности в современных повседневных реалиях.

С. В. Борисов рассмотрел философские практики с иной точки зрения и посвятил свой доклад описанию нескольких форм внеакадемических философских практик: философскому консультированию, группам сократического диалога и философскому партнерству. Первая практика представляет собой форму индивидуальной или групповой работы, которая внешне напоминает экзистенциальную психотерапию. Ее философскую основу составляют онтологические принципы экзистенциальной философии, дающие представления о структуре личности. С. В. Борисов пояснил, что процедура консультирования предполагает работу с философскими категориями, в свете которых осмысляются те или иные мировоззренческие проблемы клиента.

Второй вид практики — сократический диалог — основывается на принципах работы с внутренней и внешней речью. В ходе работы перед философом стоит задача «примирить» собеседника с его собственной речью, т. е. открыть для него рефлексивный план анализа своих речевых высказываний. Последний вид практики в докладе был обозначен как философское партнерство. Он заключается в совместном философском созерцании тех или иных аспектов мировоззренческих проблем методом феноменологической редукции. Целью групповой работы является коллективная помощь в прояснении философских идей за счет совместных усилий.

Профессор Н. А. Терещенко (Казань) поставила вопрос о противоречиях, сопровождающих процессы гуманитаризации философии. По мнению исследовательницы, в контексте философии процесс гуманитаризации может обрести свойства, противоположные своему привычному пониманию, и превратиться в позитивистскую стратегию де-философизации. Кроме того, в выступлении было отмечено, что в настоящее время процесс гуманитаризации, который в широком смысле представляется как способ преодоления дегуманизации, может повлечь за собой воскрешение возрожденческой формы идеи гуманизма.

Профессор С. А. Азаренко (Екатеринбург) говорил о топологемах культурного бытия и их разделенности между социальным и гуманитарным. Социальность предполагает со-вместное существование людей друг с другом, отношение, выстроенное в логике «со-», то есть передела и появления новых способов установления связей между людьми. По мнению С. А. Азаренко, свести все отношения людей, а в особенности отношения друзей, влюбленных, родственников, к внешним и изменчивым союзам, как это делает Ж.-Л. Нанси, не представляется возможным. В противовес данной позиции в докладе была предложена новая социальная структура — «дом», посредством которой индивидам задается особый режим существования. Топологемой дома исследователь дополнил схему вложенного множества индивидуальных сущих М. Деланда, полагая, что именно «дом» делает возможным индивидуальные и коллективные взаимодействия.

Научный сотрудник Е. А. Кострова (Москва) в своем выступлении обратилась к вопросу о нефилософских вариантах концептуализации ценности в современных социальных науках. Долгое время формы осмысления ценностей развивались

в русле эмпирических исследовательских канонов, сопровождаемых отказом от разделения между сущим и должным. В XX в. логика такого противопоставления была поставлена под вопрос. Дело в том, что при исследовании практических ситуаций уловить в словах и действиях людей четкие критерии для разделения сущего и должного, нормы, ценности и обычаи становятся практически невозможным, следовательно, существующее «в теории» разделение оказывается далеко не столь очевидным с точки зрения анализа реальных человеческих действий. В конце концов, как показала Е. А. Кострова, в рамках социальных наук произошел отказ от строгого разделения в пользу представлений о континууме, в котором разделение обычаи и нормы проходит в соответствии со степенью социальной значимости тех или иных действий и поступков. Новый способ понимания, по мнению исследовательницы, может отразиться на масштабе «прозелитизма»: если индивид воспринимает какую-либо форму поведения как обязательную для всех, значит, речь идет уже о чем-то более важном, чем личное предпочтение.

Доцент Г. Т. Кульжанова (Костанай, Казахстан) поставила вопрос о значении человеческого капитала. По ее мнению, человеческий капитал в условиях стремительных перемен определяет динамику и направленность общественного развития. Обеспечение его соответствия социальным ценностям и требованиям времени становится важной задачей целенаправленного социокультурного развития личности и общества. Мерой человеческого инновационного капитала и жизнестойкости общества является их способность обеспечивать социальное пространство для созидательной, творческой деятельности людей. В условиях техногенной цивилизации для обеспечения эффективной жизнедеятельности человека необходима переориентация общественного сознания на приобретение качественно новых знаний и навыков, раскрытие интеллектуального человеческого капитала. В докладе подчеркивалось, что именно человека, а не заводы, оборудование и другие фонды нужно рассматривать как наиболее ценный ресурс постиндустриального общества, а следовательно, к человеку необходимо относиться не как к фактору, а как к мощному социально-психологическому ресурсу совершенствования производства и в целом развития общества.

Исходными для доклада доцента С. А. Никитина (Екатеринбург) являлись определения праксиологии и принципа методологического индивидуализма, представленные в работах Ф. А. фон Хайека и Л. фон Мизеса, опубликованных вскоре после Второй мировой войны. Принцип методологического индивидуализма, как поясняет исследователь, предполагает, что единственным источником действия может быть индивид, тогда как описания действий сил детерминации или коллективов следует воспринимать лишь в переносном смысле. Праксиология — это теория деятельности, которая известна в разных и зачастую несовместимых вариантах.

Цель доклада заключалась в сравнении соотношения принципа методологического индивидуализма и основных положений теорий действия в конце XVIII и в начале XX в. Подобное сравнение применяется для описания извилистых путей развития ключевых понятий социальных наук (экономика, социология и т. п.), а также моральной (социальной) философии. В частности, такой извилистый путь

развития был характерен для понятий индивидуализма и праксиологии: вначале они разрабатывались в качестве фундаментальных понятий социальной теории, затем изгонялись за пределы «серьезной науки» вообще и в конце концов вновь заняли свое центральное место в социальной теории.

Доклад доцента И. В. Красавина (Екатеринбург) был посвящен проблеме определения сознания. Исследователь провел сравнение трех подходов к концептуализации сознания: панпсихизма и квалиа Чалмерса, материализма Деннета и неофинализма Рюйе. Теория последнего, по мнению докладчика, позволяет избежать противоречий, заложенных в исследованиях Чалмерса и Деннета. В рамках выступления И. В. Красавин обозначил сознание как объективное свойство реальности, то есть предложил десубъективированное понимание сознания, противоположное классической картезианской концепции. Тем не менее исследователь подчеркнул, что субъективная форма сознания существует, но о ней следует говорить лишь как об аспекте объективного сознания. Более того, в концепции объективного сознания субъект и тот материальный объект, с которым он взаимодействует, вступают в отношение взаимозаимствования свойств, что позволяет наделять сознанием не только человека, но и иные, нечеловеческие формы существования.

Аспирант Л. Н. Александров (Екатеринбург) в своем выступлении обратился к проблеме потребности смысла в человеке. Если традиционно вопрос о смысле и потребности человека в нем представлялся в качестве связующего элемента в многообразии форм философствования, то Л. Н. Александров сместил акцент в сторону потребности самого смысла в человеке. Таким образом оказался затронут скрытый момент всякого философствования, всегда подразумевавшийся, но никогда отчетливо не артикулированный. Со стороны философии к данной формулировке обращены два фундаментальных вопроса. Первый из них — вопрос о субъектности смысла. Второй, не менее важный вопрос, по мнению докладчика, состоит в выяснении возможности представления смысла расположенным вне человеческого. Постановка вопроса подобным образом требует выработки нового понимания сущности человека, а кроме того — смысла человеческого существования.

В докладе доцента Д. А. Томильцевой (Екатеринбург) был поставлен вопрос о поиске методологической стратегии для работы с «трудными понятиями» философии. «Трудные понятия» — это понятия, прежде относившиеся лишь к сферам религиозного и/или этического, которые в XX в. оказались заключенными в разрыве между этико-политико-юридическим (вариантами дискурсивного осмысления), философским (Идеей) и практикой. Понимание данного разрыва докладчик основывала на концепции Ж.-Л. Нанси. Новое политико-юридическое прочтение данных понятий, к числу которых могут быть отнесены, например, свобода, справедливость, прощение, доверие, ответственность, гостеприимство, потребовало поиска специальных методологических стратегий, позволяющих не ограничивать исследование лишь одной дискурсивной или дисциплинарной позицией, а также смысловым или ситуативным содержанием. В качестве решения Д. А. Томильцева предложила обратиться к стратегии сигнатур, основанной на концепции Дж. Агамбена.

Во второй день конференции проводились секции «Проблема гуманизации и гуманитаризации философии» и «Проблема соотношения социального и гуманитарного в современных общественных науках». Несколько представленных на конференции выступлений и докладов были посвящены проблемам гуманизации и гуманитаризации университетского образования, а также вопросам преподавания и статуса философии в современной высшей школе.

Доцент О. М. Мухутдинов (Екатеринбург) говорил в своем докладе о том, что утрата философией официального идеологического статуса, негативное отношение к ней как к инструменту идеологического образования со стороны позитивных наук привели к изменению ее положения в системе современной высшей школы. Стремительная бюрократизация образования вкупе с превращением современного университета в высшую инженерную школу являются достаточным основанием для того, чтобы поставить вопрос об осмыслении самой идеи университета и месте философии в университетском образовании. О. М. Мухутдинов показал, что обсуждение классической идеи университета в контексте требований, предъявляемых современной философией образования, является условием для того, чтобы выработать ясную и отчетливую позицию относительно значимости философского образования для мира науки.

Доцентом Е. С. Кочуховой (Екатеринбург) был поставлен вопрос о методах преподавания философии. По ее мнению, сегодня университетская аудитория является одним из пространств существования философии. Как с учебной дисциплиной, обязательным курсом и общеобразовательным предметом, с философией сталкивается каждый студент российского вуза. В лучшем случае преподавание курса связывается с исходным любопытством студентов и энтузиазмом преподавателя. Е. С. Кочухова задается вопросами о том, как не растерять (или сформировать) любопытство студентов, энтузиазм преподавателей и как сделать гуманной по отношению ко всем ее участникам практику преподавания курса философии.

Если следовать широкому смыслу понятия «гуманизм» и применять его к процессу преподавания, то необходимо закладывать в учебный процесс представление о свободе, достоинстве, самостоятельности всех его участников. Одним из вариантов решения данной проблемы могла бы стать гуманистическая педагогика как направление в теории воспитания, оформившееся в США во второй половине XX в. Она была обращена в первую очередь к вопросам воспитания детей, но постепенно принципы этой педагогики распространились и на высшую школу. Впоследствии отдельной методической системой высшего образования стала модель *liberal arts*, в основе которой — принципы свободы, самостоятельности и творчества. В докладе были представлены контуры этой модели и акцентировано внимание на методиках, которые позволяют в аудитории российского университета гуманизировать преподавание философии, а также критически осмыслен авторский опыт преподавания философии по данным методикам.

Старший преподаватель И. А. Оглоблина (Екатеринбург) посвятила свое выступление осмыслению особенностей экономико-редукционистского подхода к определению критерия оценки качества научной и преподавательской деятельности в рамках эффективного контракта.

Исследователь В. А. Соскин (Гиссен, Германия) в своем докладе высказал опасение, что современные социальные процессы связаны с торжеством антигуманизма, обусловленного возвратом к человекотворческим и культуросозидательным практикам допросвещенческих и внепросвещенческих эпох. В противовес нескольким моделям реализации качества жизни — милитаристской («больше скальпов»), психологической («правильное сосредоточение»), консьюмеристской (больше хороших товаров и услуг) — была предложена гуманистическая модель (больше «хороших людей» рядом и «лучше» эти люди). В. А. Соскин озвучил три возможных пути ее практического воплощения: «поддержание себя» в рамках узких кружков; поиск и претворение в жизнь «гуманистических ценностей» внутри религиозного и философского знания, а также всевозможных идеологий; наконец, третий путь, связанный с созиданием и утверждением новых форм гуманизма и антропотеизма как новой мировой религии, что предполагает выделение в качестве Бога в той или иной форме самого человека и человечества.

Доцент А. Г. Кислов (Екатеринбург) в своем докладе реконструировал некоторые аспекты анализа логических трудов Канта, представленного в работе Норберта Хинске «Между Просвещением и критикой разума: этюды о корпусе логических работ Канта», на основе современного представления о генезисе и развитии логического знания: логический гилеморфизм — формализация логики — деуниверсализация классической логики. Исследователь подробно остановился на такой программной идее Просвещения, как идея самостоятельного мышления. Ключевой вопрос доклада состоял в том, ограничивает ли логика самостоятельное мышление или является его необходимым условием. По мнению А. Г. Кислова, ответ на этот вопрос предполагает несколько положений: во-первых, в настоящее время кардинально изменился нормативный характер логики; во-вторых, теперь методологическая миграция осуществляется по линии от экстенциональных контекстов к интенциональным; в-третьих, в современной логике прежняя предохранительная функция приобрела герменевтический оттенок, предворяя логический анализ выяснением тех онтологических и гносеологических предпосылок семантики конструируемого языка, которых требует анализируемый контекст.

Старший преподаватель Д. К. Чулаков (Пермь) в своем выступлении представил критику гуманистической психологии. По его мнению, несмотря на «постчеловеческий поворот» в философии и социальных науках, поп-психология остается «слишком человеческой». Апелляции к ценностям самореализации, саморазвития, аутентичности и осознанности на разные лады воспроизводится адептами позитивной психологии разной степени популярности и (квази)эзотеричности. Толчком к распространению идеала самореализации в западном интеллектуальном и культурном пространстве XX в. стала гуманистическая психология, предложившая человекоориентированную альтернативу сциентизму бихевиоризма, ориентации на психопатологию в ортодоксальном психоанализе и пессимизму европейского экзистенциализма. Однако та легкость, с которой идея самореализации была апроприирована популярной психологией и превратилась в принудительное и репрессивное институциональное требование к индивиду, заставляет тематизировать и проблематизировать образ человека, инспирированного

гуманистической психологией. В своем докладе Д. К. Чулаков представил анализ гуманизма гуманистической психологии, опираясь на различные методологии.

Старший преподаватель Ю. В. Бурбулис (Екатеринбург) осветила основные изменения, происходившие в области теоретического обоснования онтологической переориентации в современной социальной теории, а также описала особенности и возможности сетевого общества в современной социальной теории как в их гуманитарном, так и в нечеловеческом измерении. В результате происходящих в настоящее время теоретической и практической пересборки социальности появляются новые формы понимания категорий гуманитарного и социального.

Научный сотрудник Н. С. Илюшенко (Минск, Беларусь) свой доклад посвятила рассмотрению проблемы функционирования и смыслового разделения таких категорий, как «гуманитарные технологии», «социальные технологии» и «социально-гуманитарные технологии». По ее мнению, в содержание этих понятий нередко вкладываются как тождественные, так и противоположные смыслы, что существенно затрудняет научную коммуникацию и обсуждение современных политических и социальных процессов.

Доцент И. А. Симонова (Екатеринбург) в своем докладе рассмотрела социальные стратегии субъекта в качестве одного из методов описания социальных явлений. По ее мнению, если исходить из понимания социальности как множества разнородных порядков и локаций, то подвижность и гибкость социальных сцеплений, прерывность отношений не могут быть схвачены с помощью традиционного точного анализа стабильных социальных форм. Обращение к социальным стратегиям субъекта, которые характеризуют его движение в сетях социальных отношений и степень конституирующего влияния на порядок отношений и вещей при включении в социальную локацию, позволяет решить эту проблему. Подобный методологический ход гуманитаризирует социальное исследование и, посредством дальнейшего пересмотра репертуара эмпирического инструментария, позволяет эффективно работать с новыми явлениями общественной практики.

Собственная оптика рассмотрения проблематики гуманизации и гуманитаризации в общественных науках и философии была представлена в работах молодых ученых.

Аспирантка О. Н. Орлова (Самара) в докладе представила философию в качестве общего теоретико-методологического основания для проведения городских исследований. С одной стороны, философия позволяет различным дисциплинам, обращенным к изучению города, найти точки соприкосновения, устранить противоречия и выработать общий исследовательский язык, с другой стороны, благодаря философии в исследовательской среде вырабатывается человекомерный взгляд на город.

В выступлении аспиранта А. А. Беспалова (Екатеринбург) был произведен анализ использования термина «квир» в качестве альтернативного по отношению к терминам «пол» и «гендер». Исследователь представил «квир» в качестве аналитической категории, имеющей достаточно непростое положение в современных русскоязычных исследованиях социально-гуманитарного профиля. В докладе было приведено краткое описание полемики, возникшей вокруг данной категории

в начале XXI в., включавшей в себя не только собственно исследовательскую проблематику, но и политическую в контексте российского ЛГБТ-активизма.

Магистр философии Л. В. Великанова (Екатеринбург) в своем докладе подняла проблему разграничения индивидуального и социального бытия. Под социальным бытием автор понимает процесс взаимодействия индивидов, конструируемый посредством социальных и культурных практик, а также результат этого процесса, выраженный в создании социальных институтов. В то же время категория индивидуального бытия была представлена тождественной понятию «Я». И хотя возможно говорить о том, что систематическое создание норм общественного поведения или порядка позволяет согласовывать социальное и индивидуальное бытие, различие между ними и их границы оказываются ощутимыми только в ситуации «онтологической неуверенности». Данный термин был взят из работ Р. Лэйнга. Он называл «онтологически неуверенными» своих пациентов, обычно именуемых безумцами, сумасшедшими или шизофрениками. Л. В. Великанова показала, как посредством создания специальных институтов, нацеленных на изоляцию «онтологически неуверенных» индивидов, и производства стигм общество возводит границы социального бытия, разделяя индивидов на нормальных и безумцев.

Студентка О. И. Муштак (Екатеринбург) рассмотрела вопросы, связанные с эмоциональными аспектами взаимодействия человека и информационных технологий, таких как распознавание и имитация социальными роботами человеческих эмоций, построение формальных моделей эмоций и мотивационных моделей в искусственном интеллекте. В ходе выступления О. И. Муштак обратила внимание на актуальность данной проблематики в настоящее время, так как от успешности реализации «эмоционального искусственного интеллекта» зависит степень комфорта сосуществования человека с набирающими силу интеллектуальными информационными технологиями. Данное обстоятельство подчеркивает необходимость рассмотрения поставленной проблемы не только в качестве предмета внимания со стороны технических дисциплин, но и с точки зрения социально-гуманитарных наук.

Магистрант 2-го года обучения Д. И. Кокин (Екатеринбург) посвятил свое выступление философскому исследованию понятий гуманизации и гуманитаризации. Опираясь на наиболее распространенные и транслируемые определения, Д. И. Кокин пришел к выводу, что данные термины в основном используются в сфере образования, а именно: гуманизация — как индивидуальный подход в образовании (реализация идей гуманизма), а гуманитаризация — как процесс повышения роли социальных и гуманитарных дисциплин в образовании. В докладе данные понятия были подвергнуты концептуальному анализу, основной задачей которого являлась попытка прояснения значения понятий гуманизации и гуманитаризации в философском дискурсе. Опираясь на работы англоязычных исследователей, Д. И. Кокин пришел к выводу о том, что исследуемые понятия, во-первых, используются в различных областях человеческого знания (начиная от международного права и заканчивая передовыми исследованиями в медицине), а во-вторых, часто имеют противоречивые значения, которые порой становятся

понятными лишь через контекст. В докладе была показана необходимость философского обоснования данных понятий, прояснения их смысла и прослеживания связей между различными способами их употребления.

Студентка Д. Ю. Крутько (Екатеринбург) поставила вопрос о том, как на современном этапе развития философии соотносятся между собой категории социального и гуманитарного. По ее мнению, для XIX в. был характерен «сверхчеловеческий» способ мышления в философии и зарождающихся социальных науках. В противовес ему XX в. был ознаменован возвращением людей в историю и окончательно закрепил методологическое разделение между категориями социального и гуманитарного. В настоящее же время можно говорить об «обратном» процессе: появились содержательные и методологические основания для сближения между социальным и гуманитарным знанием, а значит, для новой концептуализации человека и социальности, более не «раздробленных» между различными дисциплинами.

Студентка И. С. Кузнецова (Томск) обратилась к проблематике детства. По ее мнению, современная культурная парадигма представляет противоречивую интерпретацию детства: с одной стороны, речь идет о небывалых прежде масштабах и формах заботы о ребенке, но с другой стороны — об изживании детства. В докладе И. С. Кузнецова постаралась рассмотреть, кого сегодня называют ребенком и какие культурные требования к нему предъявляются.

В докладе аспирантки Д. К. Сатыбалдиной (Екатеринбург) на примере теории мобильности был показан процесс интеграции гуманитарных и социальных наук. Выбор данной теории был обусловлен тем, что ее формирование и современное видение не вписывается в рамки одной отрасли знания и свое возникновение она ведет из ряда дисциплин: социологии, социальной географии, антропологии, философии и т. д. Исследовательница показала, что через работы в области теории мобильности можно проследить, как современная теория, описывающая социальные процессы, может эффективно использовать наработки и методы различных областей социального и гуманитарного знания. По ее мнению, теория мобильности служит примером того, что некоторые явления общественной жизни не могут быть описаны и представлены в рамках языка одной гуманитарной дисциплины и, более того, только работа в междисциплинарном поле служит составлению многостороннего, обоснованного и претендующего на объективность знания о социальном явлении.

Многообразие проблем и вопросов, поднятых в докладах участников, позволяет тем не менее сделать по итогам конференции несколько обобщающих выводов. Во-первых, необходимо говорить о том, что сложившаяся в общественно-научном знании дисциплинарная обособленность в настоящее время уходит в прошлое. Однако преодоление этой обособленности напрямую зависит от способности различных дисциплин и философии взаимодействовать между собой на новых методологических основаниях. Более того, речь уже должна идти о системной согласованности общественно-научного знания с философией и иными областями знания (здесь мы апеллируем к идее Дж. Арри). Во-вторых, в новом прочтении социальное — более не существующая независимо от людей структура, подчиняющаяся

квазиестественным закономерностям, а гуманитарное — не абстрактный процесс. Тогда вопрос о разделенности социального и гуманитарного и, в более широком смысле, об обособленности процессов гуманизации философии и гуманитаризации общественных наук превращается в анахронизм. Выработка новой (общей) системной методологии — актуальная задача, стоящая перед современной философией и науками об обществе.

Рукопись поступила в редакцию 21 июня 2018 г.

УДК 101.2 + 165.74

Т. Х. Керимов

ОБНОВЛЕНИЕ ГУМАНИЗМА: ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ

В современной философии мы наблюдаем радикальный поворот в обновлении гуманизма, связанный с изменением контекста и исходных установок рефлексии о человеке. Контекст постановки проблемы человека смещается от противопоставления гуманизма и не-гуманизма (антигуманизма, постгуманизма, трансгуманизма) в сторону самого способа философского обоснования образа человека. Помимо альтернативы между гуманизмом и не-гуманизмом открываются иные возможности конструирования образа человека. В статье рассматриваются эволюция и этапы обновления гуманизма в философии XX — начала XXI в. Этот процесс связывается с деконструкцией философского обоснования образа человека, непосредственным коррелятом которой выступает безосновная социальность.

Ключевые слова: образ человека, гуманизм, современная философия, апории, безосновная социальность.

В современной философии наблюдается критический и конструктивный подход к вопросу о «человеке» и обновлению гуманизма. Подобный подход породил целый ряд принципиально независимых, но вместе с тем поразительно одновременных инициатив, которые приводят к новому освоению образа человека и в которых гуманизм заново изобретается и регенерируется. Эти новые образы человека принимают разнородные, а иногда и взаимно антагонистические формы, но их объединяет принципиальный отказ от предположений, разделяемых гуманизмом и антигуманизмом (и постгуманизмом) XX в. Этот подход достаточно ясно показывает определенную направленность трансформации образов человека, скрытые за ними теоретические и методологические мотивы, взаимосвязи этих мотивов с основными тенденциями развития современной философии.

В рамках очерченной проблемы основной задачей статьи является выявление и описание предпосылок и направленности обновления гуманизма в философии конца XX — начала XXI в. В решении этой задачи выделяются три вопроса, которые и предопределили структуру статьи. Первый вопрос касается эволюции и различных этапов обновления гуманизма в философии XX в. Во второй части

статьи обновление гуманизма связывается с деконструкцией философского обоснования образа человека. В третьей части показаны границы философского обоснования образа человека и социальности, а также ориентиры неметафизического «гуманизма».

По ту сторону гуманизма и антигуманизма

Обновление гуманизма в философии XX в. осуществлялось благодаря двойной критике субъекта как вершины философии субъективности и онтотеологического проекта метафизики. С одной стороны, трансформация образа человека свидетельствует о критике и преодолении нововременной концепции субъекта, которая гарантировала человеку исключительно привилегированное положение в качестве априорного условия возможности всякого опыта и, следовательно, всего того, что есть и может быть. С другой стороны, поскольку гуманизм сконфигурирован как один из решающих аспектов метафизики, то обновление гуманизма с необходимостью предполагает преодоление онтотеологического проекта метафизики. Но это преодоление не может означать возвращение к традиционным гуманистическим идеям человека. Скорее речь идет о повторении тех возможностей мысли, которые, однажды проявившись, не были актуализированы. То есть решение вопроса о человеке подразумевает выход к той избыточности (не-человеческому), которая с самого начала превосходит его и в которой он обретает свою собственную человечность.

В философии XX в. можно выделить несколько этапов обновления гуманизма.

Прежде всего, это этап, отмеченный «дебатами о гуманизме» между экзистенциалистской версией гуманизма Ж. П. Сартра и неметафизическим антигуманизмом М. Хайдеггера [9, 671–710]. «Экзистенциализм — это гуманизм» в точности выражает главный принцип обновленного гуманизма XX в., который предполагает три необходимых требования: во-первых, существование есть основание (отрицание) бытия; во-вторых, существование — это исключительно человеческое существование; в-третьих, человеческое существование есть свобода. Человеческое существование, которое Сартр называет «для-себя» в противоположность полностью положительному бытию, «в-себе», — это «абсолютное событие», сингулярное исключение в бытии, абсолютная точка зрения и точка отсчета для любых интерпретаций существования. Но тем не менее «для-себя» не является абсолютом в традиционном философском смысле воплощения трансцендентального абсолютизма. «Для-себя» — это конечный абсолют, укорененный в человеческом сознании.

Человек, выделившись из бытия, не может поставить себя вне бытия, но он может изменить свое отношение с бытием, «отступая по другую сторону ничто» [4, 61]. Ничто привносится в мир благодаря человеческому отрицанию, которое ставит человека «вне досягаемости» [Там же] бытия. Именно эта способность «вне досягаемости» конституирует человека в его отношении к миру, над которым ему удастся доминировать, лишая его качества внешнего и интегрируя его в сферу своей собственной имманентности. Другое имя «вне досягаемости» — это свобода.

Экзистенциализм — это гуманизм, «поскольку мы напоминаем человеку, что нет другого законодателя, кроме него самого, в заброшенности он будет решать свою судьбу; поскольку мы показываем, что реализовать себя по-человечески человек может не путем погружения в самого себя, но в поиске цели вовне, которой может быть освобождение или еще какое-нибудь конкретное самоосуществление» [3, 337].

Обращение к Сартру как к философскому основателю обновленного гуманизма, в котором ничто не ограничивает ценностей человеческой реальности, тем не менее наталкивается на некоторые трудности, поскольку тот остается заложником метафизического способа построения. Гуманизм с необходимостью предполагает метафизическую человеческую сущность: «всякий гуманизм или основан на определенной метафизике, или сам себя делает основой для таковой. Всякое определение человеческого существа, заранее предполагающее, будь то сознательно или бессознательно, истолкование сущего в обход вопроса об истине бытия, метафизично» [6, 197].

Фундаментальный тезис Хайдеггера состоит в том, что сущность человека не является чем-то человеческим. Но это не означает, что сущность человека заключена в не-человеческом или сверхчеловеческом. В конце концов, *сущность* человека является сущностью *человека*, тем, что принадлежит собственно человеку, но таким образом, что благодаря ей он оказывается чем-то или кем-то большим, чем просто человеком. Как только ставится вопрос о человеке, вопрос этот спрашивает о чем-то другом, чем, собственно, о человеке. И именно благодаря этой избыточности, исходной открытости к не-человеческой инаковости, которую Хайдеггер называет эк-зистенцией, человек является человеком. Используемое здесь Хайдеггером понятие сущности относится не к вневременной и внеисторической области, которая определяла бы человека в его самотождественности, а к времени как экстатически-горизонтному временению. Это, в свою очередь, позволяет идентифицировать историю человека как историю отношения человека к его собственной сущности. Тем самым важно отметить, что даже если человек есть то, что или кто он есть на основе сущности, которая превышает его, он также становится тем, кем он является, благодаря повторению этой сущности. И это повторение своей сущности, эта открытость к тому, что всегда и с самого начала открывается в нем, является историческим в строгом смысле этого слова.

На самом общем уровне история человека разворачивается как возможность этого повторения, установления с миром, со своей собственной сущностью и сущностью других отношения присвоения. Таким образом, сущность человека есть открытость к истине бытия, экзистенция или — в отличие от метафизически понятой *existentia* — эк-зистенция. Человек как эк-зистенция обозначает прежде всего определенный способ отношения к миру, открытое стояние в мире. Человек — это не субъект и не объект, не суб-станция и не об-станция. Открытое стояние в мире означает, что человек выставлен к тому, что превышает его, он не просто здесь, а всегда там — не в другом или потустороннем мире, а на границе возможности мира: в одно и то же время абсолютно имманентный миру и постоянно трансцендирующий мир на границе его чистой возможности.

Хайдеггеровское понятие гуманизма и его преодоления сконфигурировано как один из аспектов онтотеологического проекта метафизики. Более того, в определенной степени гуманизм является синонимом метафизики, поскольку только в перспективе, представленной метафизикой как онтотеологией, человек возводится в достоинство высшего сущего в значении истинного или действительного сущего и заявляет о себе как о силе основания. Нет никакого гуманизма без метафизики, в которой человеку отведена центральная или исключительная роль основания (причины, Абсолюта). С другой стороны, метафизика может существовать как таковая только в той мере, в какой ее «гуманистическая» природа (что означает метафизическую редукцию всего сущего к человеческой реальности) остается скрытой. Когда редукционистская природа метафизики становится очевидной, как это происходит у Ницше (в понятии бытия как воли к власти), метафизика подходит к своему концу, а вместе с ней и гуманизм.

Второй этап обновления гуманизма связан с господством структурализма и постструктурализма (Л. Альгюссер, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делёз). В соответствии с некоторыми наиболее характерными формами данных направлений критика идеи субъекта и обновление гуманизма — как экзистенциалистские Сартра, так и неметафизические Хайдеггера — проходили на весьма упрощенных основаниях, поскольку отход от традиционного гуманизма остается все еще мыслью о человеке (или человеческом): последний не смещается, более того, не исчезает. Вопрос и истина бытия оказываются неотделимыми от мысли о собственном и свойственном человеке, от того, что Ж. Деррида называет «неким магнитным притяжением» [1, 154]. Антигуманизм Хайдеггера — это критика не просто человеческого бытия, а особого его понимания. Как объясняет Деррида, «мысль о бытии, мысль истины бытия, во имя которой Хайдеггер отстраняется от гуманизма и метафизики, остается мыслью человека и о человеке. В вопросе бытия, как он ставится в метафизике, человек и имя человека не смещаются. И еще в меньшей степени исчезают. Речь идет, напротив, о некоторой переоценке или некотором пересчете сущности и достоинства человека» [Там же, 159].

Парадигматическим для этого этапа является тезис о том, что Бог и человек неразрывно связаны друг с другом и что «смерть Бога» означает исчезновение человека. В этой перспективе нужно признать, что истинная субстанция кризиса гуманизма — это смерть Бога: «...через филологическую критику, через биологизм особого рода Ницше достиг той точки, где человек и Бог сопринадлежны друг другу, где смерть Бога синонимична исчезновению человека и где грядущее пришествие сверхчеловека означает прежде всего неминувность смерти человека. Тем самым Ницше, предрекая нам это будущее одновременно и как исход, и как цель, отмечает тот порог, за которым только и способна начать мыслить современная философия» [5, 437].

В философии конца XX — начала XXI в. мы наблюдаем радикально новый поворот в обновлении гуманизма. Радикальность нынешнего этапа связана прежде всего с изменением контекста и исходных установок рефлексии о человеке. Важным стимулом обновления гуманизма на данном этапе оказались онтологические идеи, преодолевающие онтотеологический проект философии и намечающие

контуры «онтологии после онтотеологии» (Дж. Агамбен, А. Бадью, Ж. Делёз, Ж. Л. Нанси, Дж. Сёрль и др.). Существенным усилением этого стимула становятся концепции «не-философии» (Ф. Ларюэль), «спекулятивного реализма» (К. Мейясу), «нового реализма» (М. Феррарис), «объектно-ориентированной онтологии» (Г. Харман), преодолевающие конструктивизм и постмодернизм, подчеркивающие онтологическую нередуцируемость реальности к философским способам обоснования. Более того, контекст рефлексии о человеке изменился не только в философии, но и исходя из требований социально-гуманитарных наук. Ибо нужно признать, что актуальный вопрос об онтологическом статусе социальных практик невозможно решить без выяснения их человеческой составляющей. Отныне речь идет не о гуманизме или антигуманизме (или постгуманизме), о метафизическом или неметафизическом, а о самом способе философского обоснования образа человека (и соответственно гуманизма) и его последствиях для гуманитарных наук и социальной практики.

Апории философского обоснования образа человека

В конце XX в. образ человека стоит в тени двойного исчезновения Бога и человека. Современная философия не озабочена вопросами гуманизма или антигуманизма или «смерти человека». Она считает антигуманизм и провозглашаемый им «конец человека» недостаточно радикальным ответом на кризис классической философии, поскольку антигуманизм второй половины XX в. по-прежнему разделяет фундаментальные предположения оспариваемого им гуманизма.

Обновление образа человека не является гуманистическим и антигуманистическим, более того, вряд ли его можно назвать постгуманистическим. Парадоксальным образом постгуманизм демонстрирует свою зависимость в отношении традиционного образа человека (классического гуманизма), от которого он наследует представление о человеке. Даже если допустить, что постгуманизм означает всего лишь выход за пределы традиционных образов человека, то он все еще остается зависимым от гуманизма, поскольку исходные основания, принципы и содержание последнего оказываются неизменными. Однако в удивительной зависимости от того, что он оспаривает, постгуманизм воспроизводит самую банальную — метафизическую — иллюзию классического гуманизма. Но справедливости ради надо отметить, что даже этот традиционный образ человека всегда уже подразумевал человека несамостоятельного, постоянно преодолевающего себя, так что было бы исторически необоснованным приписывать постгуманизму идею самопреодоления человека.

В философии конца XX — начала XXI в. контекст постановки проблемы человека смещается от противопоставления метафизического гуманизма и неметафизического анти-гуманизма в сторону самого способа философского обоснования образа человека. То есть помимо альтернативы между гуманизмом и не-гуманизмом (антигуманизмом, постгуманизмом, трансгуманизмом) открываются иные возможности освоения человека; более того, для обозначения этих возможностей нет никаких оснований продолжать пользоваться такими

понятиями, как «человек», «гуманизм», «антигуманизм» или «постгуманизм». Собственно, выявлению того, что составляет консистенцию этих возможностей, будет посвящена остальная часть статьи.

Способность философии описывать и объяснять человеческую социальность с необходимостью связана с конкретными образами человеческой природы, которые она конструирует и из которых она исходит. Эта способность основана на том, что философия сама дает себе право построить такие образы человека и обосновать их в рамках философской системы. То есть для того, чтобы описать и объяснить человеческую социальность, философия конструирует фундаментальный образ человека, из которого она исходит, а затем обеспечивает себя философскими основаниями, которые позволят ей обосновать такой образ человека. Каждый раз образ человека и объяснение социальности обосновываются в философском основании, которое философия устанавливает и закрепляет сама для себя. Таким образом, социальность, образ человека и философское основание этого образа образуют взаимосвязанное и взаимозависимое целое. Во многих отношениях философия может пониматься как серия различных образов человека и социальности и их обоснований.

Приведем два примера с целью вычленив механизм и лучше очертить пределы этого философского полагания основания, описания и объяснения человеческой природы и социальности. Так, например, для Юма симпатия выступает основанием философского понимания социальности. Симпатия и ее отношение к социальности — это не какой-то результат чисто философского теоретизирования, она имеет эмпирическое доказательство, поскольку является фактом переживания. Способность сочувствовать другим и вступать в самые разнообразные отношения с ними является одной из фундаментальных характеристик человека, которая обуславливает все другие образцы его поведения: «Самое замечательное из всех качеств человеческой природы как само по себе, так и по своим следствиям — это присущая нам склонность симпатизировать другим людям и воспринимать посредством сообщения их наклонности и чувства» [8, 367]. Итак, человеческая природа и фундаментальная ее характеристика, симпатия, фундируют человеческую социальность. Обосновывается эта природа эмпирическим методом и теорией идей и впечатлений, в которой этот метод, в свою очередь, находит свое основание.

У К. Маркса мы наблюдаем другой образ человека и социальности. Для Маркса предметно-практическая деятельность людей выступает решающим основанием философского понимания общественных отношений. То, что человек есть продукт собственной практической деятельности и сущность человека представляет собой совокупность общественных отношений, является фундаментальной характеристикой человека, лежащей в основе всех других его свойств [7, 60]. Итак, взгляд Маркса на человеческую природу фундирует его понимание человеческой социальности, и оба находят свое основание в диалектическом методе и теории исторического материализма, в которой этот метод обосновывается.

Чтобы подчеркнуть эту взаимозависимость философского понимания человека и социальности, а также основание этого понимания, которое философия устанавливает и закрепляет для себя, следует отметить, что философия строит

систему мысли, которая призвана дать тотальный образ человека и условий его существования. В определенном смысле философия отождествляет себя с тотализацией. Она полагает себя как средство, благодаря которому мир познается, репрезентируется, обосновывается и т. д. Она синтезирует мир в систему понятий или дискурсивных операций на основе законодательных решений относительно природы реальности, что неизбежно ведет к циркулярности мысли. В «Словаре не-философии» Ф. Ларюэль пишет: «Философское решение представляет собой трансценденцию, которая верит — наивным и галлюцинаторным образом — в возможность унитарного дискурса о Реальности. Это авторитарное требование выражается в самополагании...» [10, 40]. Эта философская вера в философию, которую Ларюэль называет «принципом достаточной философии», фиксируется весьма примечательной формулой: «Все может стать предметом философии». Философия убеждена, что с помощью своего понятийного аппарата, синтаксиса, решения и полагания она способна построить единую картину мира, «теорию всего»: «философия — это не только набор категорий и объектов, синтаксиса и опыта, операций решения и полагания: благодаря интенциональности, или отношению к реальному, которое она стремится описать или даже конституировать, или к себе как реальному, философия оживляется верой в себя как в абсолютную реальность» [11, 17]. С одной стороны, философия полагает реальное, а с другой — репрезентацию этого реального в понятиях или категориях и далее конструирует или обосновывает их тождество, или единство, в дискурсивной системе философских истин и оснований. То есть в контексте нашего обсуждения философия начинается с определенного решения относительно природы человека и социальности, затем конструирует дискурсивную систему, которая призвана оправдать это решение.

Что же касается возможного возражения, что первоначальное решение философии относительно природы человека — это решение не произвольное, а продиктованное реальными историческими обстоятельствами, то оно никоим образом не устраняет циркулярность философской мысли. Дело в том, что решение относительно исторических обстоятельств, или истории, или времени, которое лежит в основании любого понимания истории, является философским, так что решение относительно реального оказывается в конечном счете произвольным. Можно было бы дальше возразить: почему бы не допустить, что это произвольное решение исторически обусловлено? Но как раз историческая обусловленность произвольности решения относительно реального и делает циркулярность философской мысли порочной. В противном случае нам надо было бы предположить одну-единственную реальность, которая вполне укладывается в одну-единственную философскую систему.

Если бы мы захотели выйти за пределы этого порочного круга философской мысли и поставить под вопрос основание, на котором философия законодательно закрепляет свою дискурсивную систему, тогда необходимо было бы подвергнуть сомнению и философский образ человеческого бытия и социальности. Тотальность философской системы мысли показывает, что без философского основания обоснование образа человека и человеческой социальности невозможно. Без возможности законодательно утверждать свою собственную и всеобщую власть

философия не способна оправдать образ человека и не в состоянии предложить модель человеческой социальности. Следовательно, необходимо не просто подвергнуть критике способность философии обосновать собственные основания и предложить образ человека и социальности, но связать эту критику философского самообоснования с обновленным представлением о человеке и социальности. Для того чтобы обнажить это обновленное представление о человеке и социальности, нужно внимательнее присмотреться к акту самообоснования философии. Именно этот момент самоопределения и самообоснования философии оказывается для нее неразрешимым.

Самообоснование философии и бесосновная социальность

Итак, еще раз подчеркнем, что самообоснование философии осуществляется в инстанции неразрешимости, или апории, которая не позволяет ей закрыться в тот самый момент, когда она пытается предоставить себе собственное основание. Если философия сама для себя устанавливает свои собственные основания и, следовательно, основания тотализации мира, тогда именно этот момент самообоснования ускользает от основания и субстанции в самом акте самообоснования. Если самообоснование философии означает, что философия сама для себя устанавливает основания, тогда самообоснование философии бесосновно, поскольку нет основания, согласно которому философия устанавливает свое собственное основание. Но если бесосновно самообоснование философии, тогда бесосновны и философские образы человека и социальности. Этот вопрос о неразрешимости самообоснования философии и ее определения человека и социальности в силу своего содержания имеет решающее значение для современной философии.

Если философия устанавливает свои собственные основания, тогда она свободна в акте обоснования собственных оснований в том смысле, что она не ограничена миром природы или социальности и действительно, в определенном смысле, ничем не ограничена. Поэтому, когда философия сталкивается с отсутствием собственного основания, она в то же самое время сталкивается также со своей безграничностью в качестве отсутствия этого основания. Но то, что философия сталкивается со своей бесосновностью, совершенно не означает ее отрицание или отмену в пользу других, более фундаментальных, дискурсов или принципов. То, что философия сталкивается с отсутствием собственного основания, является в то же время открытием самого условия ее автономии, то есть отсутствия основания или любой другой инстанции в качестве условия ее возможности.

Поэтому, когда философия подходит к пределу собственной возможности, обнаруживая тем самым бесосновность своего самообоснования или самоопределения, она неизбежно сталкивается с бесосновностью, случайностью того, что она обосновывает, то есть существования. Иначе говоря, если философия бесосновна в акте обоснования, тогда бесосновно и то, что она обосновывает. В отсутствие каких-либо оснований существование обнажается как бесосновность, случайность, свобода. На этом пределе способность философии устанавливать себе основания прерывается. При этом также и приостанавливается ее способность определять

образ человека и, следовательно, объяснить человеческую социальность, полагаясь на этот образ. На самом деле, если образ человека всегда был предопределен философскими основаниями, тогда мыслить на пределе философской дискурсивности и в отсутствие любого философского основания означает мыслить в отсутствие всякого образа или модели социального, что не исключает возможность иного определения социального в еще более «фундаментальных» понятиях. И именно в этот момент опыта бесосновности и случайности существования возникает другое понимание человека и социальности — социальности бесосновной, анархичной. То есть мысль о фундаментальной онтологической относительности и социальности возникает как непосредственный коррелят опыта бесосновности существования, неукорененного в какой-либо субстанции, или общей сущности, на основе которой люди могли бы вступать в отношения друг с другом. Опыт онтологической бесосновности и случайности и обнажение исходной социальности существования предопределены первоначальным решением философии относительно природы реального, которое и подводит философию к пределу ее самообоснования. Тем не менее следует дальше проработать эту связь между онтологической бесосновностью и исходной социальностью.

Это обсуждение мы начали с утверждения, что философия объясняет человеческую социальность на основе конкретных образов человека, которые она предлагает, исходя из своей способности как философии, законодательно определить и обосновать образ человека в целом и как такового. Теперь понятно, что мысль об исходной социальности становится не только возможной, но и неизбежной из-за того, что приостанавливается законодательная власть философии и она оказывается выставленной к отсутствию собственного основания. Тем не менее возникает вопрос: каким образом эта мысль об исходной онтологической относительности и социальности далее связывается с человеческими отношениями и человеческой социальностью? Важное уточнение состоит в том, что философия, выставленная к отсутствию собственного основания, не может дать никакого образа человеческой природы. Если вместе с прерыванием законодательной власти философии приостанавливается ее способность определять образ человека и социальности, тогда то, с чем мы остаемся, это сингулярное существование, множество «некто», исключаящее какую-либо общую идею об общечеловеческой сущности, субстанции или природе человека, или общепринятом образе человека как такового. Более того, не только человеческое, постчеловеческое, транс- или сверхчеловеческое или античеловеческое, но и никакая другая форма репрезентации не в состоянии исчерпать это бесосновное множество сингулярностей. Как заметил Ж. Л. Нанси, «...любой ответ типа “человек — это то-то и то-то, и он должен быть таким-то и таким-то”, то есть любой ответ, претендующий быть неким *гуманизмом*, устарел. Нет больше гуманизма, чтобы с его помощью дать ответ, нет ни в одном из способов размышления, до сих пор претендовавших на то, чтобы быть гуманизмом (теология, историзм, марксизм, экзистенциализм, персонализм и т. д.). Но, возможно, на этот вопрос никакого другого ответа не существует. Я хочу сказать, что если я спрашиваю: “что есть человек?”, я задаю вопрос о сущности, а значит, я разыскиваю некий гуманизм. Следовательно, когда

Фуко писал о том, что «человек», по всей вероятности, исчезнет, он имел в виду такую «сущность»» [2, 152].

Человека нельзя мыслить без сущности, основания, отделить от собственности, благодаря которой он и очеловечивается. И в то же время какая-то «человечность» человека мыслима без сущности и основания, поскольку сегодня очевидно, что никакие сущность, свойство или собственность, никакой гуманизм не в состоянии описать человека как такового. Если человек включает в себя это «без» сущности, то его несамодостаточность или даже лишенность его этого недостатка проходит между позитивным и негативным, ограничивая притязания онтологического или любого другого систематического вопрошания «что есть человек?». Это «без» сущности конституирует не-субъективируемый (не-феноменологизируемый, не-экзистенциальный и в целом не-антропологический) способ бытия сингулярного существа. Речь идет о «без» столь радикальном, что оно требует возникновения некой изначальной человечности, отвергающей свойственность, собственность, гуманизм любого толка.

Апория философского обоснования образа человека и социальности достаточно ясно показывает сама по себе, что никакая форма репрезентации не в состоянии кодировать бесосновное множество сингулярностей. Строго говоря, множество «некто», сингулярности исключают какой-либо образ человеческой природы или сущности, образ Человека как такового. Отсутствие какого-либо образа или сущности человека можно приписать сингулярности в качестве ее предиката, что указывает только на множество сингулярных бесосновных существований и их относительность. Более того, эта исходная социальность не ограничена только человеческим, она включает в себя любую сингулярность вне зависимости от того, воспринимается она как человеческая или нечеловеческая, органическая или неорганическая, живая или неживая. Сингулярности — это не просто люди и не только вещи, а все, что существует: камни, кошки, книги, мысли, города и т. д.

Эта исходная онтологическая социальность исключает любой фиксированный предел, поэтому она не может служить основанием какой-либо политики или этики. Более того, любая такая политика или этика должна исходить из радикального отсутствия образа человека и никоим образом не ограничивать себя темой или областью человеческого. Если онтологическая социальность предъявляет какие-то политические или этические требования, то это требования к сингулярности и во имя сингулярности и отношений между сингулярностями — «человеческими» или нечеловеческими, органическими или неорганическими, живыми или неживыми. Онтологическая социальность — это не просто мир человеческой конечности или смысла, а бесосновная социальность, пределы или критерии принадлежности которой не могут быть философски обоснованы или каким-то другим способом предписаны.

Апория философского обоснования образа человека и социальности достаточно ясно показывает сама по себе, что никакая форма репрезентации не способна кодировать бесосновное множество сингулярностей. Мыслить в отсутствие всякого образа человека означает, что никакое описание не в состоянии исчерпать

множество нередуцируемых друг к другу модусов существования человека. Но одно дело — умножать описания человека и совсем другое — согласовать их без повторного введения такого же ограниченного, перспективного описания, правда, претендующего на универсальность. Современная философия бросает вызов гегемонии какого-то одного описания человека, но не исключает целостности каждого такого описания. Это связано с тем, что, хотя каждый модус человеческого существования является самодостаточным, ни один из них не является исчерпывающим. Другими словами, ни один из них не говорит все, что можно сказать о чем-либо вообще.

Это не означает, что такой вещи, как человек, не существует или что человек «как таковой» выходит за пределы всякого описания и мы обречены приближаться к нему только через фидеистическую мистику. Нет необходимости утверждать, что есть что-то «за» или «по ту сторону» разных описаний, чтобы оправдать необходимость их умножения. Но множественность описаний ставит перед нами вопрос о путях взаимодействия и взаимопонимания несоизмеримых и нередуцируемых друг к другу модусов существования и их описаний. Именно этот вызов прежде всего будет определять успех или неуспех обновления гуманизма до тех пор, пока оно продолжает конструировать новые образы человека.

-
1. Деррида Ж. Поля философии. М., 2012.
 2. Нанси Ж.-Л. Сегодня // *Ad Marginem*'93: Ежегодник Лаборатории постклассических исследований ИФ РАН. М., 1994. С. 148–164.
 3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // *Сумерки богов*. М., 1989. С. 319–344.
 4. Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2004.
 5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.
 6. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // *Время и Бытие*. М., 1993.
 7. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии М., 1981.
 8. Юм Д. Трактат о человеческой природе // *Соч. : в 2 т. Т. 1*. М., 1996.
 9. Baldwin T. The Humanism Debate // *The Oxford Handbook of Continental Philosophy*. Oxford, 2007.
 10. Laruelle F. *Dictionnaire de la non-philosophie*. P., 1998.
 11. Laruelle F. *Philosophie et non-philosophie*. Mardaga, 1989.

Рукопись поступила в редакцию 14 июня 2018 г.

УДК 316.454.5 + 330.31:330.14

С. А. Азаренко

СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО И ТОПОЛОГИЯ ПРЕДЕЛА

Наш основной вопрос: как по-настоящему быть в настоящем? Этот вопрос связан с процессом восхождения к пределу, то есть переделу себя, что исторически у людей было сопряжено с формированием себя в рамках духовных практик. В процессе социального воспроизводства, предполагающего приобщение к духовным практикам, ключевыми для культуры являются отношения между учителем и учеником. У древних философия — это духовная практика, дававшая уроки жизни, а не отвлеченные знания. В этой практике заложена ключевая социальная коммуникация для социальности, в которой происходит конституирование субъекта во всем объеме его существования (в аспекте таких социальных техник, как диететика, экономика, эротика). Мы предлагаем, и в этом состоит новизна нашей работы, тополого-антропологический подход, в котором социальную коммуникацию необходимо рассматривать в качестве сложного многомерного явления, реализующего исторический процесс в целом. Здесь коммуникация *есть* само бытие: она включает «говорить-с», «жить-с», «выходить-с». Мы называем такое бытие *бытие-в-коммуникации*. Воспроизводство совместности имеет место в ходе регулярной телесной связи между людьми при посредстве той или иной социальной практики, при помощи которой возникает конкретное со-общение, служащее при-общению людей к определенному со-обществу со своими ценностями и представлениями. Современное состояние социальной коммуникации ведет к примитивизации индивида, «сборка» которого не происходит на пределе с подлинным содержанием.

Ключевые слова: социальная практика, социальная коммуникация, бытие-в-коммуникации, топология предела, тополого-антропологический подход.

Введение

Вопрос, который возводит нас к пониманию процесса социальной воспроизводимости, — это вопрос о том, как по-настоящему быть в настоящем? Это вопрос к двойному значению русского слова «настоящее», которое, с одной стороны, значит подлинность, а с другой — временной модус настоящего времени. Этот вопрос содержит в себе запрос на подлинную жизнь, которую людям приходится осуществлять здесь и сейчас. Этот вопрос оказывается связанным с процессом восхождения к пределу, то есть переделу себя, что исторически у людей было сопряжено с формированием себя в рамках духовных практик.

Так как же по-настоящему быть в настоящем? В самом широком смысле это вопрос ко времени человеческого бытия. Под временем, как основополагающим определением человеческого бытия, Мартин Хайдеггер подразумевает «вмещение и взаимопротяжение осуществленного и наступающего в настоящем» [15, 403]. Ибо действительным измерением человеческого бытия является время. Недаром говорят, что всему свое время. Быть по-настоящему в настоящем — это значит размещать прошлое в настоящем в качестве осуществленного. Быть по-настоящему в настоящем — это значит размещать будущее в настоящем в качестве

наступающего. В этом размещении время формирует отдельного человека и связывает людей в исторические сообщества. Но это размещение и связывание ставят разметки и разграничения, которые в виде знаков и языка в целом впечатываются в тело человека.

Процесс социального воспроизводства предполагает приобщение к духовным практикам, где ключевыми для культуры являются отношения между учителем и учеником. Это форма отношений со-обща, со-вместно друг с другом, которая представляет собой логику «со», логику того, что не располагается целиком ни в сфере внутреннего, ни в сфере внешнего. Это определенная логика предела, логика того, что находится «между», между собственным и другим. Это форма смыслового отношения, где смысл (со-мысль) регистрирует и подразумевает и себя самого, и другого. Смысл всегда сообщаем, разделяем, коммуницируем. Смысл представляет отношение к себе как соотнесенному с другим, в «обращении к...», как называет это Ж.-Л. Нанси [10, 97]. Обращенность существует до всякой идентификации, но это не значит, что нет ничего «собственного», но скорее значит, что всякая данность подается как обращенность. Данный способ бытия означает, что нет бытия вообще, но имеется бытие-в-месте.

Пьер Адо показал, что философия древних греков существовала в качестве духовной практики, предлагавшей жизненные уроки, а не какие-либо абстрактные знания, представленные в виде интеллектуального учения. Основной причиной страдания человека в различных философских школах виделась в страстях, беспорядочных желаниях и необоснованных страхах. И потому философия представлялась в виде врачевания души: у стоиков это согласие с судьбой и мобилизация энергии, у эпикурейцев — отрешение и разрядка, у платоников — умственная концентрация и отказ от чувственного [2, 53]. Однако то же, по существу, но со своими особенностями, мы обнаруживаем и в йогической, исихастской или буддистской духовных практиках. Эти практики прежде всего формировали человека, а не просто информировали, как это практикуется в современном образовании. Мишель Фуко, используя социально-топологический подход, заглянул, как представляется, еще глубже, узрев истоки данных практик в обряде инициации. В раннем своем исследовании «О других местах», вводя понятие «геторотопия» и «гетерология», Фуко, в отличие от Хайдеггера, связывает бытие людей прежде всего не с временностью, а с пространственностью. В поздних своих лекциях он не столько проявляет интерес к разности мест в социальности, сколько обращается к проблемам коммуникации и практике. Фуко обращается к такой социальной практике, как философия. И в ней открывает ключевую практику для социальности, в которой происходит конституирование субъекта во всем объеме его существования (в аспекте таких социальных техник, как диететика, экономика, эротика).

«Множественность мест» и обряд инициации

В работе «О других местах» Фуко подчеркивал, что XIX в. был эпохой исторического развития с ее темами кризиса и собирания прошлого [13]. Современная

эпоха раскрывает себя через пространство, нахождение бок о бок, непосредственное соседство и рассеяние. В этом случае место стало характеризоваться отношениями смежности между различными точками, которые могут быть представлены в качестве серии или сети. Проблема жизненного мира здесь определяется типом классификации человеческих элементов. Люди не живут в однородном и пустом пространстве, а, напротив, располагаются в различных и множественных местах. В каждом сообществе имеются особого рода места, отличные от других мест. Фуко называет их «гетеротопиями», а их способ описания — «гетерологией». Он предлагал пять принципов гетерологии.

Первый принцип утверждает, что нет ни одного сообщества в мире, в котором бы не создавались «гетеротопии». Они являются действительной величиной каждого человеческого сообщества. «Гетеротопии» имеют различные формы, и, скорее всего, не существует универсального вида «гетеротопии». В сообществах традиционного типа имеют место определенные «гетеротопии», которые Фуко называет кризисными «гетеротопиями». Такие «гетеротопии» занимают священные или привилегированные места, удерживаемые за индивидами, находящимися в кризисном положении (беременные женщины, подростки, старики). «Гетеротопии» кризиса исчезают в настоящее время и появляются в виде девиантности, проявляющейся в поведении тех, кто допускает отклонение от норм общепринятого (дома отдыха, тюрьмы, психолечебницы).

Второй принцип представлений гетеротопий по Фуко — то, что то или иное общество создает гетеротопическую функцию в различной форме. Принцип третий. Гетеротопия есть способ совмещения в единственном месте различных несовместимых мест (кино, театр и т. п.). Принцип четвертый. «Гетеротопия» связывается со временем, что можно назвать гетерохронией. Имеют место «гетеротопии», различным способом «собирающие» время, например, в музеях и библиотеках. Принцип пятый. «Гетеротопии» как правила представляют систему закрытости и открытости. Место гетеротопическое не так открыто, как, к примеру, официальное место. Проясняя специфику функционирования различных «мест» в обществе, Фуко рассуждает о принадлежности к ним людских тел как бы задним числом. Мы же полагаем, что, говоря о социальности, необходимо видеть ее в качестве различных со-стояний тел, то есть «стоянии» или взаимодействии друг с другом. Нет ни одного сообщества в мире, в котором бы не формировались *различные места*. *Различие мест* возникает на основе определенной социальной практики (место инициации, школа и церковь т. п.). Уже в традиционном обществе закреплялись отдельные места за детьми, стариками, женщинами. Переход из одного места в другое во время инициации происходил всегда через строго определенные места. При этом сам этот переход являлся процессом восхождения к пределу и переделу индивида, поэтому его надо рассматривать во временных категориях. В ходе этого процесса происходило обретение телом новых практик (то есть определенных способов говорения и поведения), после чего юноши становились способными к социальной жизни.

Философия как социальная практика

Именно здесь обнаруживаются истоки философии как социальной практики, ибо требование «познания себя», как показывает Фуко в более поздних своих исследованиях (1981–1982), происходило от требования «осуществи заботу о себе». Последнее требование возникало в определенный момент жизни и в связи с определенными обстоятельствами. Это был период в жизни отдельного человека, когда приходило время заботы о себе, в том критическом для педагогики и для политики возрасте, когда молодой человек, лишившись руководства педагогов, должен был вступать в жизнь и показать, на что он способен, начиная действовать. Общеизвестно, что во всех обществах вступление подростка в фазу, которую называют взрослой жизнью, сопряжено с трудностями, и большинство обществ в значительной степени ритуализировало этот трудный переход. Фуко замечает, что в связи с этой проблемой и этим институциональным изъяном, устранением педагогики в этот ответственный как для политики, так и для эротики момент окончания детства и вступления во взрослую жизнь, и сложился философский дискурс в его сократо-платоновской форме [12, 103–104].

Философия выступала в качестве социальной практики, которая служила включению подростка во взрослую жизнь социальности. Без учителя, воздействовавшего на весь объем бытия ученика, этот процесс не мог быть осуществлен. Тема эта древняя, и она включает в себе проблему Другого, о чем говорит уже известная арабская притча. Притча рассказывает о том, как отец перед смертью собирает своих троих сыновей для того, чтобы разделить между ними наследство, состоящее из семнадцати верблюдов. Старшему сыну он оставляет в наследство половину верблюдов, сыну среднему — третью часть, а младшему сыну — девятую часть. Отец скончался, и сыновья оказываются не способными поделить верблюдов, поскольку их нечетное число. Им советуют обратиться к старому мудрецу. Мудрец сказал, что задача непростая, но у него имеется один верблюд и он может им поделиться. Благодаря этому у них становится восемнадцать верблюдов, и им удается поделить наследство. В результате старший сын приобретает половину верблюдов (девять), средний — третью часть верблюдов (шесть), а младший — девятую часть верблюдов (два). И в итоге, при суммировании количества имеющихся в наличии верблюдов, получилось семнадцать, как и было завещано отцом. На оставшемся верблюде мудрец уехал восвояси. Эта притча свидетельствует о том, что разрешение вопроса невозможно без наличия Другого. Решение проблемы возможно не в одиночку, а только в совместности. Одновременно это открывает необходимость социального топоса учителя. Восточная притча повествует о «внешнем» участии учителя.

По Фуко, в западной культуре учитель выступал в качестве специалиста по преобразованию индивида и конституированию из него субъекта. Во-первых, учитель научал ученика совершать попечение о своем теле в гигиеническом и диететическом плане (диететическая техника). Во-вторых, он научал хозяйственным и семейным отношениям (экономическая техника). В-третьих, при этом надо было учиться дружеским и любовным отношениям (эротическая техника).

Заботы о теле, о доме и любовь. Диететика, экономика, эротика. Вот те три небольшие области, в которых в эту эпоху совершается попечение о себе, непрерывно отсылающее от одной области к другой. Заботы о соблюдении режима и диеты ведут к сельскохозяйственным работам, сбору урожая и в конечном итоге к тому, чтобы заниматься хозяйством. Внутрисемейные отношения, от которых зависит руководство хозяйством, натываются на проблемы любви. Наличие этих трех областей, их взаимосвязь, переходы от одной к другой (от диететики к экономике, от экономики к эротике) определяли бытие человека [12, 184–185]. Эротика, диететика и экономика теперь предстают сферами практик себя, посредством которых происходит «обращение» субъекта.

М. Фуко особенно подчеркивает значение П. Адо, который обратил внимание на фундаментальнейшее различие греческого *epistrophe* и христианской *metanoia* в западной культуре как двумя моделями «обращения». *Epistrophe*, утверждает он, это опыт обращения, подразумевающий возвращение души к своему источнику, движение, совершая которое она возвращается к совершенству бытия и снова занимает место в вечном порядке сущего... [Там же, 243]. *Metanoia* строится по другому образцу. Происходит она при полном душевном перевороте и радикальном обновлении, при своего рода возвращении в детство, умирании и воскресении, — опыт, обретаемый в отказе от себя [Там же]. Рисуя генеалогию новоевропейского субъекта, Фуко показывает, что она проходит через платоновскую, христианскую и эллинистическую модели. Платоновская модель предполагает, что, во-первых, незнание и обнаружение того, что не знаешь о своем незнании, подводит к заботе о себе; во-вторых, это побуждает индивида к самопознанию; в-третьих, через припоминание душа заново приобретает доступ к тому подлинному, что она несет в себе.

В христианской модели, по Фуко, во-первых, познание себя определенным образом соединено с познанием истины, как она представлена в Откровении через Писание; самопознание потому нужно, что познать Слово могут только чистые сердцем, но невозможно очиститься, не познав себя, а подступиться к самопознанию и очищению сердца можно, только восприняв Слово. Стало быть, они все обратимы: и познание истины, и самопознание, и попечение о себе [Там же, 282]. Во-вторых, христианство познание себя исполняет при посредстве техник, чтобы опознать искушение и уйти от опасности соvrращения. Стало быть, необходима экзегеза себя или самоистолкование. В-третьих, что особенно подчеркивает Фуко, впрочем как и Адо, познание себя в христианстве нацелено на самоотречение. Фуко хочет показать, что вместе с платоновской моделью, имевшей место до конца Античности, существовала третья схема. Это была эллинистическая модель. Она не была сориентирована ни на истолкование себя, ни на самоотречение, а в ней устанавливается стремление учредить себя самого в качестве чаемой цели.

Особо подчеркнем, что данные модели воплощают собой определенный род социальной коммуникации (учителя с учеником), которая связана с определенными практиками, в ходе которых происходило формирование западного типа субъективности. И социальная коммуникация, а не практика здесь играет первейшую роль. Мы согласимся с Фуко, что платонизм явился важным «климатическим

условием» в формировании европейского рационализма, поскольку ему свойственно доказывать, что всякое достижение истины связано с формированием и изменением самого себя [6, 94]. В диалоге «Алкивиад» Сократ в разговоре с юным Алкивиадом привлекает его к практике управления другими, доказывая, что предварительно надо научиться управлять собой. Перед разговором с Алкивиадом Сократ держит паузу и ждет, когда тот будет готов к переменам в себе. Это вызывает удивление в Алкивиаде и побуждает его задуматься. И именно этот внутренний диалог в нем, как важный коммуникативный акт начала философствования, предваряет диалог по поводу научения управлять собой. Подобно тому как в «Бхагавад-гите» перед началом решающей битвы между Пандавами и Кауравами предводитель Пандавов — Арджуна, вместо того чтобы выполнять свой воинский долг и идти на сражение, вдруг начинает испытывать сомнения и задумываться. С этого и начинается философствование, с разговора с самим собой, а не с того момента, когда необходимость вступить в схватку Арджуне обосновывает бог Кришна.

Возражение у нас вызывает также истолкование христианской модели, которая как будто бы подразумевает самоотречение, отказ от себя у Фуко. Между тем как Ж.-Л. Марион показывает, как в ходе «хвалебного дискурса» в христианстве происходит конституирование субъекта [7]. В «Идоле и дистанции» он деконструирует классическое говорение о Боге, доказывая, что в языке и мышлении Он превращается в идола, то есть в нечто не просто зримое, но и присвоенное. Но как тогда говорить о Боге без предикации? Надо говорить *к* Богу. Тогда Бог — Тот, *к* Кому обращено Слово. И Слово — это хвала или благодарение. Молитва находится вне истины и лжи, как показал уже Аристотель. В молитве сказывается иллюкутивная сила славословия, в ней субъект аффицируется самим высказыванием. Таким образом, мы полагаем, что Мариону удастся показать, что христианство не нарушает коммуникативных основ формирования человека. Обращаясь к христианской традиции, в особенности к восточно-христианской, мы имеем дело не просто с отказом от себя, а, напротив, с глубокой работой по сложной «сборке» себя, которая имеет форму «лестницы», восхождение по ступеням которой совершается от обращения и покаяния к синергии и обожению.

«Духовная практика, — отмечает Хоружий, — есть холистическая практика себя в своих энергиях: практика аутотрансформации, в которой человек изменяет “всего себя” (холизм), однако себя, взятого и рассматриваемого не субстанциально, а деятельностно и энергийно, как совокупность всех физических, психических, умственных движений и импульсов, которые Православие называет “тварными энергиями”. Такая совокупность или же конфигурация энергий есть “энергийный образ” человека, его проекция в план энергии, измерение бытия-действия. Практика (подвиг) классифицирует эти конфигурации по различным признакам, выделяет разные типы их (хотя сам “энергийный образ” непрерывно меняется, его тип относительно стабилен) и специальными методами осуществляет преобразование “себя”, собственного энергийного образа, подвизающегося к определенному типу, признаваемому целью и назначением, “телосом” Духовной практики» [17, 141].

Данная практика не имеет отношения к аскетике греков, адресованной к сознанию человека и не холистичной по своей сути. Хоружий особенно отмечает, что «невидимая брань» в исихастской духовной практике обращена не на противостояние с пороком, но скорее на изменение самого душевного состояния, при котором бы вообще не зарождались страсти. Здесь имеется отличие от стоического бесстрастия, поскольку в исихастской практике душевные активности человека не гасились и высвобождались для последующего восхождения. Область предельных феноменов духовного опыта человека Хоружий называет сферой Антропологической Границы. Результатом действия пограничных состояний, производимых в практике, является определенное изменение перцептивных модальностей человека, в которых обнаруживается проявление новой системы восприятия. В исихазме эти новые перцепции назывались «умными чувствами». Между духовной практикой, несущей «высшее духовное состояние», и религиозной традицией имеется основополагающая связь. Именно поэтому можно утверждать, что без традиции, в основе которой сохраняется духовная практика, не формируется антропологическое обличье какого-либо народа.

Тополого-антропологический подход и бытие-в-коммуникации

Мы предлагаем тополого-антропологический подход, включающий то обстоятельство, что тела людей в качестве социальных тел принципиально находятся, говоря словами Ж.-Л. Нанси, в положении прикосновения или взаимодействия [9, 55]. Тело снаружи всегда противопоставлено другому телу. Других я воспринимаю и познаю всякий раз в качестве каких-то тел. Другой человек — это всегда тело, причем тело с ни на кого не похожим лицом и носом, цветом кожи и др. Тело сколько-то весит, тело имеет какой-то запах. Противопоставление всегда трогает, что задает пределы трогательных отношений. Это происходит при самом появлении другого, причем такого другого, в котором мы находим границы собственного. Из чего можно заключить, что определяющим в мире действием является топология, где предполагается заботливое отношение к «другому», где все происходит «в-месте». Тела находятся в прикосновении, и это прикосновение происходит на границе, опространствливающей их. Тело в совместном существовании сжато другими телами. Это тела, рассеченные пополам, то есть тела определенного пола, где мужской пол или женский пол имеются потому только, что осуществляются через другой пол. Между телами всегда имеются какие-то грузы и противовесы, и потому между ними не может быть пустоты. В момент взаимодействия тела как носители сил сталкиваются и отталкиваются, изменяются и соединяются, поддерживаются и дестабилизируются. Нехватка или избыточность прикосновения порождают страдание.

Телесное взаимодействие представляет собой социальную коммуникацию, которую необходимо рассматривать в качестве сложного многомерного явления, через посредство которого реализует себя исторический процесс в целом. Необходимо понимать социальную коммуникацию как такую социальную силу, которая изначально и к социальным институтам, и к различным практикам, хотя тесно

с ними связана. Уже Ю. Хабермас отмечал, что на «место одиноко стоящего субъекта, который направляется к предметам и в рефлексии делает предметом самого себя, заступает не только идея познания, опосредованного языковым выражением и соотношенного с действием, но совокупная взаимосвязь повседневной практики и повседневных коммуникаций, в которую встроены интересубъективные в своих истоках и в то же время достигаемые в сотрудничестве познавательные результаты.

Тематизируется ли эта взаимосвязь как форма жизни или жизненный мир, как практика или опосредованное языком межличностное общение, как языковая игра или диалог, как культурный фон, традиция или история деяний, решающим является то обстоятельство, что все эти основанные на здравом смысле понятия приобретают теперь тот ранг, который до сих пор был характерен для фундаментальных понятий эпистемологии, хотя они, разумеется, и не должны выполнять те же функции, что и последние. «Деятельностное и речевое измерения не должны всего лишь предшествовать когнитивному измерению. Целенаправленная практика и языковая коммуникация берут на себя другую понятийно-стратегическую роль, чем та, которая выпала на долю саморефлексии в философии сознания» [14, 19]. Сразу подчеркнем, что для нас коммуникация — это тип взаимодействия между людьми, опосредованный различными знаково-символическими системами, который способствует формированию всего социального бытия в целом.

Против того, что бытие открывается через язык и посредством языка, в современности выступил Дж. Агамбен: в работе «Язык и смерть: негативность места» он возражает против того, что в западной метафизике человек подается через способность говорить и возможность умирать [1, XII]. И действительно, у человека имеется такой опыт, формирование которого происходит вне языка, — это опыт детства, где человеческое бытие оказывается свободным от привычной связи со знаниями и навыками. Здесь Агамбен, как представляется, не учитывает коммуникации на уровне телесного взаимодействия. Миф косвенно отражает язык тела. Как тело одного может *усматривать* тело другого, передается логикой телесных образов *зрения*, представленной в мифе: образу Циклопа одноглазого (однобокое видение) противостоит образ Аргуса многоглазого (всеобъемлющее видение); образу Братьев Диоскуров (поверхностное видение) противостоит образ Тересия (глубокое видение прозорливого слепца) (Я. Голосовкер). Нетрудно представить себе, как «всевидящее» (по-аргусовски) тело матери заботливо осматривает «однобоко» (циклопически) видящее тело ребенка. Однако куда как более важно то, что в рассмотрении связи бытия и языка Хайдеггер нас выводит на логику собирания и рассеяния. Данная логика имеет отношение к самоорганизующейся логике, в которой реализует себя социальная коммуникация.

Следуя за Хайдеггером, Ж. Деррида обращается к логике связности процессов «собирания» и «рассеяния», отмечая продуктивный характер последнего в смысловом отношении [5]. Процесс «распыления» схож с процессом «рассеяния»: он организует самопорождающийся порядок. Пыль производит действие как затемняющее, так и проясняющее. Пыль очень может превратиться в пыль, в огонь, в то, что будет различать, делать отметины. Процесс «рассеяния» и «распыления» обнаруживает действие по взаимному переходу затемнения и просветления

различных меток и следов, в котором зачастую происходит упразднение границ в оппозиции. Деррида вслед за Хайдеггером прибегает к образу огня Гераклита, к его свойству, задающему свой собственный порядок самоорганизующегося различения самого мира.

Социальная онтология подразумевает, что быть — значит быть в отношении или в сообщаемости. «Сообщаемость» понимается онтологически, а не лингвистически. Она вмещает в себя людей в виде тел, действующих в определенных местностях и совместностях. Сообщаемость непредставима без знаков и языка. Но если мы ссылаемся на знаки или язык, то необходимо рассматривать их вписанными в онтологию человеческого бытия. В современности именно это и сделал М. Хайдеггер на основе новой онтологии. В «Бытии и времени» он проанализировал знак (§ 17) и язык (§ 34) как необходимые элементы бытия-вместе [15]. Поэтому сообщаемость нельзя сводить к обмену «значениями» или «смыслами» в семиотическом смысле, поскольку взаимодействие людей захватывает их во всем теле, месте и интересующем их положении вещей.

Индивид или сообщество — это множественности, существование которых подчинено самовоспроизводящимся и самоорганизующимся механизмам коммуникации. Здесь смыслы и всевозможные нормы возникают в самих отношениях, а не предшествуют им. Соответственно сами отношения и являются первичными. В сети отношений акторами коммуникации выступают не полагающие себя субъекты, а ответственные участники взаимодействия. В своей онтологии Нанси связывает *ethos* с *graxis*'ом [8, 144]. «Язык» у него не инструмент коммуникации, и последняя не инструмент для взаимодействия в бытии, но коммуникация *есть* само бытие. «Говорить-с» так же, как произносят «жить-с», «выходить-с», «спать-с», вводится для того, чтоб выразилось само бытие как коммуникация. Назовем такое бытие *бытие-в-коммуникации*. Действие воспроизводства совместности имеет место в ходе регулярной телесной связи между людьми при посредстве конкретной социальной практики, при помощи которой возникает какое-то со-общение, которое способствует при-общению людей к определенному со-обществу с теми или иными ценностями и представлениями.

И действительно, первой площадкой для разметки и производства знаков явилось тело человека, о чем впервые заявил Ф. Ницше, который в «Генеалогии морали», вскрывая значение боли для происхождения мнемотехники, отмечал: «Никогда не обходилось без крови, пыток, жертв, когда человек считал необходимым сотворить себе память; наиболее зловещие жертвы и залогов... омерзительные увечья... жесточайшие ритуальные формы всех религиозных культов — все это берет начало в том инстинкте, который разгадал в боли могущественнейшее подспорье мнемотехники» [11, 442]. Эти идеи развивали Ж. Делёз и Ф. Гваттари в работе «Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения» [4, 227–228], а позднее Д. Кампер. Последний в работе «Знаки как шрамы. Графизм боли» писал: «Чистого в этом отношении тела никогда не было. Оно всегда служило мемориальной доской для предысторических, исторических и биографических вписываний. Человеческая культура с самого начала функционировала как кодирующая запись, как универсальная татуировка, которая по мере все большего порядка вписывала шрамы

напоминаний» [6, 34]. Метки, насечки, надрезы сопровождали людей во время инициации, как некие «пред-писания» для дальнейшего социального бытия. Как и в философии как социальной практике ученик воспроизводил «предписания» учителя в виде «истинных» речей.

Чем же характеризуется современное состояние социальности и какой характер в ней приобретает социальная коммуникация? Мартин Хайдеггер был первым, кто уловил надвигающиеся риски для человека современности, которые имели отношение к развитию техники. А понимание техники он выражал через понятие *Gestell*, «постав» (В. Бибихин). Хайдеггер отмечал, что *techne* у древних греков, от которого и происходит «техника», было связано с *poiesis*'ом: «Техника есть некоторый вид раскрытия потаенности» [16, 235]. В какой-то момент техника отрывается от *poiesis* и оборачивается «в техническое раскрытие», при котором происходит сужение изначального значения того, что призвано было открывать полноту человеческого бытия. Все исчисляющий и инструментальный подход сужает и в конечном итоге обедняет полноту мира и творческие возможности самого человека.

Образовательная сфера современности демонстрирует небывало высокий уровень ее технизации: максимальная стандартизация, образование однозначных схем оценки. Именно этого и боялся Хайдеггер. Формы оценки учебных организаций носят по-преимуществу количественный характер: индикаторы числа публикаций в различных базах данных, балльно-рейтинговые показатели «эффективности», подсчет количества конференций и т. п. Между тем как механизм приобщения к культуре своего сообщества носит форму социального удвоения. Индивид удваивает социальную реальность самым способом своего бытия. При этом социальное удвоение является интериоризацией социального внешнего. «Двойником в социальном смысле никогда не является Другой, но именно моя самость, которая покидает меня, удвоенная Другим: происходит столкновение с собой во внешнем, когда мое Я находит Другого в себе. Моя самость образуется через образы и образцы социального Другого» [3, 66–67].

Современная ситуация ведет к примитивизации индивида, «сборка» которого не происходит на пределе с подлинным содержанием, где усложнение образовательных технологий и пользование какими-либо гаджетами не требует знания его устройства, равно как и не требует от своего пользователя глубокого погружения в смыслы. При этом уважение к знаниям начинает падать, потому что из Интернета можно извлечь любую информацию без особых усилий. Уходят объективные условия в воспроизводстве индивида «сложной сборки». Подключение индивида к новым информационно-техническим коммуникациям, включая симбиоз машины и человеческого интеллекта, вообще грозит утратой субъектности.

Между тем как жить по-настоящему в настоящей людям современности — это значит быть связанными с восхождением к пределу, то есть переделу себя в свете духовной коммуникации, ибо жизнь человека связана со способностью воспроизводить и понимать социально значимые смыслы, сообщать и передавать эти смыслы другим. Смыслы изначально ставят человека на границу, поскольку не могут принадлежать одному. Они всегда находятся с Другим и как со-мысли

принадлежат постоянно становящейся со-вместности. Эти смыслы сохраняются и передаются различными знаково-символическими способами, составляя существо социальной коммуникации. Классически этот процесс именовался духовным процессом, и в настоящее время потребность в нем только неуклонно возрастает. Таким образом, социальное бытие как бытие-в-коммуникации вмещает в себя духовную коммуникацию как необходимую составляющую, которая происходит в виде диалога, с одной стороны, человека с другими людьми через традицию, институции и тексты, а с другой — человека с самим собой. Это поле социального бытия как бытия-в-коммуникации, в рамках которого происходит со-творение, обогащение и обновление людей.

-
1. *Agamben G.* Language and death: The place of negativity. Minneapolis ; Oxford, 1991.
 2. *Адо П.* Духовные упражнения и античная философия. М. ; СПб., 2005.
 3. *Азаренко С. А.* Техники тела: проблема целостного описания // Социемы. 2004. № 10. С. 66–78.
 4. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2008.
 5. *Деррида Ж.* Золы угасший прах. М., 2002.
 6. *Кампер Д.* Знаки как шрамы. Графизм боли // Мысль. 1997. № 1. С. 164–172.
 7. *Марион Ж.-Л.* Идол и дистанция // Символ. Париж–Москва: Институт философии, теологии и истории св. Фомы. 2009. № 56.
 8. *Нанси Ж.-Л.* Бытие единичное множественное. Минск, 2004.
 9. *Нанси Ж.-Л.* Corpus. М., 1999.
 10. *Нанси Ж.-Л.* О со-бытии // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С. 91–102.
 11. *Ницше Ф.* Сочинение : в 2 т. // Ницше Ф. Генеалогия морали. М., 1990. Т. 2. С. 407–525.
 12. *Фуко М.* Герменевтика субъекта: Курс лекций в Коллеж де Франс 1981–1982 гг. СПб., 2007.
 13. *Foucault M.* Of other spaces // Visual culture reader. L. ; N. Y, 1998. P. 241–250.
 14. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
 15. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. СПб., 2006.
 16. *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 391–407.
 17. *Хоружий С. С.* Православная аскеза — ключ к новому видению человека [Электронный ресурс]. URL: [Www.wco.ru](http://www.wco.ru) Библиотека Веб-Центра «Омега». 2000. С. 141 (дата обращения: 15.05.2018).

Рукопись поступила в редакцию 21 июня 2018 г.

ПРОБЛЕМА ОБЩЕГО ИНТЕЛЛЕКТА: ГЕТЕРАРХИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СЛОЖНОСТЬ

В статье исследуется проблема структуры общего интеллекта, теория которого развивается в интеллектуальном движении (пост)операизма. Общий интеллект анализируется в качестве свойства структуры социальных связей (соединений), названной здесь гетерархией. В качестве структуры связей гетерархия формирует различные виды сингулярностей: агрегаты (совокупности), производимые статистическими повторениями отношений, и индивидуальные эго, полагающие значения через постановку целей и другую интеллектуальную деятельность. Основным аргумент статьи заключается в том, что, хотя в некоторой степени общий интеллект может обозначать способность к самоорганизации общества, его трудно отождествить только с одной конкретной институциональной организацией или политическим режимом. Общий интеллект появляется в любом виде социального структурирования посредством процессов самоорганизации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: общий интеллект, гетерархия, сложность, сингулярность, агрегат, множество.

Введение

Проблема, которая обсуждается здесь, заключается в том, как множественность, будучи гетерогенной, тем не менее организует и воспроизводит себя в вариативном порядке. Исследование этой проблемы связано с гетеродоксальной интеллектуальной традицией Спинозы и Лейбница. Ее современная интерпретация представлена в работах Г. Тарда и Ж. Делёза, предложивших базовые понятия для исследования множественных отношений. Наследие Тарда представлено концепцией «социальной монадологии» и автоматической причинно-следственной связью событий. В работах Делёза широко используются понятия множественности, сингулярности, виртуальности и машинной организации.

В последние десятилетия центральным пунктом многих дискуссий стало сближение общественных отношений и их машинной организации. В частности, обсуждение данного вопроса представлено в (пост)операистском движении в рамках теории общего интеллекта (см. ниже). Понятие общего интеллекта было предложено К. Марксом во время его наблюдений за автоматизированной организацией труда: процесс труда на самом деле представляет собой своего рода социальную «машину». Вот как пишет об этом А. Негри: «Когда мы говорим “общий интеллект”, мы говорим о продуктивных условиях постмодернистской эпохи, в которой интеллектуальные и аффективные производительные силы стали господствующими и первичным звеном валоризации (повышения стоимости) мира. Общий интеллект — это машинная производительная сила, состоящая из множества телесных сингулярностей, формирующих топос общего события

общего интеллекта. С поколением общего интеллекта мы вступаем в эпоху «человека-машины» [17, 205–206].

Поскольку коммуникация имеет множественный характер, творческая продуктивность общего интеллекта должна преодолеть ограничения капитала и предоставить обществу политическую и экономическую свободу [1, 13]. Однако есть и другая точка зрения, которая предполагает, что общий интеллект как социально-коммуникативная способность, или своего рода «социальный мозг», при помощи IT-технологий присваивается новым «обществом контроля». Современное развитие медиа делает человеческие отношения более доступными для наблюдения и контроля, что повышает эффективность системы присвоения и эксплуатации этих отношений [19, 1–20; 24, 13–36]. Непрерывное сканирование человеческого общения позволяет капиталу опосредовать распространение информации и ее трансформацию в знание. Благодаря этому капитал приобретает возможность манипулировать «экономикой внимания» в целях «когнитивного капитализма» [20, 22; 22].

Важно уточнить, что общий интеллект — это не только способность общества анализировать, ставить цели и производить, но и виртуальное тело, или машина, топологически сложенная социальными связями, порожденными «множеством телесных сингулярностей». Это виртуальное тело — «социальный мозг» [23, 266–374], и здесь нас интересует не только его неявная творческая способность, но и особая форма структуры, посредством которой он организован. Для описания данной структуры теория общего интеллекта предлагает понятие множества, которое является комбинированной формой социальной организации, политического действия и когнитивных возможностей, возникающей в ходе сотрудничества [16, 17]. Речь идет о структуре связей как абстрактной форме для всех видов самоорганизационных отношений, составляющих общество. Это не социальный прототип или некая «концентрация» социального смысла в стиле Дюркгейма, но принцип объединения сингулярностей в сетях и иерархиях. Для того чтобы приобрести общий интеллект, множество должно иметь структуру связи, которая организует разнонаправленные намерения продуктивной деятельности человека вокруг определенных типов порядка. Без этого свободное становление интеллектуального труда на самом деле не нуждается в интеллекте, общем или особенном. И наоборот, само по себе подчинение и использование когнитивных способностей множества силами капитала не требует общего интеллекта. Вот почему, обладая представлением о структуре общего интеллекта и зная его возможности, мы можем понять, как он работает и какие его особенности могут быть использованы для целей освобождения или порабощения человека.

Исходная метафора общего интеллекта была основана на сравнении машинной организации труда со знанием человеческого разума, материально производимого мозгом. Мы можем расширить ее и использовать понятие «гетерархии». Последнее возникло в ранних теориях искусственных нейронных сетей для определения как структуры связи, так и принципа формирования значений. Автор первой теоретической модели искусственной нейронной сети У. Маккаллох связывал гетерархию значений с понятием целого, разные части которого связывают воедино каждое

единичное целое и способствуют его изменениям [14, 89–93]. Он связал гетерархию с топологией пересекающихся нейронных сетей: некоторые замкнутые цепи пересекаются с дополнительной цепью (называемой «диаллелью»), кроссовером, или связью, которая действует как сеть, случайно соединяющая замкнутые цепи (иерархии). Это делает логический закон транзитивности — перенос свойств одного объекта на другой без каких-либо изменений — более неприемлемым.

В нашем исследовании гетерархия — это множество иерархий, связанных сетями, образующих совокупности акторов и отношений. Эта структура неоднородна, что означает, что акторы и отношения экстерииорны друг к другу. Важно то, что граница между «внутренним» и «внешним» является конвенциональной. Отношение может оказаться внутренним или внешним для объекта в зависимости от аспекта исследования или типа взаимодействия. Для такого свойства гетерархических отношений я использую понятие «экстерииорности», применяемое М. Деланда к анализу множественности и социальной сложности [9, 8]. Экстерииорные отношения могут быть как «внутренними», так и «внешними», индивид может казаться как уникальной личностью со своим собственным путем существования, так и множественным объектом, статистически составленным из различных видов данных. По мнению Деланда (также и Б. Латура), экстерииорные отношения формируют объекты посредством сборки — децентрализованного процесса связывания отношений, а гетерархия — это форма структуры, которую принимают перекрестные связи.

Экстерииорные отношения не имеют постоянного значения, а акторы — это сингулярности, которые не могут быть реифицированы в отношении принадлежности к какой-либо стабильной социальной группе или классу, поскольку они одновременно принадлежат к различным видам групп. Гетерархия (следует помнить о том, что теория общего интеллекта многим обязана Спинозе) сочетает в себе свойства *cogito* и *conatus*'a («желание жить», или «упорство в бытии»). Это «упорство» — воспроизводство отношений с поощрением или подавлением их деятельности. Слияние *cogito* и *conatus* подразумевает не только социальную среду для интеллекта или мозга, но и то, что внутренняя организационная форма гетерархической структуры предполагает подвижность, изменчивость и инерцию процессов. Гетерархия снимает противоречия между *res cogitans* и *res extensa*. В результате на макроуровне организации гетерархия образует совокупности, производимые статистическими повторениями отношений, которые выступают условиями для микроуровня, где индивидуальные эго полагают ценности через постановку своих целей и прочую интеллектуальную деятельность. Аналогично взаимодействия на микроуровне автоматически формируют взаимодействия на макроуровне. Поэтому одни и те же объекты социальных отношений — сингулярности — представляют собой статистические совокупности на макроуровне и индивидуальные эго, преследующие цели, на микроуровне.

Мой аргумент заключается в том, что гетерархия является структурой общего интеллекта и как таковая может прояснить его состав, его общие свойства и его способность быть интеллектом. Без этого общий интеллект остается не более чем красивой метафорой. Кроме того, с помощью концепции гетерархии я покажу,

что, хотя общий интеллект может обозначить способность общества к самоорганизации в качестве совокупности, трудно идентифицировать его только с одной конкретной институциональной организацией или политическим режимом. Общий интеллект появляется в любом виде социального структурирования посредством процессов самоорганизации.

Гетерархия и множество: структура связей как процесс

Прежде всего необходимо проанализировать онтологию множества в виде ландшафта социального познания и организации и выяснить, как многообразные отношения могут онтологически формировать социальные порядки. Негри пишет: «Множество — это имя имманентности. Множество — это целое сингулярностей. Множество не может быть понято или объяснено в договорных понятиях... в самом общем смысле множество является рассеянным представлением, потому что это несоизмеримая множественность. Народ всегда представлен как единство, в то время как множество не представимо... в отличие от понятия народа, понятие множества — это сингулярное множество, конкретное универсальное. Народ составлял социальное тело; множество — нет, потому что множество — это плоть жизни... множество людей — это активный социальный агент, многообразие действий. В отличие от народа множество — это не единство, но в отличие от массы и плебса мы можем видеть его как что-то организованное. По сути, это активный агент самоорганизации» [16].

Итак, мы имеем здесь prospect онтологии социальной множественности, которая обладает способностью к самоорганизации. Не случайно Негри нападает на понятие народа, вместилище суверенитета, так как в последнем предугадывается господство (политического) целого, единства над множественностью. Негри предлагает суждение о множестве как множественном порядке и множественной структуре, где части и целое онтологически эквивалентны. Такого рода организация не имеет ни центра, ни точной границы (онтологического «апартеида» между более и менее реальными образованиями), ни цели. Негри предлагает делезианское понимание множественности. Онтологически, как отмечают Делёз и Гваттари, части и целое одинаковы, так как части могут образовывать много разных целых одних и тех же отношений [2, 42–50]. В данном случае они имеют в виду не вульгарную относительность повседневной жизни, но другую интерпретацию зависимости целого и частей. Целое не является прогрессией или суммой частей, оно существует совместно с частями и не может быть адекватно рассмотрено отдельно от них.

Что мы имеем здесь, так это динамическую структуру, которая всегда находится в процессе становления. Эта структура реляционна, так как множество сингулярно, находясь в связи между одним и многими. Тем не менее остается вопрос: как может возникнуть социальный порядок? Негри утверждает: «Постмодернистское множество — это ансамбль сингулярностей, живым инструментом которых является мозг, производительная сила которого состоит в сотрудничестве. Другими словами, если сингулярности, которые составляют множество, множественны, то способ, каким они вступают в отношения, является кооперативным. Как

множественность и сотрудничество сингулярностей могут выражать правление общего в той мере, в какой они формируют определяющую силу мира? Вместе с телеологией общего... онтологическая трансформация освобождает нас от суверенитета» [18, 225–226].

Динамическая социальная структура обусловлена «телеологией общего», где общее — это название сотрудничества. Именно здесь возникает первое противоречие. Негри пишет, что общее («живой труд») является сингулярным, по-разному затрагивающим каждого члена множества [Там же, 182]. Как ни странно, это означает, что общее, как и сотрудничество, не принадлежит множеству, поэтому общее просто является не общим, а экстериорным, то есть не только общим, но и разделенным. Общность общего является формальной и дает разным акторам разные плоды труда. Таким образом, общим трудно объединить множественность, навязав телеологию общего сотрудничества. Если мы хотим иметь динамичную, сингулярную структуру отношений, которая всегда находится в движении самоорганизации без командного центра, то нам нужно предположить, что порядок (как конституция целого) рекурсивен и исходит извне. Это буквально означает, что порядок исходит от других людей как отдельных индивидов и групп (сингулярностей), которые являются множественными и не могут быть полностью подчинены какой-либо цели, включая цель общего сотрудничества. Последнее — это множественный процесс, организованный с разных сторон, что делает телеологию невозможной.

Гетерархия представляет собой интерпретацию структуры как множественного порядка, созданного извне, без объединения «общим» в виде трансцендентного основания или трансцендентального условия структуры. Гетерархия содержит целое и части как имманентные множественные сущности, которые приобретают разные значения в зависимости от контекста и рекурсивно объединяют различные части и целое, которые сосуществуют вместе. Ни части не имеют исключительной предрасположенности к созданию целого, ни целое не является трансцендентным основанием, исключительной целью или смыслом для организованных частей, поскольку они появляются одновременно. Инаковость, или экстериорность, здесь чрезвычайно важна, поскольку недостаточно сказать, что гетерархия — это просто множественная структура. В таком случае это могла бы быть полиархия или сеть, и не было бы нужды изобретать новую концепцию. Гетерархия отражает тот факт, что отношения и их смыслы не только множественны, но и единичны, т. е. имеют бесконечный ряд воплощений. Это означает, что одно и то же отношение определенной группы или индивида может содержать много разных значений и таким образом связывать этих людей с другой группой, организуя процесс автоматической причинно-следственной связи. Статистическое множество возникает на относительной активности индивидов. И по мере того как оно возникает, процесс структуризации идет извне для любой части и целого отношений, которые образуют разнообразные смыслы и агентности, связанные без интенции «общего».

Запрет транзитивности, который был предложен Маккаллохом, — это условие, которое объясняет, как экстериорные целое и части могут избежать порочного круга телеологии общего сотрудничества. Это означает, что ни одно конкретное

отношение или значение не может считаться универсальным. Любая композиция отношений оказывается локальной, а множественность отношений — топологической. Другими словами, как указывает Деланда, микро-отношения всегда присутствуют на макро-уровнях, которые актуализируют их свойства, а макро-масштаб образуется из последовательностей и распределения микро-уровней [10, 19–21]. Для отношения эта среда является пространственно внешней и необратимой во времени, так что при любом логическом шаге вперед или назад от одного утверждения к другому их позиции или значения также меняются [11]. Поэтому последовательности отношений формируют социальное время, а их распределение между сингулярностями составляет социальное пространство. Гетерархия как виртуальная структура организует связи сингулярностей. Чем больше значимы отношения, чем чаще и плотнее налажены связи, тем быстрее социальное время, тем сложнее социальное пространство, и наоборот. Это неудивительно, если вспомнить, что нейронные связи в мозге структурируются таким же образом: чем больше активность повторяется (и соответствующие сигналы), тем более плотные нейронные связи формируются.

Негри напоминает нам, что «если мы хотим придать общему имени направление стрелы времени, сделав его необратимым, не теряя его сингулярности, то необходимо, чтобы общее имя было понято как акт или праксис темпоральности. Мы находимся здесь в согласии со Спинозой, где бытие представляет вещь и идею в виде формы (которые желание [conatus] производит совместно)» [18, 160].

Гетерархические отношения реализуются в реальном времени и подразумевают процесс как их определяющий аспект. Такое предположение приводит нас к парадоксу структуры, которая появляется как процесс. Хотя понятие структуры обычно связано со стабильностью и жесткостью порядка, здесь мы имеем порядок, возникающий через перекрывающиеся отношения, и различные последовательности отношений порождают различные порядки, структурированные по одному и тому же гетерархическому принципу. В свою очередь, если запрет транзитивности приводит к возникновению процессуальной структуры, то эта структура не что иное, как воплощенный опыт — история становления объекта и зависимость от пройденного им пути. Это утверждение можно даже усилить, сказав, что опыт необратимого времени является абсолютным требованием для структурирования отношений во множественной среде.

Как вообще возможно, чтобы части были одинаково значимы по сравнению с целым и порядок исходил бы из процесса, а не интенции или идеи? Ответ на этот вопрос дал Г. Тард, который описал модель множественных социальных отношений без первоначальной интенции, то есть без рациональной цели, которая может быть навязана отдельным лицам или группам. Тард называл этот процесс имитацией, порождающей субъективности через подобию и различия частичных и общих признаков: индивидуумы отражают особенности своих групп так же, как группы организуются из индивидуальных признаков, а не в виде субъектов, представляющих социальное целое [4, 37–43].

Рассуждая абстрактно, эти сингулярные объекты, организованные отношениями без интенции, можно назвать фракталами. Опустив математическое

определение фракталов, скажем, что социальная фрактальность является полным или частичным подобием отношений, и вряд ли кто-то стал бы отрицать наличие у социальности такого свойства. Фрактальность отражает вышеупомянутые свойства рекурсивности целого и частей, зависимость значения отношения от его взаимодействия и создание различных порядков или структур через процесс. Будучи фракталами, они создаются мимезисом целых и частей в ходе операции различия и повторения. Иными словами, источник социального разнообразия является одновременно и источником его порядка. Социальные отношения не только единичны, они также типичны и различаются паттернами организации, координируясь самим процессом отношений в виде ассоциаций в необратимом времени. Организация общества представляет собой воспроизводство и изменение собираемых локальностей, а виртуальная гетерархическая структура является порядком временной последовательности топологического распределения общественных отношений.

Будучи сингулярностями, акторы гетерархии существуют в непрерывном движении от актуальных микро-ситуаций к ситуациям, предоставляемым общими условиями макро-масштаба. Как указывалось выше, сингулярности не могут быть реифицированы с точки зрения принадлежности к какой-либо стабильной социальной группе или классу, но они также не могут быть реифицированы в качестве индивидов, вооруженных здравым смыслом, рациональным эгоизмом и т. д. Это форма сотрудничества и совместного производства «целого сингулярностей, сетей, которые составляют целое и целого, которое состоит из сетей и т. д.» [16]. Следуя Негри, а также Деланда, можно сказать, что сингулярность — это не только единичное тело, но и совокупность тел [10, 185–186]. Индивидуальные сингулярности, создавая сетевые отношения, сразу же образуют агрегаты (совокупности) — общие сингулярности, которые появляются в качестве целых и относительно индивидов обладают иерархическими свойствами. Агрегаты общих сингулярностей не равны отдельным или их сумме, но равнозначны им, собирая сети сингулярностей в конкретные иерархии для демонстрации определенных свойств и выполнения определенных функций. Опять же мы должны помнить, что все виды сингулярностей всегда находятся в движении между иерархией и сетью, общим и частным.

Поскольку индивиды и группы, как утверждает Негри, становятся сингулярностями, то есть реляционными объектами, они не могут быть исчерпывающе идентифицированы с конкретным атрибутом, рациональностью, профессией, этнической принадлежностью и т. д. Идентификация становится процессуальной, а воспроизводство новых атрибутов означает их рекурсивность в сетях сингулярностей. Перекрывание сетей отношений порождает рекурсивные иерархии, которые возникают из множественных ассоциаций сингулярностей. Множественность, следовательно, является источником иерархии, но также и сети. Множественные сети сопровождают иерархии, а рекурсивные иерархии — сети. Агрегаты сингулярностей воспроизводят их фрактальной симуляцией единства в виде подобия различий. Такое качество, свойственное сингулярностям, обычно может наблюдаться в небольших группах, где группа подчиняет своих членов. Как показывает Деланда в своей теории социальной сложности, в макро-масштабе мы

можем видеть свойства уникальных индивидов, взятых в виде статистических совокупностей и распределенных во времени и пространстве, которые оказываются коллективами, направленными на цели, о которых индивиды и не подозревают. Но, будучи статистическими сборками, общие сингулярности остаются индивидуальными с их собственным путем во времени и месте в пространстве отношений [9, 16–18]. Любой коллектив, будь то группа, сообщество, нация, которые обнаруживают свои идентификации *post factum*, являются примерами этого процесса. Поэтому можно сказать, что создание какой-либо сингулярной сети предопределяется иерархией агрегата в качестве целого и, наоборот, иерархия предопределяется сетью. Благодаря сетям связи остаются множественными, но локализованными благодаря наложению иерархий.

Тем не менее социальная практика производства субъективностей и отношений состоит в том, что бытие производится каждым, то есть каждой сингулярностью, а не только специальными иерархиями [16]. Сети сингулярностей, а не иерархии тождеств оказываются инструментом развития упорядоченных систем. В силу сингулярной природы социальности деятельность распространяется по мобильным сетям, что делает невозможным подчинение гетерархии (как структуры социальных связей) конкретному институциональному порядку. В связи с этим социальные отношения представляют собой сетевые иерархии, гетерархическая организация которых автоматически возникает из деятельности сингулярностей. Ее реляционная сборка метастабильна, поэтому позиции сингулярностей в структуре связей, формы их субъективности и формы их деятельности взаимозависимы. Их связи выстраиваются через топологическое распределение и временную необратимость связей.

Трансформация множества и общего интеллекта

Форма структуры связей, которую мы предложили выше, должна помочь нам выяснить, может ли метафизика «общего» сотрудничества, описанная в (пост)оперативизме, сформировать общий интеллект множества, который послужит средством освобождения от оков капитализма. Для этого мы должны проанализировать, как организация множества и общего интеллекта может определять социальные порядки, учитывая описанные выше свойства гетерархии. Множество — главный концепт теории общего интеллекта, поскольку является единственной видимой, материальной частью познавательных способностей общества. Оно означает децентрализованную организацию отношений, представляющую собой процесс объединения, который формирует социальные группы из набора индивидов. Члены множества становятся сингулярностями, структурно расположенными между частными лицами и общей коллективностью общества. Хотя в позднелатинском языке *multitudo* обозначало массу или толпу, Спиноза (в прочтении А. Матерона и Э. Балибара) в своем незавершенном «Политическом трактате» приписывает *multitudo* значение общества как такового, в качестве социального объединения до установления определенного политического порядка. Таким образом, первоначальное состояние общества как множества, как утверждают Матерон и Балибар,

является (прямой) демократией. Рой политически действующих и вступающих в переговоры людей обладает *conatus*, что отражается в их стремлении к установлению политического порядка, который создается автоматически по инерции согласия. В отличие от теории общественного договора здесь организация множества происходит путем принятия решений отдельными акторами в микромасштабе, что автоматически устанавливает политический порядок в виде агрегата (совкупности). Договорные отношения на макро-уровне появляются после этого, а не раньше [6, 69–71; 13, 207–219].

С тех пор как понятие «множество» стало пропагандироваться Негри, оно столкнулось с различными критическими замечаниями. П. Машерей и Э. Лакло обнаружили, что гетерогенная природа множества должна быть главным препятствием его политического использования. Для них трактовка множества как политического тела подразумевает наличие субъективности в виде общей воли к определенной цели, которая превращает общество в единое целое. Для того чтобы действовать в качестве политического тела и принимать решения, требуются единство и ведущая гегемонистская сила, которая должна образоваться на исходном социальном многообразии. Это означает чудесную трансформацию сингулярностей в тот момент, когда принимается политическое решение, в политических активистов, объединенных по крайней мере общими ценностями революции или чем-то еще [17, 166; 12, 153]. Будучи единым, как добавляют П. Вирно и Э. Балибар, множество становится двойственным, так как молчаливое согласие приходит по крайней мере не реже, чем спонтанное восстание. Поскольку у множества людей отсутствуют «внутренние политические критерии», они могут направлять социальную солидарность в равной степени как на мирные, так и на агрессивные действия [7, 3–38]. С. Жижек, А. Бадью без околичностей выносят вердикт, что множество является политической силой господства, отражающее децентрализованную организацию капитала [5, 125; 3, 261–267]. Другими словами, множество легко становится источником деспотизма капитала, так же как демократия может стать источником охлократии. Подобное превращение онтологического присутствия в политическое действие ошеломляет, так как именно это подавляющее единство и было призвано преодолеть понятие множества. Таким образом, данный способ интерпретации множества как (демократического основания) общества заключается в его реификации, или подмене гетерогенной множественности конкретным институциональным порядком (анархизм или тоталитаризм).

Негри, отвечая на эту критику, следует другому способу интерпретации множества, настаивая, что оно является сетью любых акторов, связей, ценностей и т. д. В этом случае множество становится своего рода ризомой [16]. Интерпретация общества как множества означает, что существует много различных основ и форм социальности, объединенных только фактом их отношения к какому-либо объекту. Смыслы этих отношений могут быть разными для их участников, и этого достаточно, чтобы рассматривать их как часть социального целого. Любой человек считается частью множества и вносит свой вклад в «первичное звено валоризации (повышения стоимости) мира» благодаря интеллектуальной деятельности.

Сингулярное множество постоянно реорганизуется между индивидуальными и общими сингулярностями, известными в качестве социальных групп и обществ (состоящими из людей и организаций). Поток становления сингулярностей делает множество необратимым континуумом отношений. Необратимость множественных отношений преодолевает любые институциональные ограничения. Она в равной степени устанавливает и разрушает связи индивидуальных и общих сингулярностей. Для Негри это надежда на эмансипацию, но опять же онтологическое присутствие не может в равной мере превратиться в политический порядок. Другими словами, необратимость множества не нацелена на конкретную сингулярность, капиталистическую или коммунистическую.

Если множество — это множество, то оно должно устанавливать всевозможные отношения и типы акторов, которые одновременно конкурируют и сотрудничают друг с другом [21]. Множество не служит никому, будучи источником любого рода порядка. Освобождение от одного порядка означает подчинение другому: это онтологическая множественность общества. Поэтому, как отмечает Ю. Такер, множество в виде сети предполагает разнообразные топологии связей, которые не могут быть сгруппированы в иерархическую структуру, но имплицитно должны быть разными. Однако, продолжает Такер, онтология сети не в состоянии решить проблему объединения различных социальных порядков, потому что сеть (как способ организации) не формализует свойства различных топологий, которые она содержит. Следовательно, сеть пренебрегает временным аспектом проблемы и не показывает порядок последовательности или распределения отношений. Это затрудняет определение объектов и отношений применительно к конкретным ситуациям. Напротив, она определяет себя в зависимости от топологий (видов отношений, порядков, типов акторов и т. д.), к которым она относится.

То, что объединяет множество людей без унификации, — это общий интеллект, социальное общение, которое порождает субъективности и знания. Создание знания требует другого способа организации и другого типа актора, нежели сингулярности и агрегаты. Другой тип актора — это эго, которое ставит цели и производит знания, а другой способ организации — иерархия. Как указывалось ранее, иерархия возникает через рекурсивность отношений в перекрывающихся сетях сингулярностей. Каждое из социальных условий перекрывается с другими, превращая множество отдельных качеств и свойств в сообщество сингулярностей. Кроме того, иерархия является не только средством внешней организации, но и способом внутреннего воспроизводства сингулярностей. Рекурсия отношений делает возможным их временное и конечное манипулирование с точки зрения общей цели. Иерархия сводит множественность к симулированию единства через совпадение причин и целей отношений, а точкой совпадения является сама иерархия. Поэтому через задержку и управление временем она интериоризирует отношения и свойства сингулярностей, а сингулярности с помощью иерархии опосредуют процессы, собирают связи и синтезируют значения (смыслы), т. е. становятся эго, преследующими цели, и тем самым отличаются от агрегатов.

Как уже было сказано выше, хотя индивидуальные сингулярности автоматически образуют множество в виде агрегата (общей сингулярности) со свойствами

целого, довольно трудно вменить ему общие значения или волю или любые другие характеристики эго. Агрегация присуща всем сингулярностям, и само эго является лишь одним из видов сингулярностей, в то время как действия других (через детерминизм или аутопоэзис) должны быть приняты как данность. Если агрегация относится к *conatus* — стремлению к ассоциации, то эго относится к *cogito* — рациональной цели и конечной композиции идентификаций. Таким образом, экстериорно иерархизированный агрегат основан на статистическом повторении и автоматическом действии, а интериорно иерархизированное эго — на знаниях и смыслах (значениях, идентификациях). Различные виды индивидуальных сингулярностей демонстрируют различные уровни эго. Люди являются основными носителями и конечными «телесными» агрегатами, которые проявляются в виде эго. Следующий тип — организации, состоящие из скоплений лиц, объединенных иерархией воспроизводимых отношений (институтов). Множество (сообщество) является наиболее общим агрегатом, который приобретает свойства эго случайным образом, так как его границы расплывчаты, а иерархия отношений экстериорна.

Мы можем видеть, что агрегат и эго дополняют друг друга, а последнее представляет собой развитие первого, хотя и остается внешним ему. Власть эго более успешна, когда поддерживается флуктуациями агрегатов. Эго и любые иерархические институты ограничены своими конечными целями и способностью к волеизъявлению, которые на макроуровне (в виде статистических объединений) делают их похожими на агрегаты, приводимые в действие повторением отношений. Именно поэтому необратимое движение агрегатов способно преодолеть силу эго. Процесс, в котором эго и агрегат соответствуют друг другу, является «живым трудом», общением, то есть множественным и сингулярным и поэтому в любом конкретном случае способным преодолеть эксплуатацию конкретным способом отношений [18, 225–235].

Как социальная когнитивная способность, общий интеллект исходит от живого труда, или общего, производимого множеством в виде информации и знаний. Здесь мы видим, что анализ общественных отношений оставляет позади жесткие институциональные структуры, определенные способы производства и средства их оценки. «Живой» означает изменчивость труда, отсутствие строгих средств оценки, то есть таких, которые могут быть реифицированы в модели дискретных материальных объектов или институтов. Если информация и знания не могут быть полностью ограничены, значит, они не поддаются полному манипулированию посредством присвоения им определенных качеств. Они перемещаются, оставаясь в одном месте; и тот, кто делится ими, их не теряет. Эти свойства информации и знаний давно известны, но наша задача — понять отношения, которые создают и упорядочивают информацию и знания, в качестве общих, в целостный общий интеллект.

Хотя общее не может быть реифицировано, тем не менее оно каким-то образом структурировано. Информация и знания различаются тем, что они образуют различные объекты. Информация в виде набора данных представляет собой агрегацию, или агрегатное состояние, знаний. Таким образом, информация не имеет качественных свойств, только количественные. Информация становится

знанием, когда она становится частью эго, то есть актора с определенными целями и действиями. Поэтому все зависит от актора, будут ли данные распознаны в качестве знаний. Не будет преувеличением сказать, что знание определяет способность актора обладать спектром целей и последовательностью действий и, следовательно, субъективирует актора. Таким образом актер, будучи агрегатом свойств и качеств, превращается в эго, обладающее своей целью. Конечно, мы можем продолжить эту мысль, сказав, что каждое эго является частью более общих агрегатов, и некоторые из них (такие как группы и организации) также обладают некоторыми свойствами эго.

В зависимости от окружения и конфигурации связей индивидуальная сингулярность по-разному преобразует информацию в знание, а также по-разному может использовать ее. Информация естественным образом циркулирует внутри сообществ. Благодаря организационной иерархии сообщество приобретает лучшие когнитивные способности, реализованные в деятельности по постановке целей. Это способствует сокрытию информации и росту знаний. Институционально воспроизводящееся сообщество, действующее как своего рода эго, может в качестве посредника использовать «структурные дыры» в социальном целом, чтобы извлечь выгоду и власть [8, 30–37]. В свою очередь, власть, особенно власть капитала, умножается посредством управления агрегатами социальных связей. В этом отношении интерес представляют два аспекта работы агрегатов. С одной стороны, возможность их использования силами эго означает, что тотальное преодоление неравенства никогда не наступит. С другой стороны, отсутствие тотального контроля эго над агрегатами означает неизбежное преодоление любого тоталитаризма, который всегда остается временным и частичным. Это означает, что «создание множества», а также его эксплуатация — бесконечный процесс, который никогда не заканчивается. Общий интеллект предоставляет возможности всем участникам социальных отношений и может быть использован в равной степени как для освобождения, так и для гегемонии.

Проблема существования общего интеллекта, о чем было сказано выше, содержит вопрос о возможности его использования для эксплуатации и поддержания контроля над обществом. Как уже отмечали Версцеллоне и Паскинетти, развитие ИТ влечет за собой рост контроля в интересах власти и капитала [19, 1–20; 23, 13–36]. Любое техническое новшество, облегчающее агрегирование отношений в виде данных, рано или поздно увеличивает контроль над множеством. Это происходит, даже если первоначальная идея инноваций была совершенно обратной. Сам Интернет является одним из лучших примеров такой ситуации. Появившись в качестве либертарианского сообщества, теперь он предоставляет множество возможностей для слежки. Возможно, лучшим примером является технология блокчейн, которая отслеживает все движения транзакций в Интернете. Используя это нововведение, люди могут контролировать свои деньги и имущество и доверять друг другу, что означает, что финансовые посредники становятся не нужны. Означает ли это, что банки скоро исчезнут и появится либертарианский коммунизм? Технология предоставляет возможности для всех акторов процесса. Ее будут использовать не только частные лица и малые предприятия,

но и крупные корпорации с помощью блокчейна будут пытаться контролировать все транзакции, совмещая свою техническую и финансовую мощь. Ограниченное число суперкомпаний, выступающих в виде нескольких эго, будут конкурировать со множеством других сингулярностей, и результат для обеих сторон непредсказуем. Поскольку власть и капитал являются экстериторно организованными иерархиями сетей, агрегирование этих сетей сингулярностей работает не только на их преодоление, но и на их воспроизведение.

Тем не менее последний тезис об экстерриториальности власти и капитала может прояснить пределы, которых может достигнуть эксплуатация общего интеллекта. Экстериторность власти означает, что она исходит не только из харизмы или особых интенций, но и из согласия послушных тел. Конечно, наблюдение и слежка дают много возможностей для контроля и манипулирования жизнью, знаниями и человеческим общением, но это не означает, что у сил эксплуатации есть программа для нашей жизни и общения. Такие тоталитарные проекты уже были испытаны в новейшей истории и оказались утопическими. Капитализм живуч именно вследствие отсутствия специальной идеологии, за исключением простой идеи «купить подешевле, продать подороже». Он обслуживает любую социальную организацию, которая принимает хоть какую-то частную жизнь и одновременно использует ее. Если сама жизнь и человеческая коммуникация стали источниками накопления капитала и формой институционализированной власти, то множественность и экстерриториальность их организации ограничивают авторитаризм власти и эгоизм капитала. Тотальное подчинение гетерархической структуры социальных связей невозможно, что делает невозможным тотальное подчинение общего интеллекта, который меняется в процессе отношений сингулярностей. Как и гетерархия, общий интеллект виртуален, а может ли виртуальная сущность быть эксплуатируемой как силами господства, так и силами освобождения? Как и гетерархия, общий интеллект преодолевает любой иерархический порядок с навязанными целями, будь то освобождение или эксплуатация.

В качестве структуры связей гетерархия раскрывает свойства, которые делают возможности эксплуатации общего интеллекта, а также его использование для преодоления капитализма (или любого другого социального порядка) очень ограниченными. Общий интеллект появляется в виде эмерджентных отношений, создаваемых связями сингулярностей, и поэтому сочетает в себе атрибуты *cogito* и *conatus*. Полное подчинение общего интеллекта отдельным эгоистичным целям невозможно, поскольку он является агрегатом социального целого, ретроактивно влияя на все сингулярности множества. Из-за необратимости времени и топологической конфигурации связей любая конкретная сингулярность, агрегат или эго с его политическими или экономическими целями, всегда будет зависеть от ее расположения в структуре связей. Гетерархия и общий интеллект способствуют возникновению агрегатов и формированию эго, но не более того. Они не служат конкретному социальному порядку, поскольку производят все порядки одновременно.

Как мозг не подозревает об эго, общий интеллект, созданный социальной гетерархией, не знает когнитивного или какого-либо капитализма. Из-за различий

агрегатов и эго общий интеллект не эгоцентричен, поэтому его нельзя подчинить, хотя можно частично управлять его самоорганизацией. Даже если общий интеллект будет превращен в сборку информационных машин, как это описывал Паскинетли [20], такой экзегезы будет недостаточно. Информационные машины организованы вокруг определенных функций и не имеют эго, то есть не являются видом, который самостоятельно принимает решение (преобразует информацию в знание) в процессе необратимого времени. Если нет общего эго — нет общего интеллекта, преследующего конкретные цели, только общий интеллект в виде самоорганизации агрегатов сингулярностей.

Модель гетерархии предлагает разнообразные возможности и накладывает ограничения на трактовку социальных отношений и, следовательно, проливает свет на то, в какой степени феномен общего интеллекта может быть воплощен в виртуальной структуре социальных связей и в конкретной институциональной организации. В данном случае важно помнить, что введение У. Маккаллохом понятия гетерархии было напрямую связано с его теоретической моделью искусственной нейронной сети, в которой запрещен закон транзитивности. Данное ограничение здесь оказывается полезным, поскольку оно запрещает масштабирование какого-либо свойства без изменения объектов или отношений. Поэтому гетерархическая структура неизбежно подразумевает множественность и сложность, нарастающую в необратимом времени, с чем постоянно сталкиваются как человеческий разум, так и программный код. Если общий интеллект — нечто большее, чем метафора, то ограничение транзитивности и неконтролируемая сложность должны стать его неотъемлемыми свойствами.

Общество с гетерархической структурой всегда является общим интеллектом, поскольку самоорганизуется в необратимом времени через объединение гетерогенных отношений. Машины и средства массовой информации ускоряют коммуникацию, делая ее более видимой и частично вычислимой, но они не заменяют и не воспроизводят ее самостоятельно, поскольку для них, в отличие от людей, она не имеет смысла. Конечно, действия людей и организаций ограничены их целями и функциями, но в отличие от машин они сами принимают решения.

Множественная структура гетерархии обладает способностью приобретать опыт и совершать автоматические действия, но не может быть использована в качестве модели институциональной организации. Контроль и вариации имеют один и тот же источник: иерархии отношений распространяются в гетерархии, в то время как сети являются инструментом распространения. Наряду с методами контроля общий интеллект производит методы освобождения, которые приходят с новыми ограничениями. Разрушая промышленные институты, сетевая организация принесла новые иерархии контроля в цифровой среде. Этот процесс необратим и лишь частично управляем: процессы и композиция топологического распределения сингулярностей изменчивы, а самоорганизация множества всегда будет оставаться экстериторной по отношению к любому социальному порядку.

1. *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М., 2013.
2. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.
3. *Жижек С.* Устройство разрыва. Параллаксное видение. М., 2008.
4. *Тард Г.* Законы подражания. М., 2011.
5. *Badiou A.* Beyond Formalization: An Interview / trans. by Bruno Bosteels and Alberto Toscano // *Angelaki* 8. 2003. № 2, Aug.
6. *Balibar E.* Spinoza and Politics. L. ; N. Y., 2008.
7. *Balibar E.* Spinoza, the Anti-Orwell: the Fear of the Masses. N. Y., 1993.
8. *Burt R.* Structural Holes. Cambridge, 1992.
9. *Delanda M.* A New Philosophy of Society. Assemblage Theory and Social Complexity. L., 2006.
10. *Delanda M.* Philosophy & Simulation: The Emergence of Synthetic Reason. Bloomsbury Academic, 2011.
11. *Goldammer E.* Von et al., Heterarchy — Hierarchy, in Vordenker. Webforum for Innovative Approaches // Sciences, Economy and Culture. 2003 [Electronic resource]. URL: http://www.vordenker.de/heterarchy/a_heterarchy-e.pdf (accessed: 20.03.2018).
12. *Lazzarato M., Negri A.* Travail immateriel and subjectivite // *Futur Antérieur*. 1991. № 6.
13. *Matheron A.* The Theoretical Function of Democracy in Spinoza and Hobbes, in *The New Spinoza*, edited by Warren Montag, Ted Stolze. Minneapolis, 1997.
14. *McCulloch W. S.* A Heterarchy of Values Determined by the Topology of Nervous Sets // *Bulletin of Mathematical Biophysics*. 1945. № 7.
15. *Negri A.* Approximations towards an ontological definition of the multitude, 2002 [Electronic resource]. URL: <http://www.generation-online.org/t/approximations.htm> (accessed: 20.03.2018).
16. *Negri A., Hardt M.* Commonwealth. Cambridge, 2009.
17. *Negri A.* Time for Revolution. N. Y., 2003.
18. *Laclau E.* On Populist Reason. L., 2005.
19. *Pasquinelli M.* Italian Operaismo and the Information Machine // *Theory, Culture & Society*. 2015. Vol. 32(3). P. 49–68.
20. *Pasquinelli M.* Google's PageRank Algorithm: A Diagram of the Cognitive Capitalism and the Rentier of the Common Intellect, in *Deep Search: The Politics of Search Beyond Google*, ed. by Konrad Becker and Felix Stalder. L., 2009.
21. *Thacker E.* Networks, Swarms, Multitudes // *Communication Theory*. 5/18/2004 [Electronic resource]. URL: <http://www.cttheory.net/articles.aspx?id=422>, <http://www.cttheory.net/articles.aspx?id=423> (accessed: 20.03.2018).
22. *Terranova T.* Attention, Economy and the Brain // *Culture Machine*. 2012. № 13.
23. *Wolfe C.* The Social Brain: a Spinozist Reconstruction, in *Proceedings of ASCS* / ed. by Christensen W., Schier E., Sutton J., 2010.
24. *Verscellone C.* From Formal Subsumption to General Intellect: Elements for a Marxist Reading of the Thesis of Cognitive Capitalism, Historical Materialism // Brill Academic Publishers. 2007. № 15(1).

Рукопись поступила в редакцию 23 марта 2018 г.

ГУМАНИТАРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ЛИЧНОСТЬ, СОЦИУМ И МИР

20–21 апреля этого года в Уральском гуманитарном институте УрФУ при поддержке РФФИ прошла молодежная научная конференция «Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир», в которой приняли участие молодые исследователи из университетов и научно-исследовательских центров Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Ставрополя, Челябинска, а также Германии, Вьетнама, Азербайджана и Сирии. Свое внимание выступавшие сосредоточили на проблемах «мягкой силы» и ее основных компонентов — гуманитарной дипломатии и культурной политики современных государств. Представленные ниже статьи написаны авторами на основе их докладов на конференции.

УДК 316.647 + 316.75 + 329.12

Е. А. Вахрушева

ИДЕЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ И КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: К ДЕКОНСТРУКЦИИ КОНЦЕПТА

В статье рассматриваются стратегии деконструкции концепта толерантности, применяемые в рамках современной критической теории. Особое внимание уделено дискурсивному подходу, опираясь на который критики этого концепта демонстрируют, как в современных условиях толерантность превращается в важнейшую идеологическую категорию глобального нелиберального дискурса. Автор статьи показывает, что в своей критике идеи толерантности рассматриваемые представители критической теории исходят из идеи о «культурализации политики», являющейся одной из характерных тенденций исторической ситуации постмодерна и диалектически обуславливающей политизацию идеи толерантности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: толерантность, критическая теория, дискурсивный подход, идеология, нелиберализм.

Идея толерантности очень прочно обосновалась в корпусе современных политических ценностей, стала важной частью глобальной политической культуры,

универсальным требованием этики межличностного, межкультурного и международного взаимодействия. Тем не менее активное внедрение этого понятия в глобальный общественный и политический дискурс началось сравнительно недавно и может быть условно зафиксировано актом принятия Декларации о принципах толерантности на Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года. «Толерантность, — говорится в этой декларации, — это уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности» [13]. Вместе с тем о толерантности говорили и ранее. Сам концепт толерантности имеет довольно долгую и богатую историю, беря свое начало еще в Античности — в работах Цицерона, Тертуллиана, Киприана — и получив уже фундаментальное обоснование в парадигмальных для этого концепта трудах Бенедикта Спинозы, Пьера Бейля, Джона Локка, Джона Стюарта Милля и уже в более поздних, современных нам исследованиях Джона Ролза, Рональда Дворкина, Чандрана Кукатаса и др. История концепта толерантности будет частично затронута позже. На данном же этапе важно другое — зафиксировать тот момент, когда толерантность становится глобальным политическим императивом.

Почему же феномен превращения толерантности в безусловное правило политического общения наблюдается именно сейчас, на стыке XX и XXI вв.? Очевидно, что распространение этой идеи в глобальном дискурсе имело определенные социальные и политические предпосылки и что истоки популяризации толерантности как политического концепта в глобальном масштабе необходимо соотносить со спецификой исторических условий конца XX в. Важнейшим событием, определяющим для этого периода и в целом для всей последующей истории, стал распад биполярной системы международных отношений и победа глобального капиталистического проекта над проектом социалистическим. Эта победа носила в том числе идеологический характер. Она спровоцировала тотальную ревизию всего политического дискурса. Важнейшей тенденцией в этом процессе стала маргинализация того языка, на котором говорил социалистический мир, сопровождавшаяся при этом маргинализацией и самих ценностей социалистического мира. Так, в публичном дискурсе ушли на задний план такие понятия со знаком «минус», как «классовая борьба», «эксплуатация», «империализм», а равно и понятия со знаком «плюс», такие как «братство», «равенство», «дружба народов». Они были замещены другими понятиями, одним из которых и стало понятие толерантности [3, 43–59].

Описанные выше изменения в идеологическом и дискурсивном поле были подвергнуты жесткой критике со стороны исследователей, которые работали в русле критической теории. Кто же они такие, эти критические теоретики, и в чем состоит особенность критической теории? Ключевую миссию критической теории сформулировал один из основоположников этого направления в социальных исследованиях Макс Хоркхаймер, чье имя неразрывно связано с Франкфуртской школой. В своей программной работе о критической теории он указал, что она преследует цель освободить человека от рабства и создать мир, соответствующий его потребностям и способностям [18]. Обобщающую характеристику

критической теории дал Стивен Эрик Броннер. Исследователь подчеркивает, что «критическая теория выступает против отождествления свободы с любыми формами институционального порядка или устоявшимися системами взглядов. Она [критическая теория] исследует скрытые предпосылки и цели противоборствующих теорий и наличных форм практик... Критическая теория настаивает на том, что [общественная] мысль должна предлагать решения для новых проблем... которые возникают в меняющихся исторических условиях. Будучи по своей сути междисциплинарной и принципиально экспериментальной, глубоко скептической по отношению к традиции и любым категорическим утверждениям, критическая теория всегда была нацелена на исследование не только сущего, но также возможного и должного» [9, 1–2].

Иными словами, критическая теория стремится выявить и показать недоступные для классических методов исследования, скрытые формы доминирования, подавления, манипулирования в общественной жизни, политике, культуре, языке. И, что не менее важно, возникновение этих форм представители критической теории связывают со спецификой развития капитализма. Они «взламывают» привычные для нас явления и понятия, показывая их «двойное дно», заставляя усомниться в подлинности нашей картины мира. Ярчайшим примером такого действия критической теории являются исследования основателей и вдохновителей этого направления М. Хоркхаймера и Теодора Адорно, которые обосновали идеологическое родство между фашизмом и либерализмом и показали изнанку идеологии Просвещения [8].

Еще один показательный пример критического анализа — исследования другого представителя Франкфуртской школы, Эриха Фромма, продемонстрировавшего, как культура индивидуализма, выпестованная капитализмом и либерализмом, парадоксальным образом способствовала становлению тоталитарных режимов в Европе в первой половине XX в. [5]. В настоящее время критическая теория представляет собой обширную констелляцию различных методологических и дисциплинарных направлений — от литературоведения и эстетики до политики и международных отношений. Всех их объединяет общая цель — показать «двойное дно» исследуемых ими явлений, обнажить скрытые в них формы доминирования.

В этой связи совершенно неудивительно, что представители критической теории обратили свое внимание и на идею толерантности. Они показывают, что в современных условиях — условиях глобального господства капитализма и неолиберализма — толерантность превращается из моральной ценности в политическую категорию, становится важной частью глобальной идеологии неолиберализма.

Как и почему это происходит и какие последствия эта тенденция несет для всей сферы политического — в том числе для глобальной политики?

Представители критической теории, такие как Славой Жижек, Венди Браун, Стенли Фиш, исследуют проблематику толерантности в дискурсивном ключе, предпринимая попытки деконструировать доминирующие дискурсы толерантности. Иными словами, эта группа теоретиков трактует толерантность не как некую нормативную идею, а как дискурсивный конструкт, представленный в виде

множества сборок, варьирующихся от эпохи к эпохе, от культуры к культуре и наполненных разными смыслами. Поэтому для указанных представителей критической теории, продолжающих традиции критики идеологии и одновременно опирающихся на дискурсивный подход и методы дискурс-анализа в исследовании идеологических конструктов, толерантности как таковой не существует, как не существует «универсальной ценности толерантности, абсолютного принципа толерантности, единой грамматики толерантности» [11, 3]. Более того, по утверждению В. Браун, толерантность не имеет и истории, удел толерантности — лишь генеалогии, поскольку она всегда являлась и является частью некоего политического порядка власти и знания и неизменно связана с определенным политическим контекстом [Там же]. Очевидно, что в данном случае американская исследовательница рассматривает толерантность сквозь призму генеалогического метода, разработанного Мишелем Фуко, где генеалогия, в отличие от истории, трактуется не как преемственность и последовательный переход явления от одного состояния к другому, а как отношения тождества явления самому себе [6]. Представляется, что именно на этом основании В. Браун утверждает, что толерантность не имеет истории. «Между тем, — отмечает она, — каждая материализация и тактикализация толерантности и каждый доминантный дискурс толерантности черпают и усиливают свою власть с помощью явных или скрытых отсылок к воображаемой вечной ценности и воображаемой истории толерантности...» [11, 3].

Следуя этой логике, указанные представители критической теории обнаруживают истоки политизации толерантности в более общей тенденции развития современной политики, а именно в происходящем устойчивом и последовательном замещении политики культурой, то, что по-английски они называют «culturalization of politics» [10, 14, 22]. Проявляется это прежде всего в том, что все чаще проблемы, которые традиционно описывались в политических терминах, теперь все чаще описываются в терминах культуры и таким образом переводятся из плоскости политики в плоскость культуры. Необходимо пояснить, что речь здесь идет о диалектическом единстве двух дискурсивных процессов — культурализации политических дискурсов и политизации дискурсов культурных, являющихся лишь отражением специфической исторической ситуации Постмодерна, в которой, как отмечает Ф. Джеймисон, все становится культурным [19, 19], в том числе экономика и политика. Вместе с тем культура, проникая в экономику и политику, также перенимает их родовые черты [1].

Ярким примером такого замещения является концепция столкновения цивилизаций Самюэля Хантингтона, впервые представленная им в одноименной статье, вышедшей в 1993 г. В этой концепции Хантингтон излагает свой взгляд на будущее мировой политики после холодной войны. Он утверждает, что в основе глобальных конфликтов будущего будут лежать не политические или экономические предпосылки, а культурные или, в его терминологии, цивилизационные противоречия [7]. Выражаясь метафорично, Хантингтон говорит о том, что после холодной войны на смену «железному занавесу идеологии» приходит «бархатный занавес культуры» [22]. Это очень красивая и на первый взгляд весьма неплохо работающая объяснительная матрица. В нее, к примеру, очень хорошо вписывается

борьба цивилизованного мира с варварскими проявлениями исламского экстремизма. Однако так ли уж она безобидна?

В. Браун и С. Жижек показывают, что концепция Хантингтона, равно как и другие концепции, предлагающие интерпретировать политические события и процессы с точки зрения цивилизационного подхода и культурных различий, таит в себе опасность. Ведь одно дело, если мы воспринимаем то или иное общество как политическое сообщество. Тогда мы понимаем, что оно является гибким, поскольку зиждется на некоем социальном договоре и общности интересов и, будучи социально обусловленным, может измениться в ходе исторического развития. В этом случае мы предполагаем, что с этим обществом можно торговаться, договариваться и вести диалог. И совсем другое дело, если мы воспринимаем это общество как часть некой цивилизации, которой присущ определенный набор неизменных родовых черт, некая естественная природа. В этом случае у нас есть только два варианта выбора (если мы, конечно, не считаем его частью своей цивилизации): мы либо будем терпеть это общество, либо бороться с ним, если его ценности кажутся нам неприемлемыми. Как отмечает В. С. Мартьянов, такая примордиалистская логика опасна, поскольку «вытесняет рационализирующие политику модернистские идеологии» [4].

Вот именно в такой ситуации, когда политика замещается культурой, идея толерантности становится коварным идеологическим оружием.

Дело в том, что страны, в которых идея толерантности исторически закрепились в общественных практиках и воспринимается как абсолютная ценность — и здесь речь идет прежде всего о странах Запада, — как бы приватизируют идею толерантности. Так исторически сложилось, что идея толерантности стала важной частью их идентичности. И именно по линии толерантности они проводят границу между «своими» и «чужими». И если то или иное общество, по их мнению, не разделяет их представлений о толерантности, а именно об уважении к свободе индивида, его праве на свободу слова и самовыражения во всех формах, то такое общество признается ими нетолерантным, а значит, чужим и варварским.

За этим следует важный логический поворот: цивилизованные общества, которые считают себя носителями и защитниками идеи толерантности, признают за собой моральное право быть нетолерантными по отношению к нетолерантным обществам, государствам, режимам. И это не просто некая идеологическая уловка политических элит современных стран Запада. Эта идея находит свое отражение в большинстве классических текстов о терпимости, в которых провозглашается невозможность терпимости в отношении тех, кто сам нетерпим [20]. По многим конфликтам двух предшествующих десятилетий можно увидеть, что идея толерантности работает именно в таком ключе и используется как важное обоснование агрессивных действий стран Запада в отношении других государств. К примеру, как отмечает В. Браун, «за десятилетие Соединенные Штаты развязали войны в Ираке и Афганистане, которые были начаты ими в том числе во имя толерантности» [11, 4]. В этом смысле в современных условиях эта идея используется в качестве средства легитимации новой формы империалистической политики, основанной на противопоставлении космополитического Запада и его

ограниченного, фундаменталистского Другого [11, 6]. Обращаясь же к западным дискурсам власти последних двух столетий, можно увидеть, что идея толерантности лишь встала на место первого элемента в бинарной оппозиции, на которой эти дискурсы традиционно строятся и в которой это место во второй половине XIX — начале XX в. занимала цивилизованность, отождествляемая с западным миром и противопоставляемая примитивизму незападных народов, а в годы холодной войны — свобода, противопоставляемая тирании мира социалистического.

Таким образом, представители критической теории подчеркивают, что политизированная идея толерантности таит в себе опасность. Ибо, будучи перенесенной из области культуры и морали в плоскость политики, она размывает устоявшиеся правила политической игры, открывает возможность для манипуляций и произвола сильных государств в отношении более слабых под предлогом защиты принципов толерантности, которым они приписывают универсальную ценность.

В заключение следует подчеркнуть, что рассмотренная группа представителей современной критической теории вовсе не отрицает идею толерантности как таковую. Она подвергает критике ее политизированную версию и призывает помнить о «темной стороне» идеи толерантности, когда слово «толерантность» звучит в политическом контексте, подчеркивая при этом, что практики толерантности могут быть разнонаправленными, в тех или иных условиях выполняя то функцию эмансипации, то функцию субординации, то обе эти функции одновременно.

Вместе с тем представленная методология анализа концепта толерантности, безусловно, не является универсальной для всей критической теории. С ней полемируют представители нормативного подхода, которые делают акцент не на критике дискурса толерантности и выявлении в нем властного компонента, а на анализе различных измерений самого концепта толерантности (Р. Форст) [12, 15] и поиске способов преодоления лагун, ему присущих (А. Хоннет). Так, к примеру, Аксель Хоннет, виднейший представитель современной критической теории, предлагает альтернативную толерантности концепцию — *признания*, которая предполагает более глубокое, непредвзятое отношение к Другому [16, 17]. Развернувшиеся вокруг этой концепции дебаты [2, 21] являются весьма острыми и продуктивными и заслуживают отдельного рассмотрения, равно как и другие нормативные теории толерантности в рамках современной критической теории.

1. Вахрушева Е. А. Критика глобализации и антиглобалистские стратегии Фредрика Джеймсона // *Полития*. 2016. № 1(80). С. 43–53.

2. Логинов А. В. Толерантность: «за» и «против» // *Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология*. 2013. № 1(13). С. 44–49.

3. Мартынов В. С. Политический проект Модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. М., 2010.

4. Мартынов В. С. Строительство политической нации и этнонационализм [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2006/2/ma7.html> (дата обращения: 28.07.2018).

5. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2017.

6. Фуко М. Ницше, генеалогия, история // *Философия эпохи постмодерна : сб. переводов и рефератов*. Минск, 1996. С. 74–97.

7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2005.
8. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М. ; СПб., 1997.
9. Bronner S. E. Critical Theory. A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2011.
10. Brown W. Regulating Aversion. Tolerance in the Age of Identity and Empire. Princeton University Press, 2008.
11. Brown W. Tolerance as such does not exist // Contemporary Political Theory. Advance online publication. 2015. 3 Febr. P. 1–6.
12. Brown W., Forst R. The Power of Tolerance: A Debate / eds. Luca Di Blasi, Christoph Holzhey. Columbia University Press, 2014.
13. Declaration of Principles on Tolerance [Electronic resource]. URL: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13175&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (accessed: 06.05.2018).
14. Fish S. The Trouble with Tolerance [Electronic resource]. URL: <https://www.chronicle.com/article/The-Trouble-With-Tolerance/15042> (accessed: 06.05.2018).
15. Forst R. Toleration in Conflict: Past and Present. Cambridge University Press, 2016.
16. Honneth A. The I in We: Studies in the Theory of Recognition. Polity, 2012.
17. Honneth A. The Struggle for Recognition: the Moral Grammar of Social Conflicts. The MIT Press, 1996.
18. Horkheimer M. Traditional and Critical Theory // Critical Theory. Selected Essays. N. Y., 1972. P. 188–243.
19. Interview with Leonard Green, Jonathan Culler, and Richard Klein // Jameson on Jameson: Conversations on Cultural Marxism / ed. by Ian Buchanan. Durham, NC, 2007. P. 11–43.
20. Toleration (Stanford Encyclopedia of Philosophy) [Electronic resource]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/toleration/#PolTol> (accessed: 06.05.2018).
21. Väinö O.-P., Visala A. Tolerance or Recognition? What Can We Expect? // Open Theology. 2016. № 2. P. 553–565.
22. Žižek S. Tolerance as an Ideological Category [Electronic resource]. URL: <http://www.lacan.com/zizek-inquiry.html> (accessed: 06.05.2018).

Рукопись поступила в редакцию 4 июня 2018 г.

УДК 327.7:008 + 316.722

К. М. Табаринцева-Романова

КУЛЬТУРА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ДИПЛОМАТИЯ, БЕЗОПАСНОСТЬ, КОНФЛИКТ

Статья посвящена рассмотрению изменения роли культуры на современном этапе развития международных отношений сквозь призму понятия «мягкая сила». Исследуемые трансформации концепта культуры были рассмотрены на основе анализа документов и деятельности Европейского союза. Выделяются основные приоритеты ЕС в развитии международных культурных отношений. Далее, исходя из мировых политических тенденций и общей геополитической ситуации, автор анализирует относительно новые структурные элементы концепта культуры, а именно: культурная безопасность, культурный конфликт, культурная война. Делается вывод о том, что культура становится гибридным конструктом, а «мягкая сила» становится не только инструментом внешнего воздействия и «продвижения» государства на международной арене, но и приобретает «оборонительные» функции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культурная безопасность, культурный конфликт, «мягкая сила», публичная дипломатия, ЕС.

В современных международных отношениях существует огромный, ранее практически не используемый потенциал «культурной привлекательности». Именно поэтому мы наблюдаем активное вовлечение культурного сектора во внешнюю политику государств и международных организаций. Отмечается рост исследовательского интереса со стороны европейских и российских исследователей, философов, политиков по изучению и интерпретации «мягкой силы», публичной дипломатии, культурной дипломатии. Развитие международных культурных отношений и «мягкой силы» становится приоритетным направлением в национальных стратегиях государств и региональных организаций. Так, в 2016 г. Европейский союз одобрил Новую стратегию развития международных культурных отношений, в которой особая роль отводилась культуре. В свою очередь, ЕС отвечал за разработку инновационных методов культурной дипломатии, за сотрудничество в области образования и науки, за развитие межкультурного диалога. Проанализировав принятую стратегию, можно выделить следующие ее ключевые задачи:

— расширить возможности государств-членов и ЕС в целом для использования экономического потенциала сектора творческой индустрии, а именно стимулирования развития модели устойчивого развития и создания благоприятных условий для инвестиций и новых рабочих мест;

— содействовать развитию культурной политики как фактора мира и социально-экономического развития в третьих странах, а также как инструмента сохранения разнообразия и культурного плюрализма;

— сделать ЕС более сильным глобальным игроком на международной арене, более эффективно использовать исторические рычаги европейской «мягкой

силы». В частности, утверждалось, что активное продвижение основополагающих прав человека, верховенства права, процессов демократизации, укрепления гражданского общества и устойчивого экономического развития является основным условием достижения наиболее важных целей европейской политики [11].

В марте 2017 г. во Флоренции состоялся первый международный саммит «Большой семерки» по вопросам культуры, где была подписана Флорентийская декларация — базовый документ, закрепляющий за культурой функцию определенного инструмента для установления диалога между народами, способного содействовать координации действий по усилению защиты культурного наследия. Как отметил министр культурного наследия, культурной деятельности и туризма Д. Франческини, «Флорентийская декларация обозначила конкретные инструменты по защите культурного наследия от террористических нападений, вооруженных конфликтов, мародерства, природных катаклизмов» [13]. Также на саммите обсуждались вопросы, связанные с проблемами восстановления объектов культуры, разрушаемых в ходе боевых действий и террористических актов. Кроме того, в очередной раз обсуждалась инициатива создания отряда «голубых касок» культуры под эгидой ООН с участием каждого отдельного государства.

Естественно, такое активное вовлечение культуры в международные отношения приводит к изменению самого понятия культуры: оно становится более политизированным, манипулятивным и спекулятивным в риторике политиков, журналистов, общественных деятелей. Достаточно вспомнить концепцию С. Хантингтона, согласно которой новым главным источником международных конфликтов станет сфера культуры. Основными причинами столкновений станут фундаментальные разногласия в культуре и религии, характеризующиеся высокой степенью постоянства и непредсказуемостью, а также интенсификация взаимодействий между представителями различных цивилизаций и усиливающиеся тенденции регионализма [14, 22–49]. Мы также можем говорить о целостной системе концепта «культура» в международнической риторике. Культура становится неким гибридным конструктом: одно и то же восприятие и понимание культуры функционируют внутри национального государства и международной организации (меняется только уровень применения набора базового операционного инструментария использования культуры: локальный — государственный — региональный — глобальный) и практически в таком же виде они эксплицируются вовне на международную арену (создание внешнеполитического образа, реализация культурной дипломатии и др.).

Исходя из анализа различных стратегий, деклараций в области культуры, складывается ощущение, что культура структурно включает в себя все «мирные» средства реализации внутренней и внешней политики. Она фактически становится неотделимой от «мягкой силы» государства. Основной демаркационной линией между понятиями «культура» и «soft power» становится субъектность их реализации: «мягкая сила» официально закреплена за государством и международными организациями, в то время как культура пронизывает все уровни социума — от муниципалитета через гражданское общество и НКО к мировому сообществу в целом. Раздувание понятия приводит к тому, что в термин-поле

«культура» инкорпорируются такие элементы, как культурная безопасность, культурный конфликт, культурная война, культурная дипломатия¹, которые ранее изучались автономно в смежных науках — психологии, социологии, философии, политологии, культурологии. Однако быстротечные изменения геополитической ситуации требуют междисциплинарного подхода к рассмотрению вышеперечисленных явлений.

Отметим, что понятия «культурный конфликт» и «культурная война» не являются новыми для науки. Как мы помним, изначально термин «культурная война» использовался для обозначения культурных и религиозных столкновений во время кампании Отто фон Бисмарка против влияния Римско-католической церкви. Однако в современном геополитическом контексте данные концепты естественно модифицируются и приобретают новые смыслы. Так, в 1992 г. П. Бьюкенен, выдвигавший кандидатуру от Республиканской партии США на президентские выборы, выступил со словами: «В этой стране идет религиозная война. <...> Это культурная война, столь же важная для нашей нации... как холодная война: расширение права на аборт и права гомосексуалистов, трудности с введением молитвы в школе, воля к регулированию права на владение огнестрельным оружием... неприемлемы для “страны Божьей”» [15]. В 2012 г. Н. Саркози выступал за ведение культурной войны как войны за самосознание, общие ценности и французскую идентичность, предлагая противостоять «культуре халяля во Франции» [10]. Таким образом, если раньше культурная война была «внешней» (государство стремилось защитить свои ценности, религию, культуру от влияния извне), то в настоящий момент она разворачивается внутри государства как противостояние мигрантам, новым мировым тенденциям.

К современным угрозам для мирового сообщества можно отнести культурный конфликт и культурную войну. Уточним, что понятие «культурный конфликт» чаще используется в психологии и социологии. В указанных науках оно трактуется как некое столкновение ценностей доминирующей культуры и субкультуры, воспринимаемое как причина культурных изменений. По мнению американского антрополога Ф. К. Бока, культурный конфликт приобретает различные формы:

— аномии — разрушения культурного единства из-за отсутствия четких социальных норм. Процесс распада доминирующей системы ценностей обычно связан с ослаблением влияния религии и политики, что приводит к распаду этических принципов;

— «культурного отставания» — состояния, при котором изменения в материальной сфере опережают возможности нематериальной культуры (обычаев, традиций, законов, убеждений) приспособиться к ним;

— господства чужой культуры — навязывания собственной культуры другим обществам. Конфликт возникает из-за несовместимости ценностей таких культур [12]. Примером такого типа конфликтов могут быть начавшийся в 2008 г. миграционный кризис в ЕС и неспособность его разрешить при помощи политики мультикультурализма. Европу обвиняли в исламофобии, указывали, что она

¹ Подробнее об изменении концепта культурной дипломатии см. [7].

опасается создания мультикультурного общества (европейцы опасались утратить свою исторически сложившуюся европейскую идентичность). Европа требует от мусульман быть «мусульманами Европы» (принять такие гражданские ценности, как индивидуализм, демократию) и в то же время постоянно напоминает им, что они «мусульмане в Европе» (делая акцент на своем иудейско-христианском культурном наследии и противопоставляя его мусульманскому миру) [16, 113]. Такое отношение спровоцировало «ответную реакцию» со стороны мигрантов, которые стали бороться силой за свои права, устраивая массовые беспорядки в Европе. Эти беспорядки являются признаком начала полномасштабного культурного противостояния между «старыми» (коренное население) и «новыми» (мигранты) европейцами. И в этом противостоянии используются не только старые, но и новые, высокоэффективные методы борьбы.

Для международных отношений более приемлемы термины «межкультурный конфликт» или «культурная война», которые интерпретируются как воздействие при помощи разнообразных невоенных инструментов на культурное пространство другого государства, в результате чего оно преобразуется в направлении, необходимом субъекту культурной войны. Цель такой войны заключается в отчуждении человека от культуры, в которой он укоренен, и его культурной идентичности. Или же, наоборот, в защите граждан от разрушительного влияния чуждых культур.

Согласно исследователям В. В. Кочеткову и И. В. Максимову основными методами ведения современной наступательной культурной войны являются:

— глоттополитическая интервенция: внедрение второго государственного языка; уничтожение или дискриминация языков коренных народов; внедрение чуждых для социума дискурсов и дискурсивных практик;

— изменение социальной системы: изменение основных принципов и правил социальной мобильности; смена критериев социального престижа; преобразование системы социальной стратификации;

— упразднение и создание ценностей: уничтожение традиций и идеалов, лежащих в основе самосохранения социальной системы; создание искусственных традиций и ценностей, укрепляющих влияние культурного гегемона;

— реорганизация политической системы: ротация политической элиты; упразднение традиционных институтов и структур власти и создание новых; смена внешнеполитической ориентации;

— замена или частичное преобразование правовой системы: принятие под давлением культурного агрессора законов, не соответствующих традициям и историческому опыту государства; распространение сферы действия законов государства-агрессора на юрисдикцию государства-жертвы; «двойные стандарты» в применении международного права;

— вмешательство в процессы воспроизводства населения и передачи культурного наследия: преобразование института семьи и брака; изменение образовательной и научной системы; исторический ревизионизм;

— экспорт экономической системы: разрушение традиционной хозяйственной системы; массовый экспорт валюты и товаров; изменение системы распределения

экономических благ в обществе; создание новых сфер и отраслей экономики, новых экономических институтов;

— медиавойна: манипуляция мнением международного сообщества; манипуляция массовым сознанием [5]. В качестве примера можно привести французский журнал «Шарли Эбдо», позиционирующий себя как сатирический и публикующий карикатуры на актуальные темы. При этом в ряде случаев он выходил за рамки политической сатиры и высмеивал мусульманские религиозные ценности (карикатуры на пророка Мухаммеда) и проблемы беженцев (инцидент с утонувшими детьми с Ближнего Востока). Отметим, что ситуация с этим журналом со временем вышла из чисто медийного поля: в январе 2015 г. на редакцию было совершено нападение, в ходе которого погибло 12 человек. Вскоре после этого журнал заявил об отказе от использования карикатур на пророка Мухаммеда, а сам инцидент вызвал широчайший резонанс во Франции и многих странах ЕС. При этом в разное время публикации журнала становились причиной медиаскандалов, акций протеста, оказывая «возбуждающее» действие на сознание читателей.

В связи с этим становится особо актуальным вопрос о культурной безопасности, которая рассматривается как защищенность культурного многообразия меньшинств и защита общественного развития от деструктивных тенденций (сохранность культурного своеобразия). Напомним, что мировым сообществом на уровне различных международных организаций культурное многообразие признается ценностью и нерыночным ресурсом развития общества. Его уменьшение имеет множество отрицательных последствий для прогресса развития человека и общества.

Сам концепт «культурная безопасность» появился в работах Ж. Бодена, который акцентировал внимание на ее конфессиональном аспекте [1]. Далее этот термин активно развивался в работах П. Бурдые [2], который рассуждал о значимости культурного капитала и о необходимости его защищать со стороны государства. На практике концепция культурной безопасности была реализована в 80-е гг. прошлого столетия в Новой Зеландии, где пришли к выводу, что успех в обеспечении культурной безопасности невозможен без учета традиций и обычаев народов.

Изначально концепция культурной безопасности — *cultural safety* — рассматривалась как деятельность, основанная на уважении и поддержке культурной идентичности сообщества, его древних традиций, современного состояния и потребностей. Но позже понятие было заменено на *cultural security* (акценты смещаются с безопасности как защищенности, целостности, невредимости (*safety*) на безопасность как защиту, охрану, гарантирование, обеспечение (*security*)). Таким образом, расширяется сфера применения термина: не только локальные и/или гражданские инициативы, но общегосударственный и межгосударственный уровень обеспечения защиты наряду с военной и продовольственной безопасностью.

Изучением культурной безопасности занимались такие исследователи, как Д. Биго, К. Гийо, Л. Буве, Б. Бади, М. В. Вакасов, А. Ю. Голобородько,

В. В. Кочетков, И. В. Шевченко и др. Анализ работ указанных авторов позволяет сделать вывод о том, что:

— культурная безопасность определяется посредством культурного кода, а именно способностью поддерживать свою уникальность под влиянием другой культуры, уделяя внимание присутствию иммиграции;

— культурная безопасность — это сохранение привычного для индивида уклада в его бытовой жизни в меняющемся мире;

— культура существенным образом влияет на состояние национальной безопасности;

— в современном понимании «культурная безопасность» уже не рассматривается без материальной составляющей и деятельности государства по развитию культурного самосознания, а ее эффективное обеспечение осуществляется на основе прогноза происходящих в культурной сфере процессов [3, 4, 8, 9].

Как видим, культурная безопасность не сводится к безопасности культуры как таковой. Она рассматривается как фактор обеспечения безопасности общества и государства в целом (сохранение памятников культуры и народных традиций, поддержка искусства и культурных инициатив не существуют сами по себе и не ограничиваются в конечном счете культурной сферой) [6, 10].

Таким образом, для государственных или надгосударственных структур, подобных ЕС, важным элементом сохранения своего культурного кода, традиций, языков и т. д. становится обеспечение культурной безопасности. Методы ведения культурной войны, культурная агрессия, как инструменты «мягкой силы», вынуждают государство задуматься о сохранении присущих ему традиционных культурных ценностей, а также об обеспечении политической и экономической стабильности и независимости. В этой плоскости политика, экономика и культура становятся тесно связанными между собой.

Таким образом, «мягкая сила», по аналогии с «жесткой силой», становится не только инструментом внешнего воздействия и «продвижения» государства на международной арене, но и приобретает «оборонительные» функции. Культурная политика и «мягкая сила» оказываются не только и не столько механизмом использования культурного потенциала для укрепления мировых позиций, но и инструментом, способным сохранить собственную идентификацию, культурное наследие и память в условиях противодействия как давлению «мягкой силы» со стороны иных акторов, так и в условиях прямого физического контакта и воздействия, как в случае активизации миграционных потоков из бывших колоний либо из зон боевых действий на территориях, где проживают носители иных культурных и религиозных ценностей.

1. Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000.

2. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.

3. Вакасова М. В. Влияние миграции на культурную безопасность в рамках исследований парижской и копенгагенской школ безопасности // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2016. № 37. С. 19–23.

4. Голобородько А. Ю. Культурная безопасность: содержание, ресурсы, инструментарий обеспечения // Сравнительная политика. 2015. Т. 6, № 4(21). С. 10–19.
5. Кочетков В. В., Максимов И. В. Генезис явления культурных войн в международных отношениях и перспективы его развития // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Полит. науки. 2013. № 4. С. 96–108.
6. Степанянц М. Культура как гарант российской безопасности // Вопр. философии. 2012. № 1. С. 3–13.
7. Табаринцева-Романова К. М. Эволюционные изменения концептов: «мягкая сила», культурная политика и внешнеполитический имидж // Дневник АШПИ. 2017. № 33. С. 21–25.
8. Узлова Н. В. Культурная безопасность как один из факторов устойчивого развития // Общество: философия, история, культура. 2016. № 12. С. 164–166.
9. Шевченко И. В. К вопросу операционализации понятия «культурная безопасность» // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2016. № 9(65). С. 198–212. URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/9481> (accessed: 02.05.2018).
10. Comment Nicolas Sarkozy va lancer sa candidature // L'express [Electronic resource]. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/politique/comment-nicolas-sarkozy-va-lancer-sa-candidature_1079171.html (accessed: 30.04.2018).
11. Council Conclusions on culture in the EU's external relations with a focus on culture in development cooperation available [Electronic resource]. URL: http://www.cultureinexternalrelations.eu/cier-data/uploads/2016/12/ST_14443_2015_INIT_EN.pdf (accessed: 02.05.2018).
12. Culture Shock. A reader in modern cultural anthropology / Ed. by Ph. K. Bock. N. Y., 1970.
13. Firenze G7: rendere la cultura uno strumento di dialogo fra i popoli. le conclusioni del summit a palazzo pitti//Firenzepost [Electronic resource]. URL: <https://www.firenzepost.it/2017/03/31/firenzeg7-rendere-la-cultura-uno-strumento-di-dialogo-fra-i-popoli-le-conclusioni-del-summit-a-palazzo-pitti/> (accessed: 08.05.2018).
14. Huntington S. P. The Clash of Civilizations? // "Foreign Affairs". Vol. 72, № 3. Summer 1993. P. 22–49.
15. La guerre culturelle aura-t-elle vraiment lieu? // Lavie [Electronic resource]. URL: http://www.lavie.fr/debats/chretiensendebats/la-guerre-culturelle-aura-t-elle-vraiment-lieu-06-09-2013-43788_431.php (accessed: 30.04.2018).
16. Marranci G. Multiculturalism, Islam and the clash of civilisations theory: rethinking Islamophobia // Culture and Religion: An Interdisciplinary Journal [Electronic resource]. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/0143830042000200373> (accessed: 30.03.2018).

Рукопись поступила в редакцию 15 мая 2018 г.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ РЕГИОНОВ

В статье рассматриваются особенности приграничного и трансграничного сотрудничества европейских субнациональных регионов в сфере высшего образования. Авторы приходят к выводу, что данный вид сотрудничества является комплементарным для нескольких направлений регулирования ЕС, таких как политика сплочения, стратегия построения экономики знаний «Европа-2020», и предшествовавшая ей Лиссабонская стратегия 2000 г., а также важным элементом строительства Европейского пространства высшего образования. Другой особенностью регионального образовательного сотрудничества является то, что при поддержке программ ЕС сложилась многоуровневая система управления, включающая наднациональные, национальные и региональные власти, а также отдельные вузы, превращающиеся во все более влиятельных акторов международных отношений. В результате участия вузов в программах ЕС сформировалось транснациональное академическое сообщество, которое стало новым звеном в общей системе европейского высшего образования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: парадипломатия, региональное сотрудничество, приграничное сотрудничество, высшее образование.

Современная европейская дипломатия, связанная с официальной деятельностью государств, включает еще одно измерение — «дипломатию территорий, нацеленную на устойчивое развитие ЕС и гуманитарную деятельность». Исследователи не раз подчеркивали уникальность международных отношений европейских стран, основанных на координации «дипломатии посольств» и «дипломатии территорий» [1, 225–234, 228]. Для обозначения приграничных и трансграничных связей субъектов Федерации, автономных областей и регионов зарубежные (И. Дучачек, Б. Хокинг) [17, 1–53; 20, 17–39] и российские (Т. В. Зонова, Г. О. Яровой, А. Кузнецов и др.) [4; 5; 6, 92–94; 8; 9; 10] ученые все чаще используют термин «парадипломатия». По мнению специалистов, главный смысл приставки «пара-» состоит в том, чтобы разграничить дипломатию, традиционно осуществляемую национальными государствами — полноправными субъектами международного права, и деятельность «акторов вне суверенитета» — субнациональных участников международного сотрудничества, находящихся под юрисдикцией государства [7, 101].

Развитие парадипломатической деятельности в Европейском союзе насчитывает не одно десятилетие. В настоящее время используются все типы современной парадипломатии — приграничный, трансграничный, межрегиональный, региональный, трансрегиональный и глобальный [11, 131–134].

Самые распространенные типы парадипломатии европейских территорий — приграничный и трансграничный — связаны с европейской политикой сплочения, которая направлена на выравнивание уровня развития регионов. Участниками приграничного и трансграничного сотрудничества могут являться несколько

регионов и территориальных образований одновременно. Приграничная парадипломатия связана с деятельностью регионов, имеющих общие границы, трансграничная и трансрегиональная относятся к сотрудничеству регионов, не имеющих общих границ. Современное сотрудничество европейских регионов, объединенных географической близостью, опирается на правовой фундамент, позволяющий территориальным сообществам и властям заключать соглашения с иностранными местными властями [13, 19, 25], имеет разные формы, степень интенсивности и развивается преимущественно в экономической, социальной, образовательной и культурной сферах.

Регионы в современной политической регионалистике понимаются как внутригосударственные административно-территориальные единицы либо как группы государств. В этом случае регион относится к уровню «выше» или «ниже» уровня государства. Регионы формируются на основе и вследствие ряда факторов: общности территории, природных условий, общей истории и культуры, демографических и социальных показателей, экономической, политической и правовой систем. Они могут состоять из национальных государств (ЕС, НАФТА), а также из субнациональных областей (например, еврорегионы в ЕС). В контексте европейской интеграции регион следует рассматривать не только как «одну из единиц территориальной структуры национального государства <...> ячейку сетки административно-территориального деления, где действуют региональные властные институты с определенными компетенциями, но и как исторически сложившееся территориальное сообщество, обладающее физической, социально-экономической, политической и культурной средой» [2, 9].

В настоящей статье объектом изучения является регион как субнациональное территориальное образование, обладающее различной степенью самостоятельности: субъект федерации, автономная область или регион в унитарном государстве, которое характеризуется в аспекте его взаимодействия с государственной властью, международных связей и участия в европейской интеграции. В соответствии с Декларацией Ассамблеи европейских регионов по регионализму в Европе 1996 г. регион является частью государственной территории, обладающей «уровнем, следующим за уровнем государства и имеющим политическое самоуправление» [3].

Европейские регионы активно участвуют и в так называемой «образовательной дипломатии», представляющей относительно новую составляющую внешней политики ЕС. За несколько десятилетий внешнее измерение образовательных программ ЕС превратилось в «образовательную дипломатию», получившую окончательное оформление в стратегии «Европейское высшее образование в мире» 2013 г. При этом следует отметить, что образовательная дипломатия европейских регионов значительно старше Европейского союза. Но с созданием последнего регионы получили мощную институциональную (Комитет регионов) и финансовую («Трансъевропейское сотрудничество для сбалансированного развития» — INTERREG) поддержку на развитие совместных трансграничных университетских и научно-исследовательских проектов [21].

Несмотря на продолжительное сотрудничество европейских субнациональных регионов в сфере высшего образования, в научных исследованиях эта тема остается

малоизученной. Данная статья представляет попытку восполнить пробел в анализе становления «образовательной дипломатии» приграничных регионов ЕС.

Региональное образовательное сотрудничество

Современное сотрудничество европейских регионов находится на стыке нескольких направлений политики ЕС. С одной стороны, оно выступает механизмом в строительстве европейского пространства высшего образования и единого научного пространства, способствуя, таким образом, формированию европейской идентичности. Этим же целям служит европейская программа междуниверситетского сотрудничества и мобильности ЭРАЗМУС+. С другой стороны, современная экономическая концепция, получившая название «экономики знаний», предполагает, что важнейшим фактором производства является информация, и соответственно рассматривает эффективное развитие университетов и их инновационного потенциала как залог успешного экономического развития. Лиссабонская стратегия ЕС, принятая в 2000 г., в Концепции образования и науки без границ ставила своей целью превращение Европы в самую конкурентоспособную экономику знаний к 2010 г. Поскольку основной целью политики сплочения является выравнивание уровня экономического развития регионов, а он, в свою очередь, тесно связан с высшим образованием, то одним из важных направлений указанной Концепции является «Образование, навыки и обучение в течение жизни (*Education, skills and lifelong learning*)». Таким образом, должна обеспечиваться синергия разнонаправленных программ ЕС. Особая роль в становлении Европы знаний отводилась университетам, которые в современной образовательной дипломатии являются самостоятельными субъектами наряду с национальным правительством и региональными властями.

В ноябре 2017 г. Европейская комиссия представила новый проект «Будущее Европы: европейское пространство образования для 2025 г.». По замыслу авторов проекта к 2025 г. граждане ЕС смогут учиться и работать в любом государстве Евросоюза, при этом государственные границы не должны являться препятствием для получения образования и проведения научных исследований [14]. В концепции особо подчеркивается роль местных и региональных органов власти в сфере образования и культуры как посредника между сферой образования и сферой труда. Регионам должно быть предоставлено больше полномочий в принятии политических решений в общеевропейских структурах. Президент Европейского комитета регионов Карл-Хайнц Ламбертц подчеркнул, что Европа находится не в Брюсселе, Страсбурге и Люксембурге, но там, где живут ее граждане, в регионах и городах, что сделает Евросоюз более эффективным [22]. Это, по мнению политика, будет достигнуто только путем укрепления роли местных и региональных органов власти и сотрудничеством каждого уровня власти.

Эта идея была подтверждена 27 европейскими лидерами в Римской декларации, принятой в марте 2018 г. [16]. Они обязались создать «союз, в котором молодые люди получают лучший уровень образования и подготовки и могут учиться и найти работу на всем континенте». Воплотить эту задачу, по мнению

лидеров, можно только совместными усилиями, сотрудничая на уровне ЕС, на национальном, региональном и местном уровнях.

Создание современного европейского пространства высшего образования также явилось результатом совместных усилий наднациональных, национальных и субрегиональных институтов.

Европейская политика сплочения, в рамках которой осуществляется сотрудничество регионов в области образования, включает поддержку инноваций и финансирование образовательных проектов посредством Европейского фонда регионального развития (*European Regional Development Fund*) и Европейского социального фонда (*European Social Fund*). Деятельность указанных структурных фондов связывает политику сплочения ЕС со стратегией Европа-2020. Основными принципами европейских структурных фондов являются направленность на наименее развитые регионы и специализация поддерживаемых программ.

Динамика приграничного и трансграничного сотрудничества

Пионерами приграничной и трансграничной образовательной дипломатии были страны на западе и севере Европы, прежде всего Германия и Нидерланды. В 1991 г. министр образования, культуры и науки Нидерландов Ритцен инициировал политику приграничных регионов в сфере образования. В документе «Неограниченный талант» говорилось, что «политика приграничных территорий связана как с регулярным трансграничным перемещением между соседними государствами, так и с общими интересами и проблемами, которые связаны с этими перемещениями. Эта политика направлена на то, чтобы молодые люди контактировали друг с другом... Понимание будет стимулировать культурное взаимное обогащение, способствуя созданию прочной экономической основы ЕС» [15].

Политики полагали, что сотрудничество в приграничных регионах является более эффективным и действенным, поскольку можно извлечь выгоду из относительно небольших языковых и культурных различий, из близости образовательных учреждений-партнеров в этих регионах и из существующих налаженных отношений между ними.

Политика приграничных территорий в сфере образования началась как форма двустороннего сотрудничества с Фландрией, а затем была расширена за счет трех земель Германии. Сегодня она переросла в многостороннее сотрудничество в едином открытом образовательном пространстве. Это означает отсутствие препятствий для всех регионов для обеспечения полной и неограниченной мобильности в области образования. Приграничным регионам удалось установить структурное институциональное сотрудничество между высшими учебными заведениями по обе стороны границы. Разработка совместных учебных планов или адаптация учебных планов, с тем чтобы учащиеся могли получать кредиты по обе стороны границы, является хорошим вариантом для достижения их полной и неограниченной мобильности.

Первым инструментом достижения этих целей стала программа трансграничного сотрудничества в области высшего образования GROS-НО (*Programme*

for Cross-border cooperation in higher education) (1992–1996) между приграничными регионами Нидерландов и Германии [15]. Эта программа была разделена на 15 проектов в 12 университетах и институтах и дополняла существующие программы начального и среднего образования и европейскую программу INTERREG.

Опираясь на опыт трансграничного сотрудничества, накопленный в рамках программы GROS-НО, в 1996 г. правительство Нидерландов ввело Положение о стимулировании трансграничного сотрудничества в сфере высшего образования на 1997–2000 гг. Деятельность, подпадающая под эту правительственную программу, была направлена на стратегическое межинституциональное образовательное сотрудничество, которое включало корректировку программ, разработку совместных программ двойных дипломов, организацию обмена сотрудниками и студентами. Все указанные мероприятия были включены в региональную социально-экономическую среду.

В настоящее время приграничное образовательное сотрудничество между Германией и Нидерландами осуществляется в том числе в рамках еврорегиона EUREGIO, основанного еще в 1958 г. Все больше людей работают и учатся по обе стороны немецко-нидерландской границы. Это происходит через обмены, совместные проекты и стажировки. Все больше выпускников школ продолжают учебу в соседней стране. Возможность выучить новый язык и познакомиться с иной культурой делает учебу по другую сторону границы привлекательной для молодежи. Кроме того, приграничная образовательная дипломатия решает проблему «утечки умов». Так, например, в голландском приграничном регионе Ахтерхук нет своих университетов и колледжей. Учеба молодых людей в столичных европейских вузах означает для экономики региона потерю трудовых ресурсов. Однако шанс этого региона заключается в том, чтобы мотивировать будущих студентов к учебе в соседнем немецком пограничье, оставаясь при этом рядом со своим домом и одновременно обучаясь в привлекательном вузе Германии. Для местной экономики приграничные образовательные проекты являются большим преимуществом. Сотрудники, получившие образование в соседней стране, владеют ее языком и могут быть активно востребованы на рынке труда. Оправдано это также и с финансовой точки зрения, так как средняя стоимость жизни в Германии ниже, чем в Нидерландах.

Сотрудничество приграничных университетов осуществляется в рамках INTERREG, представляющего инициативу «Трансевропейское сотрудничество для сбалансированного развития», под эгидой которой реализуется большое число трансграничных проектов в Европе. INTERREG представляет собой серию из пяти программ для стимулирования сотрудничества в Европейском союзе, финансируемого Европейским фондом регионального развития. Программа создана для стимулирования сотрудничества между государствами — членами Европейского союза на разных уровнях. Она направлена на укрепление экономического, социального и территориального единства на всей территории ЕС посредством приграничного, транснационального и межрегионального сотрудничества. Инициатива INTERREG имеет длительную историю и насчитывает

уже пять поколений (INTERREGA). В настоящее время реализуется пятое поколение INTERREG V (2014–2020), так же как и предыдущее, содействующее европейскому трансграничному сотрудничеству, которое провозглашено одной из опор Европейской политики сближения [21].

Одна из самых распространенных форм трансграничной образовательной дипломатии связана с ассоциацией вузов. Она появилась задолго до Болонского процесса. Так, еще в 1989 г. была создана Европейская конфедерация университетов Верхнего Рейна (Eucog), включающая университеты Фрайбурга, Базеля, Страсбурга, Верхнего Эльзаса и технологический институт Карлсруэ [12]. В 2010 г. была подписана Декларация о создании Трехнационального городского региона Верхнего Рейна, в который сегодня входят 167 университетов и научно-исследовательских институтов Франции, Германии и Швейцарии. Преподаватели этих университетов рекомендуют своим студентам курсы и модули в университетах-партнерах. Интегрированные курсы позволяют студентам получить дипломы двух или нескольких университетов.

В декабре 2015 г. университеты, входящие в Европейскую конфедерацию Eucog, подписали соглашение о создании Европейского консорциума по территориальному сотрудничеству для придания трансграничным исследованиям и обучению собственной правовой идентичности. Консорциум относится к европейским группам территориального сотрудничества (EGTC), которые являются одним из инструментов для облегчения трансграничного и транснационального сотрудничества. Они объединяют регионы из двух и более стран для организации медицинского обслуживания, управления проектами трансграничных и межрегиональных программ в области устойчивого развития (инновации и технологии, охрана окружающей среды и др.), укрепления экономической и социальной сплоченности через границы, позволяя региональным властям государств — членов ЕС сотрудничать более эффективно.

Европейская конфедерация университетов Верхнего Рейна (Eucog) стала первой группой территориального сотрудничества среди европейских университетов. В общей сложности EGTC объединяет навыки и потенциал 15 тыс. исследователей, 1 тыс. докторантов, а также более 120 тыс. студентов в сильном экономическом и исследовательском районе пограничного треугольника [12]. Целью Европейского кампуса Eucog является создание четко определенного экономического и исследовательского центра без стен и границ. Для достижения этой цели университеты сотрудничают во взаимных научных исследованиях и учебных проектах. В частности, Европейский кампус Eucog проводит исследования в области квантовой физики и квантовых технологий, медицины, устойчивого развития и культурологии. Отметим, что Европейский кампус является приграничным университетским альянсом, который сохраняет автономию университетов-партнеров. Альянс имеет совместный профессорско-преподавательский состав, административный персонал, совместные отделы обслуживания, совместных докторантов и студентов, совместные исследовательские проекты и двойные академические степени, а также общую исследовательскую инфраструктуру. Европейский кампус является моделью, которую могут использовать и другие

приграничные регионы Европы. Проект «Eucor — *The European Campus: Cross-Border Structures*» финансируется программой INTERREG пятого поколения. В рамках проекта создаются рамочные условия, способствующие формированию новаторских структур и партнерств в области исследований и обучения для формирования общеевропейской идентичности.

Вторая форма трансграничного сотрудничества связана с созданием сетевых университетов, реализующих совместные бакалаврские и магистерские программы. Основанный в 2000 г. Университет Нейссе с участием регионов Германии, Чехии и Польши реализует совместную бакалаврскую программу «Информационный и коммуникационный менеджмент» [23]. Студенты каждой из сторон, участвующих в проекте, учатся по одному году в каждом из вузов-партнеров.

Альянс университетов Внутренней Скандинавии (*The University Alliance of Inner Scandinavia — Uniska*) включает семь университетов. Сотрудничество между регионами началось еще в 1960-х гг., а сам Альянс был создан в 1998 г.

Проект «Университета Большого региона» (*University of the Greater Region*) с участием Германии, Люксембурга, Франции и Бельгии финансировался программой INTERREG, а в 2013 г. университет был трансформирован в трансграничную конфедерацию.

Как отмечалось, значительная часть конфедераций и консорциумов университетов существует в рамках еврорегионов, которые создают постоянные рабочие группы и сети, объединяющие университеты, исследовательские и инновационные центры, бизнес, региональную администрацию по обе стороны границы. Они участвуют в разработке трансграничных стратегий и программ исследований и инноваций в партнерстве с заинтересованными сторонами. Так, например, в октябре 1984 г. пять региональных органов власти расположенных во Франции, Люксембурге, Бельгии и Германии, входящие в еврорегион Саар-Лор-Люкс, подписали соглашение о сотрудничестве научных учреждений и университетов. Документ стал первым шагом на пути трансграничного сотрудничества в области научных исследований и образования. В настоящее время членами этого образовательного содружества являются университеты и университетские центры Люксембурга, Лотарингии, Рейланд-Пфальца, Саарбрюккена, Хомбурга, Саара, Нанси, Меца, инженерная школа и политехнический институт Нанси, колледж технологий и экономики Саарбрюккена. Эти учебные заведения поощряют отношение между сторонами соглашения путем академических и студенческих обменов, развитие межрегиональных учебных программ, создание общих научно-исследовательских структур, а также способствуют сотрудничеству в области права, французской и немецкой литературы, географии, экологии, информатики, материаловедения, истории культуры и спорта.

По мере расширения ЕС на восток в образовательную дипломатию включались регионы и университеты Восточной Европы — Польши, Чехии, Румынии, Венгрии. В 1992 г. была создана научная площадка Коллегиум Полоникум в польском городе Слубице, куда вошли Университет им. Адама Мицкевича в Познани и Европейский университет Виадрина во Франкфурте-на-Одере. До 1945 г. город Слубице был частью Франкфурга-на-Одере. Вторая мировая война разделила

этот город между двумя странами, однако спустя полвека, благодаря миротворческой миссии приграничного сотрудничества, разделенные территории смогли объединиться в единое образовательное пространство. Как верно заметил, президент Ассоциации европейских приграничных регионов Х. Герлах, границы являются шрамами истории, а «миссия приграничного сотрудничества» состоит в «заживлении этих ран» [9, 122–125]. Кроме того, другие европейские университеты также имеют возможность участвовать в исследовательских программах Коллегиума, превращая его в площадку для научных встреч студентов и преподавателей из всех стран — членов ЕС.

Одним из крупных объединений в Восточной Европе является Ассоциация университетов Карпатского региона (ACRU), созданная 16 университетами и колледжами в 1994 г. для поощрения международных связей между его учреждениями-членами. Основной целью Ассоциации является развитие академического, научного и культурного сотрудничества, использующего особую динамику давних историко-культурных связей, сложившихся в Карпатском регионе. Ассоциация зарегистрирована в Словацкой Республике как неправительственная (НПО) некоммерческая организация международного масштаба.

Еще одной формой образовательной дипломатии регионов ЕС является трансграничное сотрудничество с территориями, не входящими в ЕС. Например, в рамках политики Северного измерения был создан Исследовательский центр Северного измерения (*Northern dimension research centre* (NORDI) в Лаппеентрантском техническом университете, который специализируется на изучении России [2]; NORDI работает как сеть, являясь связующим звеном между вузами России и Европы, помогая им в установлении контактов.

Благодаря программе ЭРАЗМУС+ университет Виадрины заключил соглашение о сотрудничестве с университетами — партнерами государств, не входящих в ЕС: Украинским католическим университетом Львова (Украина), Национальным университетом «Киево-Могилянская академия» (Украина), Харьковским университетом им. В. Н. Каразина (Украина) и Тбилисским государственным университетом (Грузия).

Изучение образовательной дипломатии европейских регионов, с одной стороны, демонстрирует достоинства данного вида трансграничного сотрудничества, с другой — позволяет выделить ряд проблем.

Тот факт, что сотрудничество происходит в приграничных регионах и образовательные учреждения расположены в непосредственной близости друг от друга, объясняет как выгоды, так и проблемы. Пространственное ограничение является одним из преимуществ трансграничного сотрудничества: небольшая физическая дистанция между сотрудничающими учреждениями. Эта близость может положительно повлиять на сотрудничество и мобильность персонала и студентов. С одной стороны, это может позволить студентам посещать курсы в другой стране без необходимости менять место жительства. С другой стороны, близость оказывает негативное влияние на мотивацию студентов посещать курсы в другом учреждении, поскольку более отдаленные или экзотические места часто воспринимаются как более интересные, чем соседние страны.

Следует отметить, что реализация первых совместных образовательных проектов столкнулась с рядом трудностей. Часто это было связано с тем, что образовательные и научные учреждения, и прежде всего университеты, находились в разных странах и функционировали по разным правилам. Сотрудничество означает совместную работу, и довольно часто препятствием для нее являлись различия в организационных, управленческих и образовательных культурах. Довольно часто политики и исследователи задавали вопрос: «Какие проблемы существуют в процессе трансграничного сотрудничества, и в какой степени они могут быть преодолены?» Выгоды, которые, как считалось, принесла региональная направленность, были несколько завышены. Культурные, лингвистические и образовательные сходства приграничных регионов не всегда приносили пользу, поскольку сохранялись препятствия, связанные с различным уровнем развития регионов, отличиями налоговых систем, национальных систем образования, порядка трудоустройства персонала и взаимного признания учебных программ и дипломов.

Однако со временем ряд препятствий для трансграничного сотрудничества вузов был снят Болонским процессом. Еще в XIX в. Альфред Нобель говорил: «Распространять знания — значит распространять благополучие». В соответствии с этой точкой зрения министры образования Европы в 1999 г. разработали Болонскую декларацию и призвали к созданию европейского пространства высшего образования и более конкурентоспособной Европейской системы высшего образования. Европейские студенты сегодня имеют возможность учиться в любой стране и соответствовать сопоставимым условиям обучения, где бы они ни находились. Но при этом следует учитывать многообразие культур, языков и национальных систем образования. К настоящему времени удалось достичь соглашений по ряду стандартов качества, которые признаются европейскими вузами. В Европе создана прозрачная, взаимно признаваемая система дипломов о высшем образовании.

В результате многолетних усилий европейское приграничное и трансграничное сотрудничество университетов и научно-исследовательских центров сегодня является чем-то естественным. Наиболее тесное сотрудничество осуществляется между соседними регионами вдоль границ, но при этом до сих пор потенциал трансграничных научных исследований в ЕС используется не в полной мере. Отметим сохраняющиеся трудности и препятствия.

Трансграничное сотрудничество между университетами и исследовательскими центрами пользуется большей популярностью на севере и западе и меньшей популярностью в южной и восточной частях ЕС — в Греции, Румынии, Болгарии. Еще не все регионы участвуют в трансграничном сотрудничестве университетов и исследовательских центров. Многие университеты в Европе работают вместе без совместных организационных структур или совместной рекламы. Так, член Комиссии по социальной политике, образованию, занятости, исследованиям и культуре Комитета регионов (SEDEC), мэр города Габрово отметил, что на фоне дигитализации (цифровизации) европейского образования во многих сельских и малонаселенных районах по-прежнему отсутствует высокоскоростная связь.

Регионы сталкиваются с демографическими и социальными проблемами, связанными с недостаточным обеспечением преподавателей адекватными цифровыми навыками, компетенциями и оборудованием [22].

Кроме того, во многих регионах Европы продолжает существовать проблема утечки умов, которую региональные власти должны решить, инвестируя в образование. В ноябре 2017 г. европейский Комитет регионов поддержал инициативы Европейской комиссии по обеспечению равных возможностей для всех европейцев. Член Комитета регионов, председатель Совета жудеца (уезда) Харгита в Румынии Ч. Борболы подчеркнул, что доступ к образованию не должен ограничиваться доходом семьи, происхождением студента или его родным языком [18]. Чтобы предотвратить «утечку умов» внутри и через регионы Европы, следует оказывать поддержку проектам и мерам по разработке учебных программ и инфраструктуры высшего образования в менее развитых регионах. Последние должны сотрудничать с общеевропейскими финансовыми структурами и участвовать в европейских региональных инициативах, направленных на развитие образования. «Студент должен иметь возможность свободно выбирать курсы, предлагаемые в различных европейских университетах» — объясняет Ч. Борболы [Там же].

Еще одной проблемой для образовательной дипломатии является незнание студентами английского языка, а также языка соседней страны, что делает интеграцию для студентов очень сложной. Как отмечалось, первые успешные проекты приграничного сотрудничества Германии и Нидерландов в высшем образовании в том числе были связаны с взаимным изучением студентами немецкого и нидерландского языков.

Подводя итоги первому осмыслению опыта европейской образовательной парадипломатии, отметим, что Европа сыграла новаторскую роль в международном сотрудничестве государств и регионов. Процесс региональной интеграции, который начал Европейский союз на относительно ранней стадии, дал преимущества университетам и научным центрам для адаптации к этому процессу. Региональные программы ЕС и деятельность общеевропейских социальных и финансовых фондов усилили регионы и вузы, которые сегодня активно участвуют в политике сплочения, сглаживая различия между регионами и формируя общеевропейскую идентичность. Наиболее активно образовательная дипломатия осуществляется в приграничных и трансграничных регионах, где расположены университеты и научные учреждения. Европейские университеты сегодня активно включаются и в глобальную парадипломатию, сотрудничая с образовательными учреждениями за пределами ЕС. Правовая основа сотрудничества между университетами и институтами в целом имеет форму двусторонних, трехсторонних или многосторонних соглашений об общем и трансграничном сотрудничестве.

Кроме того, университеты могут самостоятельно принимать решения о выборе партнеров для создания совместных программ и участия в образовательных ассоциациях и центрах передового опыта, формируя тем самым трансграничное и транснациональное академическое сообщество. Становясь все более

влиятельными акторами, вузы оказались встроены в многоуровневую образовательную дипломатию с участием общеевропейских, национальных и региональных властей.

1. Богатырева О. Н. Особенности международного сотрудничества французских территориальных коллективов // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2(113). С. 225–234.
2. Бусыгина И. М. Политическая регионалистика. М., 2006.
3. Декларация по регионализму в Европе // Assembly of European Regions : [official cite]. URL: http://aer-www.ameos.net/fileadmin/user_upload/PressComm/Publications/DeclarationRegionalism/dam/110n/ru/DR_RUSSE.pdf (дата обращения: 29.03.2018).
4. Зонova Т. В. Парадипломатия европейских регионов // Вся Европа : ежемесячное интернет-издание. 2011. № 4. URL: <http://alleuropalux.org/?p=2673> (дата обращения: 02.04.2017).
5. Кузнецов А. С. «Надкусенный суверенитет»: проблема категории «суверенитет» при исследовании субнациональной дипломатии [Электронный ресурс] // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2006. № 3. URL: <http://www.politex.info/content/view/264/> (дата обращения: 10.04.2018).
6. Кузнецов А. С. Развитие научных школ парадипломатических исследований в западной политической науке // Дискурс Пи : науч. альм. Екатеринбург, 2007. № 7.
7. Мухарямов Н. Д., Закамулина М. Н. Парадипломатия в языковых измерениях: к построению концептуальной модели // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18 : Социология и политология. 2009. № 1. С. 101–108 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.socio.msu.ru/jour/issue/archive> (дата обращения: 10.04.2018).
8. Яковлева Н. В., Левкин И. М. Особенности трансграничного регионального сотрудничества в форме парадипломатии // Управленческое консультирование. 2014. № 4 [Электронный ресурс]. URL: https://szii.ranepa.ru/images/DokSZIU/Управленческое_консультирование/14/ук_04_01_09_final.pdf (дата обращения: 08.04.2018).
9. Яровой Г. О. Позитивные и негативные эффекты трансграничного сотрудничества: глобальная перспектива // Studia Humanitatis Borealis : сетевой журн. 2014. № 1. С. 122–125. URL: <http://sthb.petsu.ru> (дата обращения: 03.04.2018).
10. Яровой Г. О. Парадипломатическая деятельность как инструмент регионального развития: к постановке вопроса // Studia Humanitatis Borealis : сетевой журн. 2013. № 1. URL: <http://sthb.petsu.ru/journal/article.php?id=2903> (дата обращения: 10.04.2018).
11. Яровой Г. О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб., 2007. С. 131–134.
12. About Eucor — The European Campus // The European Campus : [official cite]. URL: <http://www.eucor-uni.org/en/eucor-european-campus> (accessed: 10.04.2018).
13. Additional Protocol to the European Outline Convention on Transfrontier Cooperation between Territorial Communities or Authorities. Strasbourg, 9.XI.1995 // Council Of Europe : [official cite]. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007cdae> (accessed: 11.12.2017).
14. Avenir de l'Europe: une space européen de l'éducation pour 2025: Commission européenne — Communiqué de presse // European Commission : [official cite]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-4521_fr.htm (accessed: 10.04.2018).
15. Beerkens E. Cross-Border Cooperation in Higher Education. On Complementarity and Reciprocity. Twente. Center for Higher Education Policy Studies University of Twente. 1999. P. 2 [Electronic resource]. URL: http://www.beerkens.info/files/Beerkens_CBC%20in%20HE_EAIR_1999.pdf (accessed: 10.04.2018).
16. Déclaration des dirigeants de 27 États membresainsi que du Conseil européen, du Parlement européen et de la Commission européenne. Déclaration de Rome. Bruxelles, le 25 mars 2017 //

European Commission. Press Release Database : [official cite]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_STATEMENT-17-767_fr.htm (accessed: 10.04.2018).

17. *Duchacek I.* Perforated Sovereignities: Towards a new actors international relations // Soldatos P. An explanatory Framework for the study federated states as foreign Policy actors. Oxford, 1990. P. 1–53.

18. Europe needs to tackle brain drain across its regions by investing in education // European Committee of the Regions : [official site]. URL: <http://cor.europa.eu/en/news/Pages/Europe-needs-to-tackle-brain-drain.aspx> (accessed: 10.04.2018).

19. European Outline Convention on Transfrontier Cooperation between Territorial Communities or Authorities. Madrid, 21. Vol. 1980 // Council of Europe : [official cite]. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/0900001680078b0c> (accessed: 12.12.2017).

20. *Hocking B.* Patrolling the «Frontier»: Globalization, Localization and the «Actorness» of Non-Central Governments // Paradplomacy in action. The foreign relations of subnational actors. L., 1999. P. 17–39.

21. Interreg A – Cross-border cooperation // European Commission : [official site]. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/policy/cooperation/european-territorial/cross-border/#6 (accessed: 16.04.2016).

22. Future of Europe: politicians and academics share view that more regional and local authorities' power must be reflected in the EU // European Committee of the Regions : [official cite]. URL: <http://cor.europa.eu/en/news/Pages/future-of-europe-politicians-and-academics-share-view-that-more-regional-and-local-authorities-power-must-be-reflected.aspx> (accessed: 14.02.2018).

23. Neisse University, a unique study in English // Neisse University : [official site]. URL: <http://www.neisse-uni.org/about-the-nu.html> (accessed: 10.04.2018).

24. Northern Dimension // European Union External Action : [official site]. URL: https://eeas.europa.eu/diplomatic-network/northern-dimension/347/northern-dimension_en (accessed: 10.04.2018).

25. Protocol No. 2 to the European Outline Convention on Transfrontier Cooperation between Territorial Communities or Authorities concerning interterritorial cooperation. Strasbourg, 5.V.1998 // Council of Europe : [official cite]. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007f2cb> (accessed: 14.11.2017).

Рукопись поступила в редакцию 22 мая 2018 г.

УДК 327.82:008 + 327(5)

Д. М. Ковба
А. С. Исаков

«МЯГКАЯ СИЛА»: РЕЦЕПЦИЯ КОНЦЕПТА АЗИАТСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

В статье рассматриваются особенности освоения концепта и стратегий «мягкой силы» азиатскими государствами (Китаем, Японией, Ираном и Турцией). Авторами выявляется, что наибольшее внимание концепту уделяется в Китае, тогда как в странах мусульманской ойкумены не произошло официального закрепления «мягкой силы» в виде формализованных стратегий. Если в Турции существует аналог «мягкой силы» — «невидимая сила», то в Иране подобные концепты не встречаются в дискурсе. Делается вывод о том, что в исследуемых государствах национальные стратегии выстраиваются по аналогии с западным опытом. Особое внимание уделяется развитию культурных ресурсов и инструментов «мягкой силы».

К л ю ч е в ы е с л о в а: «мягкая сила», культурная дипломатия, азиатские государства, Китай, Япония, Иран, Турция.

Быстроменяющаяся геополитическая картина мира ставит перед государствами проблему поиска новых форм адекватного реагирования на возникающие угрозы и вызовы, а также задачу увеличения своего влияния на международной арене. На первый план выходит необходимость переосмысления понятий власти и властных отношений. В академической среде не утихают дискуссии о том, какой тип власти — «жесткий» или «мягкий» — сегодня использовать наиболее предпочтительно.

Концепт «мягкая сила», появившийся в 1990 г. [19], был встречен исследователями по-разному: одни приняли его в варианте, данном его автором Дж. Наем («способность достигать желаемого посредством притяжения, а не принуждения или платежей» [20, X]), другие стремились сформулировать свое определение, адаптировать его под нужды определенного государства, третьи подвергали его жесткой критике. В ходе развития научной дискуссии вокруг понятий силы и власти (power) можно отследить академическую моду как на использование самого термина «мягкая сила», так и на утверждение необходимости применения «мягких» или «жестких» стратегий в мировой политике. Например, в Китае до 2000 г. вышло всего 11 статей по данной теме, с 2001 по 2004 гг. — уже 58, а с середины 2000-х — более 6000 [15, 7]. Резкий скачок связан с провозглашением политического курса государства на построение «мягкой силы» с китайской спецификой. В нашей стране активному использованию термина в СМИ способствовало его упоминание высшими должностными лицами (например, статья В. В. Путина «Россия и меняющийся мир» [7]). В США популяризацией концепта активно занимался сам Дж. Най.

Приверженцы «мягких инструментов» полагают, что изменение глобальной системы создало «туманное пространство власти» (hazy power space), требующее

тщательной разработки новых подходов к власти [14, 11]. Они утверждают, что сегодняшний интерес к неолиберализму и конструктивизму не случаен: данные парадигмы отражают изменяющийся характер мировой политики. Рост значимости «мягкой силы», по их мнению, обусловлен использованием следующих факторов: 1) взаимозависимостью национальных экономик, приведшей к смене приоритета с принуждения на сотрудничество; 2) увеличением затрат при использовании силы, особенно среди ядерных держав; 3) утверждением, по крайней мере на Западе, «процветающего общества», членов которого не увлекает «этика войны»; 4) развитием гражданского самосознания и сетевого сотрудничества [Там же, 26].

«Мягкая сила» проистекает из двух основных источников:

1) международного источника (уважение к соблюдению международных норм, соблюдение договоров и обязательств, стремление к многосторонности в политике и избегание одностороннего подхода, внесение вклада в общее дело, политика открытости экономики);

2) внутреннего источника, складывающегося из «культурной силы» и политических институтов (развитая культура, высокое качество жизни, гражданские свободы, либерализм, плюрализм, демократия и др.) [Там же, 18].

В то же время некоторые исследователи полагают, что либеральное общество не является необходимым условием для формирования «культурной силы». В качестве примера они приводят Саудовскую Аравию — центр мусульманского и арабского мира, имеющий большое международное влияние. Кроме того, они отмечают, что развитие либерально-демократических ценностей — это достаточное, но не необходимое условие для развития «мягкой силы». Так, Сингапур, не являясь «маяком либерализма», вызывает восхищение своей стабильной и хорошо функционирующей системой управления [Там же].

Таким образом, признается, что возможна успешная рецепция концепта и стратегий «мягкой силы» странами, не принадлежащими к западному миру. Перейдем к рассмотрению интерпретаций теории и стратегий «мягкой силы» различными азиатскими государствами.

В КНР термин «мягкая сила» прочно вошел в академический и политический дискурсы. Можно выделить несколько подходов к исследуемому концепту в трудах китайских ученых. В рамках структурного подхода исследователи выделяют источники «мягкой силы» и формируют ее модели. Например, выделяются такие источники, как многосторонняя дипломатия, культурная дипломатия, программы внешней помощи. Другой вариант источников «мягкой силы» включает ассимилирующую силу (культурные ценности, идеология), институциональную силу (создание международных институтов, установление повестки дня интернациональных форумов и организаций), идентифицирующую силу (влияние страны на другие государства посредством признания ее ведущей роли) [17]. Ресурсный подход предлагает определение характера силы через ресурсы: власть считается «мягкой», если используются мягкие, нематериальные ресурсы, и «жесткой», если используются материальные ресурсы, принуждение [16]. Китайские исследователи, придерживающиеся критического подхода, считают, что КНР уже давно «колонизирована» западными идеями. Ученые используют западную

эпистемологию, заимствуют элементы чужих дискурсов. В то же время цивилизация не может стать могущественной без построения собственной системы знаний, поэтому предлагается ослабление правительственного контроля над наукой и ее стимуляция [21]. Еще более скептически настроенные авторы полагают, что «мягкая сила» — чисто американская концепция, которая была некорректно интерпретирована китайскими исследователями. Вместо нее лучше использовать китайскую концепцию «соглашательства» («huaiyou») — древнекитайскую стратегию управления, означающую умиротворение и завоевание иностранной аудитории посредством торговых отношений [Там же].

Любопытно, что в Китае и некоторых других азиатских странах (например, в Казахстане) считается возможным использование «мягкой силы» для решения не только международных, но и внутренних проблем. Стратегия «мягкой силы» должна «создавать консолидирующую идею, своего рода осевой фактор развития» [3].

Практическая реализация стратегии «мягкой силы» в Китае включает проекты, диверсифицированные по различным регионам и странам: культурные и научно-образовательные инициативы (например, в рамках Института Конфуция), спортивные мероприятия, активное использование СМИ, развитие местных брендов, создание «мозговых центров», экологические проекты. Интересно, что инвестиционная деятельность, часто относимая исследователями к «жесткой силе», в КНР считается «мягкой». Расходы Китая на «мягкую власть» в последнее десятилетие достигли 10 млрд долларов в год [22]. Это больше, чем совокупные государственные расходы Великобритании, США, Германии, Франции и Японии на «мягкую силу». При этом нельзя сказать, что все «мягкие» инициативы Китая находят позитивный отклик. Влияние КНР ослабляют следующие факторы [8, 31]:

1) экономические (торговое сальдо стран–партнеров Юго-Восточной Азии с Китаем складывается не в пользу первых);

2) плохая экологическая репутация;

3) риски культурной экспансии, непрезентабельный имидж китайских туристов;

4) нерешенные территориальные споры с государствами-соседями;

5) нарушение прав человека.

В одной из последних статей Дж. Ная [6] говорится о том, что Китай полагается на «острую силу» («sharp power») в противовес «мягкой силе». «Острая сила» помогает авторитарным режимам контролировать поведение граждан внутри страны и манипулировать мнением за рубежом. «Острая сила» — это тип «жесткой силы», связанный с манипулированием информацией. Правдивость и открытость создают разделительную линию между «мягкой» и «острой» силами при реализации общественной дипломатии. Китай может увеличить «мягкую силу», если ослабит жесткий партийный контроль над гражданским обществом.

В Японии, как и в Китае, термин «мягкая сила» активно используется исследователями, политиками и журналистами. Необходимость обращения к «мягким» стратегиям возникла у данного государства после окончания Второй мировой войны: стояла задача изменения «милитаристского» имиджа на более мирный.

По мнению Дж. Ная, сегодня Япония обладает большим потенциалом «мягкой силы», чем прочие азиатские государства, так как это первая страна, которая провела успешную модернизацию наравне с Западом [20, 85].

В настоящее время стратегии «мягкой силы» Японии ориентированы в основном на интересы местного бизнеса. Авторы выделяют два направления действия: первое нацелено на высокоразвитые страны с большим ресурсным потенциалом и развитыми рынками (Соединенные Штаты, Италия, Южная Корея, Франция, Бразилия и др.), второе — на развивающиеся страны. Если в первом случае ставится задача продвижения интересов японского бизнеса, то во втором — демонстрация экономической привлекательности общества и государства [4, 192].

Лозунг «Cool Japan» («Крутая Япония»), предложенный американским журналистом Дугласом МакГреем [18], стал инструментом увеличения «мягкой силы» страны. Национальные бренды, умение их продвигать и порождать увеличивают привлекательность Японии на международной арене. Этот лозунг особенно популярен у молодежной аудитории. Сегодня предлагаются следующие мероприятия в рамках стратегии «Cool Japan»:

- 1) соединение множества существующих инициатив в одну стратегию;
- 2) налаживание контактов между правительственными структурами и частным сектором;
- 3) создание Центра человеческих ресурсов и привлечение творческих людей со всего мира;
- 4) популяризация японских достопримечательностей (в том числе региональных), их реорганизация с точки зрения повышения привлекательности в глазах иностранцев [12].

На институциональном уровне поддержкой стратегий «мягкой силы» занимается Министерство иностранных дел, которое способствует продвижению японской культуры и языка при содействии Японского фонда. Менее известными проводниками «мягкой силы» являются японские центры, которые были созданы в странах с переходной экономикой — Вьетнаме, Камбодже, Казахстане, Узбекистане и др. Среди услуг этих центров значатся бизнес-курсы, обучение языку, а также программы, нацеленные на улучшение взаимопонимания и доверия [4, 195].

Наибольшей спецификой в понимании и использовании «мягкой силы» в пространстве Азиатского региона обладают страны мусульманской ойкумены. Данная группа стран имеет наименьший уровень секуляризации, что позволяет религии оказывать значимое влияние на все сферы функционирования общества, в том числе и на формирование национальных стратегий «мягкого» воздействия. В отличие от большинства иных стран региона большая часть исламских государств находилась либо в прямой колониальной зависимости, либо была объектом прямой экспансии со стороны стран Запада, поэтому для них характерно выстраивание национальных моделей «мягкой силы» по европейскому образцу. С другой стороны, влияние внутренней политики и конфронтационных отношений со странами Запада приводят к необходимости создания собственных аутентичных моделей.

В данных моделях не представляется возможным четкая делимитация «мягкой» и «жесткой» силы. Кроме того, различия в восприятии мировой политики

между жителями Запада и Востока подразумевают, что ряд шагов, воспринимаемых в западных странах как однозначно «жесткие», могут не восприниматься таковыми в исламских странах. Вместе с тем отметим, что вопрос о невозможности четкой делимитации двух данных сфер уже неоднократно поднимался в отечественной науке [10]. В отличие от стран Запада использование «мягкой силы» в странах исламского Востока носит ситуативный характер и нацелено на получение перманентных политических выгод. Из этого следует основная особенность — отсутствие официального закрепления «мягкой силы» в виде формализованной стратегии в правительственных документах.

Наиболее значимым потенциалом «мягкой силы» в мусульманском мире обладают Турция и Исламская Республика Иран. «Мягкая сила» Турецкой Республики исторически восходит к реформам Мустафы Кемалю в первой половине XX в., когда монархическое традиционалистское государство Османская империя было преобразовано в республику европейского типа. Данный вектор был подтвержден в дальнейшем: курс на евроинтеграцию и реформы Тургута Озала (1983–1989), направленные на унификацию правовой и политической системы страны с нормами Европейского союза.

Подход к «мягкой силе» изменился с приходом к власти умеренно-исламистской Партии справедливости и развития во главе с ее лидером Реждепом Тайипом Эрдоганом. Его политический курс отходит от национализма и пантюркизма в угоду исламской ориентации, а на волне роста евроскептицизма демократический имидж изменяется на образ эффективной автократии, обосновываемый принципом «баланса между безопасностью и демократией» [11]. Турецкие исследователи рассматривают данные процессы как попытку синтеза турецкого национализма и исламского традиционализма [23], базой для которого выступает формирование новой стратегии «мягкой силы».

Неформальным идеологом «мягкой силы» Турецкой Республики является бывший глава правительства и бывший министр иностранных дел профессор Ахмет Давутоглу. Выдвинутая им концепция «невидимой силы» показывает возможность достижения внешнеполитических успехов за счет гуманитарного и дипломатического воздействия [13]. Данная концепция является национальным вариантом рецепции понятия «мягкая сила». Как отмечается отечественными экспертами, «концепт “мягкой силы” Анкары можно рассматривать как результат синтеза различных подходов, составляющих теоретическую базу современной внешней политики, которая постоянно расширяется и усложняется по мере разработки новых идей» [1, 70].

Можно выделить ряд направлений «мягкой силы» в современной Турции.

Во-первых, это турецкий кинематограф. Особенно это касается современных сериалов (например, «Великолепный век»), снискавших высокую популярность в мусульманских странах и на постсоветском пространстве: «Данное утверждение может быть ярко проиллюстрировано феноменом турецких сериалов, масштабная трансляция которых ведется в государствах, входящих в сферу геополитических интересов Турции, то есть на территории от Ближнего и Среднего Востока до Магриба и Балкан включительно» [2].

Во-вторых, туристический кластер. Росту привлекательности государства активно способствуют маркетинговые кампании, направленные на привлечение в страну туристов и ориентированные скорее не на рекламу конкретных курортов, а на создание благоприятного образа страны в целом. Этому активно способствуют крупные коммерческие компании, наиболее известной из которых в РФ является авиакомпания Turkish Airlines.

В-третьих, образовательные программы. Значительно увеличивает влияние и престиж турецкого образования международная сеть лицеев, ассоциированная с религиозной организацией «Хизмет» и ее лидером Фетхуллахом Гюленом. Несмотря на светский характер образования, среди «наиболее одаренных учеников велась скрытая религиозная пропаганда, их делали адептами джамаата Гюлена. Внешнеполитическая стратегия Турции на постсоветском пространстве заключалась в том, чтобы воспитать новое поколение элиты тюркских республик бывшего СССР, которое будет комплементарно относиться к Турции» [9]. Аналогичные процессы наблюдались и в других странах, особенно африканских. В последнее время эффективность данного ресурса снижается, так как лидер движения был назван Реджепом Эрдоганом основным зачинщиком попытки государственного переворота в 2016 г., правительство требует его экстрадиции из США.

В сфере высшего образования реализуются программы фонда исследования тюркского мира «Туран», в рамках которых предоставляются стипендии студентам для поступления в турецкие образовательные учреждения. Наиболее влиятельным является Босфорский университет, преподавание в котором ведется на английском языке, а сам вуз входит в Утрехтскую сеть и Ассоциацию средиземноморских университетов.

В-четвертых, культурные связи. Для популяризации культуры создана международная организация тюркской культуры (ТюрКСОЙ), возглавляемая бывшим министром культуры Казахстана Дюсеном Касеиновым. Значимое влияние оказывают отдельные культурные проекты. Например, «Тюрковидение» — турецкий аналог конкурса «Евровидение» — предоставляет площадку для выступления исполнителей из различных тюркоязычных стран и регионов.

Наиболее влиятельным инструментом культурной дипломатии является институт имени Юнуса Эмре. На его базе в различных странах создано множество центров, основная задача которых — продвижение турецкой культуры и языка. «С 2009 года было открыто 27 центров, входящих в Институт им. Юнуса Эмре по всему миру. На территории России такие центры появились в 2012 году, и пока их действовало два: один — в Москве, второй — в Казани. Примечательно, что Центр изучения Турции Института им. Юнуса Эмре, базировавшийся в Казанском федеральном университете, был открыт даже раньше, чем в столице России. После начала российско-турецкого конфликта в ноябре 2015 года оба центра были [закрыты]» [Там же].

В-пятых, политические институты и международные соглашения. Для создания каналов межгосударственного сотрудничества страна заключает двусторонние договоры, ключевыми из которых являются соглашения о стратегическом партнерстве с Казахстаном (2009) и Азербайджаном (2010). Для системной работы

была создана специальная международная организация — Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТюркПА) со штаб-квартирой в Баку. Разработаны и широко освещаются новые принципы внешней политики, такие как «политика нулевых проблем» по отношению к соседям или «проактивная и преимущественно мирная дипломатия» [11].

В целом национальная стратегия «мягкой силы» современной Турции выстроена как рецепция западного опыта, переосмысленная правящей Партией справедливости и развития. Ее основное направление — политическая унификация и интеграция тюркской культуры на основе турецкой, колоссальным успехом чего стали языковые реформы в Азербайджане и Казахстане. Также Турция проявляет активный интерес к «мягкой» экспансии в арабские страны.

Совершенно иной характер носит национальная стратегия «мягкой силы» Исламской Республики Иран. Несмотря на схожесть исторических условий развития с Турцией, локальная модель также формировалась как рецепция европейского опыта вследствие вестернизации, ее переосмысление было более значительным. Институциональную конъюнктуру для этого создала Исламская революция (1978–1979), которая привела к абсолютизации религиозного влияния в общественной жизни. В свою очередь, это также наложило значимые ограничения на реализацию «мягкой силы».

В отличие от Турции использование «мягкой силы» в современном Иране еще менее формализовано. Данный концепт, как явление Запада, или его аналоги не встречаются в местном дискурсе. Более того, иным является само понимание границы между «жестким» и «мягким», так как на протяжении долгого времени основным вектором внешней политики служили попытки экспорта исламской революции.

Иран является единственной шиитской страной в мире, где религия оказывает значимое влияние на политический процесс, поэтому основным объектом «мягкой силы» являются не государства, а различные меньшинства — этнические и социальные группы. В их число входят также парамилитарные формирования («Хезболла» и «Ансар Алла»), признанные в ряде государств экстремистскими.

Наиболее классическое «западное» понимание «мягкой силы» прослеживалось в деятельности президента Мохаммада Хатами (каденция 1997–2005 гг.). Выдвинутые им концепции «исламского гражданского общества» и «диалога цивилизаций» предполагали создание позитивного имиджа за счет превращения страны в культурный мост между Западом и Востоком. Основной целью государства объявлялась защита прав и свобод граждан, особое внимание уделялось транзиту технологий и проведению политики мультикультурализма.

Данная политика была свернута его сменщиком Махмудом Ахмадинежадом (каденция 2005–2013 гг.). Поддерживаемый реакционными слоями населения, он добавил множество «жестких» элементов во внешнюю политику Ирана, наиболее значимым из которых стала ядерная программа. Несмотря на конфликтную риторику и резкое падение привлекательности в странах Запада, его правительство продолжило курс на создание целостной системы «мягкой силы» с опорой на культуру. «Несмотря на жесткие позиции по ряду вопросов и революционную

риторику, [важна] именно национально-культурная общность как отправная точка для укрепления связей между государствами региона» [5].

Именно при Ахмадинежаде в 2012 г. был создан фонд «Саади» — международная структура, основной целью которой является продвижение и популяризация изучения фарси. Также именно при нем оформились два основных направления «мягкой силы» Ирана:

- 1) взаимодействие с иранскими этносами и близкими по культуре народностями;
- 2) всесторонняя, в том числе вооруженная, поддержка шиитских образований по всему миру.

Первое направление представлено попытками создания двусторонних связей с персидскими народностями и стремлением к унификации языков на основе иранской нормы. В 1990-е гг. иранское правительство активно подталкивало Таджикистан к дублированию таджикского языка арабской письменностью и его приведению к стандартам фарси. Несмотря на отказ правительства от подобной реформы, следствием этих идей стала дерусификация таджикских фамилий. К другим ираноязычным народам, частично или полностью проживающих за пределами Исламской Республики Иран, относятся курды, заза, осетины, тальши, белуджи, памирцы, говорящие на дари и пушту жители Афганистана и Пакистана.

Второе направление представлено работой по созданию особых связей с проживающими за рубежом шиитами и религиозными группами, приравненными к шиитам фетвами. К ним относятся арабы-шииты Ирака, алавиты в Сирии, «Хезболла» в Ливане, шиитское население Бахрейна, йеменская зейдитская организация «Ансар Алла», афганское формирование «Фатимиюн».

Принципиальный курс на всестороннюю поддержку по двум данным направлениям, вкупе с ориентацией на обретение полноценного национального суверенитета, хоть и негативно отразился на имидже страны в целом, вызывает симпатию среди большого количества населения в исламских странах.

Снизить имиджевые потери старается нынешний президент Хасан Роухани (каденция с 2013 г.). Его курс основан на взвешенной политике, включающей последовательные уступки во внешней политике, компенсируемые активизацией парадипломатии и связями с лояльными Ирану группами в иностранных государствах.

Рассмотренные примеры позволяют выделить особенности рецепции «мягкой силы» азиатскими государствами. Несмотря на локальную специфику, во всех исследуемых странах национальные стратегии «мягкой силы» выстраиваются по аналогии с передовым европейским опытом. Базой для стратегии служит международный институт, поддерживающий культурные и языковые связи. Турция дополняет его воздействие масштабной сетью различных проектов и международных организаций как государственного, так и частного толка. Китай поддерживает деятельность Института Конфуция, Япония — Японского фонда и японских центров. Иран делает акцент на особую роль государства во внешнеполитическом продвижении. Его стратегия основана на поддержании баланса «мягких» и «жестких» методов, в рамках которого последние могут иметь

сравнительно большую привлекательность для жителей мусульманских стран. Вектор стратегий «мягкой силы» исследуемых государств направлен на разные аудитории: в случае Китая это и международная, и внутренняя аудитории; для Японии характерна ориентация на прогрессивные молодежные творческие слои и бизнес; «невидимая сила» Турции направлена на довольно широкую зарубежную аудиторию, а объектом воздействия «мягкой силы» Ирана являются отдельные этнические и социальные группы.

1. Алиева А. И. «Мягкая сила» в современной внешней политике Турции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25 : Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 63–94.
2. Зубков А. И. Мягкая сила Турции: феномен «Soft power» как инструмент культурной дипломатии // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия : Политология. 2015. № 2. С. 52–62.
3. Каримова Г. Возможности применения стратегии «мягкой силы» в рамках азиатских цивилизационных пространств [Электронный ресурс]. URL: http://www.cps.uz/rus/analytics/publications/vozmojnosti_primeneniya_strategii_myagkoy_sili_v_ramkax_aziatskix_ivilizaionnix_prostranstv.mgr (дата обращения: 13.02.2013).
4. Королев В. А., Кудрявцева С. С. «Мягкая сила» современной Японии: опыт и направления развития // Вестн. междунар. организаций. 2014. Т. 9, № 2. С. 190–208.
5. Курьяев К. П., Никулин М. А., Гончаров А. А. «Мягкая сила» культурной дипломатии Исламской Республики Иран // Вестн. МГОУ. Сер. : История и политические науки. 2017. № 2. С. 46–55.
6. Най Дж. Мягкая и резкая сила Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-soft-and-sharp-power-by-joseph-s--nye-2018-01> (дата обращения: 05.03.2018).
7. Путин В. В. Россия и меняющийся мир. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 16.12.2018).
8. Рогожина Н. Г. «Мягкая сила» в политике Китая в странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 34. С. 24–33.
9. Сулейманов Р. Р. «Мягкая сила» Турции в Татарстане: инфраструктура влияния Анкары в регионе в постсоветский период // Человеческий капитал. 2016. № 2. С. 115–117.
10. Табарницца-Романова К. М. Эволюционные изменения концептов: «мягкая сила», культурная политика и внешнеполитический имидж // Дневник АШПИ. 2017. № 33. С. 21–25.
11. Cirlig C. Turkey's regional power aspirations [Electronic resource]. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/bibliotheque/briefing/2013/120425/LDM_BRI\(2013\)120425_REV1_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/bibliotheque/briefing/2013/120425/LDM_BRI(2013)120425_REV1_EN.pdf) (accessed: 01.03.2018).
12. Cool Japan Strategy Public-Private Collaboration Initiative [Electronic resource]. URL: http://www.cao.go.jp/cool_japan/english/pdf/published_document1.pdf (accessed: 21.03.2017).
13. Davutoğlu A. Turkey's foreign policy vision: an assessment of 2007 // Insight Turkey. 2008. Vol. 10, № 1. P. 77–96.
14. Gallarotti G. M., Chatin M. The BRICS and Soft Power-An Introduction // Journal of Political Power. 2016. Vol. 9, Iss. 3. P. 1–35.
15. Huang C. China's soft power in East Asia. A question for status and Influence // The national bureau of Asian research. 2013. 22 p.
16. Lee G. A theory of soft power and Korea's soft power strategy 2012 [Electronic resource]. URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10163270902913962#.U0LvAKh_tyw (accessed: 08.04.2014).
17. Li M. Soft Power. China's Emerging Strategy in International Politics [Electronic resource]. URL: http://alera.info/temp/hti5m03jtj_8559.pdf (accessed: 02.02.2018).
18. McGray D. Japan's Gross National Cool [Electronic resource]. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2002/05/01/japans_gross_national_cool (accessed: 19.01.2017).

19. *Nye J.* Soft power // *Foreign Policy*. 1990. № 80. P. 153–171.
20. *Nye J.* Soft power: the means to success in world politics. *Public Affairs*, 2004. 191 p.
21. Scholars and Media on China's Cultural Soft Power [Electronic resource]. URL: <https://www.wilsoncenter.org/scholars-and-media-chinas-cultural-soft-power> (accessed: 07.02.2017).
22. Soft power 30 [Electronic resource]. URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf> (accessed: 16.12.2018).
23. *Yeşiltaş M.* The Transformation of the Geopolitical Vision in Turkish Foreign Policy // *Turkish Studies*. 2013. Vol. 14, Iss. 4. P. 661–687.

Рукопись поступила в редакцию 15 мая 2018 г.

УДК 323.1(450) + 327.7 + 340.12 + 325.254.4

Е. Д. Крапивницкая

СУБСИДИАРНАЯ И ГУМАНИТАРНАЯ ЗАЩИТА ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ В ИТАЛИИ

Кризис Дублинской системы показал, что, несмотря на единые общеевропейские стандарты, миграционная политика зачастую выстраивается государствами-участниками самостоятельно. В статье рассматривается современный опыт Итальянской Республики в сфере предоставления международной и гуманитарной защиты в условиях массового наплыва мигрантов. Анализируется итальянское законодательство, направленное на реализацию права на убежище в соответствии с международными и региональными стандартами прав человека. Дается толкование существующих на территории Италии видов защиты вынужденных мигрантов. Особое внимание уделяется анализу оснований предоставления статуса бенефициара субсидиарной защиты, а также подробно исследуются причины оказания гуманитарной защиты в случае отказа в статусе международной защиты. Делается вывод о возрастающем значении защиты прав человека во внешней политике государства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Италия, Европейский союз, права человека, международная защита, убежище, беженцы, субсидиарная защита, гуманитарная защита.

Вопрос вынужденной миграции и предоставления международной защиты на территории Итальянской Республики является особенно актуальным. В силу своего приграничного географического положения в Европейском союзе Италия одной из первых принимает на себя удары миграционных волн. Предоставление убежища на своей территории является ярким подтверждением сформировавшихся традиций толерантности и уважения прав человека и основных свобод [1]. Соблюдение прав человека является также обязательным условием реализации международных обязательств Италии, направленных на обеспечение мира и безопасности. Только в 2017 г. она приняла к рассмотрению около 130 тыс. прошений от искателей убежища [10].

На общеевропейском уровне существует два вида международной защиты — статус беженца и статус бенефициара субсидиарной защиты, которые были

установлены Директивой Еврокомиссии 2004/83/СЕ [9] и затем введены в правовую систему Италии Законодательным декретом 251/2007 [17].

В соответствии с Конвенцией о статусе беженцев 1951 г. лицо признается беженцем, если оно соответствует критериям, закрепленным в ст. 1 Конвенции. Согласно п. 2 данной статьи под термином «беженец» подразумевается лицо, которое «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений» [4]. Только наличие всех перечисленных критериев позволяет определить то или иное лицо в качестве беженца [5].

Очевидно, однако, что в современных условиях, характеризующихся наличием большого числа вооруженных конфликтов, гражданских войн и других кризисов в странах исхода, существующие механизмы не способны обеспечить прием и защиту вынужденных мигрантов, которые не отвечают критериям Конвенции 1951 г., но тем не менее нуждаются в международной защите по другим причинам [3]. Изменился не только количественный, но и качественный состав миграционных потоков в Европу [6, 125]. Как утверждают многие исследователи, положения Конвенции не в полной мере соответствуют современным реалиям и проблемам беженцев [2, 349], а ограничивающее толкование понятия «беженец» не может сократить количество мигрантов, которые желают получить убежище, но не подпадают под статус беженца. Поэтому законодательство стран Европейского союза справедливо предусматривает необходимость предоставления защиты лицам, которые хотят спастись от войны или опасаются смертной казни, насилия и пыток [19]. Эти меры называются «дополнительной формой защиты» или, как указывается в европейских документах, «субсидиарной защитой». Кроме того, европейские государства предусматривают возможность предоставления «временной» или «гуманитарной» защиты, не являющейся формой международной защиты, лицам, которые могут подвергнуться систематическому нарушению своих прав в странах происхождения, а также жертвам стихийных бедствий и некоторым другим уязвимым категориям [21]. На практике такая мера позволяет защитить вынужденных мигрантов и оказать им помощь, не определяя при этом их статус.

Таким образом, в случае если искатель убежища не подпадает в полном объеме под определение беженца (*rifugiato*), то в Италии, как и в других европейских странах, ему может оказываться субсидиарная защита (*protezione sussidiaria*). Она предоставляется мигрантам, не являющимся гражданами ЕС или аполидам, подавшим прошение о международной защите и не имеющим соответствующих оснований для получения статуса беженца, в отношении которых, однако, установлены опасность нанесения им «серьезного ущерба» при возвращении в страну исхода и невозможность получить там защиту. Согласно ст. 14 Законодательного декрета 251/2007 под «серьезным ущербом» понимается: 1) вынесение смертного

приговора или приведение его в исполнение; 2) пытки или какое-либо другое наказание или бесчеловечное и унижающее достоинство обращение; 3) серьезная и индивидуальная угроза жизни или личности гражданского лица на его родине в результате насилия, не имеющего дискриминационного характера, в связи с боевыми действиями из-за внутреннего или международного вооруженного конфликта [17]. Таким образом, субсидиарная защита применяется в отношении лиц, находящихся в ситуациях, при которых существует один из перечисленных факторов риска, но отсутствуют акт незаконного преследования и соответствующие обстоятельства, предусмотренные Женевской конвенцией 1951 г.

Прошение о международной защите может быть подано сразу же по прибытии на территорию Италии в отделении приграничной полиции или же в квестуре (местном отделении государственной полиции). Прошение принимается на рассмотрение, если полиция устанавливает, что в данном случае Италия является страной, компетентной в предоставлении международной защиты. В этом случае полиция сразу же выдает иностранцу справку, в которой указана информация об ожидании рассмотрения ходатайства и дальнейшей выдачи вида на жительство.

Статус бенефициара субсидиарной защиты предоставляется по завершении процедуры рассмотрения ходатайства о международной защите, в ходе которой устанавливается недостаточность оснований для присвоения просителю статуса беженца. Решение о предоставлении того или иного статуса принимает Территориальная комиссия по вопросам признания международной защиты (*Commissione territoriale per il riconoscimento della protezione internazionale*). На основании предоставления Комиссией статуса субсидиарной защиты квестура выдает вид на жительство (*permesso di soggiorno*) сроком до 5 лет с возможностью продления [18]. Важно отметить, что статус субсидиарной защиты может быть прекращен или может не продлеваться, если обстоятельства, которые стали причиной наделения им заявителя, больше не существуют или значительно изменились и, следовательно, защита больше не требуется [17].

Вид на жительство на основании предоставления субсидиарной защиты дает бенефициару право на рабочую деятельность, посещение курсов профессиональной подготовки и повышения квалификации; доступ к системе образования; медицинское обслуживание и обязательную регистрацию в Национальной системе здравоохранения (*Sistema Sanitario Nazionale*); социальную помощь, выплаты пенсионного фонда и выплаты по материнству; воссоединение с семьей; участие в распределении государственного жилья; проездной документ для выезда за границу. Лица со статусом субсидиарной защиты могут конвертировать свой вид на жительство в рабочий, а также подать заявление на получение долгосрочного вида на жительство.

В Италии также существует институт гуманитарной защиты (*protezione umanitaria*), не являющейся формой международной защиты, предусмотренной в ЕС [20, 78]. Он также встречается в правовых системах других государств-членов, например, Дании и Финляндии, но с некоторыми различиями [8]. В отличие от международной защиты институт гуманитарной защиты не должен строго соответствовать международным или европейским стандартам, поскольку

не является обязательным, хотя и представляет собой реализацию международных обязательств государства [23]. Данный институт направлен на защиту лиц, которые не попадают под категорию беженцев или бенефициаров subsidiарной защиты, но в отношении которых установлены серьезные основания гуманитарного характера для предоставления им защиты согласно международным нормам и обязательствам, вытекающим в особенности из Европейской конвенции по правам человека.

Согласно ст. 5 п. 6 Законодательного декрета 286/98 «Единый текст об иммиграции» (*Testo Unico su Immigrazione*) «отказ в виде на жительство или его аннулирование могут быть осуществлены исходя из международных конвенций или договоров, ратифицированных в Италии, когда иностранец не удовлетворяет условиям пребывания, применяемым в одном из договаривающихся государств, за исключением случаев, когда имеются серьезные основания, в частности, гуманитарного характера или вытекающие из конституционных или международных обязательств Итальянского Государства» [12].

Кроме того, среди международных обязательств, исходя из которых оказывается гуманитарная защита, необходимо также выделить принцип «невысылки» (*non-refoulement*), содержащийся в ст. 33 Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 г., ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и в других международных документах, которые ограничивают деятельность Итальянской Республики в данной сфере [4]; ЕСПЧ также придерживается мнения, что никто не может быть выслан, если в его отношении существует угроза насилия и бесчеловечного обращения или какая-либо другая угроза жизни и свободе [7].

Итальянская правовая система предусматривает оказание гуманитарной защиты в следующих случаях:

1) иностранцу, которому отказано в предоставлении статуса беженца или бенефициара subsidiарной защиты, но в отношении которого установлена необходимость защиты гуманитарного характера, а также в случае прекращения или отзыва статуса международной защиты Национальной комиссией по праву убежища (ст. 32 п. 3 и ст. 33 п. 3 Законодательного декрета 25/2008) [15];

2) иностранцу, который не может быть выдворен или возвращен в страну исхода из-за риска стать жертвой преследований по признаку расы, пола, языка, гражданства, религии, политических убеждений, личных или социальных условий, а также риска быть отправленным в иное государство, в котором он не будет защищен от преследований (ст. 19 п. 1 Законодательного декрета 286/1998 и ст. 28 п. 1 Декрета Президента Республики 394/99) [12, 13]. Предусматривается, что отказ в предоставлении убежища, высылка или выдача какого-либо лица государству не допускаются, если имеются разумные основания полагать, что данное лицо может стать жертвой насилия и пыток. При оценке этих оснований также учитывается существование в данном государстве систематических и серьезных нарушений прав человека (ст. 19 п. 1-бис Законодательного декрета 286/1998) [12];

3) иностранцу, который может предоставить в квестуру документацию об объективных и серьезных личных ситуациях, которые не позволяют применить в его отношении процедуру выдворения с национальной территории [13].

Например, иностранцу, который получил постановление апелляционного суда, отклоняющее требование об экстрадиции или исполнении европейского ордера на арест за совершение политических преступлений из-за нарушения в стране выдворения права на защиту или из-за риска стать жертвой пыток. Кроме того, он не может быть депортирован, если в государстве депортации существует внутренний или международный конфликт или же на его территории он может быть приговорен к смертной казни или пыткам, даже учитывая наличие причин для прекращения или отзыва статуса международной защиты;

4) иностранному бенефициару мер временной защиты, устанавливаемых декретом Председателя Совета министров в соответствии со ст. 20 Законодательного декрета № 286/1998 (в случае конфликтов, природных катастроф и других особо тяжелых ситуаций в странах, не входящих в ЕС), а также вследствие предоставления временной защиты Европейским советом [14];

5) иностранцу, в отношении которого в ходе полицейских операций, расследований или судебных разбирательств по преступлениям, указанным в ст. 3 Закона 75/1958 и ст. 380 Уголовно-процессуального кодекса, или во время оказания помощи социальными службами местных органов власти выявлены случаи насилия или эксплуатации, а также реальной угрозы его дальнейшей безопасности в силу попыток выйти из-под влияния лиц, совершивших вышеперечисленные преступления, или ввиду заявлений, сделанных в ходе предварительных расследований или судебных разбирательств (Программа социальной защиты и интеграции, ст. 18 Законодательного декрета 286/1998) [12];

6) иностранцу, в отношении которого в ходе полицейских операций, расследований или судебных разбирательств по преступлениям, указанным в ст. 572, 582, 583, 583-бис, 605, 609-бис, 612-бис Уголовного кодекса и в ст. 380 Уголовно-процессуального кодекса и совершенным в рамках бытового насилия на территории государства, установлены случаи насилия или жестокого обращения, а также реальной угрозы его дальнейшей безопасности вследствие попыток избежать этого насилия или ввиду заявлений, сделанных в ходе предварительных расследований или судебных разбирательств (ст. 18-бис Законодательного декрета 286/1998) [Там же];

7) иностранцу, ставшему жертвой трудовой эксплуатации, который подал заявление в полицию или сотрудничал по уголовному делу, возбужденному в отношении работодателя (ст. 22 п. 12-бис и 12-кватор Законодательного декрета 286/1998) [Там же].

Срок действия вида на жительство в связи с получением гуманитарной защиты зависит от дальнейшего сохранения обстоятельств, послуживших причиной его выдачи. Так, окончание запрета на высылку является достаточным основанием для отзыва или отказа в продлении вида на жительство, выданного ранее. Тем не менее иностранному гражданину оставляется возможность получить вид на жительство по иной причине, при условии наличия необходимых оснований, предусмотренных законом в зависимости от случая.

Данный тип вида на жительство всегда выдается квестором (начальником квестуры), но на двух различных основаниях. В первом случае — на основе

рекомендации, направленной в рамках рассмотрения ходатайства о международной защите, со стороны Территориальной комиссии по предоставлению международной защиты или решения квестора, которое иностранный гражданин запрашивает напрямую, то есть в рамках процедуры предоставления убежища [15, 12]. Во втором случае иностранный гражданин должен самостоятельно подать запрос, заполнив необходимые бланки, предоставленные ему Единой миграционной службой (*Sportello Unico per l'Immigrazione*). В данном случае принимать решение будет уже квестура, то есть рассмотрение дела происходит вне установленной процедуры предоставления убежища.

Вид на жительство выдается также в отсутствие паспорта и других документов, необходимых для получения других стандартных видов на жительство, например справки о наличии достаточных средств существования или жилья согласно установленным нормам. Также не оплачивается налог за документ, обязательными являются только почтовый сбор и гербовая марка. Длительность вида на жительство в связи с предоставлением гуманитарной защиты зависит непосредственно от причин его выдачи и на практике варьируется от 6 месяцев до 2 лет. В случае если решение принято вследствие рассмотрения ходатайства Территориальной комиссией и установленной ею невозможностью присвоения статуса беженца или бенефициара субсидиарной защиты, он выдается на 2 года и может продлеваться по мере того, как будут сохраняться обстоятельства, послужившие причиной его выдачи [16].

Что касается прав, гарантированных иностранцам, получившим вид на жительство по гуманитарным основаниям, то им разрешено заниматься рабочей деятельностью (как по найму, так и индивидуально), им обеспечен доступ к образованию, профессиональной подготовке и здравоохранению наравне с итальянскими гражданами, а также предоставляется возможность проживания в центрах приема [13, 12]. Кроме того, они могут получать социальную помощь, включая материальную, и пользоваться различными льготами наравне с бенефициарами субсидиарной защиты [12]. Данный тип вида на жительство может быть конвертирован в рабочий, но не может конвертироваться в долгосрочный. Также этот документ не предусматривает право на воссоединение с семьей в силу его временного характера, несмотря на то, что итальянские суды считают этот факт дискриминацией [21].

Говоря о гуманитарной защите, следует отметить недавнюю предвыборную кампанию, в ходе которой правоцентристские политические партии пообещали ее отмену в случае победы. «Вперед, Италия» (*Forza Italia*), «Лига Севера» (*Lega Nord*) и «Братья Италии» (*Fratelli d'Italia*) настаивают на том, что такой вид защиты является «дополнительным», и если у «мигрантов нет оснований для получения статуса беженца, то они должны отправляться обратно на родину» [22]. Такая позиция еще больше накалила и без того сложные отношения власти и иммигрантов. Однако, как показывает статистика, именно гуманитарная защита предоставляется наиболее часто и является показателем ответственности Италии в вопросе реализации права на убежище. Так, согласно данным за март 2018 г. из всех запросивших международную защиту в Италии (9843 человека) 38 %

получили удовлетворительный ответ, из которых статус беженца был присвоен лишь 6 % заявителей, статус бенефициара субсидиарной защиты — 4 %, а 28 % получили гуманитарную защиту [11]. В отношении остальных 62 % просителей комиссия приняла решение об отсутствии достаточных оснований для получения какой-либо из форм защиты. В большинстве случаев заявки отклоняются по причине признания лица «экономическим мигрантом».

Подводя итог, можно сказать, что в условиях массового наплыва вынужденных мигрантов в Италии сложилась особая трехуровневая система предоставления международной и гуманитарной защиты, которая позволяет лицам, не имеющим оснований для предоставления статуса беженца, получить статус бенефициара субсидиарной защиты, а лицам, не подпадающим под эти два вида международной защиты, — воспользоваться гуманитарной защитой. Такой активный прием вынужденных мигрантов подтверждает возрастающее значение защиты прав человека во внешней политике Италии и свидетельствует о выполнении ею универсальных и региональных стандартов в данной области. Однако специфика миграционных потоков в Италию показывает, что необходимо найти соответствующее решение вопроса о справедливом перераспределении вынужденных мигрантов в странах Европейского союза, поскольку, в силу своего приграничного положения, Италия, как страна «первого въезда», согласно Регламенту «Дублин III» [24], принимает огромное количество искателей убежища и, несмотря на все прилагаемые усилия, сотрудники государственных органов не успевают справляться с постоянно растущим миграционным потоком. Как следствие, рассмотрение заявлений значительно замедляется: в 2017 г. из 130 тыс. поданных прошений было рассмотрено чуть более 81 тыс., что на 10 тыс. меньше, чем в 2016 г. [25]. Ожидается, что пересмотр Регламента «Дублин III» и такие специальные меры, принятые в 2017 г. итальянским правительством, как существенное увеличение рабочих мест в Национальной и Территориальных комиссиях по предоставлению международной защиты, внесут ощутимый вклад в решение сложившейся ситуации и деятельность данных органов станет более эффективной.

1. *Богатырева О. Н., Крапивницкая Е. Д.* Беженцы и права, обеспечивающие выживание: международные и национальные стандарты (современный опыт Итальянской Республики) // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezhentsy-i-prava-obespechivayuschie-vyzhivanie-mezhdunarodnye-i-natsionalnye-standarty-sovremennyy-opyt-italyanskoj-respubliki> (дата обращения: 10.04.2018).

2. *Гудвин-Гилл Г. С.* Статус беженца в международном праве / пер. с англ. А. В. Иванченкова; под ред. М. И. Левиной. М., 1997.

3. Дополнительные/вспомогательные формы защиты: Сборник аналитических материалов и международно-правовых документов. Киев, 2004.

4. Конвенция о статусе беженцев от 28 июля 1951 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 13.04.2018).

5. *Масловский В. В.* Определение понятия «беженец» в международном праве // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2002. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://evolutio.info/content/view/520/53/> (дата обращения: 13.04.2018).

6. Михайленко В. И. Проблемы управления миграционными процессами в Европейском союзе // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2016. Т. 11, № 3. С. 123–134.
7. Caso di Hirsi Jamaa e altri c. Italia. Corte europea dei diritti dell'uomo . Sentenza 23 febbraio 2012 n. 27765/2009 [Electronic resource]. URL: <http://www.asgi.it/wp-content/uploads/public/cedu.caso.hirsi.jamaa.e.altri.c.italia.sentenza.del.23.febbraio.2012.pdf> (accessed: 12.04.2018).
8. Complementary protection in Europe. European Council on refugees and exiles, July 2009 [Electronic resource]. URL: <http://www.refworld.org/pdfid/4a72c9a72.pdf> (accessed: 13.04.2018).
9. Council Directive 2004/83/EC of 29 April 2004 “on minimum standards for the qualification and status of third country nationals or stateless persons as refugees or as persons who otherwise need international protection and the content of the protection granted” [Electronic resource]. URL: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/c22317ec-43eb-4f6a-955a-c1da055c9913/language-en> (accessed: 25.03.2018).
10. Dati asilo 2016–2017 [Electronic resource]. URL: http://www.libertaciviliimmigrazione.dlci.interno.gov.it/sites/default/files/allegati/dati_asilo_2017_.pdf (accessed: 10.04.2018).
11. Decisioni sull'Asilo. Confronto Febbraio 2018 – Marzo 2018 // Dati e statistiche della Commissione Nazionale per il Diritto di Asilo [Electronic resource]. URL: http://www.libertaciviliimmigrazione.dlci.interno.gov.it/sites/default/files/allegati/marzo_mensile_2018_.pdf (accessed: 12.04.2018).
12. Decreto Legislativo № 286/1998 [Electronic resource]. URL: <http://www.camera.it/parlam/leggi/deleghe/98286dl.htm> (accessed: 12.03.2018).
13. Decreto del Presidente della Repubblica № 394/1999 [Electronic resource]. URL: http://www.esteri.it/mae/normative/normativa_consolare/visti/dpr_394_1999.pdf (accessed: 12.03.2018).
14. Decreto Legislativo № 85/2003 [Electronic resource]. URL: <http://www.camera.it/parlam/leggi/deleghe/03085dl.htm> (accessed: 28.03.2018).
15. Decreto Legislativo № 25/2008 [Electronic resource]. URL: http://www.meltingpot.org/Decretolegislativo-n-25-del-28-gennaio-2008.html#.WdE5_iMY5TZ (accessed: 09.04.2018).
16. Decreto del Presidente della Repubblica № 21/2015 [Electronic resource]. URL: http://www.libertaciviliimmigrazione.interno.it/dipim/export/sites/default/it/assets/pubblicazioni/DPR_21_del_2015.pdf (accessed: 04.04.2018).
17. Decreto legislativo № 251/2007 [Electronic resource]. URL: http://www.gazzettaufficiale.it/atto/serie_generale/caricaDettaglioAtto/originario?atto.dataPubblicazioneGazzetta=2008-01-04&atto.codiceRedazionale=007G0259&elenco30giorni=false (accessed: 04.04.2018).
18. Decreto legislativo № 18/2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2014/03/07/14G00028/sg> (accessed: 12.04.2018).
19. Directive 2011/95/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 “on standards for the qualification of third-country nationals or stateless persons as beneficiaries of international protection, for a uniform status for refugees or for persons eligible for subsidiary protection, and for the content of the protection granted (recast)”. [Electronic resource]. URL: <http://www.refworld.org/docid/4f197df02.html> (accessed: 12.04.2018).
20. Fullerton M. Asylum Crisis Italian Style: The Dublin Regulation Collides With European Human Rights Law [Electronic resource]. URL: <http://harvardhrj.com/wp-content/uploads/2016/09/Fullerton-Asylum-Crisis.pdf> (accessed: 27.03.2018).
21. Il permesso di soggiorno per i motivi umanitari ai sensi dell'art.5, comma 6, D. Lgs. n. 286/98. A cura di Noris Morandi // ASGI. Giugno 2017 [Electronic resource]. URL: https://www.asgi.it/wp-content/uploads/2017/07/2017_Scheda-ASGI-permesso-umanitario_def..pdf (accessed: 09.04.2018).
22. Migranti, in crescita i permessi di soggiorno per protezione umanitaria // Il sole 24 ore. 10 apr. [Electronic resource]. URL: http://www.ilsole24ore.com/art/notizie/2018-04-09/migranti-crescita-permessi-soggiorno-protezione-umanitaria-192125.shtml?uuid=AE6FLXVE&refresh_ce=1 (accessed: 12.03.2018).
23. Protezione temporanea, protezione umanitaria, protezione temporanea per motivi umanitari. Servizio studi del Senato. № 80 – giugno 2015 [Electronic resource]. URL: <https://www.senato.it/service/PDF/PDFServer/BGT/00926327.pdf> (accessed: 10.04.2018).

24. Regolamento (UE) N. 604/2013 Del Parlamento Europeo e del Consiglio del 26 giugno 2013 che stabilisce i criteri e i meccanismi di determinazione dello Stato membro competente per l'esame di una domanda di protezione internazionale presentata in uno degli Stati membri da un cittadino di un paese terzo o da un apolide (rifusione) [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/IT/TXT/PDF/?uri=CELEX:32013R0604&from=IT> (accessed: 10.04.2018).

25. Richiedenti asilo ed esiti in Italia: in crescita i richiedenti dal Bangladesh, da alcuni Paesi africani, dalla Siria e quelli under 18. Tutti i dati del "riepilogo" ufficiale 2017 // Vie di fuga: osservatorio permanente sui rifugiati. 16 febbraio 2008 [Electronic resource]. URL: <http://viedifuga.org/richiedenti-asilo-ed-esiti-in-italia-tutti-i-dati-del-riepilogo-2017/> (accessed: 10.04.2018).

Рукопись поступила в редакцию 15 мая 2018 г.

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ В ЭПОХУ ПОСТГРАМОТНОСТИ

26–28 апреля нынешнего года коллективом научной группы «Полилингвизм и поликультурность в эпоху постграмотности» в Уральском гуманитарном институте УрФУ была проведена Третья международная конференция «Коммуникационные тренды в эпоху постграмотности». В мероприятии приняли участие ученые из Екатеринбурга, Москвы, Перми, Самары, Санкт-Петербурга, Тюмени и Челябинска, а также аспиранты и магистранты из Китая, Колумбии, Венесуэлы, Кыргызстана и Казахстана. Ниже мы публикуем подборку статей, написанных авторами на основе докладов, с которыми они выступили на заседаниях конференции.

УДК 82(091) + 7.01 + 070.12

**Т. А. Круглова
С. Е. Вершинин**

МИХАИЛ ЛИФШИЦ В КОНТЕКСТЕ 1930-х гг.: К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «СОВЕТСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ»*

В центре статьи — постановка проблемы теоретического описания и исторической квалификации деятельности интеллектуалов в период 1930-х гг. в СССР. Михаил Лифшиц, как одна из влиятельных фигур в дебатах о социалистическом искусстве, как один из создателей марксистско-ленинской эстетики, активно действующий литературный критик, — репрезентативная фигура для определения границ между историей идей и историей интеллектуалов, автономией гуманитарной мысли и ее ангажированностью социально-идеологическими трендами. В качестве теоретической рамки анализа применен метод мотивирующих контекстов.

Ключевые слова: Михаил Лифшиц, международное движение «возвращение к порядку», советский журнал «Литературный критик», марксистско-ленинская эстетика, история советской литературной критики 1930-х гг., антиформалистская кампания.

*Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01165).

Михаил Лифшиц — фигура в истории гуманитарной мысли России XX в. крайне противоречивая. То, что им написано, сделано и прожито в течение 1920–1980-х гг., представляет собой серьезный вызов не только для историко-философских академических исследований, но и для истории интеллектуалов в СССР.

Актуальность проблемы. Само понятие «интеллектуал» с использованием предиката «советский» — концепт новый и дискуссионный по ряду причин. Во-первых, в литературе и в общественном сознании давно устоялось представление о том, что и в Российской империи, и в СССР не было такой квалификации людей, занятых в духовном производстве, как «интеллектуалы», что это понятие характеризует только западноевропейский контекст, а у нас сложилась социальная группа (или «прослойка», говоря языком исторического материализма), получившая наименование «интеллигенция». Огромное количество работ написано о том, что интеллигенция — чисто русское явление. Исток этого представления берет начало в общей позиции авторов сборника «Вехи» (1909), емко сформулированной М. О. Гершензоном. Во-вторых, сложилось убеждение, что интеллектуальная деятельность по своей природе существенно дистанцирована от экономики и политики (функционирует в автономном, а не в гетерономном поле, следуя классификации пространства культуры по П. Бурдьё), а это в чистом виде в СССР было невозможно. Интеллигенция же, наоборот, феномен, тесно связанный с внешними социальными факторами, понятие, функционально оправданное общественными задачами. Цели умственной деятельности русского интеллигента лежат за пределами поиска истины, так как основная миссия (призвание) русского интеллигента исчерпывается идеей служения, то есть находится в области социальной прагматики. Аргументов в пользу этого тезиса достаточно много приведено авторами «Вех».

Но если обратиться к истории интеллектуалов — направлению, активно развивающемуся в западной гуманитаристике, особенно во французской социологии культуры, можно убедиться, что семантика концепта «интеллектуал» сильно изменилась. История интеллектуалов во Франции приобрела статус самостоятельного направления в рамках исторической науки относительно недавно, в середине 1980-х гг. К началу 1990-х гг. сложилось два доминирующих направления, методологические различия в подходах к интеллектуалу между которыми обусловлены тем, что каждый появился в рамках отдельной школы и тяготеет к разным научным областям: подход политической истории, представленный Ж.-Ф. Сириелли, П. Ори, М. Требитчем и М. Виноком, с одной стороны (узкое понимание интеллектуала), и социальная история интеллектуалов, развивающаяся под эгидой К. Шарля, с другой (широкое понимание интеллектуала). В истории интеллектуалов нет четко определенного предмета, поскольку он всегда разрывается между историей идей и социологией. Социологический подход к проблеме предлагает широкое социoproфессиональное определение через оппозицию ручного труда интеллектуальному. Не удовлетворяясь столь широким понятием, историки попытались дать культурологическую альтернативу:

«интеллектуал является производителем и медиатором культуры» [10, 98]. Представители школы «новой политической истории» Ж.-Ф. Сиринелли и Паскаль Ори выстроили культурологическое определение вокруг главной характеристики интеллектуала — вовлеченности как агента в публичное пространство в качестве политического субъекта или свидетеля своего времени, выносящего ему приговор и вскрывающего его болевые точки [Там же, 99]. Резюмируя общую для данного направления систему установок, М. Винок чуть позже сформулирует определение так: «Интеллектуал — это человек, обладающий культурным и символическим капиталом, приобретенным в профессиональной сфере деятельности, и вступающий в публичное (политическое) пространство, таким образом выходя за рамки своей профессиональной компетенции» [11, 10]¹.

Прежде всего интеллектуал — это особая профессия, представитель которой умеет делать то, что не могут другие люди, даже те, кто трудится в сфере нематериальной культуры, например, специалисты, занятые трансляцией духовных ценностей, организацией культурных событий, коммуникацией или экономическим обеспечением сферы досуга, художественного производства, образования. *Компетенция интеллектуала, говоря современным языком, — анализ картины мира, что, следуя классической европейской традиции, сложившейся в Новое время, означает рефлексю и критику: оснований мыслительной деятельности, ценностей и объективных социальных отношений.* Только на базе критического анализа интеллектуал производит новые смыслы, позволяющие обществу развиваться. Деятельность интеллектуала трактуется с социологической точки зрения как социальная практика, а сам интеллектуал — как представитель определенной социальной группы, находящейся в отношениях зависимости от общественных ожиданий и наделенный специфической социальной ответственностью. Иначе говоря, интеллектуал всегда в современном обществе тем или иным образом вовлечен (ангажирован) в социум, но свои функции он может выполнить только при условии сохранения себя как профессионала. Это означает по крайней мере две важные вещи: он должен быть наделен обществом высокой степенью свободы, гарантированной автономией (дистанцией) от рынка, политики, общественной морали, религии и идеологии; он должен обладать профессиональным статусом и следовать этическим принципам своей профессии. Таким образом, понятие ангажированности позволяет разрешить противоречие между внутренними задачами интеллектуальной деятельности и потребностями общества.

Что произойдет с дискурсом о людях, занятых в сфере так называемого умственного (духовного, творческого) труда в СССР, если мы введем в него концепт интеллектуала? Гипотетически в этом случае мы получим возможность *выявить новые конфигурации ангажированности и независимости мысли в советской гуманитарной среде.* Это позволит исследователям отделить концепты, содержание которых задано ближайшими политическими и идеологическими контекстами

¹ Переводу с французского мы обязаны Петушковой Дарье (аспирант Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»); использована рукопись ее статьи «История интеллектуалов во Франции: конфликт интерпретаций и новые перспективы».

(то, что можно обозначить как совпадение с конъюнктурой или сознательную работу с социальным заказом), от идей, существующих в контексте Большого времени (понятие М. Бахтина).

Теоретические рамки решения проблемы. Мы исходим из установки, что *история интеллектуалов и история идей — концепты, не совпадающие по своим границам*. История идей, если следовать концепции структуры пространства культуры П. Бурдье, является ядром автономной части поля. П. Бурдье утверждает, что нельзя рассматривать культурные миры, не учитывая их относительную автономность [1]. Внутри истории идей важно установить диалогические связи между системами взглядов, выраженными в текстах, даже удаленных друг от друга во времени и пространстве. А это значит, что в истории идей можно применять понятие символического капитала, которым обладают та или иная концепция, идея, принцип, концепт, а не сам субъект, который их сформулировал. Заострим этот тезис: в истории идей происходит неизбежное абстрагирование содержания от внешнего контекста и от социальных биографий авторов. Идеи вступают друг с другом в дискуссии как бы сами по себе, их ценность определяется логикой, глубиной погружения в систему, включенностью в историю написанного по обсуждаемому вопросу, наконец, новизной и оригинальностью. Но интеллектуал живет и мыслит не только в автономном поле, так или иначе он вовлечен в другие поля, где действуют иные законы и определители ценности того, что производит автор. Интеллектуал, став профессионалом, занимает позицию в поле, вступает в отношения с другими игроками, значит, социально себя позиционирует. Уровень персональной рефлексии над занимаемой позицией в данном случае неважен, имеют значение место, время и актуальный контекст высказываемой идеи.

Признавая продуктивность концепции П. Бурдье о различии автономного и гетерономного полей, отметим, что подобное разделение не может нас полностью удовлетворить по ряду причин. Первая причина: в гетерономном поле доминируют, по Бурдье, прежде всего экономические и политические законы. На наш взгляд, в таком понимании гетерономии не учитываются многие пограничные контексты, природа которых не поддается четкому различению «чистой» и «нечистой» интеллектуальности. Например, дискуссия о жанре в советском искусстве, казалось бы, сугубо специальная, мотивированная развитием теории искусства, ее внутренними задачами, обрастает все расширяющимися отсылками к вопросам о роли искусства в социалистическом строительстве, о связи художественного содержания и идеологии. Рассмотрение проблем внутрисухожественного развития, требующих специальных навыков анализа, дрейфует в сторону политического дискурса, а от него — к организационным выводам. Вторая причина: в СССР, в силу специфики устройства публичной сферы, любая интеллектуальная дискуссия происходит на площадках, контролируемых извне, и с решающей ролью государственно-идеологического аппарата в качестве арбитра дебатов. В результате автономное поле, выступая инициатором и мотиватором ряда важных для своей истории вопросов, лишается права и ресурса для доведения спора до логического конца. *Территория автономии*

не просто нарушается, а постоянно размывается, рождая на пересечении границ множество смысловых конфигураций, значение которых сложно квалифицировать с точки зрения интеллектуальной истории. Таким образом, необходимо ввести в анализ дополнительные если не поля, то контексты, которые включают в себя пересечения собственно интеллектуального порядка в его профессиональном и специальном смысле, и наборы актуальных представлений, генерированных различными инстанциями: политической властью, общественными организациями, сообществами, вкусами публики, наконец.

Для того чтобы разобраться в проблеме определения значимости идей, сформулированных советскими интеллигентами/интеллектуалами (пока оставим различие между ними условным), воспользуемся *понятием мотивирующего контекста*. Это понятие использовалось В. Подорогой, когда он столкнулся с проблемой отделения Маркса от марксизма и марксистов и, следовательно, с типичным вопросом о «подлинном», «аутентичном» марксизме и его последователях (эпигонах, ревизионистах, догматиках) [9]. Для решения этой проблемы Подорога тщательно изучил тексты Маркса периода его становления сквозь призму круга персон, с которыми Маркс дискутирует, и текстов, которые тот разбирает. Подорога обнаружил, что специфика Марксовой точки зрения обнаруживается прежде всего в его критике других авторов (например, Штирнера). Маркс, по мнению Подороги, использует утопию как регулятивную идею критики, он прежде всего мастер разоблачений. Иначе говоря, у Маркса не было собственной философской системы, тем более онтологического проекта, вследствие того, что *критическая позиция у него была не инструментом анализа существующего или методом создания должного, а самостоятельной ценностью*. Разоблачение — «посох, которым он погоняет историю» [Там же].

В. Подорога объясняет происхождение и оформление разоблачительной программы как основного авторского метода Маркса («подлинного марксизма») *культурно-историческим фоном доминирующих интересов его современников*. Ссылаясь на книгу Ж. Деррида о Марксе, он обращает внимание на особую плотность бытующих в 1830–1850 гг. представлений о призраках, привидениях («призрак бродит по Европе»), на особую притягательность для Маркса мотива призрачности и стремление, близкое многим его современникам, найти прямой доступ к истине, к прорыву в потустороннее. Весь аутентичный марксизм, следуя логике рассуждений Ж. Деррида и В. Подороги, сводится к идее о товарном фетишизме, разоблачении мистики экономической логики [Там же]. Этот набор «призрачности» и ее разоблачения и есть ключ к Марксу, то, что Подорога называет *мотивирующим контекстом*. Обратим внимание на следующее обстоятельство: оригинальность и продуктивность способа работы Ж. Деррида с контекстом раннего Маркса заключается в том, что он значительно расширил круг фоновых источников, выйдя за пределы чисто академического набора текстов философов-профессионалов и их ближайшего идейного окружения.

Представляется, что подход Деррида к Марксу и развитие принципа мотивирующего контекста у Подороги могут быть весьма полезными и продуктивными применительно к трактовке феномена М. Лифшица как советского интеллектуала.

Можно спорить с Лифшицем о модернизме и реализме, их уместности и значении в развитии культуры и общества, можно втянуться в дискуссию о том, был ли Лифшиц ортодоксом, сталинистом, апологетом социалистического реализма или, напротив, защитником альтернативной позиции, можно комментировать его идеи с точки зрения адекватности некоему аутентичному марксизму, но все эти действия не защищают нас от иллюзии, что мы, находясь в ситуации «пост», владеем истиной и поэтому можем судить о правильности, глубине или значимости для глобальной истории идей того или иного интеллектуала. Предотвратить впадение в иллюзию может только *конкретно-историческая работа по установлению конфигурации контекстов, в которых проявляются основные мотивации участников гуманитарных дискуссий. Важно также учесть, что для самих участников эти мотивации были отчасти закрыты.*

Теоретическая рамка мотивирующих контекстов обладает еще одним преимуществом: она позволяет, во-первых, описать и понять характер вовлеченности (ангажированности) интеллектуала в социокультурную ситуацию, степень его добровольно-принудительного участия в дискуссиях и культурных событиях, мотивацию текущим процессом, когда тот выступает в роли генератора идей. Во-вторых, выявление мотивирующего контекста помогает составить представление об интеллектуальном ядре фигуранта, его доминирующей способности или методе подхода к действительности, наиболее органичном для него способе работы с материалом культуры.

В рамках данной статьи введем хронологическое ограничение: рассмотрим феномен М. Лифшица как советского интеллектуала в период с конца 1920-х гг. и до 1940 г. Феномен Михаила Лифшица необходимо понять изнутри среды, в которой он действовал, сопоставление его творчества с далекими от этой среды контекстами лишено продуктивности. Опишем ближайшие культурно-исторические контексты, изнутри которых стратегии и направления деятельности М. Лифшица могут быть трактованы наиболее логичным образом.

Контекст «возвращения к порядку»

В СССР и в западном мире с начала 1930-х гг. набирает силу общий процесс «возвращения к порядку», ставший реакцией на культурную ситуацию предыдущего десятилетия. Лидеры художественных направлений и эстетических программ 1920-х гг., как правило, «левой», или авангардистской, ориентации, отказываются в своей риторике от понятий «эстетика», которое в этом контексте ассоциируется с «красотой» как высшей целью и социальным оправданием искусства. Это является одним из объяснений того, что эстетика как философия искусства потеряла свой институциональный статус. На переднем крае мысли о судьбах искусства в послереволюционный период находятся художники, то есть практики, занятые обоснованием собственных эстетико-идеологических программ, и художественные критики, их апологеты или противники. Отметим также, что авангард как тип искусства и проектной деятельности (это утверждение справедливо прежде всего относительно первого исторического авангарда) не доверяет академическому

формату профессиональной философии, относясь к миру с позиции радикального обновления, ищет новые способы интеллектуальной работы.

Наиболее ярким репрезентантом движения «возвращения к порядку» явилось искусство: «Возвращение к фигуративности и обращение к идеалам классики стали характерными чертами развития искусства во многих европейских странах в послевоенный период. Мода на классицистический стиль, как и другие новаторские тенденции в искусстве начала XX в., распространялась из Парижа. В 1918 г. основоположники пуризма А. Озанфан и Ш. Жаннере (Ле Корбюзье) опубликовали свой знаменитый манифест “После кубизма”, в котором провозглашали необходимость “возвращения к порядку” (“appel à l’ordre”)» [6]. Идущий из Франции импульс распространялся на другие страны, порождая французские, итальянские, американские версии неоклассицизма, множество других, но аналогичных направлений: «метафизическую живопись», «новоченто» и т. п. Этот процесс сопровождается ростом интереса к классическому искусству, реабилитацией таких понятий, как профессионализм, мастерство и техника. *От доминирования идей функционализма, целесообразности, практичности художественной деятельности теоретики приходят в этот период к утверждению «красоты» как принципа и «стиля».*

«Возвращение» эстетики. В контексте нашего интереса к критериям вычленения специфики собственно интеллектуальной деятельности обратим внимание на то обстоятельство, что в описываемом консервативном/реставрационном повороте важное место занимает еще одно «возвращение» — *классической философии как профессиональной институции и особенно философской эстетики.* Во Франции, например, появляется неотрадиционалистская школа в эстетике, одним из ярких представителей которой был Этьен Сурьо, который придерживался позиций «рационального идеализма» и учрежденной им самим «реальной эстетики»; в СССР свидетельствуют о повороте к эстетике работы раннего А. Ф. Лосева, актуализирующие античную философию. Начало 1930-х гг. в СССР стало периодом «реакции против в целом прагматического, утилитарного и материалистического подхода к большинству областей эпохи культурной революции. Стали раздаваться жалобы на то, что характерные для культурной революции технологический пафос, интерес к статистике и ориентация на требования момента вытеснили такую, более высокую и устойчивую, ценность, как красота. Культура сама стала ценностью, и не только как политико-идеологический аппарат» [4, 281–282].

В противовес социологическому и технологическому подходам, доминирующим в 1920-е гг., *категории эстетики начинают претендовать на статус инструментария анализа и оценки художественных произведений.* Восстановление в правах эстетики шло рука об руку с обоснованием профессионализма и в интеллектуальной сфере, и в художественном творчестве. Этот процесс воплотился — и содержательно, и институционально — в издательской политике, формировании кафедр, создании специальных периодических изданий. В 1931 г. в Москве создается Институт истории, философии и литературы (ИФЛИ), где читаются лекции по истории философии и ряду философских дисциплин. Там преподавали лучшие ученые-гуманитарии, сохранявшие традиции дореволюционной

науки и профессионального этиоса, из стен института вышли известные филологи, поэты, философы. Это была попытка возродить классическое образование в стенах единственного учебного заведения. Институт, просуществовав всего 10 лет, оказал огромное влияние на облик новой советской гуманитарной интеллигенции, сообщив ей черты ее европейских коллег. Преподаватели ИФЛИ испытывали большое влияние раннего Маркса. М. Лифшиц был одним из лекторов ИФЛИ, прочитав в 1940 г. курс по теории искусства. По его инициативе и под его редакцией выходит серия «Классики эстетической мысли» — работы Винкельмана, Лессинга, Гёте, Шиллера, Вико. Лифшиц редактирует также большую серию немецкой литературы в издательстве «Academia» и является главным редактором этого издательства.

Одно из объяснений возвращения к эстетике в контексте культурной политики 1930-х гг. дает К. Кларк: «Лукач и Лифшиц пытались соединить марксистскую литературную теорию с европейской философской традицией. В конце 1920-х гг. подобные попытки не поощрялись. Однако в начале 1930-х, когда возродилось требование "качества" как важного критерия соцреализма, и особенно после прихода к власти в Германии нацистов, когда Советский Союз начал играть активную роль в антифашистском движении с его апелляцией к "мировой литературе", подобный сдвиг стал политически и идеологически необходимым — для создания интернационалистской литературной платформы. Это и выдвинуло Лукача и Лифшица в ряды ведущих советских теоретиков литературы» [4, 286].

Симбиоз эстетики, философии культуры и литературной критики. Ведущую роль в процессе оформления марксистско-ленинской эстетики в самостоятельную науку сыграл журнал «Литературный критик» (1932–1940), в состав редколлегии которого входили М. Лифшиц и Д. Лукач. «Литературный критик» был самым интересным и глубоким литературно-критическим изданием тех лет, тяготеющим к интеллектуальной работе в том смысле, как она понималась в западноевропейском дискурсе. На страницах журнала осмыслялся опыт мировой литературы и эстетической мысли (печатались главы из «Эстетики» Гегеля, обсуждались драматургические принципы Аристотеля, воззрения Канта и Бергсона, осмыслялась «реальная критика» Белинского, Чернышевского, Добролюбова, публиковались материалы о воззрениях основоположников марксизма на искусство [8, 593]). В «Литературном критике» публиковались и критические статьи Андрея Платонова (под псевдонимами Человеков, Фирсов и др.), а журнал поддерживал и защищал его писательское творчество. Группа, возглавлявшая «Литературного критика», отличалась своей программой, ориентацией на Гегеля и немецкую философию. В журнале, как это и соответствовало названию, шла экспертиза текущего литературного процесса, но эта работа была включена в рамки философии культуры, эстетики, общей теории литературы. Не случайно в дальнейшем вся деятельность журнала получила квалификацию «течения».

В 1933–1934 гг. на страницах журнала и по его инициативе развернулась дискуссия о методе и мировоззрении, проходящая под лозунгом критики рапповского «диалектико-материалистического метода», «который был прямо нацелен на подчинение художественного творчества идеологическому заданию, смешивал

искусство с мировоззрением. В спорах тридцатых годов понятие "метод" использовалось как прямая противоположность рапповскому термину, то есть должно было подчеркнуть специфически художественную сторону творчества, в то время как мировоззрение определялось как категория, описывающая общую идейную направленность творчества автора» [4, 266]. По мнению Х. Гюнтера, «Литературный критик» был «единственным специальным журналом», а мы добавим к его оценке: единственным, ориентированным, во-первых, на вписывание новой советской литературы в классический и современный мировой контекст; во-вторых, на отстаивание законов автономного поля искусства, базирующихся на истории художественных традиций и новаций.

М. Лифшиц, работая в архивах Института Маркса–Энгельса–Ленина (ИМЭЛ) в 1931 г., обнаруживает ранние рукописи К. Маркса (известные впоследствии как «Экономическо-философские рукописи 1844 года»), которые стали философской основой создания марксистской эстетики. В 1933 г. М. Лифшиц публикует программную работу «К вопросу о взглядах Маркса на искусство», где доказывает, что у Маркса была сложившаяся система эстетических воззрений и эта система является ключом к философии истории в марксизме. Переведенная на французский, немецкий, испанский и английский языки, к 1938 г. эта работа превратилась в базовый текст, предназначенный для дальнейших интерпретаций марксистской философии применительно к вопросам искусства. Этот хорошо известный факт трактуется чаще всего как аргумент в пользу квалификации М. Лифшица как ортодокса, так как действительно антология «Маркс и Энгельс об искусстве» (1935) получила статус канонической (выдержала множество переизданий) как для советских, так и для зарубежных эстетиков левой или марксистской ориентации.

Превращение в канон в условиях административного управления культурой могло произойти только при сильной поддержке государственно-партийного аппарата, официальном одобрении и идеологической санкции. И действительно, после 1934 г., когда был взят официальный курс на создание социалистического реализма и явственно обозначился реставрационный характер культурной политики сталинского руководства (Лифшиц и Лукач называли эту ситуацию «термидором»), журнал *«Литературный критик»* и деятельность по формированию основ марксистско-ленинской эстетики оказались в фарватере основного потока поощряемых идей. Но исследователи отмечают, что свои взгляды на эстетику и философию культуры Лукач и Лифшиц сформулировали еще в 1922–1927 гг. и сохранили их до конца своих дней, далеко не всегда совпадая с мейнстримом. Совершенно определенно можно утверждать, что ни они, ни их единомышленники и сотрудники журнала не были официальными выразителями точки зрения партии или Союза писателей. Интерес к теме искусства у самого Лифшица отчасти был связан с невозможностью разрабатывать непосредственно философские вопросы, «находившиеся в полном заведовании догматиков и экзегетов». «Более свободным — писал он, — после 1932 г. казалось минное поле искусства и литературы, чем мы и занимались с дерзостью, по тем временам неслыханной, вызывая удивление обычных литературных дельцов и других прохиндеев. Они

не без основания подозревали в этом ересь по отношению к тому, что считалось у них ортодоксией» [5].

Международный контекст философии марксизма

Трактовка Лифшица как «сталиниста-конъюнктурщика» представляется слишком узкой, ограниченной одним, хотя и очень весомым фактором — государственно-политическим, в то время как необходимо обратить внимание в целом на *роль мирового интеллектуального контекста*. Прежде всего это значение широкой международной кампании открытия и публикации ранее неизвестных «Экономическо-философских рукописей 1844 года». И публикация работ Маркса и Энгельса в 1931–1933 гг., и последующее создание объемных обобщающих интерпретаций «марксистско-ленинской эстетики» практически полностью осуществлялись группой германофилов и советских ученых — Дьордя Лукача, австрийца Эрнста Фишера, Михаила Лифшица. Тексты «раннего Маркса», в центре которых была разработка проблемы отчуждения, были чрезвычайно значимы для западного марксизма и Франкфуртской школы, которая находилась в эпицентре философских дискуссий о современности. Интеллектуальный диалог между советской и европейской гуманитаристикой был в начале 1930-х гг. не только еще возможен, но и практически осуществлялся, о чем свидетельствуют публикации западных интеллектуалов в «Литературном критике», журнале «Интернациональная литература», с которым также сотрудничал М. Лифшиц, объемная переписка.

Почему проблематика эстетики стала важнейшей в этот период, обусловив вычленение фигуры М. Лифшица в качестве центральной? Потому что в марксистских кругах считалось, что «между Марксом-философом и Марксом-эстетиком существовала непреодолимая пропасть, что как мыслитель он был безусловно уникальным, но как эстетик не сильно разборчивым, с элементами "непереваренного гегельянства": представлением о прекрасном, вечном и т. д. И в этом заключался парадокс. С марксистской точки зрения все должно было редуцироваться к экономическому базису, но когда Маркс пишет об искусстве, почему-то ничего не редуцируется. Так вот, интеллектуальный переворот, который совершает Лифшиц, состоит в том, что отношение Маркса к искусству — это и есть квинтэссенция Марксовой философии истории. Лифшиц говорит, что нужно тотально пересмотреть взгляд на Маркса именно через его эстетические взгляды» [3]. Преодоление отчуждения родовой человеческой сущности, по Марксу, возможно в социальной практике, а моделью действительности «без отчуждения» является мир, трансформированный по законам красоты. *Эстетическое оказывается высшей формой подлинного (неотчужденного) человеческого*. Таким образом, социальное преобразование действительности, реальное движение в направлении истинной человечности (коммунизм), логически вызывает к жизни тип искусства, который репрезентирует цель и итог движения как практически возможный и объективный процесс, — художественный реализм.

Борьба с вульгарным социологизмом — основная направленность «течения», коллектива единомышленников «Литературного критика» — находила

интеллектуальную поддержку и философское обоснование в продвижении той *версии марксизма, которая представляла Маркса как оригинального философского антрополога и гуманиста*. Объединение двух векторов работы — литературно-критического и философско-эстетического создавало специфическую конфигурацию элементов в облике одного из ведущих интеллектуалов периода сталинского «термидора». Парадоксальность этого облика заключалась в том, что в первой половине 1930-х гг. работа М. Лифшица, совпадая с основным трендом государственной культурной политики в сторону реставрации домодернистской картины мира, была официально поддержана и сам Лифшиц оказался в рядах столь яростно им критикуемых «ортодоксов». Но как только политико-идеологический курс сменился перед началом Второй мировой войны, журнал «Литературный критик» был подвергнут сокрушительному разному в партийной печати, обвинен в «правом уклоне» и закрыт в 1940 г. Смена курса сказалась не только на существовании журнала и прекращении серии изданий, связанных с продвижением европейской философской классики, остановкой дискуссий по основным теоретическим проблемам искусства, но в целом на судьбе эстетики. Л. Столович подтверждает, что «...не случайно с конца 30-х до середины 50-х эстетика с ее гуманистическим потенциалом вообще перестает существовать: с 1937 по 1953 г. в СССР не вышло ни одной книги по эстетике!» [7].

Антимодернистский контекст

Продолжая логику анализа специфики деятельности советского интеллектуала, обратимся к следующему *мотивирующему контексту* — *широкой антиформалистической кампании*, которая охватила собой не только советское поле искусства, но и международное интеллектуальное сообщество. 1936 год — начало кампании, и на первый взгляд она находится в том же русле, что и цепочка «возвращений»: к классике, к философии, к эстетике, к подлинному Марксу. В советской гуманитарной среде к этому моменту развернулась активная, с международным участием, *дискуссия о доминирующем жанре нового искусства*. Важно отметить, что все спорящие стороны сходились вокруг тезиса о том, что социалистическое (антибуржуазное) искусство должно представлять собой определенное отрицание предыдущего этапа (модернизма и авангарда) и возрождение структур домодернистского искусства: классики, реализма и фольклора. Таким образом, в центре теоретической и философско-эстетической дискуссии стоял вопрос о романе и эпосе. Считалось, что роман, будучи ведущей формой выражения духа Нового времени, или, говоря языком социально-критической школы, буржуазного духа, к началу XX в. испытывал кризис, который он разделял с общим культурным кризисом и «закатом» Европы. Эпос же, по общему мнению, — форма, характерная для традиционного, домодерного общества, в котором субъект еще не родился. Именно *эпос как носитель в своей культурной памяти коллективного/народного опыта мыслится как исходная форма нового социалистического искусства*.

Казалось бы, речь идет о сугубо историко-литературных дебатах, но напряжение споров вокруг романа и эпоса демонстрирует «стремление литературной

теории к расширению своей компетенции и превращению в теорию культуры» [4, 333]. Например, жанровая теория М. Бахтина стала ядром его философии культуры, так как в книге о Рабле он обосновал синтез эпического и романного начал и тем самым подвел базу под концепт «народное искусство».

Интеллектуальный уровень дискуссии о жанре определяется основными участниками, чей авторитет и вклад в философию культуры сегодня несомненны: М. Бахтин (следивший за статьями Лукача в «Литературном критике» и за ходом дискуссии по докладу Лукача), Г. Шпет, О. Фрейденберг, Т. Адорно, В. Беньямин, Д. Лукач, М. Лифшиц. Обратим внимание на разнородность и даже прямую противоположность исходных философских позиций спорящих: гегельянство, феноменология неокантианского толка, марксизм, причем расколотый на «левое» и «правое» крыло (Лукач, тесно связанный в начале своего пути с Франкфуртской школой, в 1930-х гг. вместе с Лифшицем считает Т. Адорно своим главным оппонентом в вопросах статуса искусства и современности). Теоретические споры о жанре «фактически вели к проведению новых границ современности, к осмыслению вопроса о непрерывности и разрывах в истории, о включении или отказе от премодерных культурных форм» [Там же]. Возрождение и переосмысление эпоса органично укладывается в логику «возвращений».

Под «формализмом» и в СССР, и в западноевропейском гуманитарном обществе, если мы абстрагируемся от сугубо идеологических коннотаций, понимались теория и практика модернистского и авангардистского искусства, которые в 1930-е гг. переживали кризис. В СССР критика формализма как метода гуманитарных наук велась на основе самых разных позиций, как марксистских (Лукач, Лифшиц), так и парамарксистских (О. Фрейденберг) и немарксистских (Г. Шпет, М. Бахтин).

К. Кларк пишет: «В 1936–1938 годах ведущие интеллектуалы антифашистской эмиграции оказались втянутыми в так называемую "антиэкспрессионистскую" дискуссию, которая шла в левой антифашистской эмигрантской среде, в некотором смысле параллельно советской антиформалистской кампании. Лукач стал главным обвинителем экспрессионизма» [Там же, 293]. Речь идет о публикации Лукачем в 1936 г. в Москве своей книги «Величие и упадок экспрессионизма». В этой работе Лукач охарактеризовал экспрессионизм как продукт и свидетельство распада капитализма и считал, что фашизм может использовать его в своих интересах. В СССР наиболее сильные, в том числе теоретические, аргументы против модернизма принадлежали единомышленнику Лукача в этом вопросе — Лифшицу. Лифшиц, в частности, находит поддержку в ссылках на авторитет Т. Манна, черпая аргументы против модернизма в тезисе писателя о сближении формализма в искусстве с фашизмом в политике. При этом подобные сближения выглядят парадоксально, что, например, пронизательно зафиксировал Э. Блох. Он обнаружил прямые совпадения советско-марксистской и немецко-нацистской точек зрения: и в том, что касается оценки экспрессионизма как «выражения мелкобуржуазной оппозиции», и в том, что эта оценка производится с точки зрения классицизма, этого идеала «халтурщиков и учителей средней школы» [2, 173]. А К. Кларк считает, что нельзя обвинять Лукача в сталинизме за эту его позицию,

и ее доводы вполне можно применить и к Лифшицу: «Это была эпоха Народного фронта, когда интеллектуалы всей Европы выступали против обособленности и произвольности, во многом характерных для авангарда 1920-х гг. (для таких его направлений, как дадаизм, сюрреализм, литература потока сознания). Многие пришли к отрицанию подобных тенденций в искусстве перед лицом мирового кризиса, видя в них бесплодное потакание собственным вкусам. И напротив, они стремились назад — к большому, часто реалистическому, нарративу: он возвращал чувство общности перед лицом опасности» [4, 294].

На примере антиформалистской кампании отчетливо видно, как размывается граница между сугубо интеллектуальными дебатами и социальной прагматикой, как используются теоретические аргументы, попадая на страницы ведущих партийных печатных органов, начиная работать в пространстве оргвыводов, запретов и репрессий.

Контекст стиля и способа интеллектуальной работы: аутентичный марксизм

Вернемся к концепции В. Подороги, применившего подход Деррида к тексту, формирующему метод Маркса, к анализу феномена М. Лифшица [9]. Если суть Марксовой интеллектуальной позиции состоит в критическом методе, оценивающем весь окружающий мир с точки зрения товарного фетишизма и поэтому требующем разоблачительных процедур, тогда, делает вывод Подорога, М. Лифшиц — истинный, или аутентичный, марксист, возможно, единственный в советском пространстве. Аутентичный марксизм не предполагает никакой позиции, которая может марксизму противостоять, но любая позиция — только предмет для разоблачения. Для своего времени и места, в ситуации дефицита источников, поразительны широта и эрудиция М. Лифшица: он рассуждает, активно обращаясь к Хайдеггеру, Шелеру и многим другим философам, он имеет собственное мнение о ком угодно, но он всегда настроен критически, причем не с той точки зрения, которую предполагает критикуемый автор. Практически он опровергает большинство интеллектуальных авторитетов своего времени. Философская и гуманитарная оснащенность Лифшица постоянно работает в одном режиме. Сами авторы философских, социальных или эстетических концепций его не интересуют; в систему их аргументации, внутреннюю логику он не погружается, извлекая те или иные мысли отовсюду для доказательства своей точки зрения. В. Подорога обращает внимание на то, что Лифшиц все время хочет разоблачать, при этом остраненно относясь к чужой мысли, он не исследователь, а критик. Если продолжать линию Деррида — Маркс — Лифшиц, то логичным становится и утверждение о том, что Лифшиц не имел своей системы, не выстраивал онтологию (как и Маркс) и не формулировал теоретический метод. Его метод, как считает Подорога, совпадает с самой критикой.

Наблюдение Подороги можно подкрепить еще одним аргументом, если мы прочитаем под определенным углом зрения тексты Лифшица о современном ему искусстве, как советском, так и западном. Разбираемые им произведения искусства

всегда оцениваются критически, как не соответствующие духу искусства, релевантного социалистическому проекту. Но нам не найти в статьях Лифшица положительных примеров, тех произведений, где можно было бы обнаружить художественное воплощение идеала, тем более — автора, полностью соответствующего ему. Предположим, что такой набор художественных признаков существует потенциально и его, внимательно читая критические статьи, можно вычленил «от противного», то есть вникнуть в анализ произведений тех авторов, чья манера особенно неприемлема для Лифшица. Но и здесь нам не удастся вычленил критерий отбора, так как в режим критики попадают и бывшие авангардисты, и продолжатели традиций символизма, и те писатели, которые уже стали признанными классиками социалистического реализма (В. Вишневский, А. Фадеев), и представители других стилевых ориентиров. *Идеальное произведение, соответствующее обществу будущего, выстраивается по утопической модели из элементов прошлых эпох, где ведущее место занимает Ренессанс.* В этом М. Лифшиц тоже аутентичен Марксу. Как у Маркса вся социальная действительность оценивается с позиции модели мира, в котором преодолено отчуждение, — коммунизма, которого нет в наличном бытии, так и у Лифшица его беспощадный и никогда не устающий критический взгляд на современное искусство основан на эстетическом идеале, конгениальном коммунизму.

И хотя Лифшиц выглядит на фоне своей эпохи отдельной и даже одинокой фигурой, его биография, прочитанная сквозь призму культурных доминант постреволюционного периода, становится репрезентативным источником понимания ресурсов эволюции гуманитарной мысли в ситуации сокращения поля автономии. В ситуации формирования соцреалистического канона, неопределенность формально-содержательного ядра которого была очень высокой, литературно-теоретические и философско-эстетические дискуссии о новом типе искусства могли развиваться на широкой историко-культурной источниковой базе, оттачивая у своих участников навыки аналитической, текстологической работы.

Описанная выше конфигурация мотивирующих контекстов позволяет провести отчетливую границу между суммой оригинальных идей, генерированных в тот период и вошедших в интеллектуальную историю, и интеллектуалом как социально ангажированным профессионалом, производящим смыслы в ответ на вызовы или запросы текущей культурной ситуации. К оригинальным и имеющим влияние на интеллектуальную историю идеям М. Лифшица можно отнести концепцию связи между социальным отчуждением и художественным развитием; критику художественного модернизма с позиции критики буржуазной культуры; обоснование закономерности возвращения классической эстетической парадигмы в ситуации модернизационного кризиса.

В итоге нашего исследования мы можем предложить версию ответа на вопрос, в чем специфика советского интеллектуала периода становления и укрепления сталинской культурно-политической системы. Советский интеллектуал 1930-х гг. сохраняет ряд общих признаков с западным интеллектуалом: он признает необходимость коллективной деятельности, осуществляя свою работу благодаря организационной и институциональной коммуникации с единомышленниками (группы

вокруг журналов); формирование широкой платформы для диалога и дебатов в международном поле; доминирование критического дискурса к современности; понимание миссии интеллектуала как активного влияния на публичную сферу, в том числе государственную политику в области культуры; высокий уровень «социабельности» (термин М. Агуллона), выражающейся в координировании предмета гуманитарной рефлексии с текущей повесткой дня.

-
1. Бурдые П. Поле литературы // Новое лит. обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
 2. Вершинин С. Е. Жизнь — это надежда: Введение в философию Эрнста Блоха. Екатеринбург, 2001.
 3. Путов Д. Лекция «Михаил Лифшиц о модернизме: марксистская критика искусства»: В рамках встречи ФДК 20 июля 2017 года [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy-club.ru/texts/lifshitz> (дата обращения: 20.04.2018).
 4. Кларк К., Тиханов Г. Советские литературные теории 1930-х годов: в поисках границ современности // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. М., 2011. С. 280–334.
 5. Лифшиц М. Диалог с Эвальдом Ильенковым. Проблема идеального [Электронный ресурс]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9B/lifshic-mihail-aleksandrovich/dialog-s-evaljdom-iljenkovim-problema-idealjnogo/2> (дата обращения: 20.04.2018).
 6. Муromтцева О. В. Роль художественного объединения «Новеченто италяно» в процессе оформления тоталитарного искусства в Италии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.actual-art.org/en/129-st2012/zap19-20/494-muromtseva-novechento-italyano.html> (дата обращения: 20.04.2018).
 7. Столович Л. Покинула ли «Сова Минервы» эстетику? // Вопр. философии. 2012. № 7. С. 75–87.
 8. Судьбы марксистской эстетики // История эстетики : учеб. пособие / отв. ред. В. В. Прозерский, Н. В. Голик. СПб., 2011.
 9. Подорога В. Лекция в Музее «Гараж»: М. А. Лифшиц: ортодоксальный марксизм против modern art [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fCFpf6Koi4g> (дата обращения: 20.04.2018).
 10. Sirinelli J.-F. Le hazard ou la nécessité? Une histoire en chantier: l'histoire des intellectuels // Vingtième siècle. Revue d'histoire. 1986. № 9 (janvier-mars 1986). P. 97–108.
 11. Julliard J., Winock J. (dir.) Dictionnaire des intellectuels français: Les personnes. Les lieux. Les moments. P., 2009.

Рукопись поступила в редакцию 11 июня 2018 г.

УДК 801.8 + 316.74:81

В. Г. Богомяков

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОТО-ПОЭТИК: НОВЫЕ ИПОСТАСИ ПОЭТИЧЕСКОГО

Статья посвящена формированию новых поэтик, рассматривающих поэтическую деятельность вне рамок собственно поэтического текста. Сравнение позиций Аристотеля и М. Хайдеггера показывает отход от принципа мимесиса: поэзия больше не подражает реальности, она претендует на креацию оснований человеческого мира, на конструирование новых реальностей. Формируется новая разновидность поэтической деятельности, которая становится социальным действием и социальным взаимодействием. В этом контексте в статье рассматриваются геопоэтика, цифровая поэтика, зоопоэтика, коммуникационная поэтика.

Ключевые слова: новые поэтики, геопоэтика, цифровая поэтика, зоопоэтика, коммуникационная поэтика.

Эта статья написана с позиций протеизма, предложенной М. Н. Эпштейном гуманитарной методологии, используемой для исследования феноменов культуры, находящихся в состоянии становления. Протеизм изучает возникающие явления с позиций POSSIBILISMA, рассматривает их в той стадии, когда они больше предвещают и знаменуют, чем бытуют [15]. Такой подход представляется оправданным в случае прогностического описания новых арт-практик и арт-поэтик, поскольку эти описания обречены на эскизность и предварительность. От такого подхода трудно ожидать необходимой концептуализации или даже первичной теоретической организации материала. Однако в данном случае мурмуриг [3, 19], который становится языком исследования, это не просто свидетельство недостаточной проработанности и осмысленности эмпирического материала, но попытка вслушаться в бурление самой жизни, пока оно еще не затвердело и не сформировалось в четкие научные и философские понятия.

Для философии и современной науки, безусловно, очень важной будет оставаться сфера взаимодействия искусства и жизни. Здесь можно проследить тенденцию размывания границ искусства и жизни, установления между ними все более сложных разновидностей коммуникации (авангард, неоавангард, постмодернизм). Это можно рассматривать как продолжение в новых условиях теургических практик, смысл которых состоит в том, чтобы выйти за пределы искусства для изменения мира и жизни людей соответственно эстетическим законам [2]. Можно также упомянуть так называемый тотальный дизайн (или нон-дизайн), с которым связывают новую экспансию эстетического начала в повседневную жизнь в конце XX в., что обусловлено расширением традиционной сферы дизайна, увеличением числа его социальных функций, превращение его в своего рода технологию организации жизни [6]. Данная тенденция, по нашему мнению, прослеживается и в процессе формирования новых поэтик, стремящихся рассматривать поэтическую деятельность вне рамок собственно поэтического текста.

Здесь вновь можно сослаться на М. Н. Эпштейна, полагающего, что поэтический вектор цивилизации связан с поэзией за пределами стихов [16, 365]. Автор предлагает называть эти новые поэтики «прото-поэтиками» (прото — часть сложных слов, указывающая на первичность), поскольку они еще только формируются и некоторые из них предстают перед исследователем пока еще в качестве неких прекрасных возможностей, которые могут быть реализованы. Важно подчеркнуть, что речь в данном случае идет именно о «поэтиках», а не, скажем, о поїезисе, поскольку поїезис традиционно понимался более широко: его целью является создание ранее отсутствовавшего. В случае же с «прото-поэтиками» речь идет именно о поэзии, начавшей осваивать новые территории.

Следует сказать, чем «прото-поэтики» отличаются от обычных поэтик. В современной исследовательской литературе термин «поэтика» употребляется в широком и узком смысле, но всегда речь идет о тексте. В «прото-поэтиках» речь может идти не только о тексте, но и об иных формах поэтического высказывания. Поэтики предполагают выделение и систематизацию элементов текста, участвующих в формировании эстетического впечатления от произведения. «Прото-поэтики», в силу названных особенностей, не могут выступать в качестве строгой системы; иногда в той или иной «прото-поэтике» могут сосуществовать совершенно различные (иногда даже полярные) понимания того или иного направления. «Прото-поэтики» зачастую начинают формироваться вокруг удачного термина, который оказывает эвристическое и стимулирующее воздействие, что приводит к образованию облака терминов, смыслов, ассоциаций и коннотаций.

На протяжении веков люди задумывались о сущности поэзии и ее назначении в обществе. Один из первых ответов на этот вопрос дает Аристотель в своей «Поэтике». Он считает, что цель искусства — удовольствие. По Аристотелю, совершенно любое искусство (что авлетика, что кифаристика) основано на мимесисе. Это справедливо и по отношению к поэзии: человек с детства способен подражать окружающему, но в случае с поэзией это подражание доставляет человеку особое удовольствие. Для Аристотеля существуют две ипостаси поэтического — комедия и трагедия [1]. Один из последних по времени ответов на вопрос о сущности поэзии дает работа М. Хайдеггера «Гельдерлин и сущность поэзии». М. Хайдеггер выдвигает несколько положений в своей работе. Во-первых, поэзия есть прорыв мыслью в центр бытия и несущая основа Истории. Во-вторых, поэзия есть установление бытия посредством слова. В-третьих, говорит М. Хайдеггер, мы — это разговор. В-четвертых, поэзия — «опаснейшее имущество», так как, будучи по сути своей подлинным говорением, она в то же самое время подвергает опасности эту свою суть, заслоняя сокровенное мелким и обыденным. В-пятых, поэзия — это невиннейшее из всех занятий; она, являясь по сути дела игрой, безобидна и безрезультатна [13].

Несмотря на то что со времен М. Хайдеггера поэтическая деятельность претерпела сильные изменения, философ высказывает, как мы считаем, несколько принципиально важных положений. Поэзия действительно есть прорыв в центр бытия. Поэзия тяготеет к пространствам и стихиям, но ей всегда оказывается мало окружающего мира и она стремится идти за его пределы. Поэзия, по сути дела,

есть опыт невозможного, опыт постижения неведомых миров, опыт говорения на невозможных языках. Н. А. Бердяев в свое время писал, что творческий акт есть освобождение и преодоление, выход, исход и победа. Совершая свои героические усилия, поэзия тем самым сообщает некую труднопонимаемую таинственную энергию социуму, и, видимо, как раз в этом смысле М. Хайдеггер и называет ее несущей основой Истории. От поэта требуется слышать неслышимое, равно как и видеть невидимое. Поэзия демонстрирует свою неизбежность, иначе говоря, невозможность сказать что-то другим способом, помимо поэтического. Поэзия, разумеется, участвует в разговоре, потому что для поэта необыкновенно важно быть услышанным во что бы то ни стало. Но, несмотря на все сказанное, поэзия — это игра, веселое самозабвенное слушание ритма, внутренней музыки и т. д.

Сравнение позиций Аристотеля и М. Хайдеггера выявляет их различие, заключающееся в отходе поэзии от принципа мимесиса: она более не стремится подражать реальности, но претендует на креацию неких важнейших оснований человеческого мира, на конструирование символического универсума. Повышение социальной и антропологической значимости поэзии коренным образом изменяет поэтическое мышление и поэтическую деятельность и приводит к формированию новых эстетических принципов. Так, изучение современных культурных паттернов свидетельствует о формировании новой разновидности поэтической деятельности, которая оказывается гораздо шире привычных рамок поэтического текста. Эта новая поэтическая деятельность, по сути дела, становится социальным действием и социальным взаимодействием. Социуму необходимо менять вербальные практики и характер восприятия реальности, и в этом неопределимую роль ему оказывает поэзия. Т. С. Элиот (который, кстати сказать, выступал за суверенность поэзии против позитивистски понимаемой ее «полезности») пишет об этом в своем эссе «Социальное назначение поэзии» [14, 121–138].

В последнее время много говорится о геопоэтике (хотя порой в весьма узком контексте). Понятие «геопоэтика» приобретает черты понятия сферы социально-гуманитарного знания: им обозначаются различные творческие способы взаимодействия человека с географическим пространством, с территориями и ландшафтами. Помимо геопоэтики, считает автор, в начале XXI в. формируется множество новых поэтик, связанных с коренным изменением отношения человека к окружающему миру и к себе самому. Эти поэтики, активно участвующие в формировании новой социальности, еще недостаточно артикулированы и вследствие этого недостаточно теоретически осмыслены. В ряду таких поэтик мы выделяем геопоэтику, цифровую поэтику, зоопоэтику, коммуникационную поэтику.

Возникает вопрос: действительно ли речь в данном случае идет о разных модусах поэтического, а не о каких-то иных разновидностях современной деятельности? Думается, что на этот вопрос можно ответить утвердительно, потому что во всех этих случаях мы видим дистанцирование от обыденности или выпадение из нее; видим то, что создает высокое напряжение, момент праздника и новизны, момент выхода из состояния, которое можно охарактеризовать как банальное, скучное, заранее понятное, обыденное, серое. В «прото-поэтиках» мы часто можем зафиксировать некие аналоги хорошо нам известных тропов:

метафоры, метонимии, синекдохи, гиперболы, дисфемизма, литоты, персонификации, оксюморона и др. «Прото-поэтики», безусловно, тяготеют к складности, соразмерности и особой упорядоченности. Если же говорить о социальных предпосылках развития поэтической деятельности вне рамок поэтического текста, то они соответствуют логике дерутинизации постфордистского общества.

Прото-поэтический статус вышеназванных культурных феноменов обусловлен тем, что они далеко не всегда связаны с текстом (в отличие от классического понимания поэтики). Геопоэтика зачастую понимается ее приверженцами в качестве специфической проектной деятельности или же набора особых практик, в ходе которых меняется отношение человека к пространству. Цифровая поэтика связана с трансформацией человеческого существования на всех уровнях: экзистенциальном, культурном, социальном и т. д. Зоопоэтика предстает в качестве поля синергичного взаимодействия человека и животных, которое чревато неожиданными поэтическими открытиями. Коммуникационная поэтика, частично пересекаясь с поэтикой цифровой, имеет ряд специфических проявлений в коллективных действиях, коллективном творчестве, различных проявлениях художественного активизма. Специфической особенностью геопоэтики, зоопоэтики, цифровой и коммуникационных поэтик является их несистемность, слабая артикулированность и стремление к актуализации важных потенциальных возможностей.

Геопоэтика в понимании Кеннета Уайта не является ни школой, ни верой, но это пространство, территория, движение, ход, походка, поступок [4]. В «Странствующем духе» Кеннет Уайт пишет, что с самого начала письмо, словотворчество были для него неразрывно связаны с вышагиванием, ходьбой. Это мыслилось как движение вперед, к неизвестным, неопианным, незаванным пространствам; движение, сопровождаемое названием всего, проникшего в сознание. Движение, нацеленное на преодоление тесных рамок, густозаселенных душных пространств; открытие новых территорий, накапливание новых впечатлений, подтверждающих правильность, неотвратимость твоего продвижения вперед — к пустоте-как-свободе, к внутренней благодатной тишине-наполненности, а потом — к поэзии [12, 56]. В эссе «Дикие лебеди» Кеннет Уайт описывает путешествие-хокку. Например, для Басе путешествие было не просто прохождением определенного количества километров, но раздвижением границ духа. И если в наиболее архаичных формах буддизма поэзия считалась занятием мирским, чтобы не сказать легкомысленным, то в этом случае она сама становилась путем [11, 191].

В нашей стране геопоэтику развивает Игорь Сид, трактуя ее в качестве проектной деятельности, направленной на создание и изменение различных территориальных мифов. Однако в вышедших сборниках по геопоэтике мы находим различные ее трактовки. Одно их перечисление заняло бы слишком много места. Так, Зиновий Зиник, развивая идею геопоэтики, пишет, что у каждого из нас с детства вырисовывается в уме внутренняя картография, некая сетка параллелей и меридианов с центром в нашем родном доме, в нашей квартире. Это уже не география, а биография, внутренняя карта [5].

Можно рассматривать геопоэтику в рамках движения New Age, где культивируется особое эколого-мистическое отношение к планете Земля, к ее ландшафтам

и территориям. Однако мы вполне можем представить себе, скажем, православную геопоэтику, базирующуюся на идее мета-антропологического долга перед природой, освобождения ее от «рабства тлению» (святоотеческая литература пишет о том, что мир, как «антропосфера», следует за человеком и от нас зависит богохульствует он или же молится [7, 242]).

Представляется, что близки к геопоэтике лэнд-арт (ландшафт-искусство) и паблик-арт (искусство в городской среде). Здесь мы можем наблюдать метафоры особого рода. Часто это гиперболы, заданные колоссальными размерами объектов (например, у Христо — Рейхстаг, обернутый в серебристую ткань). Геопоэтичны, по нашему мнению, многие психогеографические практики (психогеография предполагает изменение сознания, в результате которого повседневные маршруты становятся удивительным, непредсказуемым и опасным путешествием, испытывающем героя). Здесь можно упомянуть «дрейф» как медитативную технику передвижения по городу, где важно отрешиться от обычных мотивов такого передвижения, что, по мнению психогеографов, позволяет преодолеть «угнетение средой». Отметим также «обновленную картографию», которая призвана была задокументировать взаимоотношения со средой, а на более абстрактно-поэтическом уровне — желания и чувства. В «обновленной картографии» мы можем наблюдать перифраз, аллегорию, персонификацию, пафос и другие тропы.

Настоящее время — это время формирования цифровой поэтики. Анализируя работы по цифровому искусству и теории софт-культуры, мы видим, что сетевые сообщества позволяют разнообразным творческим сообществам совершенствовать правила существования в культуре. Блоги развивают искусство создания в результате онлайн-коммуникаций «социальных портретов» при помощи языковых и визуальных игр [9, 243–245]. Социальный компьютеринг и новая культурная аналитика, позволяя анализировать большие потоки и массивы культурных данных, создают совершенно новое восприятие социума и культуры [8, 181–200]. Компьютерно-цифровые технологии создают возможность индивидуального и группового поэтического дистанцирования от обыденности с помощью перодовых программ и алгоритмов.

Зоопоэтика развивается в настоящее время по нескольким направлениям, на которые, несомненно, оказала влияние философия биоцентризма и отрицания «видовой дискриминации». В этой связи следует упомянуть различные проекты, изучающие творчество животных (скажем, AnimalsArt), которые правильнее было бы, наверное, охарактеризовать как проекты, в которых так или иначе мы имеем дело с сотворчеством человека и животных. Скажем и о различных современных культурных играх с тотемами. Игорь Сид пишет, что тотем отныне не передается человеку по наследству, а подбирается им себе самостоятельно, исходя из собственных внутренних задач [10]. По нашему мнению, «зооогика» Даниила Андреева, Партия животных Олега Кулика, Движение за освобождение животных, возникшее на Западе в 1960–1970-х гг., могут быть рассмотрены и поняты в ключе необычной, нестандартной поэтики.

Развитие новых форм коммуникации, творческого общения, коллективных действий формирует новую коммуникационную поэтику, где осуществляется

перевод текста с языка моего Я на язык твоего Ты (коды участников коммуникации образуют пересекающиеся множества). Блоги и онлайн-форумы создают совершенно новые условия для формирования своей идентичности, формулирования своего мнения. Возникают совершенно новые коммуникативные паттерны, которые свидетельствуют о том, что общение, коммуникация могут выступать в жизни человека в качестве особой поэзии, несущей социальную новизну и высокое напряжение. Сетевое общение совершенно по-новому определяет границы между личным и коллективным, личным и общественным, и это тоже создает моменты невиданной ранее коммуникативной поэтики.

Думается, что прото-поэтики вносят свой необходимый вклад в формирование новой социальности с ее глобальной гипермобильностью, полиэкранностью, релятивностью и ориентацией на сложные формы идентичности и конфигуративное Я. Новая социальность, по всей видимости, выступит как среда, где будут востребованы не только различные виды рациональности, но и различные виды чувственности.

1. *Аристотель*. Поэтика. СПб., 2008.
2. *Бычков В. В.* Русская теургическая эстетика. М., 2007.
3. *Гилен П.* Бормотание художественного множества. Глобальное искусство, политика и постфордизм. М., 2015.
4. *Голованов Г., Гринева В.* Геопоэтика Кеннета Уайта. Фрагменты переводов [Электронный ресурс]. URL: <http://liter-net.1gb.ru/geopoetics/golov.html> (дата обращения: 20.05.2018).
5. *Зиник Э.* Две географии [Электронный ресурс]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/59/article/1205> (дата обращения: 20.05.2018).
6. *Лелеко В. Д.* Эстетизация повседневной жизни постмодерна и эстетика повседневности // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века : материалы науч. конф. (Санкт-Петербург, 10 окт. 2001). СПб., 2001.
7. *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. М., 1991.
8. *Манович Л.* Теории софт-культуры. Нижний Новгород, 2017.
9. *Пол К.* Цифровое искусство. М., 2017.
10. *Сид И.* Тотемократия в русской литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaaya-rovestka/Totemokratiya-v-russkoj-literature> (дата обращения: 20.05.2018).
11. *Уайт К.* Дикие лебеди. Путешествие-хокку // Дружба народов. 2009. № 4.
12. *Уайт К.* Странствующий дух // Новая Юность. 1997. № 5–6. С. 55–56.
13. *Хайдеггер М.* Гельдерлин и сущность поэзии // Логос : филос.-лит. журн. Вып. 1. М., 1991.
14. *Элиот Т. С.* Назначение поэзии. Киев ; М., 1997.
15. *Эпштейн М. Н.* Новый век: смена парадигм [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/133179> (дата обращения: 20.05.2018).
16. *Эпштейн М. Н.* От знания — к творчеству: Как гуманитарные науки могут изменять мир. М. ; СПб., 2016.

Рукопись поступила в редакцию 30 мая 2018 г.

ЯЗЫК КАК ПРАКСИС: К ТЕОРИИ РЕЧЕВОГО АКТА ПАОЛО ВИРНО

В статье предпринята попытка реконструировать представления о природе речевого акта в политической философии Паоло Вирно. Современное состояние общества, постфордизм, характеризуется стиранием границ между трудом и действием, базисом этого изменения выступает изменение самих форм коммуникации. Труд приобретает черты политического действия, поскольку включает в себя необходимость постоянной коммуникативной кооперации между индивидами. В связи с этим Вирно пытается обосновать теорию речевого акта как публичного пространства, в котором каждый отдельный речевой акт представляет собой элементарную форму политического действия. Главными чертами такого действия являются зрелищность и виртуозность. Автор пытается обосновать связь между публичностью и речевым актом через понятие потенциальности как особой черты современной субъективности: множества, которое возникает под воздействием современных медиа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: современность, Вирно, множество, язык, коммуникация, публичность.

В современную эпоху, для описания которой теоретики часто используют приставку «пост», проблема языка коммуникации, всевозможных интеракций между различными акторами, посредниками и т. п. встает как одна из самых магистральных проблем для широкого поля гуманитарных дисциплин. В теории медиа проблема коммуникации может быть представлена в широком спектре проблем, начиная с того, каким базовым образом мы определяем само коммуникативное действие, и заканчивая тем, как мы воспринимаем медийные тексты и какого рода субъективность они порождают. Всякая коммуникация оперирует со знаками и умением их считывать, она также требует присутствия других, поскольку всегда осуществляется в интересубъективном пространстве, в этом смысле она выступает как коммуникативное действие. О том, что на базовом уровне представляет собой это действие, рассуждает итальянский философ Паоло Вирно, который в последнее время приковывает большое внимание медиатеоретиков.

Политическая философия Вирно во многом направлена на рассмотрение того, какого рода субъективность появляется под влиянием современных медиа, однако он также не обходит вопросы об общем интеллекте (*General Intellect*) как о некотором общем медианоме, о восприятии текстов, которые порождаются в публичном пространстве. Сам термин *General Intellect* был взят из *Grundrisse* Маркса, где этот термин передается на английском, без перевода, чтобы подчеркнуть, что интеллектуальная деятельность принимает коллективный характер и становится основой общественного производства. Коммуникация, основанная на общем интеллекте, характеризуется, как говорит Вирно, опорой на общие, доступные для всех знания и умения. Публичное пространство традиционно в политической философии понимается как свободное от насилия и принуждения, где люди говорят, действуют и проявляют себя как свободные, политические

существа. В этом контексте медиаполе можно представить в качестве публичного пространства, поскольку в нем люди говорят и действуют, выставляя себя как свободные, политические существа, а сама коммуникация основывается на общем интеллекте. Здесь мы сосредоточимся на ключевой, на наш взгляд, для теории медиа идее, которая заключается в представлении о речевом акте как о своего рода действии, праксисе.

Праксис (*πράξις*), греческое слово с глубокой философской историей, активно употребляется Вирно для описания того, чем может являться речевой акт и в более широком смысле — сам язык. На базовом уровне еще Аристотель определил разницу между двумя типами действия — поэзисом и праксисом, или, иначе говоря, между творческим актом и поступком: «Цель творчества отлична от него самого, а цель поступка, видимо, нет, ибо целью является само благо-получение в поступке» [2, 163]. Ханна Арендт выстраивает на этом противопоставлении свою политическую философию, разделяя сферы человеческой жизни на труд, созидание и действие (поступок), где последнее является исконно человеческим способом жизни, поскольку лишь в действии человек предстает свободным от оков нужды и пространства частного, где господствующими сферами являются создание и труд: «Говоря и действуя, люди активно отличают себя друг от друга, вместо того чтобы просто быть разными; они модусы, в каких раскрывает себя сама человечность» [3, 218].

Речам и поступкам свойственно мужество выходить в явленность политического пространства, раскрывать свое «кто» перед множественностью других, быть в этой множественности, что составляет «ткань межчеловеческих отношений». Труд в ее представлении фигурирует лишь как некоторый процесс, связанный с круговоротом природы, в который так или иначе встроены человек, а потому в этом процессе не заключена человеческая свобода. Критикуя Арендт, Вирно говорит о том, что в современных условиях, труд обретает качества, которые она вменяет исключительно политическому действию. Труд начинает требовать не только исполнения каких-то повторяющихся действий, на современном этапе развития капиталистических отношений труд требует кооперации, коммуникации между индивидами, определенной гибкости, чтобы решать различные задачи. Причем требуется не просто решать их, но делать это оперативно, качественно и в каком-то смысле виртуозно. Виртуозность требуется на всех уровнях производства, будь то простой рабочий, который находится среди других рабочих, или руководитель, который вынужден виртуозно решать многочисленные вопросы, труд приобретает качества артистов-исполнителей.

Размывание границ между трудом и действием позволяет говорить о наличии некоторой «активности без работы», матрицей которой служит виртуозное исполнение речевого акта. В еще не переведенной на русский язык работе «Когда Слово становится Плотью» Вирно предлагает рассматривать такую активность прежде всего именно как речевой акт. По его мнению, эта «активность без работы» может заполнить разрыв между структурной лингвистикой и философией праксиса, между «Курсом» Соссюра и «Никомаховой этикой» Аристотеля [10, 21]. Структурный разрыв, по его мнению, заключается в том, что лингвистика Соссюра

выделяет лишь формальную структуру языка, мало обращая внимания на то, как язык связан с публичной сферой, тогда как этика Аристотеля рассматривает особенности праксиса и его отличия от поэзиса, не связывая праксис с конкретным применением языковой способности. Тем самым Вирно радикализирует тезис Ханны Арендт о том, что действие и речь идут рука об руку. В ее версии действие включает в себя речь, поскольку не может быть бессловесных поступков, о которых нельзя было бы что-либо рассказать. Вирно делает шаг вперед и утверждает, что языковая деятельность — это и есть действие, праксис в прямом смысле. Лингвистическая активность не направлена на какую-либо определенную цель, а имеет эту цель в себе самой. Бесспорно, Вирно не утверждает, что внелингвистических целей для речевых актов не существует, он хочет сказать, что подобно тому, как смысл игры на пианино мы не можем объяснить исходя из чего-либо внешнего этой игре, так и язык сам конституирует свои правила и нормы.

Прагматизм или когнитивизм пытаются понять язык как соответственно *poiesis* (деятельность, направленная на внешнюю цель) или *episteme* (система знаний), однако они упускают то, что язык в первую очередь является праксисом. Говорящий, как виртуозный исполнитель, потенциально способен устанавливать новые связи, артикулировать какие-либо новые отношения. Другой итальянский философ, Антонио Негри, в своем анализе множества также выделяет фактор языка и коммуникации как основополагающий структурный момент в анализе множества (*multitude*). Множество — новая форма субъективности, порождаемая современными медиа, является общностью, которая базируется на общей для всех способности к языку и коммуникации; коммуникация становится важной составляющей в самом труде, проникая в него и наделяя его чертами политического действия, и, как справедливо отмечает Алексей Пензин в своей работе, посвященной анализу понятия «множество» у Негри, «язык — это первичная среда учреждения общности» [8, 45].

Язык в этом отношении преподносится как нечто потенциальное, то есть он общ для всех. Язык относится к той сфере, которая является, по выражению Вирно, трансиндивидуальной, даже называя его «трансиндивидуальным объектом» [10, 149]. Что же в данном случае является трансиндивидуальным? Вирно пишет, что «мы называем “трансиндивидуальным” не совокупность особенностей, разделяемых всеми индивидами, но только то, что проникает в отношения между индивидами, без частной принадлежности к кому-либо из них» [Там же, 185]. Таким образом, трансиндивидуальный объект — это то, что находится между индивидами, он начинает функционировать только в пространстве взаимодействий между различными индивидами. Располагаясь между индивидами, язык и есть то потенциальное пространство, что заполняет разрыв между мыслью и миром. Потенциальное пространство языка является тем самым своего рода публичной сферой, где всякий отдельный речевой акт подобен действию актера на сцене. Это действие происходит не между индивидами как двумя точками, а между исполнителем и его публикой, поскольку все они находятся в равной мере в этом общем потенциальном пространстве языка. И здесь возникает понятие зрелищности речевого акта. Зрелищность характеризуется присутствием

публики и исполнителя, который виртуозно исполняет определенное действие. Зрелищность коммуникации будет языковой зрелищностью, она связана с общей и публичной способностью к языку, его виртуозным владением. Как справедливо замечает Н. Н. Сосна в своем исследовании Вирно и медиатеории, отличительной чертой языковой зрелищности будет «не конкретная отдельная речь, но собственно владение языком, фактически не актуально данным, но языком в его потенциальности» [9, 67].

Предположение о том, что категория потенциального играет важную роль в осмыслении публичного характера языка и мышления, высказал также и Джорджо Агамбен. Ссылаясь на Данте и его трактат «Монархия», Агамбен говорит о том, что для современной политической философии является более актуальным аверроизм, где проводится мысль о едином потенциальном интеллекте для всех людей. Для самого Данте это очень важный аргумент в его трактате, он используется для обоснования возможности общего управления над всеми людьми — своего рода единой Империи. Приведем здесь обширную цитату из его трактата целиком: «И так как эта потенция не может быть целиком и сразу переведена в действие в одном человеке, или в одном из частных, вышеперечисленных сообществ, необходимо, чтобы в человеческом роде существовало множество возникающих сил, посредством которых претворялась бы в действие вся эта потенция целиком — подобно тому, как должно существовать множество возникающих вещей, дабы всегда была в творческом акте потенциальная сила первой материи; иначе потенция могла бы существовать обособленно, что невозможно. И с этим мнением согласен Аверроэс в комментарии к книгам “О душе”. Интеллектуальная потенция, о которой я говорю, обращена не только ко всеобщим формам, или видам, но, распространяясь, охватывает формы частные... Итак, достаточно разъяснено, что дело, свойственное всему человеческому роду, взятому в целом, заключается в том, чтобы переводить всегда в акт всю потенцию “возможного интеллекта”, прежде всего ради познания, и, во-вторых, расширяя область познания, применять его на практике» [6, 308].

Отсюда Агамбен выдвигает схожую с Вирно мысль о том, что множеству как политической субъективности присуща категория потенциальности, которая выражается в общей способности к мышлению, языку и коммуникации [1, 21]. Потенциальность становится тем самым важной чертой множества, — это и есть способность всегда в своем действии устанавливать что-то новое, подобно тому, как джазовый музыкант строит свою композицию во многом на импровизации, имея некоторые «общие места», своим исполнением он всегда проявляет что-то новое. Потенциальность затрагивает не столько отдельные способности человека, сколько все его существо, все его силы. Потенциальность в каком-то смысле и есть *сила* множества¹, которая позволяет им не быть завершенными, сохранять амбивалентность и учреждать что-то новое.

Итак, язык, как хочет показать Вирно, предстает перед нами в виде прообраза публичной сферы, потенциального пространства, что само по своей природе

¹ «Potenza» с итальянского можно перевести как «мощь», «сила».

трансиндивидуально и является имманентной средой коммуникации. Каждый речевой акт представляет собой действие, праксис, которое характеризуется зрелищностью и виртуозностью исполнителя. Отсюда вытекает первичность языка относительно мышления, что Вирно повторяет вслед за Бенвенистом. Французский лингвист выдвинул такое соотношение языка и мышления, в котором они не рассматриваются как различные субстанциональные начала, а мышление является в какой-то степени отражением самого языка. Последовательно анализируя категории Аристотеля, Бенвенист показывает, что все они — производные от структуры древнегреческого языка. А значит, главные категории мысли, с помощью которых мы выстраиваем не только науку или философию, а вообще повседневную речь, представляют собой языковые формы, абстрагированные и перенесенные на категориальный аппарат аристотелевской мысли. Поэтому не сама мысль облекает себя в высказывания, построенные языковыми формами, а сам язык облекает себя в мысли: «Языковая форма является тем самым не только условием передачи мысли, но прежде всего условием ее реализации. Мы постигаем мысль уже оформленной языковыми рамками. Вне языка есть только неясные побуждения, волевые импульсы, выливающиеся в жесты и мимику. Таким образом, стоит лишь без предвзятости проанализировать существующие факты, и вопрос о том, может ли мышление протекать без языка или обойти его, словно какую-то помеху, оказывается лишенным смысла» [4, 105].

Вирно полностью перенимает эту мысль: язык, говорит он, «является объективным основанием мысли» [10, 151]. В свою очередь, это приводит к идее о том, что речевые акты, коммуникация являются ценными сами по себе, а мышление, «жизнь ума», является частью публичной сферы, но никак не возвышенной деятельностью созерцания, высшим образом жизни, как это было в этике Аристотеля, либо же уединенной, саморефлексивной деятельностью мыслителя, как об этом говорит Арндт.

Ценность коммуникации самой по себе, что выделяется Н. Н. Сосной как важный для медиатеории сюжет, вытекающий из идей Вирно, указывает на то состояние современного производства — постфордизм, в котором потребность в коммуникации и кооперации индивидов проявляется на многих уровнях общественной жизни. Вирно описывает особые эмоциональные состояния или, как он говорит, «эмоциональные тональности» множества, которые сопровождают такое положение дел. Болтовня и любопытство, а также оппортунизм — вот те эмоциональные ситуации, которые традиционно оценивались негативно (например, Хайдеггером, который анализировал эти состояния в «Бытии и Времени»). Вирно же пытается выделить «нейтральное ядро» [5, 103] этих состояний, даже сделать их в некотором роде позитивными качествами, которые позволяют множеству быть гибким и приспосабливаться к различным ситуациям в быстроменяющемся мире. Городская жизнь всегда быстро меняется и подвержена инновациям, откуда возникает потребность в том, чтобы уметь успешно сочетать разные практики и дискурсы, а это требует большого уровня коммуникативных навыков. Как справедливо замечает Сосна, «работники вынуждены активно коммуницировать друг с другом, потому что “коммуникабельность” становится товаром, который

покупается работодателем, хотя она продолжает оставаться неотъемлемым свойством человеческой природы» [9, 68]. Инструментальность коммуникации тем самым подвергается диффузии, и все больше возрастает роль ее виртуозной составляющей, которая ценна сама по себе, поскольку служит отражением потенциала множества, присущего каждому.

В отличие от той концептуальной рамки, которая была установлена Маршаллом Маклюэном, средства коммуникации не являются просто сообщением [7, 10], речевой акт как матрица «активности без работы» сам является праксисом, формой действия, смысл которого, как и смысл поступка, состоит в самом актерском исполнении. Планомерно проводя идею о том, что язык — это своего рода публичная сфера, потенциальное пространство коммуникации, а сам речевой акт является праксисом, действием, которое в самом себе заключает свои цели и нормы, Вирно открывает возможность проведения структурных аналогий между миром медиа и тем, что Арндт называет сферой публичности, где люди, подобно актерам театра, виртуозно исполняют свои партии. Говорящий как артист-исполнитель представляет собой виртуозного деятеля, в пространстве публичности способного словами совершать прекрасные деяния — быть источником праксиса, политического действия. Пространство средств коммуникации, современных медиа разворачивается как агоническое пространство древнегреческого ареопага, где людям предоставляется возможность высказаться, сообщить свою (пост)правду другим участникам коммуникации. В этом публичном пространстве речевой акт как праксис характеризуется зрелищностью и является ценным сам по себе. Зрелищность речевого акта подразумевает политическое измерение лингвистического животного, как не раз повторяет Вирно, человек как животное, наделенное способностью к речи, изначально является также и политическим животным, и это можно назвать продолжением осмысления аристотелевского наследия.

1. Агамбен Дж. Средство без цели, М., 2015.
2. Аристотель. Этика / пер. Н. В. Брагинской. М., 2011.
3. Арндт Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни. М., 2017.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
5. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М., 2013.
6. Данте Алигьери. Монархия / пер. с итал. В. П. Зубкова. М., 1999.
7. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003.
8. Пензин А. «Революционное чудовище»: понятие множества в философии Антонио Негри // Синий диван. 2004. № 5. С. 36–61.
9. Сосна Н. Н. Потенциально «человеческое»: Вирно и медиальное // Филос. журн. 2013. № 1(10). С. 64–75.
10. Вирно П. *When the Word becomes Flesh*. Semiotext(e), 2015.

Рукопись поступила в редакцию 30 мая 2018 г.

УДК 7.04 + 7.067 + 176.7

К.-Дж. Гомес

ПРОТЕСТНАЯ РЕАКЦИЯ ЗРИТЕЛЕЙ НА МОРАЛЬНО-ПРОВОКАЦИОННОЕ ИСКУССТВО

В статье исследуется феномен протестной реакции зрителей на морально-провокационное искусство. Деструктивное и конструктивное взаимодействие зрителя с искусством рассматривается как своеобразный способ коммуникации, интуитивной реакции на морально-провокационное искусство, также выделяется ряд характеристик конфликтов вокруг современного искусства. На примерах нескольких кейсов протестной реакции зрителей на морально-провокационные художественные произведения показана трансформация иконоборческих атак в публичный медиадискурс.

К л ю ч е в ы е с л о в а: протестная реакция, иконоборчество, оскорбительное искусство, душевные страдания, моральный вред, вандализм, разрушение изображений, общественная цензура, культурный конфликт, моральные провокации.

Современное искусство регулярно бросает вызов ценностям и убеждениям людей, выводя зрителей из этической зоны комфорта. Это нередко приводит к протестным акциям и даже вандализму. Широкое распространение интерактивного искусства существенно проблематизировало морально опасное в пространстве художественных выставок. В эпоху медийности и роста комментаторской активности в Интернете проблема протестной коммуникации зрителя с искусством актуализировалась по-новому с появлением возможности влиять на решения институций по поводу исключения оскорбительных произведений через онлайн-петиции, негативные комментарии и жалобы на контент в социальных сетях. Формалистские точки зрения относительно автономии искусства, столкнувшись с реалиями художественной культуры XX в., потеряли свою актуальность [15], а недавние нейропсихологические исследования доказали, что сама природа художественных изображений не позволяет воспринимать их лишь на эстетическом уровне, так как одна и та же часть коры головного мозга отвечает за эстетическую и этическую оценку искусства [13, 8]. Поскольку детерминантом и заказчиком этико-эстетического в пространстве художественных выставок теперь является зритель, общественная цензура стала настоящей проблемой для современного искусства и ставит под вопрос универсальную ценность культурного наследия и право искусства на осмысление любых тем.

На обсуждение выносятся проблема протестов зрителей против морально-провокационного искусства. Для определения природы и основных характеристик протестной реакции аудитории выбран междисциплинарный подход на стыке философии, психологии, социологии и права.

Моральные провокации искусства

Для того чтобы определить природу протестной реакции зрителя на морально-провокационное искусство, необходимо выявить причины, по которым

зритель готов отстаивать свою этическую безопасность любыми, даже неправомерными способами. Искусство на протяжении всей истории обращалось к «моральным провокациям» как способу взаимодействия со зрителем [6]. Согласно Е. Н. Зарецкой провокацией является «целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое коммуникативное поведение, направленное на дестабилизацию эмоционального состояния собеседника» [7, 13]. Моральные провокации как художественную и философскую концепцию рассматривает Дэн Эгонссон (Dan Egonsson), который утверждает, что произведение искусства может считаться провокационным вне зависимости от результатов провокации, так как провокация относится к содержанию произведения и способам его взаимодействия со зрителем [22, 6].

Фактически в любом художественном акте содержатся элементы провокации, что подтверждает история искусств, достаточно вспомнить сцены жестокости и насилия в мифологии Античности, эпизоды Страстей, Распятия и *эротическую боль* Средневековья, телесные искажения в эпоху Возрождения. Для искусства рубежа XIX–XX вв. характерен перевес в сторону эстетизации, а не общественной морали. Формалисты XIX в. утверждали, что мораль не имеет значения при оценке качества произведения искусства как искусства [25, 167]. Данную позицию укрепили в XIX в. представители эстетизма в искусстве, и ее отлично отразил Оскар Уайлд в своей фразе «Нет книг нравственных или безнравственных. Есть книги, написанные хорошо или же написанные плохо. Вот и все» [18, 351]. Наконец, с XX в. искусство уходит в тотальную провокационность и постоянную «репрезентацию социальной аномии» [6], и уже в 80-х гг. прошлого века вопрос относительно того, дозволено ли искусству оскорблять чьи-либо чувства и шокировать мнение традиционной публики или *большинства*, начинает активно обсуждаться художественными институциями и общественностью. Так, в 1979 г. в США зрители выходят на протест против открытия выставки «The nigger drawing», посчитав ее название оскорбительным [14, 27], а в 1990-м выставка фотографа Роберта Мэпплторпа «The Perfect Moment» привела к массовым протестам традиционалистов [28]. Эстетика провокаций стала основой для большинства современных художественных проектов.

Моральные провокации искусства могут восприниматься зрителем как оскорбительные. Для того чтобы сильно дестабилизировать эмоциональное состояние индивида, провокационное действие должно стать серьезным вызовом: осмеивать, оскорблять, унижать, приводить в негодование, преступать принятые нормы, в подобном случае результатом провокации будут сильные сложно контролируемые аффекты, протестные реакции [7, 11, 12]. В правовой практике оскорбление является административным правонарушением и, согласно Уголовному кодексу Российской Федерации, является унижением чести и достоинства другого лица, выраженным в неприличной форме [4, 24]. С квалификацией оскорбления в судебной практике все непросто, так как установить объективную цель оскорбления в принципе достаточно сложно, особенно в кейсах, связанных с искусством. Степень оскорбленности, а также «честь» и «достоинство» являются оценочными понятиями внутреннего состояния человека. Несмотря на то что в российской

правовой системе моральный вред и нравственные страдания, вызванные оскорблением, отождествляются [8, 30], следует развести данные понятия. Моральный вред — это «социальная/моральная дезадаптация личности, спровоцированная чьими-либо аморальными и/или противоправными действиями, повлекшими дестабилизацию ее социальных статусов: экономического, политического, правового, этнического, религиозного, семейного, профессионального, должностного и так далее» [10, 253]. Нравственные страдания — это ментальные страдания, страдания человеческого духа, сложно поддающиеся рациональной и строгой правовой оценке, количественному подсчету [Там же, 255]. Этический аспект оценки нравственных страданий в правовой практике заключается в том, что их нельзя оценивать как «незначительные» или «несущественные», так как даже минимальное их наличие включает «психический дискомфорт и нарушения душевного равновесия» [1, 201].

В 1973 г. в США в судебную практику был введен тест Миллера, который устанавливает оскорбительность и непристойность произведений, выводимых из-под протекции Первой поправки [5, 169]. Верховным судом США непристойность (оскорбительность, нецензурность) определена как акт свободы самовыражения, который оценивается государственным регулированием, поскольку является *потенциально оскорбительным* согласно общественным стандартам [36]. Современное светское право при разрешении конфликтов зрителей с морально противоречивым искусством обращается к Первой поправке о свободе слова. Однако все еще остается под вопросом, может ли Первая поправка защищать произведение искусства, так как в ней говорится о свободе *слова*, а визуальное искусство, да и искусство вообще — это нечто сверхвербальное [27, 139]. Искусство всегда выходит за рамки слова как единицы речи и всегда передает нечто большее, чем способно уловить вербальное сообщение и хотел сказать художник.

Большинство исследователей в области этики искусства пришли к консенсусу о том, что оскорбительный характер произведение приобретает именно в результате установления связи с аудиторией [Там же, 126]. Западные исследователи видят основную проблему всех ситуаций, связанных с оскорбительным искусством, в противоборстве между защитниками художественной свободы, «приватизировавшими» художественное пространство для того, чтобы наслаждаться этой свободой, и их оппонентами, утверждающими публичность данного пространства, тем самым давая себе возможность ссылаться на законы о защите их моральной безопасности. Поскольку защитники художественной свободы все еще могут полагаться на государственную защиту, их оппонентам остается только протестная, чаще всего аффективная, деятельность [12, 111]. Практика протестных реакций оскорбительных зрителей в России говорит скорее об обратном, так как государственную защиту, как правило, получают именно оппоненты художественной свободы. В 2003 г. в Музее и общественном центре имени Андрея Сахарова в Москве была организована выставка «Осторожно — религия!». На ней были представлены работы актуальных художников, осмысляющих религию (православие) в современном обществе через прямые и довольно провокационные образы. Кураторы выдвигали целью мероприятия диалог с общественностью, что

в итоге закончилось разгромом выставки спустя несколько дней оскорбленными верующими. Однако уголовному преследованию и наказанию подверглись не погромщики, а сотрудники музея, которых обвинили в богохульстве [3]. Анализ Елены Орел судебных дел, связанных с конфликтами искусства и аудитории, показал, что «российское правосудие и законодательство не только объективно работают на ограничение свободы искусства, но и лишают самого права заниматься искусством значительную группу художников, представляющих актуальное и политическое искусство в России» [5, 176].

Современные художественные институции, учитывая негативный опыт физического уничтожения произведений искусства, теперь фактически сразу исключают из экспозиции произведения, которые начинают вызывать полемику. Например, в 2016 г. в Центре фотографии имени братьев Люмьер в Москве закрыли в день открытия выставку фотографа Джока Стерджеса [29], неоднократно обвиняемого в педофилии, а в сентябре 2017-го из музея Гугенхайм в Нью-Йорке исключили три работы китайских художников, на которых были изображены страдания животных [31]. Сегодня фактически все художественные институции перешли на прямое общение со зрителем в режиме онлайн, что не позволяет им оградиться от возмущенных комментариев по поводу морально противоречивых объектов искусства, представленных на выставках. Власть комментариев и публичного дискурса в Интернете вокруг морально противоречивых произведений искусства или художников начинает по настоящему беспокоить художественные институции [32], так как моментальная вовлеченность новостных медиа в любое противоречивое событие и требование публики решать проблему здесь и сейчас не дают музеям и галереям времени на обдуманые поступки и адекватное выстраивание диалога со зрителем. Логика разрешения конфликтных ситуаций, связанных с оскорбительным искусством, предлагаемая сегодня художественными институциями, — это политика моментального исключения противоречивых арт-объектов из экспозиции, или «take down policy» [19].

Деструктивная и конструктивная протестная реакция

Любое произведение современного искусства так или иначе провоцирует в зрителе «семиотическую любознательность», заставляя задаться вопросом «что это значит?» [12, 103]. Самостоятельная трактовка произведения может привести к внутреннему возмущению, доходящему до стремления нанести физический вред художественному объекту, так как легче нападать на материальное воплощение идеи, утверждающее что-либо, чем прямо атаковать то абстрактное содержание, которое зритель видит в искусстве [21, 257]. Ряд специалистов характеризует современные случаи разрушений произведений искусства как продолжение иконоборческой традиции [17, 21, 24, 27, 35]. Важно отметить, что в западной литературе значение термина «иконаборчество» расширяется фактически до любого намеренного разрушения памятников культуры и искусства [27, 132]. Иконаборческие атаки на произведения искусства могут трактоваться по-разному, однако, независимо от политических, экономических или исторических причин,

мотивирующих иконоборчество (враждебность к старому или новому), вне зависимости от того, действовал ли один индивид или группа, это всегда попытка разрушить сам объект или его идею [35, 7]. Подобные мотивированные атаки на искусство являются проявлением деструктивной протестной реакции зрителя на произведение искусства.

Под деструктивным общением понимается тип общения, направленный на сознательное, преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризуемый чувством удовлетворения от страданий жертвы и сознанием собственной правоты [2, 110]. Исходя из данного определения, протестная реакция зрителя на морально-провокационное искусство принимает деструктивный характер в случае, если зритель преднамеренно причиняет вред художественному произведению, которое он воспринимает как *оскорбительное*. Одной из основных характеристик деструктивного поведения, по мнению большинства психологов, является агрессия. Эмпирические исследования в области когнитивистики доказывают, что обидчивость (*offense-taking*) часто встречается у людей, склонных к агрессии и враждебности [33, 452, 453]. Эрих Фромм в «Анатомии человеческой деструктивности», разводит понятия «агрессия» и «деструктивность», определяя деструктивность как злокачественную агрессию, не связанную с сохранением жизни, потенциал которой раскрывается в определенных условиях [9, 172], например, в ответ на моральные провокации искусства.

Хрестоматийными примерами протестной реакции зрителей, превратившейся в деструктивные действия, являются случаи с работой «Майра» Маркуса Харви, изображающей убийцу детей (выставки молодых британских художников «Sensation», 1997, Лондон) и картиной «Дева Мария» Криса Офили (выставка «Sensation», 1999, Нью-Йорк), представляющей собой изображение темнокожей Девы Марии, написанное слоновьим пометом. Первую выставку пикетировала ассоциация «Матери против убийств и агрессии» во главе с одной из матерей жертвы Майры Хиндли. Протестующие требовали убрать картину с выставки, так как она приносила им душевную боль и могла травмировать любую семью, которая потеряла ребенка. Несмотря на все протесты, картина так и не была исключена из экспозиции, после чего демонстранты облили работу тушью и закидали яйцами. После реставрации картина снова заняла свое место на выставке [27, 135]. Картину «Дева Мария» Криса Офили мэр Нью-Йорка Рудольф Джулиани назвал «нездоровой» и «оскорбительной» для католической церкви и попытался заморозить бюджетное ассигнование Бруклинского музея за ее экспонирование, на что музей ответил иском за невыполнение им своих обязанностей [Там же, 130]. Публика также была возмущена тем, что государственный музей, существующий за счет налогов с горожан, позволяет себе выставлять оскорбительный контент. Поскольку картина так и не была исключена из экспозиции, спустя два месяца после открытия выставки 72-летний мужчина аккуратно закрасил картину белой краской, за что вскоре был задержан и оштрафован [Там же, 136].

В представленных кейсах в качестве активатора общественного возмущения выступало наличие контента, ставящего под угрозу духовную безопасность зрителей. Согласно Гюнтеру Тебнеру (Gunther Teubner) человеку могут нанести вред

деструктивные силы современных социальных систем, автономно следующих собственной логике, чем и является современное искусство, «освободившееся от морально-религиозно-экономических обязательств по отношению к обществу» [26, 250]. Петер Слотердаjk, говоря о душевных ранах, также отмечает, что моральные травмы происходят в результате контакта души с жестокостью других агентов, и в таких случаях доступным для человека способом «ментального заживления ран» является спонтанный протест [34, 48]. Провокационное искусство высвобождает неожиданные разрушительные силы и побуждает зрителей наносить механические повреждения произведению в ответ на причиненный моральный вред или даже духовные страдания.

Существует ряд кейсов в истории искусства, когда нападения на произведения не имели очевидных причин и потому не квалифицировались как протестные действия, а причислялись к актам вандализма или объяснялись невменяемостью атакующего [27, 130; 33, 2]. На сегодняшний день психологические исследования, посвященные вандализму, все еще находятся в зачаточном состоянии, и сама природа человеческого стремления к разрушению и обезображиванию предметов мало изучена [30, 1], что усложняет оценку ряда конфликтов зрителей с искусством. Также следует учитывать, что существуют личности, в принципе склонные к деструктивности, которые просто «реализуют себя в преднамеренных разрушительных вербальных/невербальных коммуникативных действиях» [2, 208]. Подобное поведение часто связывают с садизмом, что подтверждает недавнее исследование, посвященное беспричинному вандализму, которое выявило высокую вероятность проявления вандализма для удовольствия у лиц, склонных к садизму [30]. Вандализм ради вандализма — распространенное явление для любых протестов, в том числе художественных. К протестным акциям зрителей часто присоединяются радикальные группировки, привлеченные возможностью участвовать в погромах. Так, в октябре 2011 г. французские католики ворвались на сцену Театра де ла Вилль в Париже для того, чтобы остановить спектакль Ромео Кастеллуччи «О концепции лика Сына Божьего» (On the Concept of the Face, Regarding the Son of God). К ним позже присоединилась радикальная правая группировка «Национальный фронт» Франции [12, 107, 108]. Демонстрации продолжались более недели и закончились 220 арестами. Таким образом, публичный дискурс между католическими организациями, обвиняющими спектакль в богохульстве, и защищающим его арт-сообществом превратился в общественные беспорядки с участием неонацистских группировок, которые уже не имеют отношения к этическому дискурсу искусства [Там же, 101].

Конструктивная протестная реакция в отличие от деструктивной предполагает организацию канала для коммуникации и готовность к диалогу. Так, спустя 20 лет после первой выставки «Sensation» в 2017 г. на Биеннале Уитни картина белой художницы Даны Шуц «Открытый гроб» вызывает общественный резонанс. Сюжетом для картины послужила фотография, изображающая изуродованное тело 14-летнего афроамериканского мальчика Эмметта Тилла в открытом гробу, которого жестоко убили из-за расовой неприязни в 1955 г. После открытия выставки одна из зрительниц, художница Ханна Блэк, в открытом письме обратилась

к кураторам выставки с просьбой исключить картину из экспозиции, так как Дана Шуц использовала жестокий и провокационный материал на фоне популярности движения по защите прав темнокожих и работа приносит многим зрителям духовные страдания [16]. Сегодня медиапространство позволяет зрителю влиять на решения институций по поводу судеб морально провокационных арт-объектов при помощи блогов и страниц в социальных сетях, поэтому письмо Ханны Блэк быстро привлекло внимание СМИ, после чего кураторам выставки пришлось снять картину и извиниться перед теми, кого она оскорбила.

Можно ли считать данный кейс примером конструктивной протестной реакцией? Отчасти да. Во-первых, потому, что письмо Ханны Блэк было четко аргументировано исторической болезненностью темы насилия над темнокожим населением США и тем, как бездумно данную проблематику используют художники, имеющие привилегии (white privilege). Во-вторых, подписавшие открытое письмо зрители представляют собой публику, определенную Джорджем Дики как «группа лиц, члены которой подготовлены в определенной степени, чтобы понимать объект, который им представлен» [5, 157], иными словами «разумные зрители» (reasonable observer — разумный наблюдатель) [Там же, 161]. К данной категории зрителей апеллирует американское правосудие при разрешении судебных вопросов, касающихся оскорбления зрителей искусством и ограничения свободы художественного высказывания. В-третьих, основным принципом конструктивного взаимодействия является способность слушать, и относительно искусства это может быть «этика прислушивания» [25, 100], требующая прислушивания для понимания художественного замысла от зрителя, а также доходчивости выражения от художника. Иными словами, конструктивная реакция предполагает готовность к диалогу. В кейсе с картиной «Открытый гроб» художница и представители институции по большому счету не имели четко артикулированной позиции по поводу той болезненной проблемы, на которую ссылается работа, поэтому им нечего было ответить на аргументы протестующих. Как показывает практика, не всегда в отсутствие диалога искусства со зрителем виновато невежество последнего.

Протестные реакции и контекст

Как показывает предыдущий пример, немаловажную роль в протестной реакции зрителей на морально провокационное искусство играет социальная напряженность. Согласно Стивену Дж. Тепперу противоречия в искусстве и скандалы вокруг свободы художественного самовыражения симптоматичны и укоренены в общественных трудностях, а искусство как громоотвод берет на себя все напряжение, спровоцированное социальными изменениями. Теппер настаивает на том, что, несмотря на уникальность каждого конфликта искусства со зрителем, в целом общественное недовольство искусством или культурой образует закономерные комбинации, находящиеся под влиянием социальных изменений, политической культуры и институциональной структуры общества [36]. Эти закономерные комбинации или паттерны являют собой структуру *культурного конфликта*, лежащего в основе любой протестной реакции зрителей на искусство. Теппер

сравнивает современные культурные конфликты со стратегиями буржуа-реформаторов XIX в., которые пытались выставить собственный образ жизни в выгодном свете на фоне вновь прибывших в США католических эмигрантов [36]. Никола Бейсел (Nicola Beisel) связывает диспуты вокруг искусства и приемлемых форм культурного самовыражения с тревожными настроениями внутри общества по поводу экономических и социальных изменений [Там же]. Таким образом, чем плюралистичнее общество, тем выше риск культурных конфликтов по причине постоянного соревнования между разнообразными действующими субъектами и институтами за главенствующие позиции в культуре [Там же].

Протесты аудитории против искусства часто связаны с предвыборными циклами. Социолог Пол Димаггио (Paul DiMaggio) и его коллеги изучали художественные конфликты в Филадельфии с 1965 по 2001 г. и нашли убедительные доказательства того, что культурные конфликты используются политиками для коммуникации с избирателями и мобилизации электората [20]. Иными словами, искусство стало «стероидом, используемым различными организациями для наращивания своих мускулов» [Там же]. Несмотря на очевидную политизированность конфликтов вокруг морально противоречивого искусства, комплексное исследование попыток цензуры художественного выражения в 1980-х в США обнаружило, что подавляющее большинство протестов не были инициированы политиками, организациями по моральным реформам, главами церквей или министрами. Джоном Харером (John Harer) и Стивеном Харрисом (Steven Harris) в 1994 г. было зафиксировано, что из 2818 жалоб на оскорбительное искусство только 103 жалобы были от представителей государственной власти [Там же]. Эти данные говорят о том, что протестная реакция на искусство в большинстве случаев возникает стихийно и натурально.

В западной социологии, в частности в США, уже несколько десятилетий существует практика исследования паттернов художественных конфликтов по городам и штатам. Среди отечественных исследователей только недавно начал возникать интерес к данной проблематике, в первую очередь в связи с оскорблением чувств верующих. Одним из наиболее комплексных проектов, по которым можно проследить статистику протестов зрителей против современного искусства в России, можно назвать сайт-ретроспективу художественных конфликтов с 1991 до 2015 г. «Запрещенное искусство» [3].

Протестная реакция зрителей на оскорбительное искусство являет собой своеобразную языковую структуру, защитную реакцию в ответ на моральные провокации современной художественной культуры и требует комплексного исследовательского подхода ввиду его многоаспектности. На данном этапе можно выделить несколько характеристик конфликтов аудитории с искусством: 1) морально провокационное искусство может оскорблять; 2) конфликты вокруг искусства отражают глубокие моральные противоречия и ценностные столкновения; 3) искусство может использоваться политиками и моральными реформаторами в качестве злободневного стимула для манипулирования общественным сознанием; 4) художественный конфликт является результатом беспокойства и тревоги,

вызванных социальными изменениями [36]; 5) протестная реакция зрителей на провокационное искусство в контексте активного перехода всех сфер жизни человека в медиaprостранство превращается из нанесения механических повреждений произведениям искусства в организованные онлайн-протесты.

Моральные провокации в искусстве стали привычным художественным приемом, и прогнозы художественных критиков говорят о том, что в ближайшие годы дебаты о правах художников выставлять работы, оскорбляющие мажоритарные группы, полностью сменит дискурс об исключении произведений, которые оскорбляют отдельных представителей социально отчужденных групп [19]. Во многом данный феномен объясняется переизбытком жестокости и насилия в СМИ и искусстве, что привело к эмоциональному «выгоранию» большей части зрителей [23, 118].

1. Асанов Т. К., Осколкова С. Н., Партиева А. Р. К вопросу о моральном вреде страдания. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26383074> (дата обращения: 23.05.2018).

2. Волкова Я. А. Деструктивное общение: к определению понятия // Вестн. ВолГУ. Сер. 2 : Языкознание. 2012. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/destruktivnoe-obschenie-k-opredeleniyu-ponyatiya> (дата обращения: 25.05.2018).

3. Запрещенное искусство [Электронный ресурс]. URL: <https://artprotest.org/> (дата обращения: 23.05.2018).

4. Коломьцев С. А. Оскорбление как вид административного правонарушения // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oskorblenie-kak-vid-administrativnogo-pravonarusheniya> (дата обращения: 23.05.2018).

5. Орел Е. В. Искусство под следствием: американский и российский опыт // Художественная специфика и социальный потенциал современного искусства : сб. науч. ст. / ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. Екатеринбург, 2017. С. 148–185 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30501799> (дата обращения: 23.05.2018).

6. Панченко В. И. Моральные провокации в искусстве // Этика. Эстетика : учеб. пособие [Электронный ресурс]. URL: http://studbooks.net/61139/etika_i_estetika/moralnoe_provokatsii_v_iskusstve#43 (дата обращения: 23.05.2018).

7. Провокация: сферы коммуникативного проявления : сб. ст. М., 2016.

8. Сидорова И. В. Оскорбление как разновидность психического насилия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1(68). С. 28–32.

9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

10. Эйнгорн Н. К. Этика права: не тождество понятий «моральный вред» и «нравственные страдания» // The International Scientific and Practical Congress of Economists and Lawyers “Everything in the name of science!” 30.01.2015. Zurich (Switzerland). Professional scientific publication, ed. dep: Geneva (Switzerland), Minsk (Republic of Belarus), Odessa (Ukraine), St. Petersburg (Russian Federation). 2015. Vol. 2. P. 253–256.

11. Art under attack: histories of British iconoclasm [Electronic resource]. URL: <http://www.tate.org.uk/whats-on/tate-britain/exhibition/art-under-attack-histories-british-iconoclasm> (accessed: 15.04.2018).

12. Balme C. The Affective Public Sphere: Romeo Castellucci’s On the Concept of the Face Regarding the Son of God // Tiyatro Eleştirme ve Dramaturji Bölümü Dergisi Sayı. 2013/ № 22. P. 97–112 [Electronic resource]. URL: <http://www.journals.istanbul.edu.tr/iutiyatro/article/view/5000190237> (accessed: 15.05.2018).

13. Bao Y., Stosch A., Park M., Pöppel E. Complementarity As Generative Principle: A Thought Pattern for Aesthetic Appreciations and Cognitive Appraisals in General // *Front Psychol.* Vol. 8 [Electronic resource]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/28536548> (accessed: 19.05.2018).
14. Baranik R. The nigger drawings: A Note from New York. *Art Monthly* // London. 1979. № 29. P. 27–28 [Electronic resource]. URL: <https://search.proquest.com/openview/a500943adcf86e7640aa1f74a905caa/1?pq-origsite=gscholar&cbl=2026363> (accessed: 19.05.2018).
15. Berleant A. Artists and Morality: Toward an Ethics of Art // *Leonardo.* 1977. Vol. 10, № 3. P. 195–202.
16. Black H. [SUBMISSION] Please read & share Hannah Black's open letter to the curators and staff of the Whitney Biennial: open letter [Electronic resource]. URL: <http://blackcontemporaryart.tumblr.com/post/158661755087/submission-please-read-share-hannah-blacks> (accessed: 15.04.2018).
17. Boldrick S., Brubaker L., Clay R. *Striking Images. Iconoclasm Past and Present.* Routledge, 2013.
18. Carroll N. Art and Ethical Criticism: An Overview of Recent Directions of Research // *Ethics.* 2000. Vol. 110, № 2. P. 350–387 [Electronic resource]. URL: <http://www.timothyquigley.net/ipa/carroll-aec.pdf> (accessed: 05.03.2018).
19. Charlesworth J. J. Simplifying art for the sake of politics [Electronic resource]. URL: <https://edition.cnn.com/style/article/simplifying-art-for-the-sake-of-politics/index.html> (accessed: 17.05.2018).
20. The Role of Religion in Public Conflicts over the Arts in the Philadelphia Area 1965–1997 / P. DiMaggio, L. Robinson, B. Steensland, W. Cadge [Electronic resource]. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/5e27/f3eb352611bca5b029486ae0fb7d9815f3d8.pdf> (accessed: 23.05.2018).
21. Dubin S. C. *Arresting Images: Impolitic Art and Uncivil Actions.* Routledge, 1994.
22. Egonsson D. Provocation in Philosophy and Art // *The International Journal of Social, Political, and Community Agendas in the Arts.* 2015. № 10(3). P. 27–35 [Electronic resource]. URL: <http://portal.research.lu.se/ws/files/3697749/5337595.pdf> (accessed: 12.07.2018).
23. Kennedy L., Patrick C. *The Violence of the Image: Photography and International Conflict* // I. B. Tauris. 2014.
24. Latour B., Weibel P. *What is Iconoclasm or Is there a world beyond the image wars ??* Iconoclasm, Beyond the Image-Wars in Science, Religion and Art, ZKM and MIT Press, 2002. P. 14–37.
25. Macneil P. *Ethics and the Arts.* Springer, 2014.
26. Martens W. Human Rights, and the Destructive Communications and Actions of Differentiated Society // *Netherlands Journal of Legal Philosophy.* 2011. P. 246–259 [Electronic resource]. URL: https://www.elevenjournals.com/tijdschrift/rechtsfilosofieentheorie/2011/3/RenR_1875-2306_2011_040_003_005 (accessed: 23.05.2018).
27. Mitchell W. J. T. *What do pictures want.* Chicago, 2005.
28. Moore K. Whipping up a storm: how Robert Mapplethorpe shocked America [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2015/nov/17/robert-mapplethorpe-the-perfect-moment-25-years-later> (accessed: 23.05.2018).
29. Moscow gallery closes US photography exhibit after protester throws urine [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/sep/26/moscow-gallery-jock-sturges-protest-urine> (accessed: 19.05.2018).
30. Pfattheichera S., Kellera J., Knezevic G. Destroying things for pleasure: On the relation of sadism and vandalism // *Personality and Individual Differences.* 2018 [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.03.049> (accessed: 05.05.2018).
31. Pogrebin R., Deb S. Guggenheim Museum Is Criticized for Pulling Animal Artworks [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/26/arts/design/guggenheim-art-and-china-after-1989-animal-welfare.html> (accessed: 17.05.2018).
32. Sayej N. Chuck Close: how to deal with an artist accused of sexual harassmen [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2018/feb/15/chuck-close-art-sexual-harassment-pafa> (accessed: 19.05.2018).
33. Sigmon D. R., Snyder C. R. Offense-Taking: Development and Validation of a Trait Self-Report Measure // *Cognitive Therapy & Research.* Aug. 2006. Vol. 30, Iss. 4. P. 445–456.

34. *Sloterdijk P.* Rage and Time: A Psychopolitical Investigation (Insurrections: Critical Studies in Religion, Politics, and Culture). Columbia University Press, 2012.

35. *Taddeo I.* Offending the Sacred: Blasphemous Images and Religious Iconoclasm in Contemporary Western Culture [Electronic resource]. URL: <https://thewestnetwork.files.wordpress.com/2016/11/taddeo.pdf> (accessed: 19.05.2018).

36. *Tepper S.* Not here, not now, not that! Protest over art and culture in America not here, not now, not that! [Electronic resource]. URL: <https://www.giarts.org/article/social-nature-offense-and-public-protest-over-art-and-culture> (accessed: 20.05.2018).

Рукопись поступила в редакцию 01 июня 2018 г.

УДК 124.5 + 378.14.015.62:81

М. О. Гузикова
Т. С. Вершинина

ЦЕННОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ БУДУЩИМИ ЛИНГВИСТАМИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Цель настоящей статьи — выявить спектр основных ценностных ориентаций, которые определяют изучение студентами, получающими профессию лингвиста, иностранных языков. С одной стороны, их квалифицированное использование для обеспечения коммуникации с теми людьми, для которых он является родным, выступает важнейшим условием будущей трудовой деятельности выпускников. С другой стороны, ценность любого иностранного языка заключается в возможности ознакомления с национальной культурой той страны, в которой он возник и функционирует для обеспечения определенного культурного единства его носителей. На материалах пилотного социологического исследования студентов бакалавриата первого года обучения направления «Лингвистика» показано, что ведущей ценностью изучаемого иностранного языка для них является возможность успешно решать задачи трудоустройства в качестве сотрудников отделов международного сотрудничества на предприятиях, в организациях, а также в качестве преподавателей в иностранном вузе, обеспечивая повышение своего социального статуса. Значимость квалифицированного владения иностранным языком как условием более глубокого понимания культуры той страны, для которой он является национальным, оказалась незначительной. Доминирует утилитарный подход к профессиональному овладению иностранными языками.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ценности, ценностные ориентации, установки, иностранные языки, студенты, полиязычная культура, мобильность, коннективность.

Владение иностранным языком во все времена обеспечивало возможность решения двух основных задач: во-первых, свободного общения на разные темы с его носителями, в первую очередь с теми, для кого он является родным; во-вторых, овладения такими элементами национальной культуры, как обычаи, традиции,

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ (№ 17-29-09136/18).

правила поведения в определенных жизненных ситуациях, знание истории, чтобы обеспечить максимально полное принятие населением страны происхождения языка. В этом случае обеспечивается та степень доверия, которая позволяет наладить взаимодействие на более глубоком уровне при деловом общении, решении бытовых вопросов, установлении длительных межличностных контактов.

Однако в условиях глобализации отмечается трансформация ценностей владения иностранным языком, особенно английским, поскольку он стал в первую очередь средством коммуникации с теми людьми, для которых он не является родным. Коммуникация при установлении экономических связей, обсуждении политических вопросов, взаимодействии между спортсменами, артистами разных стран осуществляется для передачи в первую очередь содержания определенного сообщения, а не демонстрации степени знания культуры страны происхождения данного языка. Такой подход распространяется и на общение с его коренными носителями.

В связи с этим актуализируется проблема ценностного наполнения профессионального образования будущих лингвистов, изучающих в ходе бакалаврской программы несколько иностранных языков. Для того чтобы выявить противоречия, возникающие при ее решении, сначала обратимся к понятиям «ценность», «ценностные ориентации». Они являются одними из основных категорий теории детерминации человеческого поведения. Американский философ К. Поппер отмечал: «Теория ценности — это название целой сети проблем, общих для так называемых оценивающих наук — этики, эстетики, некоторых разделов логики и теории познания, экономической и политической теории, антропологии и социологии. Специализация все более и более разделяет эти науки и изолирует одну от другой, а теория ценности действует в обратном направлении, намечая проблемы, общие для них всех» [1]. Исходя из этого положения, процесс изучения иностранных языков учащейся молодежью должен обеспечить выделение общих смыслов, целей познания как специфики построения другого языка, так и его использования для приобщения к культуре того этноса, который его создал в процессе длительного исторического развития.

В связи с этим Э. Дюркгейм отмечал, что сами ценности создаются не отдельными индивидами, а являются продуктом взаимодействия людей с разными предметами окружающего мира. По его мнению, социологический анализ ценностей позволяет выявить следующее: «ценность создается тем, как вещь влияет на коллективного, а не на индивидуального субъекта» [2]. Он принимает в той или иной степени формируемые в процессе совместной деятельности людей ценности совместной трудовой, бытовой, досуговой деятельности. Следовательно, ценность профессионального знания иностранного языка определяется не самими студентами, а теми исторически созданными и модифицированными конкретными условиями современной жизни, смыслами и возможностями его использования. Данный аспект ценностей подчеркивал М. Вебер, указывая, что ценность — это норма, которая имеет определенную значимость для социального субъекта [3].

Возникает особая система взаимодействия ценностей, выработанных социумом, с теми, которые приняты конкретными индивидами в процессе социализации.

Т. Парсонс отмечал: «Ценности занимают ведущее место в том, что касается исполнения социальными системами функции по сохранению и воспроизводству образца, так как они суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств» [4].

Принятие ценностей определенной общности происходит в процессе выработки ценностных ориентаций. По мнению В. Г. Алексеевой, ценностные ориентации — это «основной канал усвоения духовной культуры общества, превращения культурных ценностей в стимулы и мотивы практического поведения людей» [5].

Человек, знакомясь с совокупностью существующих в обществе ценностей, осуществляет выбор тех, которые им рассматриваются как условие успешного удовлетворения имеющихся у него потребностей и интересов. По мнению А. В. Меренкова, ценностная ориентация «непосредственно связана с интересами, представляя собой форму их развития путем включения в поисковую деятельность совокупности устойчивых критериев для выделения наиболее подходящих вариантов получения и освоения предметов потребностей» [6]. Человек сознательно определяет значимость каждого из имеющихся вариантов поведения к конкретной жизненной ситуации.

Выделенные трактовки ценностей и ценностных ориентаций являются методологической основой для исследования содержания ценностных ориентаций студентов, получающих профессиональное образование по направлению «Лингвистика».

Актуальность эмпирического социологического изучения ценностных установок обучающихся иностранным языкам обусловлена быстрыми изменениями в социально-экономических процессах, происходящих как в мире в целом, так и в России. Эти изменения приводят прежде всего к росту многообразия жизненных приоритетов молодых людей, выбирающих свой профессиональный путь. Обратной стороной такого многообразия являются усиление неуверенности, неопределенности будущего, потеря предсказуемости возможной профессиональной траектории. Ситуация на современном рынке труда характеризуется усилением требований к профессионализму выпускников вузов. Работодатели часто выражают свое недовольство уровнем подготовки выпускников и имеющимися у них компетенциями [7].

В свою очередь, выпускники образовательных учреждений указывают, что в ходе обучения не получили тех навыков, которые требуются на рынке труда [8]. Эти противоречия имеют объективную природу, так как они обусловлены изменениями в современной экономике, получившими название «Четвертая промышленная революция» [9]. Кроме того, надо отметить, что для многих направлений подготовки, особенно для гуманитарных и социальных наук, неопределенность требований к образовательным результатам усиливается как в связи с «дисперсным» работодателем гуманитариев, так и вытекающим из этого отсутствием практики коммуникаций между представителями образовательной сферы и работодателями.

Современная профессиональная подготовка будущих лингвистов определяется процессами формирования и развития полиязычности в условиях

глобализации. Наиболее авторитетный в мире портал, перечисляющий все признанные языки, www.ethnologue.com, приводит статистику, согласно которой в мире на сегодняшний день насчитывается немногим более 7 тыс. используемых языков. Полиязычность, если следовать определению Хофмана [10], это ситуация контакта двух и более языков, при этом, вопреки традиционному взгляду на би- и мультилингвизм как на сосуществование двух родных языков, владение одним или несколькими языками может быть *частичным*. В США разговаривают на 30 языках [11], а в Индии — на 800 языках и на 2000 диалектах [12]. Рост полиязычности связан как с процессом глобализации, ведущим к усилению мобильности индивидов, так и с внутренне присущей языкам изменчивости, приводящей к появлению вариантов того или иного языка. Потребность в осуществлении коммуникации с представителями разных стран и культур приводит к появлению особого *lingua franca*, которым стал английский язык [13].

Эти факторы делают полиязычность нормой, а не исключением. Однако интерес к феномену полиязычности среди отечественных социологов пока не велик. Тематику социокультурных аспектов билингвизации уже в советское время разрабатывали такие социолингвисты, как М. М. Михайлов, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, Л. Б. Никольский [14–16]. В исследованиях Ж. Т. Тощенко, Г. И. Щербицкого рассматриваются такие связанные с полиязычностью вопросы, как становление языковой идентичности, проблемы межкультурной коммуникации [17].

Зарубежные социологи рассматривают проблемы полиязычности в сфере образования, экономики, а также роль полиязычности в языковой политике разных стран. В образовательной сфере предметом их интереса стали такие вопросы, как неравные права в доступе к образовательным ресурсам для тех обучающихся, чей родной язык отличается от языка обучения, что в конечном счете ведет к более низкому уровню образованности и низкому социальному статусу впоследствии. Так, напротив, владение английским языком часто ведет к получению более высокого социального статуса. Все эти исследования опираются прежде всего на предложенную П. Бурдье теоретическую модель, объясняющую диспаритеты в использовании различных языков с позиций их символической власти [18].

В результате интернационализации высшего образования университетское образовательное пространство становится местом общения людей разных культур, говорящих на разных языках. Основным языком общения в академической среде является английский. Эта ситуация является отражением того, что примерно со второй половины XX в. в мире наблюдается повсеместное распространение английского языка как средства коммуникации [12]. Английский язык стал для многих вторым после родного, «другим» языком, как отмечает Б. Качру [19]. Наблюдается своего рода «присвоение» английского языка носителями других языков, что, при массовом использовании, приводит к появлению таких феноменов, как Chinglish, Ruglish и проч. [20]. Рост изучения английского в мире — одна из причин того, что число полиязычных людей преобладает над числом монолингвальных. Австралийский социолингвист А. Пенникук называет и сам английский язык «мультилингвальным», подразумевая под этим тот факт, что

люди во всем мире постоянно прибегают к переключению с родного языка на английский и обратно [21].

Распространение английского языка в качестве языка международного общения привело к тому, что языковая политика многих стран, для которых английский язык не является родным, ставит целью его интенсивное изучение. Так, в Китае до начала Политики реформ и открытости Дэн Сяопина основным иностранным языком, изучавшимся в школе, был русский, а современные учащиеся, за редким исключением, изучают английский язык [22].

При этом исследователи отмечают, что массовизация изучения английского языка в Китае не всегда приводит к повышению среднего уровня владения этим языком, особенно в отношении навыка говорения [23]. Далеко не все изучающие английский язык уверены в том, что им представится возможность применять его в своей профессиональной деятельности, зачастую изучение языка у них обусловлено лишь одной целью — сдавать тесты, чтобы потом поступить в высшее учебное заведение, участвовать в сетевых компьютерных играх, быть в курсе того, что происходит в мире за пределами Китая и т. д. Тем не менее рост рынка услуг по обучению английскому языку во всем мире однозначно доказывает тот факт, что владение этим языком становится обязательным навыком, определенного рода обязательным «пререквизитом» современного профессионала.

В связи с этим возникает необходимость исследовать те ценности, которые определяют освоение студентами бакалавриата направления «Лингвистика» как английского языка, так и других, которые они изучают в процессе профессиональной подготовки. С одной стороны, знание других языков существенно увеличивает возможности вертикальной социальной мобильности, с другой — позволяет существенно повысить общий уровень культуры, познакомиться с традициями, обычаями других этносов, их историей, используя новые знания для расширения горизонтов самореализации и самоутверждения как в трудовой, так и в бытовой, досуговой деятельности.

Понятие мобильности давно изучается в социологии и представлено в трудах П. Сорокина, Дж. Урри, Т. Крессвелла, М. Кастельса и др. Если в ранних трудах о мобильности преобладал фокус на ее социальном аспекте, то в последние десятилетия в связи со стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий мобильность трактуется в пространственных терминах — как любой вид перемещения, свобода и связанные с ним понятия. Поэтому у Дж. Урри мобильность становится «мобильностями» [24]. Очевидно, что владение иностранным языком или языками делает пространственную и иную мобильность более вероятной, увеличивая степень свободы человека, открывает новые пути самореализации. У М. Кастельса новая мобильность — это коммуникация посредством сетевых технологий [25]. Главным свойством мобильной коммуникации становится связанность или, как предлагает переводить этот термин Е. П. Савельева [26], «коннективность». Коннективность — это умение создавать связи в ходе мобильности, прежде всего в процессе сетевого взаимодействия. Главным социальным капиталом становятся совокупность социальных связей и умение их устанавливать посредством реального или виртуального перемещения в пространстве.

Для изучения содержания тех ценностных ориентаций, которые определяют образовательную активность студентов, получающих профессиональную подготовку по иностранным языкам, в 2017 г. нами было проведено социологическое исследование. Методом опроса выявлялись мнения студентов первого курса бакалавриата Уральского федерального университета направления «Лингвистика» о значимости для них разных аспектов освоения иностранного языка, перспективах его использования в будущем после окончания вуза¹. Следует указать, что в соответствии с федеральным образовательным стандартом направления бакалавриата 45.03.02 «Лингвистика» объектами профессиональной деятельности выпускников являются «теория иностранных языков; теория и методика преподавания иностранных языков и культур; теория межкультурной коммуникации; лингвистические компоненты электронных информационных систем; иностранные языки и культуры стран изучаемых языков» [27].

В анкете с открытыми вопросами, для того чтобы максимально выявить собственное мнение респондентов, выяснялись представления о конечных результатах освоения новых языков и совершенствования английского, а также о планах будущего использования профессиональных знаний после окончания вуза. Ответы были даны в виде полных или неполных предложений, словосочетаний. Для их обработки был создан классификатор, позволивший выделить типичное мнение по рассматриваемым вопросам. Сформировались четыре системы ценностей, которыми руководствуются респонденты: высокий уровень владения иностранными языками, реализация желаемого трудоустройства, социальная мобильность, возможность самосовершенствования на основе знаний других культур, традиций, обычаев разных народов.

Для 48 % опрошенных, независимо от ориентаций на европейские или восточные языки, ведущей ценностью является высокий уровень владения изучаемым языком для свободного общения на нем как с теми, для кого он является родным, так и с изучившими его для саморазвития; 41 % ориентируются на успешное трудоустройство, связанное с работой в фирмах, взаимодействующих с иностранными партнерами, поездками за границу; для 32 % значимой ценностью является существенное расширение пространственной мобильности, появление перспектив не только поездок за рубеж, но и возможности найти работу в другой стране; 16 % считают, что полученная ими профессиональная подготовка позволит глубже познакомиться с культурой других стран, расширив тем самым свой кругозор, обогатив себя новыми знаниями, и в результате стать специалистом высокого уровня, реализовать свои способности, «найти себя», «стать независимым человеком».

Свое будущее после окончания вуза 57 % опрошенных видят в образе успешного работника, имеющего высокие заработки, престижную должность и даже свой бизнес; 36 % считают, что они станут ценными людьми не только на работе, но и в быту, досуговом общении, в частности с помощью социальных сетей,

¹ Было опрошено 78 первокурсников по двухступенчатой выборке. На первой ступени отобраны те, кто ориентировался на изучение одного из европейских или восточных (китайский, японский) языков, на второй — сплошной опрос присутствующих на занятиях.

поскольку очень хорошо знают не только английский, но и другие языки. Более ярко выражена эта ценность знания другого языка у тех, кто намерен изучать китайский язык. Интерес к нему возрастает под влиянием политических и экономических достижений Китая. Увеличивается доля молодых людей, которые хотели бы найти работу в качестве переводчиков в фирмах, сотрудничающих с этой страной. На третьем месте (24 %) стоит ценность повышения мобильности в трудоустройстве. Респонденты считают, что знание английского и китайского языков создает перспективы трудоустройства в качестве преподавателей как русского, так и английского языка в Китае, где во многих вузах высоко ценят преподавателей из других стран. Те, кто изучают европейские языки, считают, что они могут найти работу в Германии, Италии, Испании или стать гидами-переводчиками в туристических фирмах, работающих с этими странами. В ответах респондентов часто встречается указание на локацию, где человек видит себя после получения образования: «Москва», «Китай», «мое посольство в Москве», «в Европе», «в Германии», «в России», «в МИДе».

Незначительное место в ответах респондентов отведено такой ценности изучения иностранного языка, как коннективность, возможность установить социальные связи с представителями других культур, прикоснуться к другой культуре. Только 10 % отметили ценность иностранного языка для своего будущего как средства формирования личности, знающей традиции, обычаи тех стран, языки которых изучаются в вузе.

Данные исследования показали, что иностранный язык первокурсниками рассматривается в парадигме полиязычности в условиях доминирования прагматизма в жизненных и профессиональных ценностях студентов, получающих лингвистическое образование. Языковые компетенции рассматриваются прежде всего в качестве средства решения целей, связанных с успешным трудоустройством, материальной обеспеченностью, повышением социального статуса, а не развития профессионализма на основе глубокого изучения истории развития изучаемого языка, духовной культуры тех его носителей, для которых он является родным. Большинство респондентов ориентируются на работу, которая требует навыков квалифицированного перевода устной и письменной речи, которая используется теми, для кого язык также является не своим, а изученным в школе, вузе. Этим определяется утилитарность содержания ценностей владения в первую очередь английским языком, на котором осуществляется в настоящее время международное общение. Другие изучаемые студентами иностранные языки также воспринимаются в первую очередь как расширение возможностей делового, а также бытового общения с их носителями, без глубокого погружения в те тонкости его использования, вызванными историей, традициями конкретного народа.

Однако без навыка межкультурного общения установление прочных контактов с представителями других стран, народов не представляется возможным. Учитывая в целом прагматичные, консюмеристские ценностные установки студентов, следует обращать их внимание на то, что освоение социокультурного содержания иностранного языка, понимание культурного субстрата общения обеспечивает становление доверительного взаимодействия носителей разных культур, включение

в общую для всего человечества деятельность по мирному решению возникающих конфликтов между странами, народами, совместное эффективное использование достижений научно-технического прогресса.

1. Орлов Б. В., Эйнгори Н. К. Духовные ценности: проблема отчуждения. Екатеринбург, 1993. С. 15.
2. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социология: Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 290.
3. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М., 1990. С. 547.
4. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. М., 1998. С. 17.
5. Алексеева В. Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психол. журн. 1984. Т. 5, № 5. С. 63–70.
6. Меренков А. В. Система детерминации человеческой деятельности. Екатеринбург, 2003. С. 131.
7. Власова В. Н., Кротов Д. В., Самыгин С. И. Студенческая молодежь: проблемы профессиональной ориентации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/studencheskaya-molodezh-problemy-professionalnoy-orientatsii> (дата обращения: 17.07.2018).
8. Меренков А. В., Шаерин В. С. Какой специалист востребован на рынке труда: мнение работодателей и студентов // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 1(95). С. 94–104.
9. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2016.
10. Hoffmann C. An Introduction to Bilingualism. L., 1991.
11. Macias R. F. Minority languages in the United States, with a focus on Spanish in California. In G. Extra & D. Gorter. (eds.). The Other Languages of Europe. Clevedon, 2001. С. 333–354.
12. Edwards V. Multilingualism in the English-speaking World. Oxford, 2004.
13. Crystal D. A global language // English in the World. Routledge, 2013. С. 163–208.
14. Михайлов М. М. Двухязычие в современном мире. Чебоксары, 1988.
15. Вережанин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Страноведение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.
16. Никольский Л. Б. Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие // Язык и общество. М., 1968. № 4. С. 35–47.
17. Тоценко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2001.
18. Bourdieu P. Социальное пространство и символическая власть // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 2. С. 137–150.
19. Kachru B. B. (ed.). The other tongue: English across cultures. University of Illinois Press, 1992.
20. Wei L. New Chinglish and the post-multilingualism challenge: Translanguaging ELF in China // Journal of English as a Lingua Franca. 2016. Т. 5, № 1. С. 1–25.
21. Pennycook A. The cultural politics of English as an international language. Taylor & Francis, 2017.
22. Гузикова М. О. Полиязычие в глобальных университетах: теория и практика: XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития : материалы Международ. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15–16 марта 2018 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург, 2018. С. 92–97.
23. Wright S., Lin Zh. Lingua francas com and go // Полиязычная образовательная среда: модели, пути создания, практики : моногр. / под ред. М. О. Гузиковой, А. Л. Неволиной ; М-во образования и науки Российской Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2016. С. 115–121.
24. Урри Дж. Мобильности. М., 2012.

25. *Кастельс М.* Власть коммуникации. М., 2016.

26. *Савельева Е. П.* Новые группы профессионалов в условиях мобильного сетевого общества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 3. С. 67–82.

27. Приказ об утверждении федерального образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика» (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс]. URL: <https://programs.edu.urfu.ru/media/documents/00004174.pdf> (дата обращения: 17.07.2018).

Рукопись поступила в редакцию 4 июня 2018 г.

УДК 316.62 + 316.323.2 + 17.021.1 + 7.036

Д. А. Жакупбекова

ПОНЯТИЕ БЕСПОЛЕЗНОСТИ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НОМАДИЗМА

Статья посвящена постановке проблемы изучения феномена номадизма. С точки зрения таких понятий модерна, как благо, польза, обнаруживается бесполезность, асоциальность номадизма. Сравнительный анализ методов его изучения указывает на необходимость поиска соответствующего метода осмысления номадизма, перспективы которого автор связывает с проектом гетерологии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: номадизм, оседлость, родовое общество, ризома, потлач, бесполезность.

Обращение к номадизму как альтернативе седентаризма, интерес к которому не ослабевает на протяжении последних десятилетий, отражает проблему концептуализации природы социального. В рамках классической субъект-объектной парадигмы социальное становится синонимом государственного, цель которого, согласно Аристотелю, в достижении блага путем овладения искусством накопления [1]. Вполне логично, что существование кочевника оказывается бесполезным, поскольку процесс накопления в принципе несовместим с номадностью. Таким образом, специфика номадизма может быть актуализирована посредством понятия бесполезного как вне-исторического.

В качестве обоснования данной гипотезы нами рассмотрены основные этапы и критический анализ соответствующих методов изучения номадизма, что определило структуру данной работы. История изучения номадизма как исторического и социального феномена может быть условно разделена на три периода. Первый период отражает процесс становления номадологии и связан с преобладанием этнографического метода исследования. Второй период связан с формационным подходом. В третий период метод постструктурализма Ж. Делеза и Ф. Гваттари привносит свое видение бесполезности номадизма, указывая на его инаковость, существенно раздвигая границы социального и исторического посредством понятия Другого в аспекте событийности.

Этнографический период российской номадологии

Впервые номадизм становится объектом изучения на рубеже XIX–XX вв. Стремление создать научную теорию исторического процесса в рамках парадигмы модернизма, возникшей в Новое время и исходившей из телеологического представления об истории, привело российскую школу номадологии к целому ряду открытий и в то же время создало ряд противоречий. Модернизация кочевой культуры предполагает признание ее бесполезности, что в политическом плане означает дальнейшую интеграцию на основе насильственной седентаризации.

Однако интерпретации данных этнографических исследований восточных окраин Российской империи были неоднозначны. Так, по мнению В. В. Григорьева, «...для упражнения мысли необходимы два условия — досуг и общение; кочевник же в отношении к тому и другому находился в положении гораздо более выгодном, чем земледельец» [7, 61]. В силу того что кочевник не обременен тяжелой сезонной работой, имея средства передвижения и потребность перемещаться, он, посещая разные страны, включается в коммуникативное пространство, недоступное для деревенского жителя и горожанина. «Горизонт ума вообще у кочевника шире, чем у селянина, мыслительные способности его гибче, сообразительность живее» [Там же, 63]. С точки зрения автора, особенности кочевой жизни — досуг и общение, занятия крайне бесполезные в силу их очевидной праздности.

Также бесполезны с точки зрения институтов подавления военные достижения кочевников. В качестве примера обратимся к работе Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» [6]. Рассматривая родовой строй как основу монгольского общества, Б. Я. Владимирцов пытался проследить процесс образования классов и раскрыть внутренний механизм эксплуатации в кочевом социуме посредством выявления аристократии и рабов.

Так, анализируя процесс создания монгольского государства, он сталкивается с бесклассовым характером Монгольского государства, что противоречит теории формационного развития. Как ученый-этнограф, он не может оставить без внимания тот факт, что создание степной империи связано исключительно с личностными качествами предводителя племени или рода. Из материалов Б. Я. Владимирцова следует, что причиной образования государства явились конфронтация среди представителей степной аристократии, их тщеславные устремления и соперничество.

Схожие идеи были высказаны ранее Ч. Ч. Валихановым, по мнению которого политическое значение родовых союзов проявляется в период смут, когда раздробленные и разобщенные племена объединяются для защиты своих территориальных угодий [4]. Подобным образом была создана Ногайская орда в Сарайчике, Могол-улус в Ташкенте, Казахская орда в Семиречье, Астраханское, Казанское, Крымское ханства.

Описанные им предания и легенды киргиз-кайсаков свидетельствуют об активной политической жизни кочевых родов. Согласно приведенным Ч. Ч. Валихановым сведениям они были достаточно мобильны, что позволяло им в случае

необходимости создавать или разрывать политические союзы. Таким образом, наличие военно-политического союза кочевых племен не способствовало созданию прочных государственных институтов, иерархической вертикали власти.

Кроме того, эволюционистское представление о родовой общности, предшествующей государственному образованию, неизбежно вступает в противоречие с наличием у кочевников крупных государственных объединений одновременно с родовым устройством.

Данная проблема стала объектом исследования М. М. Ковалевского в работе «Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом». С одной стороны, родовое устройство является переходной стадией «общественного развития человечества» [13, 106]. Вместе с тем родовое устройство киргизов является в большей степени политическим союзом, а принцип родовой организации калмыков лежит в основе военных союзов.

Несмотря на то что киргизы, калмыки, представители различных горных племен имеют существенное этнокультурное отличие, обозначения родовых и племенных союзов у них практически идентичны. Важной чертой родовой жизни, согласно М. М. Ковалевскому, является тот факт, что брак — это своего рода межродовая сделка. На наш взгляд, данное утверждение следует интерпретировать не столько в узких рамках семейного права, сколько в плане общей основы родовой жизни номад, а именно, род не следует рассматривать в качестве разросшейся семьи.

Что касается экономической составляющей родовой общности, особое значение имели этнографические исследования Ю. П. Аверкиевой, по мнению которой одной из особенностей родовой экономики является потлач, смысл которого заключается в приобретении социального статуса посредством раздачи богатства [2], апофеоз бесполезности с позиции идеи приумножения благ. В данном случае дифференциация общества происходила не за счет накопления, а в итоге избавления от излишков. Практика потлача отражает коммуникативную модель родовых отношений. Запрет на проведение потлача, о котором пишет Ю. П. Аверкиева, по аналогии может служить аргументом противопоставления накопления, как одного из принципа оседлости, расточительству и бесполезности родовой жизни кочевников.

Формационный период изучения кочевых обществ

Формационный подход как метод изучения номадизма усложнил проблему концептуализации номадизма, поскольку разрыв модерна и рациональности, о котором писал Ю. Хабермас и в результате которого «разум открывает свое истинное лицо» как «желание инструментально овладеть миром» [20, 10], лишь усугубил противоречие между бесполезностью частной собственности при отсутствии эксплуатации в кочевых обществах. Об этом свидетельствует дискуссионное поле исследования истории кочевников, сфокусированное на обсуждении понятий «кочевой феодализм», «кочевая демократия», «раннеклассовое общество» в период безапелляционного признания формационного метода.

Так, в историко-лингвистической работе «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии» С. Г. Кляшторный вынужден был постулировать общественное развитие тюркских племен в VI в. в качестве процесса формирования «раннефеодальных отношений» [12, 21] прежде, чем приступил к поиску обоснования сходства тюркских рун с древнесемитским и фонетическим письмом [Там же, 44].

Классическим примером применения формационного метода к концептуализации номадизма является монография Г. Е. Маркова «Кочевники Азии», где рассматривается становление кочевых обществ с древнейших времен до начала XX столетия [15].

Для представителей формационной школы оставалось неясным, как совместить отсутствие классово-структурной и эксплуатационной с высоким уровнем развития металлургии и ремесел, а также объяснить причины, приведшие к концу эпохи бронзы к окончательному исчезновению оседлых поселений и распространению кочевничества.

В более поздний период наблюдается такой же «неожиданный» переход к кочевому производству среди жителей монгольских степей, прежде обитавших в лесах. Вся лексика монгольского языка, связанная со скотоводством, имела тюркское происхождение, что свидетельствует о сравнительно позднем переходе к кочевничеству.

Социальная организация кочевников по форме сводилась к родоплеменному устройству, хотя принцип объединения самих родов в союз племен не отражал принцип генеалогического родства. К примеру, среди монгольских племен раннего периода была распространена практика объединения в курени. Старейшины и предводители не были собственниками пастбищ, власть их над сородичами в мирное время была скорее номинальной. Таким образом, анализ структуры монгольского общества с позиции классового подхода не решает теоретическую проблему изучения генезиса кочевничества и союзов кочевых племен. Кроме того, остается неясным, как совместить наличие у кочевников частной собственности на скот и отсутствие таковой на землю.

Наиболее авторитетный исследователь кочевников А. М. Хазанов признает, что в истории кочевых народов сложилась парадоксальная ситуация: общества с консервативной, специализированной экономикой оказали более существенное влияние на социальное и политическое функционирование оседлых народов с более развитой технологией [21].

Бесспорно признание А. М. Хазановым непродуктивности применения параметров оседлости кномадам и необходимости комплексного подхода в изучении кочевой культуры. Нельзя не согласиться с тем, что номадизм следует изучать не только как локальную, изолированную культуру, но и как фактор истории человечества. Вместе с тем то определение, которое А. М. Хазанов дает номадам как особому виду производящей экономики при наличии экстенсивного подвижного скотоводства, где большая часть населения вовлечена в периодические перекочевки, сводит феномен номадизма к экономическим параметрам оседлости. Разделяя кочевое и полукочевое скотоводство, описывая маршруты

кочевков, он признает некоторую размытость термина «скотоводство», высказывая сомнение в правомерности называть скотоводов кочевниками. Как отмечает А. М. Хазанов, вопрос о социально-политическом устройстве кочевых обществ остается открытым.

Попытка адаптировать формационный метод предпринята в работе Н. Э. Мясоедова «Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества» [16]. Главная идея автора сводилась к необходимости признания влияния географической среды и природного ландшафта на основные параметры жизнедеятельности кочевнического общества.

Отрицание важной роли природного ландшафта в организации хозяйственной деятельности послужило идеологической основой развернувшейся кампании по переходу кочевых народов к оседлости. Одной из причин трагедии кочевых народов бывшего СССР стал «географический нигилизм» [Там же, 11]. Существенное отличие данной монографии от других работ советского периода заключалось в критике сложившегося стереотипа о неэффективности кочевнического хозяйства, а также проводившейся политики насильственной седентаризации евразийских кочевников.

Для анализа происхождения кочевнической цивилизации в работе «Кочевники Евразии» Н. Н. Крадиным были привлечены современные теории исторического процесса [14]. Основная идея автора сводится к тому, что для описания кочевничества следует отойти от сложившейся общепринятой периодизации истории. С точки зрения цивилизационного и мир-системного подхода номады сыграли значительную роль в становлении и развитии мировых систем и именно благодаря номадам было создано коммуникативное пространство, связавшее некогда центры оседлых цивилизаций.

Для описания социальной эволюции кочевников Н. Н. Крадин опирается на теорию раннего государства, предложенную Х. Дж. М. Классеном [11]. По мнению Н. Н. Крадина, проблема заключается в неоднозначности таких понятий, как «государство» и «вождество». В классическом понимании государство с его системой налогообложения, административной бюрократической системой возникает в земледельческих культурах. Вместе с тем кочевые сообщества также создавали высокоразвитую политическую иерархию при отсутствии налогообложения и эксплуатации. Отсутствие институализированной иерархии в качестве главной составляющей государства он объясняет экстенсивной пастушеской экономикой, низкой плотностью населения, что, на наш взгляд, является скорее следствием, а не причиной.

Понятие «вождество» использовалось сторонниками эволюционного и формационного подхода в качестве начального этапа формирования раннего государства. Представителями цивилизационного подхода понятие «вождество» используется в качестве альтернативы классовому обществу для объяснения того факта, что в условиях кочевнического хозяйства излишки производства не присваивались вождями племен, а раздавались. С точки зрения мир-системного подхода Монгольская империя создала благоприятную среду для торговли и межкультурных связей, став прообразом современной глобализации.

Описанное с подобной позиции номадное общество уже не выглядит как варварское и дикое. Однако в представлениях о его «полезности» автор использует критерии оседлого общества, названные Аристотелем в качестве рассуждений о природе собственности и государства, согласно которым кочевник всего лишь следует за источником пищи, «возделывая живую пашню» [1, 49]. Таким образом, формационный метод наиболее остро обнажил проблему метода изучения номадизма.

Особенности современного этапа в изучении номадизма

Существенное отличие современного представления о номадизме связано с идеей противостояния западного и не-западного мира, заданное М. Вебером [5], а также сменой парадигмы модерна и постмодерна. В этом смысле поворот Ж. Делезом и Ф. Гваттари к «изгнанному» некогда из истории номадизму предполагает преодоление телеологизма и эволюционизма. Их совместный труд «Тысяча плато. Капитализм и шизофрения» обосновывает принципиальную несводимость Востока и Запада, динамики и оседлости [9], в которой сама западная философия предстает как социальный институт оседлой, полисной культуры.

Ключевое понятие ризомы как бесформенности, безграничности, неустойчивости, состоящей из линий, направлений, подверженной метаморфозам, но никак не бинарной оппозиции и четкой структурированности, безусловно, раскрывает движение кочевья. Ризома как анти-генеалогия и анти-память, на наш взгляд, указывает на анти-благо, бесполезность номадизма.

По мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, у кочевника особые отношения с пространством, которые принципиально отличают его от мигранта. Кочевник сливается с пространством, растворяясь в нем, для представителя оседлого мира пространство — это прежде всего границы и коды.

Номады имели специфическую организацию, «машину войны», «специфическое пространство», металлургию, исключавшие захват с целью обогащения. Ошибочно применять к номадам такие категории, как «военная демократия» и «феодализм», поскольку они принадлежали опыту оседлости.

Интерпретация понятия «номада» переходит в прямую аналогию, когда исторический номадизм переходит в виртуальную реальность. Закрепленность и седентаризация уступают место возможности оказаться везде и всюду. Если у кочевника и возникает потребность в самоидентификации, то только в определенный промежуток и связан с вопрошанием имени, которое необходимо не номаду, а тому, кто спрашивает.

Таким образом, авторами впервые представлен философский дискурс номадизма в рамках теоретического осмысления различий и движения как противоположного самотождественному, седентарному и неизменному.

Идея алогичности, асоциальности номад подхвачена такими авторами, как З. Бауман, Дж. Урри и др., значительно расширивших типологию постсовременного номада. Так, З. Бауман причисляет к номадам потомков паломника, а именно фланера, бродягу, туриста и игрока [3], чья деятельность абсолютно бесполезна, а то и вовсе лишена всякого смысла. Помимо виртуальных объектов в современном

обществе к номадным группам относятся и различные субкультуры, чей вклад в процесс накопления благ также весьма сомнителен. Не случайно тоталитарные режимы с особой последовательностью искореняли кочевой образ жизни в случаях с преследованиями цыган со стороны нацистов, насильственной седентаризацией в различные периоды истории России.

В своей работе «Мобильности» Дж. Урри обращает внимание на такие характерные черты кочевничества, как процесс и изменение, на необходимость отойти от фиксации стабильного мира и обратиться к движению и процессуальности [19]. Возможность «нового мышления» о социальном, в котором бы нашлось место движению, заявлена им в качестве парадигмы мобильности.

Стержень и основа социальной жизни заключена в движении, выражающем сущность вещей. При этом Дж. Урри активно использует номадические и гендерные метафоры для типологии мобильности. В частности, его идея о том, что основной смысл движения может заключаться в непосредственной коммуникативной близости, со-общении, во встрече, открывает перспективу понимания экзистенциальной составляющей номадизма.

Оригинальный подход к концептуализации номадизма предложен Б. Г. Нуржановым в качестве культурного релятивизма, согласно которому городская культура и западные институты государственности противостоят номадам [17]. В отличие от привычного формационного подхода, в котором родовое общество предшествует классовому, Б. Г. Нуржанов противопоставляет кочевой образ жизни городу-полису.

С появлением греческого полиса проблема города возникает как процесс освоения территории и пространства, как участие в более глобальном процессе осознания человеком своего места в мире, в процессе знаков и различных меток. Самое главное в городе состоит в кодировании внешнего для городского жителя пространства. Собственно государство впервые рождается в греческом полисе. По мнению исследователя, раскрыв механизм перехода от номадизма к оседлости, мы придем к пониманию не только государства, но и культуры в целом.

Кочевой и оседлый образ жизни как различные способы существования формируют свои социальные институты, религиозные и юридические нормы. Различие между оседлостью и номадизмом настолько фундаментально, что ценности одной не представляют никакого интереса для другой.

Для примера Б. Г. Нуржанов рассматривает такое важное понятие, как «дом». Для оседлого человека немислимо «временное» пристанище. Для кочевника «дом» можно обустроить всюду, главное — это движение и перемещение в пространстве. Дом на прочном фундаменте для него абсурден, как абсурден и бесполезен для городского жителя «дом на колесах» кочевника [Там же, 23].

Собственно философский опыт также возникает из опыта оседлости, в котором «философия является продуктом и результатом перехода от кочевничества к оседлости» [Там же, 30], реализуя программу Сократа по формированию человека нового типа. В этом смысле философский опыт оседлости не является универсальным.

Ряд авторов, среди которых А. В. Дьяков, А. К. Секацкий, А. В. Шляков и др., также рассматривают понятие номадизма как выражение состояния

современности в ее не-западности, множественности, мобильности и перспективе преодоления линейного типа мышления.

Так, статья А. В. Шлякова «Феноменологические аспекты номадизма» посвящена осмыслению самоидентификации номад и необходимости использовать феноменологический подход к понятию номадизма [22]. По мнению автора, номадизм представляет собой «трансгрессивное» явление. Кроме того, А. В. Шляков приводит различные описания номадизма, сложившиеся в современной западной философской традиции, предлагая производить классификацию номадных практик согласно принадлежности материальному, социальному, духовному [23]. Для современной социальной науки понятие номадизма открывает перспективу рефлексии интенсивности социальных изменений.

Напротив, А. В. Дьяков акцентирует внимание на позиции постструктурализма, согласно которой различные формы субъективной оседлости «оборачиваются философским и политическим шовинизмом» [9, 323]. Это приводит к тому, что мыслящий концептами оседлости всегда находится в привилегированном положении по отношению к телесному и чувственному. Для тех, кто лишен возможности перемещаться, перемещения объявляют незаконными.

По мнению А. В. Дьякова, децентрация, о которой заявлял постструктурализм, — это проблема этическая. Идея гуманизма, блага, с которой выступает европоцентризм, предполагает различные институты подавления туземцев через приобщение к оседлой цивилизации. Для раскрытия номадизма А. К. Секацкий прибегает к таким понятиям, как «эксцесс», «авось-бытие», близким к понятию бесполезности. Номадизм отличает особая социальная стратегия по отношению ко времени, а именно ускользание. Отношение между номадизмом и оседлостью рассматриваются через парадигмы «энергичности» и «статуарности» [18], что можно расценить как проявление дихотомии накопления и бесполезности.

Несводимость оседлости и номадизма в работах современных авторов приобретает большую значимость, что существенно расширяет выбор методов изучения номадизма, в числе которых феноменология, культурный релятивизм, постструктурализм.

В заключение хотелось бы отметить, что изучение феномена предполагает признание вариативности социального процесса и преодоление сложившегося стереотипного видения кочевой социальности в рамках модернистской парадигмы эволюционизма, основанной на анализе производственной сферы культуры.

Генеалогию номадизма невозможно описать дефинициями экономической сферы и принципами полезности хозяйственной деятельности, что предполагает выход за пределы таких понятий оседлости, как «государство», «класс», «экономика».

Решением проблемы концептуализации номадизма может стать обращение к гетерологии как методу изучения номадизма посредством осознания событийности социального [10], что позволит преодолеть дихотомию седентарного и номадного как полезного и бесполезного.

1. *Аристотель*. Политика. М., 2010.
2. *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки: От родового общества к классовому. М., 1974.
3. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2005.
4. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1961.
5. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
6. *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
7. *Григорьев В. В.* О скифском народе саках. М., 2013.
8. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2010.
9. *Дьяков А. В.* Философия постструктурализма во Франции. Нью-Йорк, 2008.
10. *Керимов Т. Х.* Социальная гетерология. Екатеринбург, 1999.
11. *Класен Х. Дж. М.* Эволюционизм в развитии // Вопросы социальной теории. 2017. Т. 9. С. 24–8.
12. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
13. *Ковалевский М. М.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом (отрывки) // Антология русской классической социологии : тексты / сост. и коммент. Д. С. Клементьева, Л. Н. Панковой. М., 1995.
14. *Крадин Н. Н.* Кочевники Евразии. Алматы, 2007.
15. *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
16. *Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы ; М., 1995.
17. *Нуржанов Б. Г., Ержанова А. М.* Культурология в новом ключе : учеб. пособие. Алматы, 2011.
18. *Секацкий А. К.* Книга номада [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litpromzona.narod.ru/sekackii/nomad.html> (дата обращения: 17.02.2018).
19. *Урри Дж.* Мобильности. М., 2012.
20. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2003.
21. *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002.
22. *Шляков А. В.* Феноменологические аспекты номадизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 1(15). С. 216–219.
23. *Шляков А. В.* Номадизм постмодерна: классификация моделей номадности // Там же. Тамбов, 2015. № 4. С. 204–207.

Рукопись поступила в редакцию 08 июня 2018 г.

УДК 82-992 + 316.324

А. С. Меньшиков
Е. С. Пургина**«ОХОТА ЗА ГОЛОВАМИ» КЭРОЛАЙН МАЙТИНГЕР:
АУТЕНТИЧНОСТЬ, КОЛОНИАЛИЗМ И КОСМОПОЛИТИЗМ
В ТРАВЕЛОГАХ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА***

Масштабные геополитические, экономические, демографические и культурные изменения в XX в., часто именуемые глобализацией, нашли свое особенное отражение в жанре травелогов, именно в них проявилось осознание многообразия жизненных миров в различных уголках земного шара и растущей связности мира. В целом травелогии свидетельствуют о постепенной трансформации взгляда — от «колониального» к «космополитичному» — представителей западной цивилизации на жителей Глобального Юга. Космополитизм в этом смысле является скорее практикой «управляться с культурным разнообразием», нежели ценностной установкой. Данная статья раскрывает сложные «переплетения» колониального и космополитичного в травелогике, написанном американской художницей Кэролайн Майтингер и описывающем две ее экспедиции на Соломоновы острова и в Папуа–Новую Гвинею во второй половине 1920-х гг. В статье делается вывод о том, что переход от «колониального» к «космополитичному» взгляду отражается в ряде тропов литературы путешествий (самоирония рассказчика, амбивалентность при воспроизводстве стереотипов, критика колониализма, поиск аутентичности, право на голос постколониального другого, трансформация гендерных позиций).

К л ю ч е в ы е с л о в а: травелог, литература путешествий, колониальный взгляд, коренное население, аутентичность, модернизм.

В 2017 г. британский тревел-блогер Бенедикт Аллен пропал без вести в Папуа–Новой Гвинее, где он собирался жить в деревне местного племени. Газета «Дейли Мейл» («Daily Mail») выделила вертолет, который отправился на поиски Аллена, и вскоре, ко всеобщему облегчению, тот был найден и возвращен домой. Этот инцидент стал поводом для дискуссии в западных СМИ о том, насколько уместно в условиях современного мира делать коренные сообщества объектом «праздного» интереса, например, в рамках так называемого «этнического туризма» (tribal tourism). Аллена упрекали в «колониальной ностальгии», которая якобы заставляет его в поисках острых ощущений вновь и вновь вторгаться в уединенную жизнь коренных сообществ¹. В контексте этой полемики становится очевидным, что, несмотря на значительные изменения в форме путевого письма (travel writing), которое теперь использует возможности мультимедийных платформ, проблематика, связанная с экзотизацией коренных сообществ и коммерциализацией опыта общения с ними, остается довольно острой.

Современную жажду путешествий в целом связывают с нарастающим давлением модерности на жизненный мир индивида. Так, МакКаннелл, опираясь

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00236).

¹ См., например, статью Ч. Бринкхерст-Каффа в The Guardian с выразительным названием «Ошибки белого человека–«исследователя». Как Бенедикт Аллен воспроизводит расистские мифы» [3].

на категории Гоффмана, отмечает, что болезненно переживаемое различие между «авансценой» и «закулисьем», то есть между профессиональной и публичной сферой, с одной стороны, и сферой личной и интимной жизни, с другой, породило «у современного человека озабоченность пустотой своей жизни и неподлинностью своего опыта» [11, 480], которые, в свою очередь, ведут к поиску аутентичного опыта в ином пространстве — путешествиям в экзотические «примитивные» места, где подлинность жизни еще не была разрушена модернизацией. Некоторые авторы даже пишут о туризме как о специфической духовной практике современного человека, которая помогает либо снимать усталость от бремени обязательств современного общества (*tension relief*), либо преодолевать отчуждение от жизни в нем за счет приобщения к духовным ценностям иного — специально посещаемого — места [5]. Поиск «первобытной аутентичности» в быстро глобализирующемся мире сам по себе может показаться довольно забавной иллюзией, однако эта иллюзия неплохо «продается».

Критики такого «экзистенциального» понимания туризма не раз отмечали, что современный туризм не только тотально коммерциализирован, даже в формах «анти-туризма», но во многом сохраняет и воспроизводит отношения власти и иерархии, свойственные колониализму [2]. Известно, что на протяжении длительного времени жители мест «блуждания» Аллена эксплуатировались в качестве источника дешевой рабочей силы на плантациях, которыми владели белые поселенцы и западные корпорации². Например, по существующим оценкам, более 60 тыс. человек были переправлены в Австралию для работы на плантациях сахарного тростника, при этом около 15 тыс. из них умерли, так и не вернувшись на родину [7]. Современный турист довольно успешно справляется с игнорированием другой, менее приглядной стороны отношений современного, в особенности западного, общества с локальными сообществами.

Несомненно, что практика туризма и жанр описания путешествий играют важную роль в повышении связанности мира (*global connectivity*) и способствуют возникновению того, что принято называть практическим космополитизмом [17]. Такой космополитизм является не моральной установкой, но «определенным способом управляться со своим культурным опытом», сочетая в себе, с одной стороны, «интеллектуальную и эстетическую открытость различным культурным явлениям, поиск скорее контрастов, нежели единообразия» и, с другой, сопутствующее этому ощущение принадлежности всему миру (*sense of global belonging*) [15, 57]. Однако, как было отмечено выше, такой практический космополитизм включает в себя и экзистенциальные, и коммерческие, и колониальные, и постколониальные элементы. Потому нам представляется важным не высказывать абстрактных суждений о современном путешествии как об одном из конститутивных процессов глобализации и о травелогах как о жанре вообще, но обратиться к анализу конкретного документа, в котором все эти элементы переплетаются.

² См., например, статью «Полная правда: потомки островитян, ставшие жертвами “блэкбердинга” (вербовки), требуют дополнить памятник первопроходцам Квинсленда» [7].

С 1926 по 1930 г. Кэролайн Майтингер вместе со своей подругой Маргарет Уорнер совершила путешествие на Соломоновы острова и Новую Гвинею. В этот период Соломоновы острова находились под протекторатом Великобритании, в то время как Новая Гвинея была в составе Австралии. Официальной целью «экспедиции»³ было написание портретов представителей коренных народов Меланезии и Новой Гвинеи, и ее результатом стали 25 портретов, множество набросков и две книги, которые были опубликованы в 1942 и 1946 гг. с иллюстрациями автора⁴. Травелоги Кэролайн Майтингер представляют собой интересный случай «переплетения» колониального и космополитичного: американка на британских территориях, художник-профессионал и антрополог-любитель, создатель одновременно визуальных образов и текстуального повествования о своем путешествии. Важной составляющей ее травелогов являются картины и наброски, которые не только выполняют вспомогательную роль, то есть иллюстрируют текст и предоставляют документальное подтверждение достоверности рассказа, но и естественным образом «встраиваются» в основной нарратив, поскольку именно поиск подходящих моделей для портретов был поводом для большинства контактов между автором и местными жителями⁵.

Модерный травелог функционировал в рамках колониального дискурса и служил «плотью, облекавшей голые кости дихотомии Восток—Запад» [12, 28]. Публикуемые травелоги были важным источником этнографической информации, ведь, в отличие от научной, литература путешествий была обращена к более широкой аудитории. Несмотря на то что авторами некоторых известных травелогов колониального периода были женщины (Леди Мэри Уортли Монтегю, Мэри Кингсли и др.), преобладающим взглядом был мужской взгляд завоевателя, который смотрел на чужую страну с чувством собственного превосходства, как на женщину, которой ему предстоит овладеть. М.-Л. Пратт называет такой взгляд «имперский троп»: «я властитель всего, что вижу», цитируя стихотворение Уильяма Каупера «I am monarch of all I survey» [14, 197]). Однако начиная с 1920-х гг. и в 1930-е гг., под влиянием глобальных культурных, политических и социальных трансформаций, в видении, транслируемом англоязычным травелогом, обозначился фундаментальный сдвиг [4, 18]. Все чаще взгляд, предполагавший превосходство западной цивилизации над другими странами, культурами и народами, стал сменяться «деколонизирующей оптикой» или, пользуясь термином, предложенным Дебби Лайл, «космополитичным» взглядом

³ Сам автор использует слово, «изобретенное» Аланом Милном, — «expotition».

⁴ Примечательно, что в СССР первый травелог Майтингер был издан еще в 1954 г. Государственным издательством географической литературы в переводе В. И. Блувштейна, цитаты из текста которого мы используем в настоящей статье, в остальных случаях перевод оригинального текста выполнен авторами настоящей статьи.

⁵ При поддержке антрополога Маргарет Мид портреты были выставлены в Американском музее естественной истории, выставки также были организованы еще в пяти американских музеях. После 1935 г. портреты больше не выставлялись и после смерти автора хранились в запасниках Музея антропологии им. Фиби Херст (Беркли, Калифорния) вплоть до 2004 г., когда их заново открыла фотограф Мишель Уэстморлэнд. Она же в 2005 г. организовала сбор средств на краудфандинговой платформе Kickstarter, чтобы осуществить экспедицию и съемки фильма «По следам “Охоты за головами”» (The Headhunt Revisited).

[12, 4], который предполагал равенство различных культур и их независимость друг от друга. Меняются отношения между смотрящим — «seeing man», то есть западным путешественником, и объектом его взгляда. Космополитизм в этом контексте предполагает «расширение горизонта» обеих сторон диалога и может приобретать различные формы — от проявления толерантности по отношению к другим культурам до глубокой переоценки собственного культурного наследия и идентичности [6, 45]. Такой космополитизм, как упомянуто выше, является результатом практики, а не изначальной моральной позиции. В частности, он выражается в определенных способах письма и тропах травелога.

В противоположность универсалистским формулам и претензиям на авторитетное знание, свойственным «колониальному» взгляду научных текстов, «космополитичный» взгляд в травелогах может выражаться в «личной» интонации, которую выбирает рассказчик, апеллируя к своему личному опыту и своей личной истории. Значительную роль в формировании нового взгляда в травелоге играет ирония, в том числе самоирония, ироническое обыгрывание позиции превосходства, которую ранее занимали авторы колониальных травелогов [12, 101]⁶. В нашем случае ирония заявлена уже в самом названии травелога К. Майтингер, в котором обыгрывается «охота за головами» как непрменный атрибут стереотипов о «диких» и «кровожадных» меланезийцах и папуасах. К. Майтингер «переворачивает» этот образ, используя его применительно к себе: теперь уже не «дикари», а две белые женщины становятся «охотницами за головами» местных жителей в поисках интересных моделей для портретов, и это определенным образом сближает их с коренными сообществами, одновременно увеличивая дистанцию с колонизирующим белым сообществом на островах.

Важнейшим компонентом в литературе путешествий является поиск «аутентичного» (authenticity), то есть «истинного» и «неподдельного» *социокультурного опыта*. Аутентичность связана с «пространственно-темпоральной» удаленностью того места, о котором идет речь, от дома («цивилизации») (чем дальше в пространстве и в «прошлом» — тем аутентичнее), а также с «дружностью» местной культуры (чем более экзотичными кажутся местная культура и ее носители — тем они аутентичнее). Зачастую ожидания путешественников отражали их ностальгические фантазии по поводу первозданной, «неиспорченной прогрессом» культуры и мудрости коренных народов, что оборачивалось разочарованием, поскольку всепроникающие признаки модерности неизменно переносят цель путешествия из воображаемого прошлого в реальное настоящее пространство, и что вело к заслуженному иронизированию как над своим поиском первозданности, так и над посещаемым «репозиторием подлинности».

К. Майтингер интересовала как «аутентичность» впечатлений, которые они ожидали получить во время путешествия, так и «аутентичность» коренных народов как объекта их исследовательского интереса. Отметим, что поиски

⁶ Однако пародирование и самоиронию как стратегии, «подрывающие» колониальный дискурс, М.-Л. Пратт обнаруживает и в более раннем травелоге Мэри Кингсли (1897): «Через иронию и “переворачивание” традиционных схем она выстраивает свой собственный смыслообразующий аппарат, используя в качестве материала элементы монархического мужского дискурса доминирования и вторжения» [14, 209].

аутентичности первого рода в книгах К. Майтингер часто обыгрываются в комическом или ироничном ключе, по мере того, как разрыв между реальностью и стереотипными образами, растиражированными в литературе и кино, становится все более явным. Аналогичным образом предметом авторской иронии нередко становится и ее собственная роль «леди-путешественницы» и «белой женщины».

Однако ирония и самоирония иногда служат сокрытию действительно амбивалентного отношения к коренным жителям, обеспечивают дистанцирование от них и в то же время воспроизводство тех стереотипов, что распространены среди белых поселенцев. В одном из эпизодов первой книги суперкарго советует Маргарет Уорнер не трогать руками туземную модель, многозначительно добавляя: «Дикарь... зараза... дизентерия... язвы... все, что угодно. А главное — дикарь. Берегитесь...» [1, 30]. Таким образом, помимо очевидных опасностей (местные заболевания) меланезиец воспринимается белым поселенцем и как источник неявной, но от этого не менее страшной угрозы. Поведение меланезийца представляется как непредсказуемое и иррациональное, сродни поведению дикого животного.

Дикость и непредсказуемость, в свою очередь, эссенциализируются и наделяются негативными коннотациями. Иногда, как и в случае с «идиллическими» тропическими пейзажами, такой конфликт ожиданий и реальности производит ярко выраженный комический эффект: «Если бы мое творческое воображение художника должно было создать образ дикаря, приготовившегося к убийству, то я не смогла бы создать ничего более убедительного, чем явление, возникшее перед нами на повороте тропинки... Покрываясь холодным потом и цепenea от ужаса, стояли мы — Маргарет и я — перед лицом нашей судьбы и, опустив головы, ожидали печальной развязки. Дикарь тоже стоял... Когда у меня хватило решимости поднять голову, я увидела, что он стоит на том же месте, по-прежнему сверкает глазами и тяжело дышит, но почесывает голову концом одного из своих страшных копий. Такое занятие сильно поколебало наши печальные предположения, ибо никто не будет заниматься мирным почесыванием головы перед тем, как совершить ужасное убийство» [Там же] Комический эффект усиливается еще более, когда далее выясняется, что на самом деле «дикарь» был одним из рабочих с плантации, которого охотно отпустили позировать художницам из-за его слабосилия.

Описанная выше амбивалентность раскрывается более полно во второй книге, когда экспедиция сталкивается с папуасами из местного «болотного» племени, убившими и съевшими соседнее племя. Красочное описание их «преступлений» («старая добрая каннибальская оргия по всем законам жанра» [13, 258]) становится для автора поводом порассуждать о возможных мотивах каннибалов и их отношении к содеянному. Тот факт, что никто из героев этой истории не испытывает ни малейшего чувства вины, а также полное отсутствие каких-либо признаков «кровожадности» в их поведении (напротив, они кажутся весьма открытыми и дружелюбными) [Там же, 269], кажутся особенно странными с точки зрения западного наблюдателя. Интерес у автора травелога вызывает и личность «главаря людоедов» по имени Таупараупи, который обладает весьма импозантной внешностью (автор проводит целый ряд культурных параллелей, сравнивая его с «египетским фараоном», «очень загорелым раввином», «евреем

библейского типа» и «обнаженным Христом» [13, 271–272]). В процессе общения с участниками «экспедиции» Таупараупи держит себя с большим достоинством, обнаруживает недюжинный ум и любознательность, автор характеризует его как «незаурядную личность» [Там же, 272]. Однако при обсуждении его интеллектуальных качеств К. Майтингер предпочитает согласиться с авторитетным мнением губернатора Новой Гвинеи Губерта Мюррея, который, считая «папуасов весьма умным народом», утверждает: «они находятся на более низкой ступени развития, поскольку были изолированы от контактов с более развитыми цивилизациями» [Там же].

В связи с этим К. Майтингер отдельно оговаривает, что интеллектуальные способности Таупараупи являются выражением «прирожденной смекалки» («native intelligence»), подразумевая, что их интеллект отличается от интеллекта западного человека, так как является «здоровым смыслом, который не имеет ничего общего с опытом или образованием» [Там же, 280]. Такое описание коренных жителей хорошо укладывается в схему отношений между колонизатором и колонизируемым. В этой схеме представлений, описанной П. Вагнером, первые уже достигли модерности, а другие — еще нет («not yet of modernity») [18, 119]. При этом во взглядах К. Майтингер обнаруживается интересное противоречие, поскольку, следуя логике ее рассуждений, достижение модерности народами Соломоновых островов и Новой Гвинеи может привести к целому ряду негативных последствий, так как процессы возрастающей мобильности, урбанизации и вестернизации могут вызвать «размывание» идентичности местных сообществ и постепенную утрату ими своего языка (который заменяется пиджин-инглиш), своей истории и самих себя. Таким образом, долг просвещения и модернизации колонизатора, который несомненно вызывает симпатию у К. Майтингер, сталкивается в ней с желанием современного «туриста-потребителя» сберечь «первобытность» опять же в двояком смысле — как свидетельство преимуществ нашей современности и как убежище от ее тягот.

Возвращаясь к вопросу об аутентичности, отметим, что поиск «научной» достоверности в рамках «экспедиции» К. Майтингер сводился в основном к поиску моделей, представляющих определенный антропологический тип меланезийской, полинезийской или негроидной рас, а также к изображению их в максимальном «аутентичном» виде, то есть в «оригинальной» одежде и украшениях, и на фоне, отражающем их принадлежность к конкретному сообществу (деревне) и конкретному региону. Проблемы возникали, когда модели сопротивлялись ее попыткам заставить их выглядеть «аутентично», настаивая на том, что они считали «правильной» или «подходящей» для такого случая одеждой: например, туземная женщина могла отказаться позировать без «городской» рубашки, которую она надевала, когда входила в город, так как появление с обнаженной грудью в черте города было запрещено [1, 192]. Далее, художницы изучают украшения своей модели и обнаруживают «неоконченный ошейник из стеклянных бусин, образующих по рисунку и расцветке британский флаг», «длинную, около метра, связку больших клыков», «новехонькую курительную трубку» и «пластмассовый пояс с огромной никелированной пряжкой», которые натурщик уверенно считал «бесспорно

деревенскими»: «Нам пришлось решительно настаивать на том, чтобы украшения при позировании ограничились только этой связкой... Перед тем как отправиться домой, мы тщательно освидетельствовали связку клыков, чтобы убедиться в отсутствии на ней лаконического клейма *Made in Japan*» [1, 62].

Грань между «аутентичными» атрибутами коренного сообщества и «неаутентичными» (привнесенными извне) оказывается настолько тонкой и иллюзорной, что ошибки зачастую просто неизбежны. На наш взгляд, художницу не устраивает современный вид местного жителя Соломоновых островов, поскольку ее желание «аутентичности» и «подлинности» на самом деле скрывает под собой желание экзотизировать его, поместив в некое условное прошлое. «Непроницаемость» местной культуры для «белого» взгляда также удобно объясняется принадлежностью коренных народов прошлому, как, например, в истории с меланезийкой Догару: «Временами она казалась нам веселой, старенькой, нарочито паясничавшей женщиной, а по временам она уходила от нас в свой далекий каменный век» [Там же, 106].

Таким образом, коренные народы не только оказываются исключенными из общемировой истории в своем доколониальном прошлом, но и должны оставаться таковыми вопреки модернизации, а сами местные обитатели лишаются права на свою собственную, индивидуальную историю [16, 148]. Так, например, папуас Сарли, городской житель, работающий на судью-магистрата в Порт-Морсби, в прошлом полицейский, в повседневной жизни носит саронг и «джермпер с короткими рукавами и вырезом» [13, 30]. Однако на портрете К. Майтингер Сарли и его жена изображены в традиционных деревенских одеяниях, что нивелирует как его собственную личную историю, так и историю его региона, частью которой уже стали процессы повышенной мобильности населения и урбанизации. В этом плане участникам «экспедиции» свойственна та же абберрация восприятия, что и другим западным путешественникам до и после них: в их глазах по-настоящему «современными» могут быть только они сами и их соотечественники, они видят себя истинными носителями ценностей модерности и прогресса, что автоматически повышает их статус по сравнению с жителями отдаленных регионов, причем географическая удаленность начинает восприниматься и как удаленность во времени [16, 147].

В травелог К. Майтингер коренные жители островов неоднократно обозначаются как «первобытные» или «примитивные» (*primitives*), что в тот период было устоявшимся научным термином, синонимичным «*natives*» и «*aboriginal*». Автор неоднократно выражает сомнение в том, что ее модели понимают суть происходящего (написания портрета), а также в том, что они способны узнать самих себя на портрете, поэтому любые проявления «осознанного» позирования акцентируются в тексте как нечто необычное: «На минуту он снова превратился в первобытное существо — по-обезьяньи вытянул губы трубочкой, и нам показалось, что он узнает свой профиль не больше, чем, скажем, собака, смотрящая в зеркало. Однако после перерыва он вернулся из глубины музея и принес шляпу, которую надел, сдвинув на затылок, тем давая понять, что считает ее подходящим головным убором. Мы не представляли себе хода его мыслей, так как нельзя было

ожидать, чтобы он понимал, как пишутся портреты. Но этот первобытный человек чувствовал, что каким-то образом участвует в нашем труде, и мы не могли не оценить его понятливости» [13, 203].

С одной стороны, как было сказано выше, такая интерпретация позволяет рассказчику ощутить свое превосходство над туземными моделями (они часто сравниваются с детьми или с животными), с другой стороны, это дает автору основания для романтизации коренных сообществ как более искренних и простодушных, лишенных лицемерия и коварства. Например, описывая восстание на острове Малаита, автор подробно останавливается на неоправданно жестоком, на ее взгляд, наказании, которому правительство подвергло жителей восставшей территории, уничтожив их деревни и огороды. Далее она объясняет, почему это наказание было не только жестоким, но и бесполезным, поскольку местные жители просто не смогли понять смысл того «послания», которое пыталось донести до них правительство: «Смертная казнь через повешение является неприемлемой для дикаря формой... Только цивилизованные умы могут оценить изысканное наслаждение, доставляемое медленным удушением надежды на жизнь у посаженного в тюрьму нарушителя законов или зрелищем, когда жертва отчаянно борется за свое освобождение, а суд угрожает ей смертной казнью» [1, 33].

Если в классическом колониальном травелоге западная культура — источник рационального и цивилизаторского начала, то в травелоге К. Майтингер потуги местной администрации и религиозных миссий «цивилизовать» и «модернизировать» коренное население, запретив черную магию, аборт, набеги на соседние племена, ритуальные убийства и многоженство и предложив взамен «блага цивилизации», кажутся абсурдными и бесполезными, но не в силу интеллектуальной отсталости меланезийцев и папуасов, не способных оценить пользу нововведений, сколько в силу неспособности (или нежелания?) самих «модернизаторов» увидеть, что мир меланезийской (или папуасской) деревни — это самодостаточный космос, подчиняющийся своей логике и своим законам. Они скрыты от упрощенных схем, которые прилагают к ним белые поселенцы, считающие, что они «знают» коренных жителей.

Белые жители являются носителями норм цивилизованного мира (индустриализация, индивидуализм, инновации, наука, рациональность и проч.), но они не знают, как установить эти «нормы» в условиях Соломоновых островов и Новой Гвинеи. При этом желание «цивилизовать» зачастую скрывало под собой не что иное, как желание контролировать жизнь местных сообществ, подчинив ее навязанным извне «правилам», например, регламентирующим количество собак в деревне или способ содержания свиней [Там же, 35]. Одним из способов подчинения стало требование уплаты налогов: «с каждой новой уплатой налогов чиновники отнимают у населения все больше и больше элементов его прежнего свободного существования... этот процесс покорения известен под названием “мирного проникновения” — исключительно хитроумной механики, которая могла быть изобретена только “богоданными строителями империи”» [Там же]. По мнению К. Майтингер, результатом такого рода политики и стало восстание на острове Малаита, о котором речь шла выше.

Критический взгляд на «дары» белой цивилизации в травелогe проявляется прежде всего через описание последствий, запланированных и незапланированных, к которым эти «дары» приводят. Наиболее ярким примером здесь является медицина: К. Майтингер отмечает, что качество медицинской помощи за пределами городов незначительно превосходило то, которое обеспечивали местные целители, при этом болезни, разносимые белыми поселенцами, для коренного населения из-за отсутствия иммунитета оказались намного более опасными, чем привычные заболевания. Более того, по свидетельству автора, распространению эпидемий способствовало и то, что для удобства управления администрация островов часто объединяла несколько деревень в одну [1, 53]. Отметим, что, по некоторым оценкам, население Соломоновых островов сократилось до 50 % в результате смертности от заболеваний, принесенных извне, в период с 1850 по 1950 г., в частности, от эпидемий гриппа, полиомиелита, оспы и дизентерии [10]. В этом плане показательным является описание эпидемии кори на острове Гуадалканал, которую распространило миссионерское судно «Божий ковчег»: «Какая злая ирония была в том, что “Божий ковчег”, долженствующий спасать души человеческие, сделался орудием их превращения в души бессмертные. От разнесенной им эпидемии только в одной нашей деревушке умерло тридцать пять человек» [1, 53].

Нетипичными для классического колониального травелога являются ситуации, когда авторы-путешественники сами попадали в поле взгляда местных жителей, тем самым меняясь с ними ролями и превращаясь из субъектов взгляда в его объект. Так, в одном из эпизодов первой книги меланезийский художник Майк изображает Кэролайн Майтингер и Маргарет Уорнер⁷. Другой, не менее интересной сценой такого рода была песня и пантомима (sing-sing), разыгранная местными женщинами и изображавшая процесс укладывания вещей, когда Кэролайн и Маргарет готовились покинуть одну из плантаций⁸.

Говоря о переходе от «колониального» к «космополитичному» взгляду в травелогe, следует отдельно остановиться на гендерном аспекте. Как отмечает Дебби Лайл, «в литературе путешествий невозможен гендерно неопределенный голос рассказчика. Другими словами, для жанра, который находился под контролем патриархальной и колониальной идеологии, является неприемлемой сложная, гибридная и неустойчивая идентичность, особенно в плане гендера» [12, 130].

⁷ «Когда он рисовал, то никогда не пользовался моделью, а изображал в точности, как это было принято на протяжении столетий. Так были изображены и мы, но с некоторыми необычными для Майка добавлениями: поясами, обувью, часами и шляпами на головах. Признаки нашей принадлежности к женскому полу, а также гавайскую гитару в руках Маргарет и мою кисть он дорисовал, закончив основной рисунок» [1, 133].

⁸ «Возможно, что в процессе работы у нас выработался определенный ритм, и тут одна из женщин запела, не разжимая губ... Неожиданно другая женщина вступила на четвертой ноте и затянула ту же мелодию; потом запела третья... “Обе миссис уезжают, уезжают, уезжают... Они укладывают в ящик белые платья, белые платья, белые платья... (Платьев было три.) Они едут на катере... Они уезжают на пароходе... Высокая рисует картины, а маленькая поет зубами (то есть свистит). Право, они завтра уедут...” Одна из женщин, та, что запела первой, поднялась с места и довольно застенчиво и неуклюже разыграла пантомиму, изображавшую укладывание вещей. Оставаясь стоять на месте, она показывала, как мы ходим взад и вперед; при этом она сильно притоптывала пятками, что, по-видимому, являлось основным па в меланезийском танце» [Там же, 206–207].

Как было сказано выше, изменения во «взгляде», который транслировался литературой путешествий, были связаны и с изменениями фигуры нарратора, которая в период классического колониального травелога характеризовалась маскулинностью, рациональностью и некоторой агрессивностью. Одним из проводников нового, «космополитичного» взгляда стали авторы-женщины. Следует отметить, что еще применительно к колониальной литературе путешествий ряд исследователей (М.-Л. Пратт, Сара Миллз и др.) отмечали, что женщины-путешественницы зачастую предлагали свой, «женский» взгляд, который, в отличие от мужского, был более амбивалентным, а иногда даже работал «против» колониального дискурса, обнажая его противоречия и слабые стороны. Такая особенность объяснялась двойственным положением женщин в колониальной иерархии: «колонизируемые в силу своего пола, но колонизаторы в силу своей расы» [9, 5]. Стратегии, к которым прибегали женщины в своем путевом письме, давали им возможность «обезопасить» себя от осуждения и критики читающей публики у себя дома.

Описанная выше тенденция просматривается и в травелоге XX в., который оставался преимущественно «маскулинным» жанром: авторам-женщинам по-прежнему приходилось прилагать значительные усилия, чтобы доказать свое право выступать наравне с авторами-мужчинами. «Женщины вынуждены преодолевать “естественные ограничения” своей женской природы и становиться “исключением из правил”, дабы стать достаточно мужественными для того, чтобы путешествовать и писать книги об этом» [12, 97]. Все вышесказанное подтверждается свидетельствами К. Майтингер, в начале своего травелога признающей свое амбициозное намерение совершить нечто «экстраординарное»: «Возможно, наши скептически настроенные друзья были правы, утверждая, что группа женщин, подобная нашей, не может отправиться писать портреты каннибалов и вместе с тем рассчитывать вернуться домой с головой на плечах. Таких поступков не совершали даже мужчины... Ни один мужчина-художник не пытался этого сделать, заявляли мы в ответ» [1, 7].

Значительная часть сюжетных коллизий в травелоге К. Майтингер связана с необходимостью «лабиринтировать» между различными социальными конвенциями, регламентирующими поведение незамужней белой женщины-«леди» (на островах существовало важное лингвистическое различие между «lady», то есть белой женщиной, и «woman» — женщиной туземной [13, 40]). Эти правила определяли поведение «леди» в «разношерстном» обществе белого населения островов, состоящем из представителей местной администрации, экспатов, плантаторов, рекрутеров и т. д. (например, много внимания в травелоге уделяется вопросу ношения чулок на официальных и полуофициальных мероприятиях). Отдельный свод правил относился и к контактам с коренными жителями. Например, «леди без эскорта» не должны были останавливаться в туземных деревнях или обслуживать свои бытовые нужды самостоятельно, без помощи слуги. Та модель отношений с коренными жителями, в которую вступала белая женщина («миссис»), находясь на островах, изначально подразумевала неравенство: коренные жители могут быть домашними слугами белого поселенца или наемными рабочими

на его или ее плантации, причем по понятным причинам белая женщина обычно контактировала именно с домашними слугами (в травелоге описывается лишь один случай, когда молодая англичанка самостоятельно управляла плантацией копры после смерти мужа). Поскольку участники экспедиции не относились к категории типичной «миссис», это создавало «зону неопределенности» в их отношениях с коренными жителями, позволяя «сдвинуть» данные отношения в сторону бóльшей близости и глубины контакта.

При этом принадлежность к женскому полу давала К. Майтингер и ее спутнице и определенные преимущества, а именно позволяла им получить доступ к исключительно «женской» сфере в жизни местных сообществ. Травелог содержит множество разнообразных сведений о жизни туземных женщин: об их внешности, нравах, особенностях воспитания девочек, замужестве, родах, семейно-брачных отношениях, женском труде и т. д. Местные женщины намного чаще становятся объектом сочувствия рассказчика, чем мужчины. В этом плане национально-этническая идентичность рассказчика зачастую играет менее важную роль, чем гендерная принадлежность, так как злоключения белых плантаторов-мужчин описываются более отстраненно. Также иногда на первый план выходит профессиональная принадлежность рассказчика («художник»), что позволяет ей солидаризироваться с представителями данной профессии — меланезийцем Майком на Соломоновых островах и деревенской колдуньей Кори из Папуа — Новой Гвинеи.

Более того, благодаря своему «промежуточному» положению в иерархии между белым мужским населением и коренным населением, Кэролайн Майтингер и ее спутница одновременно получили и доступ к исключительно «мужской» сфере, — в этом плане показателен эпизод с вторжением «экспедиции» на поляну в меланезийской деревне, на которой мужчины добывали яйца мегапода и которая была табу для женщин [1, 101].

Книги К. Майтингер «Охота за головами на Соломоновых островах» и «Охота за головами в Новой Гвинеи» совмещают в себе два взгляда — «колониальный», который во многом диктуется конвенциями самого жанра травелога, и «космополитичный», возникающий под влиянием собственного опыта в условиях глобальных социокультурных, политических и экономических изменений в местах их путешествий. Этот контраст особенно заметен при сопоставлении «постановочных» портретов, отражающих желание художницы представить свои модели в максимально «аутентичном» виде (то есть как представителей вымирающих первобытных сообществ, живущих в своем изолированном мире «идеального прошлого»), и текста травелогов, который предлагает читателю личные истории моделей во всем их многообразии. В тексте коренные жители зачастую предстают в гораздо более индивидуализированном и современном виде, являясь частью глобального мира, активно интересуясь происходящим за пределами их сообщества и взаимодействуя с представителями других сообществ.

Таким образом, мы показали, как в этом уникальном документе «сплетаются» определенные «тропы» травелога, позволяющие увидеть некоторую осцилляцию между колониальным и космополитичным взглядами: самоирония рассказчика по отношению к своей миссии и роли «колонизирующего смотрящего», а вернее

запечатлевающего; амбивалентность рассказчика по отношению к колониальным стереотипам, которые, с одной стороны, высмеиваются, а с другой — воспроизводятся; поиск аутентичности первозданной жизни и одновременное игнорирование личных судеб и групповых историй интеграции местных жителей в ситуацию современности, установка на их экзотизацию; критика колониализма, современной администрации и политики по отношению к местным сообществам; включение взгляда туземца на самого рассказчика, признание его права на видение и на голос; двоякость, порождающая как преимущества, так и ограничения во взаимоотношениях с местными жителями, возникающая из-за гендера рассказчика. Такой практический, в отличие от принципиального, космополитизм, получил своеобразное «продолжение» в наше время.

Проект «По следам “Охоты за головами”» (2005), то есть путешествий К. Майтингер, дал голос жителям Соломоновых островов и Папуа–Новой Гвинеи, в числе которых оказались и потомки тех, кто изображен на ее портретах. Таким образом, из безмолвных объектов колониального взгляда, из неподвижных и безмолвных моделей художника местные жители становятся субъектами, самостоятельными акторами, которые могут вступать в диалог, которые сами готовы взаимодействовать — интерпретировать или опровергать — те репрезентации, что им навязывает или для них производит метрополия. В частности, одним из участников проекта стал художник Джеффри Фиджер, коренной житель Папуа–Новой Гвинеи, который в рамках совместной выставки его работ и работ К. Майтингер предложил «современную интерпретацию в противоположность традиционному взгляду с целью отразить природу нашего общества в его современном состоянии, тем самым признав, наконец, что времена изменились» [8].

1. *Maittinger K.* Охота за головами на Соломоновых островах. М., 2000.

2. *Almeida-Santos C.* Cultural Politics in Contemporary Travel Writing // *Annals of Tourism Research*. 2006. Vol. 33, № 3. P. 624–644.

3. *Brinkhurst-Cuff C.* The White Man’s Blunder of ‘Explorer’. Benedict Allen Feed Racist Myths // *The Guardian*. 17 November 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/nov/17/benedict-allen-explorer-racist-british-colonial> (accessed: 03.08.2018).

4. *Burton S.* Travel Narrative and the Ends of Modernity. Cambridge, 2004.

5. *Cohen E.* A Phenomenology of Tourist Experiences // *Sociology*. 1979. № 13. P. 179–201.

6. *Delanty G., Mota A.* Eisenstadt, Brazil and the Multiple Modernities Framework: Revisions and Reconsiderations // *Journal of Classical Sociology*. 2015. Vol. 15(1). P. 39–57.

7. *Doherty B.* ‘Full Truth’: Descendants of Australia’s ‘Blackbirded’ Islanders Want Pioneer Statues Amended // *The Guardian*. 24 August 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2017/aug/24/full-truth-needs-to-be-told-descendants-of-blackbirded-south-sea-islanders-want-memorials-amended> (accessed: 03.08.2018).

8. *Feeger J.* Headhunt Revisited with Brush, Canvas and Camera [Electronic resource]. URL: <https://headhuntrevisited.wordpress.com/jeffrey-feeger/> (accessed: 03.08.2018).

9. *Ghose I.* Women Travellers in Colonial India: The Power of the Female Gaze. Oxford, 1998.

10. Health // *Solomon Islands Historical Encyclopedia 1893–1978* [Electronic resource]. URL: <http://www.solomonencyclopaedia.net/biogs/E000131b.htm> (accessed: 12.08.2018).

11. *Lau R. W. K.* Revisiting Authenticity: A Social Realist Approach // *Annals of Tourism Research*. 2010. Vol. 37, № 2. P. 478–498.

12. *Lisle D.* The Global Politics of Contemporary Travel Writing. Cambridge, 2006.
13. *Mytinger C.* New Guinea Headhunt. N. Y., 1947.
14. *Pratt M.-L.* Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation. N. Y., 2008.
15. *Salazar N. B.* Becoming Cosmopolitan Through Traveling? Some Anthropological Reflections // English Language and Literature. 2015. Vol. 61, № 1. P. 51–67.
16. *Thompson C.* Travel Writing. L.; N. Y., 2011.
17. *Urry J.* Consuming Places. L., 1995.
18. *Wagner P.* Interpreting the Present: A Research Programme // Social Imaginaries. 2015. 1.1. P. 105–129.

Рукопись поступила в редакцию 13 августа 2018 г.

УДК 371.27 + 347.5/6

А. В. Мальцев
Д. В. Шкурин

ЕДИНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКЗАМЕН В МНЕНИЯХ РОДИТЕЛЕЙ КРУПНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ЦЕНТРА

В статье приводится анализ опроса родителей об их отношении к Единому государственному экзамену (ЕГЭ). Выборка (1520 человек) составлена из родителей учащихся школ Екатеринбурга и учитывает территориальное расположение школ, их статус и ступень образования учащихся (начальная, основная, старшая). Родители высказали неоднозначное мнение о ЕГЭ, преобладает двойственное отношение к экзамену: в нем есть и положительные, и отрицательные стороны (60,7 % от числа ответивших). Противников ЕГЭ значительно больше (33 % от числа ответивших), чем сторонников (6,3 % от числа ответивших). Из отрицательных сторон ЕГЭ родители назвали связанное с ним нервное напряжение детей, родителей и учителей, а из числа предложенных преимуществ — упрощение процесса подачи документов в вуз. Различие мнений о ЕГЭ среди родителей связано с тем, в какой школе обучаются их дети (статусной или обычной), какое у них образование, какую должность они занимают, насколько они информированы о программах развития образования и сколько времени уделяют своим детям. Родители лучше относятся к ЕГЭ, если их дети учатся в статусной школе, а сами они имеют среднее специальное или высшее образование, занимают руководящие должности или должность специалиста, хорошо информированы о программах развития образования и постоянно уделяют внимание своим детям.

К л ю ч е в ы е с л о в а: родители, Единый государственный экзамен, преимущества ЕГЭ, недостатки ЕГЭ, факторы, влияющие на отношение к ЕГЭ, деревья классификации.

Прошло семнадцать лет с момента появления и девять лет с момента введения в штатный режим Единого государственного экзамена как формы прохождения Государственной итоговой аттестации (ГИА). В качестве юридической поддержки этой процедуры разработан специальный закон о ЕГЭ [7]. В новом законе об образовании ЕГЭ закрепляется как основная форма проведения ГИА [8]. Такой

степени юридических оснований не удавалась ни одна реформа системы образования в новейшей истории России; ЕГЭ отражен в документах, представляющих развитие системы образования РФ на ближайшую перспективу [11].

Единый государственный экзамен призван решить целый ряд задач:

- сделать доступным высшее образование в ведущих вузах страны для молодых людей, проживающих в отдаленных районах страны;
- уравнивать возможности абитуриентов при поступлении в любой вуз страны, вне зависимости от школьных оценок, за счет единых требований к прохождению ГИА;
- искоренить коррупцию, связанную с поступлением в высшие образовательные учреждения;
- уменьшить психологическое напряжение при сдаче выпускных школьных и вступительных экзаменов в вуз за счет их совмещения.

Формально все перечисленные задачи, поставленные перед ЕГЭ, успешно решаются, однако в российском обществе негативное отношение к ЕГЭ, возникшее изначально, не уменьшается и даже, наоборот, возрастает. Так, по данным Левада-Центра, опубликовавшего показатели динамики отношения россиян к отмене вступительных экзаменов в вузы и замене их на ЕГЭ, число противников данной формы ГИА увеличилось с 28 % в 2001 г. до 40 % в 2015 г., а число сторонников уменьшилось с 50 до 37 % соответственно [4]. В 2017 г. аналогичный опрос показал увеличение недовольных ЕГЭ до 44 %, тогда как положительно его воспринимали только 36 % опрошенных [2]. По данным этой же авторитетной организации, в 2016 г. 54 % россиян считали, что ЕГЭ оценивает знания выпускников школы хуже, чем обычные экзамены [14]. По данным другой, не менее авторитетной организации — Фонда общественного мнения, число не одобряющих ЕГЭ с 2014 по 2017 г. возросло с 49 до 60 %, а одобряли его на момент опроса только 20 % [5].

За последние пять лет, начиная с 2013 г., в содержании и проведении ЕГЭ произошли существенные изменения, направленные на получение наиболее объективной информации об уровне подготовки учащихся, завершающих полное среднее образование [10, 12]. Было введено видеонаблюдение в аудиториях, в которых учащиеся сдают экзамен. Затем такое же видеонаблюдение было установлено в местах работы предметных комиссий, проверяющих задания с развернутым ответом, и в местах работы конфликтной комиссии. Упорядочилась работа общественных наблюдателей и представителей СМИ, присутствующих на экзамене. Во всех регионах активно заработала «горячая линия», которая позволила организовать оперативную обратную связь при проведении ЕГЭ. Эти меры, получившие название «Честное ЕГЭ», дали положительные результаты и привели к исчезновению так называемого «ЕГЭ-туризма», когда некоторые учащиеся стремились сдавать ЕГЭ в тех регионах, где часто происходили нарушения в процедуре проведения экзамена и за счет этого можно было получить высокий балл по его результатам.

В работе предметных комиссий ЕГЭ также произошли существенные изменения. Все члены комиссий обязаны проходить ежегодную подготовку и сдавать зачет для получения допуска к работе экспертами по проверке заданий с развернутым ответом. По итогам зачета определяются три статуса эксперта: основной,

старший и ведущий, имеющие различные уровни допуска к разным видам работ по проверке заданий с развернутым ответом. Возникла практика взаимопроверки работ учащихся предметными комиссиями разных регионов. Появились новые критерии направления работ учащихся на дополнительную проверку в случае расхождения оценок двух экспертов. В содержании Контрольно-измерительных материалов (КИМ) ЕГЭ также произошли существенные изменения: они стали формироваться из двух частей. В первой части, близкой по технологии к тестовой форме, во всех предметах были заменены формы заданий. Появились задания, содержащие дополнительную учебную информацию (тексты, графики, рисунки, таблицы), что значительно усилило их дидактические характеристики. Увеличилось число заданий с развернутым ответом, что позволило говорить о комплексной проверке знаний как в тестовой, так и в письменной форме.

Перечисленные изменения столь масштабного характера не могут не сказаться на качестве проведения ЕГЭ и объективности его результатов. Возможно, российская общественность не в полной мере представляет эти изменения, иначе трудно объяснить факт растущего недовольства россиян по отношению к ЕГЭ. В данной статье нам важно определить причины различного отношения родителей к ЕГЭ, поскольку они являются полноправными участниками процесса ГИА. Цель исследования — выявить особенности родителей с разным, в том числе противоположным, отношением к прохождению учащимися Государственной итоговой аттестации в форме ЕГЭ.

Анализ мнений родителей о ЕГЭ осуществлялся по итогам комплексного исследования, проведенного группой сотрудников и студентов Уральского гуманитарного института УрФУ при активной поддержке департамента образования Администрации города Екатеринбурга [1].

Опрос родителей велся методом онлайн-анкетирования с помощью сервиса GoogleForms. Использовались два варианта организации анкетирования: в компьютерных классах на территории школы и самостоятельное заполнение анкеты родителями вне школы.

Число опрошенных родителей учащихся (далее — родителей) составило 1520. Всего анкетированием было охвачено 35 школ Екатеринбурга по 5 школ в каждом административном районе города.

Отвечая на главный вопрос об отношении к ЕГЭ, родители в большинстве своем отдали предпочтение ответу, указывающему на наличие достоинств и недостатков в этой процедуре, то есть из двух крайних позиций подавляющее большинство (60,7 %) выбрало «золотую середину» (рис. 1). Резко отрицательное отношение высказали 33,0 % ответивших, а поддержали только 6,3 %. Ранее аналогичный вопрос мы адресовали учителям Екатеринбурга, и их мнение оказалось более лояльным: только 18,0 % высказались категорично против, 6,3 % поддержали, а основная группа выразила двойное отношение, считая, что в ЕГЭ есть как достоинства, так и недостатки, — 75,7 % [6]. Мнение родителей учащихся школ Екатеринбурга в отношении ЕГЭ более оптимистичное, чем мнение россиян в целом. В июне 2017 г., то есть за полгода до нашего исследования, проведенный Левада-Центром опрос показал, что отрицательно к ЕГЭ относятся 44 % респондентов [2]. Но в опросе

Левада-Центра, в отличие от опроса, проведенного нами, не был предусмотрен ответ с неоднозначным отношением к ЕГЭ, когда указывались и преимущества, и недостатки экзамена.

Из отрицательных сторон ЕГЭ родители выбрали в качестве самого популярного ответа нервное напряжение детей во время экзамена. Все три группы родителей — противники, сторонники и занимающие промежуточную позицию в предпочтительном выборе этого ответа — оказались единодушны (см. таблицу). Наши данные вполне согласуются с данными опроса ВЦИОМ, проведенного в 2017 г., согласно которым самым значительным недостатком ЕГЭ из десяти предложенных оказалась слишком большая нагрузка на детей, от которой они испытывают стресс [3]. На эту позицию следует обратить особое внимание еще и потому, что в опросе, проведенном нами ранее, учителя высказались за специальную психологическую подготовку к ЕГЭ [6]. Таким образом, одна из задач, которую должна была решить новая форма выпускного экзамена, не только не решается, а становится еще более проблемной. Любой экзамен — это стресс для всех его участников, учащихся, учителей и родителей, и полностью избежать его не удастся. В настоящее время организация сдачи ЕГЭ определяет столь жесткую дисциплину проведения, контроля и проверки, что возникающие напряжение и стресс не могут компенсировать положительный эффект от сокращения двух экзаменов, выпускных и вступительных, до одного совмещенного. Причем если организовать психологическую подготовку к прохождению ГИА учащихся и учителей вполне реально, то сделать это для родителей весьма проблематично, в этом случае снять возникающее напряжение могут СМИ, но пока они только продолжают нагнетать обстановку вокруг ЕГЭ.

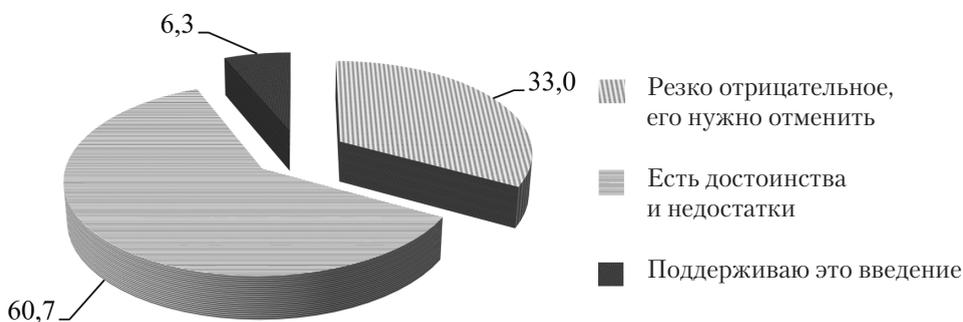


Рис. 1. Отношение родителей учащихся школ Екатеринбурга к ЕГЭ (компьютерный опрос), ноябрь—декабрь 2017 г. (% от числа опрошенных)

Два других недостатка ЕГЭ, указанных родителями в качестве приоритетных, — необходимость дополнительных занятий и увеличение нагрузки на детей в выпускных классах — вряд ли можно считать собственными недостатками данной формы государственной аттестации (см. таблицу), поскольку и до введения ЕГЭ ученик был вынужден в выпускном классе не только изучать новый учебный

**Преимущества и недостатки ЕГЭ, отмеченные родителями
(компьютерный опрос), ноябрь–декабрь 2017 г.
(% от числа ответивших в каждой группе по отношению к ЕГЭ)**

Преимущества и недостатки ЕГЭ	Отношение к ЕГЭ		
	Резко отрицательное, его нужно отменить	Есть достоинства и недостатки	Поддерживаю это введение
<i>Недостатки</i>			
Нервное напряжение детей, родителей, учителей	75,9	66,6	34,7
Необходимость дополнительных занятий, курсов подготовки, репетиторов	51,2	51,5	23,2
Резкое увеличение нагрузки на детей в выпускных классах	57,8	47,6	17,9
Недостаточность возможностей контрольно-тестовой системы для оценки знаний учащихся	46,2	36,84	8,4
Необъективные показатели результатов	38,8	17,8	2,1
Некорректно составленные задания и нарушения во время проведения экзаменов	25,5	20,3	6,3
Систему контроля необходимо совершенствовать	20,1	19,1	8,4
Вместо того чтобы давать знания, целенаправленно готовят к ЕГЭ	1,2	0,6	0,0
<i>Преимущества</i>			
Упрощает процесс подачи документов в вуз, особенно если выпускник живет в другом регионе	20,9	64,4	61,0
Уравниваются шансы абитуриентов при поступлении в вуз	12,2	37,6	47,4
Унификация и стандартизация процесса сдачи выпускного экзамена, позволяет избежать предвзятого оценивания знаний учеников	9,4	30,7	55,8
Другое	0,4	0,4	0,0

материал, но также повторять пройденный за предыдущие годы учебы, тем более если этот учебный материал ранее был изучен плохо. А если при этом способностей ученика к самостоятельной подготовке к выпускным и особенно вступительным экзаменам было недостаточно, приходилось прибегать к помощи и репетиторов, и подготовительных курсов. В первые годы введения ЕГЭ существовало мнение, что подготовительные курсы для поступления в вуз и репетиторство исчезнут, но этого не произошло.

А вот другие недостатки, выбранные родителями из числа предложенных (недостаточность возможностей контрольно-тестовой системы для оценки знаний учащихся; необъективность показателей результатов; некорректно составленные задания и нарушения во время проведения экзаменов; несовершенная система контроля; вместо того чтобы давать знания, целенаправленно готовят к ЕГЭ), действительно имеют отношение именно к этой форме государственной аттестации. Причем все три группы родителей с разным отношением к ЕГЭ наиболее значимой считают недостаточность возможностей контрольно-тестовой системы для оценки знаний учащихся. При этом стоит отметить, что среди родителей — сторонников ЕГЭ такой же процент выбора оказался у другого недостатка — необходимости совершенствования системы контроля. В уже упомянутом опросе ВЦИОМ «результаты ЕГЭ недостаточно отражают знания школьников, в них много случайного» близок по содержанию к ответу в нашем опросе. Это третий из десяти самых популярных недостатков [3]; данная отрицательная сторона всегда была основным аргументом противников ЕГЭ, поскольку письменный характер экзамена не проверяет способности к устной речи.

Однако следует отметить, что отмена устной формы вступительных экзаменов в вузы произошла еще в 2004 г. — до приобретения ЕГЭ статуса обязательного [9]. И главной причиной была и остается необходимость объективной оценки. Для вступительных экзаменов в вуз, проводимых на конкурсной основе, это единственный способ исключить протекционизм и волюнтаризм. Поскольку статус ГИА за полную среднюю школу не допускал субъективности оценивания, введение ЕГЭ привело к отмене устных выпускных экзаменов в школе, с которыми связано много субъективных моментов. Однако на ЕГЭ по иностранным языкам (английский, немецкий, французский, испанский) существует устная часть экзамена, необходимая для полноты оценивания знаний по предмету. Другим примером дополнительных вступительных испытаний при поступлении в вуз кроме ЕГЭ являются творческие испытания, введенные для отдельных направлений профессиональной подготовки, перечень таких направлений весьма велик [13]. И тем не менее ЕГЭ представляет собой в первую очередь тестовую форму проверки знаний. Не случайно россияне, отрицательно относящиеся к ЕГЭ, отметили среди десяти самых главных его недостатков тот, что «традиционный экзамен лучше, чем тестирование», отдавая ему в рейтинге пятое место из десяти [3].

Противоречиво высказались родители и относительно объективности результатов ЕГЭ. Группа его противников определила пятое место в рейтинге ответов необъективности результатов ЕГЭ среди всех недостатков, группа, поддерживающая его, — седьмое, а группа с неоднозначным отношением — шестое. Годом

ранее учителя школ Екатеринбурга по поводу объективности результатов ЕГЭ высказались гораздо резче: 55,6 % опрошенных считают ЕГЭ необъективным, а учителя в своих суждениях бесспорно более компетентны, чем родители [6]. Возможно, группы родителей, по-разному оценивающие объективность ЕГЭ, по-разному воспринимают объективность его показателей. Для группы родителей — сторонников ЕГЭ независимость оценки на ЕГЭ от вмешательства со стороны экзаменаторов в меньшей степени подвергается сомнению, чем такие недостатки, как некорректно составленные задания и особенно нарушения во время проведения экзаменов. Именно поэтому они больше, чем другие родители, высказываются за совершенствование ЕГЭ.

Для родителей — противников ЕГЭ объективность оценки на ЕГЭ не признается и его необъективность как недостаток выступает на первый план. Преобладающая среди родителей группа с неоднозначным отношением к ЕГЭ, в отличие от групп противников и сторонников, слабо дифференцирует такие недостатки, как необъективные показатели результатов, некорректно составленные задания и нарушения во время проведения экзаменов, система контроля требует совершенствования. На мнение родителей относительно недостатков ЕГЭ, на наш взгляд, влияет незнание об изменениях, произошедших в процедуре и содержании экзамена в последние годы.

Нет полного и адекватного представления о содержании ЕГЭ и в целом у россиян. Указывая недостатки экзамена, они отвечают, что «система ЕГЭ недоработана, в тестах много неудачных, непродуманных вопросов». Такой ответ оказался восьмым из десяти по значимости [3]. По содержанию он близок к такому выбираемому ответу в нашем опросе: «система контроля требует совершенствования», он оказался седьмым из восьми в рейтинге значимости (см. таблицу).

В целенаправленной подготовке к ЕГЭ родители практически не видят ничего плохого: в группе сторонников экзамена такой ответ не выбрал никто, а в группе противников ЕГЭ выбрали единицы

Из трех преимуществ ЕГЭ все три группы родителей предпочли упрощение процесса подачи документов в вуз, особенно если выпускник живет в другом регионе. В группе сторонников ЕГЭ такой ответ был наиболее предпочтительным перед всеми остальными, указывающими как на недостатки, так и на преимущества экзамена. В группе с неоднозначным отношением к ЕГЭ такой ответ был вторым по значимости выбора, совсем немного уступая по проценту выбора ответу, связанному с нервным напряжением. А вот в группе противников ЕГЭ в рейтинге всех ответов этот ответ занял 7–8-е места. Ответ «ЕГЭ упрощает процесс подачи документов в вуз» — самый популярный среди родителей, его выбрали в качестве единственного достоинства экзамена 22,6 % всех ответивших. Две другие положительные стороны ЕГЭ в качестве единственных указывались только в чуть более 7 % случаев. Все три положительные стороны ЕГЭ из предложенных в вопросе указали всего 7,4 % всех родителей, это несколько больше, чем число высказавшихся однозначно в поддержку ЕГЭ — 6,3 %.

Среди положительных моментов ЕГЭ группа родителей, однозначно его поддерживающих, вторым по значимости выбрала ответ, связанный с унификацией

и стандартизацией процесса сдачи выпускного экзамена, которые позволяют избежать предвзятого оценивания знаний учеников. По сути, этот ответ конкретизирует представление родителей об объективности экзамена, поэтому в группе родителей, поддерживающих его и считающих его результаты объективными, он оказался более значимым, чем другое преимущество – уравнивание шансов абитуриентов при поступлении в вуз. Эта положительная сторона в группах противников и неоднозначно относящихся к ЕГЭ была более предпочтительной, чем другая, связанная с унификацией и стандартизацией процесса сдачи выпускного экзамена. Следует отметить, что в опросе, проведенном ВЦИОМ в июне 2017 г., близкий по содержанию ответ о равенстве условий для всех поступающих в вуз оказался третьим из восьми положительных моментов [3]. А главным преимуществом россияне, поддерживающие ЕГЭ, считают, что экзамен стимулирует школьников к учебе, повышая качество знаний.

Представляет интерес сравнение мнения групп родителей, противоположно относящихся к ЕГЭ, с общим мнением по всей выборке, чтобы понять их особенности. Группа противников ЕГЭ считает, что экзамен резко увеличивает нагрузку на детей в выпускных классах, создавая нервное напряжение не только для самих детей, но и для родителей и учителей. При этом анализ ответов данной группы на другие вопросы анкеты, не связанные с ЕГЭ, показал, что эта группа достоверно отличается от усредненного результата по всей выборке родителей, указывая, например, среди факторов, отрицательно влияющих на уровень образовательных результатов, неэффективное руководство системой образования (на 8,5 % чаще, чем в целом по выборке). Таким образом, основные причины низкого качества обучения они видят не в учителях, а в их руководителях. Эта группа родителей не желает, чтобы их дети стали учителями (на 8,2 % больше, чем в целом по выборке). Очевидно, отрицательное отношение к ЕГЭ у таких родителей – только часть, и, видимо, даже не основная, неудовлетворенности системой образования в целом.

В группе с резко отрицательным отношением к ЕГЭ преобладают родители учеников обычных школ, которые составляют 66,3 %, тогда как во всем массиве родители учеников обычных школ составляют только 56,4 %, то есть встречаются на 9,9 % чаще, чем в целом по массиву. Все три преимущества ЕГЭ (унификация и стандартизация процесса сдачи выпускного экзамена, уравнивание шансов абитуриентов при поступлении в вуз, упрощение подачи документов в вуз), указанные в опросе, эта группа выбирает значительно реже, чем вся выборка родителей.

Группа сторонников ЕГЭ основным его преимуществом считает унификацию и стандартизацию процесса сдачи выпускного экзамена, которая позволяет избежать предвзятого оценивания знаний учеников (различие с общей выборкой в 30,6 %). Анализ ответов этой группы на другие вопросы анкеты, не связанные с ЕГЭ, показал, что, например, в оценке возможностей профессии учителя в сравнении с другими профессиями они видят проявление самостоятельности и свободы в профессиональной деятельности (различие с общей выборкой составляет 15,7 %) и служебного продвижения (различие с общей выборкой составляет 9,3 %). Чаще других родителей они выбирают максимальную оценку для качества

платных услуг в школе, связанных с организацией различных курсов (различие с общей выборкой в 15,3 %), и физкультурно-оздоровительных мероприятий (различие с общей выборкой в 11,9 %); качества медицинского обслуживания в школе (различие с общей выборкой в 12,9 %). Они более активно в участвуют во внутришкольной жизни, выбирая в качестве такой активности родительские конференции (различие с общей выборкой в 15,0 %). Родители, положительно относящиеся к ЕГЭ, считают, что, активно взаимодействуя со школой, они реализуют себя — не могут жить иначе (различие с общей выборкой составляет 9,3 %). Эта группа родителей считает, что участие ребенка в общественно-полезной деятельности и волонтерском движении приучает его к труду (различие с общей выборкой в 14,5 %).

Таким образом, группа родителей, позитивно воспринимающих ЕГЭ, положительно настроена ко всей системе школьного образования и даже видит свое участие в ней. Но, что наиболее важно для обсуждаемой нами проблемы, эти родители хорошо информированы о принятых программах по развитию образования, по крайней мере на федеральном уровне (различие с общей выборкой составляет 10,5 %), а ЕГЭ — это и есть программа федерального уровня.

Чтобы проверить значимость выделенных особенностей для групп родителей с разным отношением к ЕГЭ, было построено дерево классификации по технологии CHAID (на основе статистического критерия Хи-квадрат). Используемая процедура автоматически отбирает наиболее значимые основания на каждом шаге построения дендрограммы (рис. 2).

Первый шаг в дендрограмме — основание «статус школы» как самый значимый фактор, определяющий мнение родителей о ЕГЭ. Выбор статусной школы для своего ребенка — это осознание значимости качественного образования; понимание важности образования для будущей жизни; надежда, что в такой школе ребенок будет изолирован от «дурного» влияния, развитие его личности будет проходить в соответствии с нормами социального поведения; возможность реализации способностей детей и роста таланта. Результаты ЕГЭ у учащихся статусных образовательных учреждений выше, чем в обычных школах, поэтому родители таких учащихся воспринимают ЕГЭ более лояльно, чем родители обычных школ.

Второй шаг дендрограммы в группе родителей обычных школ связан с уровнем образования родителей, а в группе родителей статусных школ — с профессией родителей. Родители учащихся из обычных школ, не имеющие среднего, среднего специального или высшего образования, безальтернативно высказались против ЕГЭ, хотя таких оказалось совсем немного. Возможно, эту группу составили в том числе и родители-мигранты.

Группа родителей из статусных школ, имеющих профессии исполнительского и низкоквалифицированного характера (менеджер, основной рабочий, вспомогательный рабочий), имели бóльший процент высказавшихся за поддержку ЕГЭ — 17 %, чем родители, имеющие профессии руководящего и высококвалифицированного характера (руководитель, специалист, служащий) — 6 %. Результаты дендрограммы свидетельствует о более контрастном отношении к ЕГЭ среди родителей рабочих и исполнительских профессий и о преобладании компромиссного

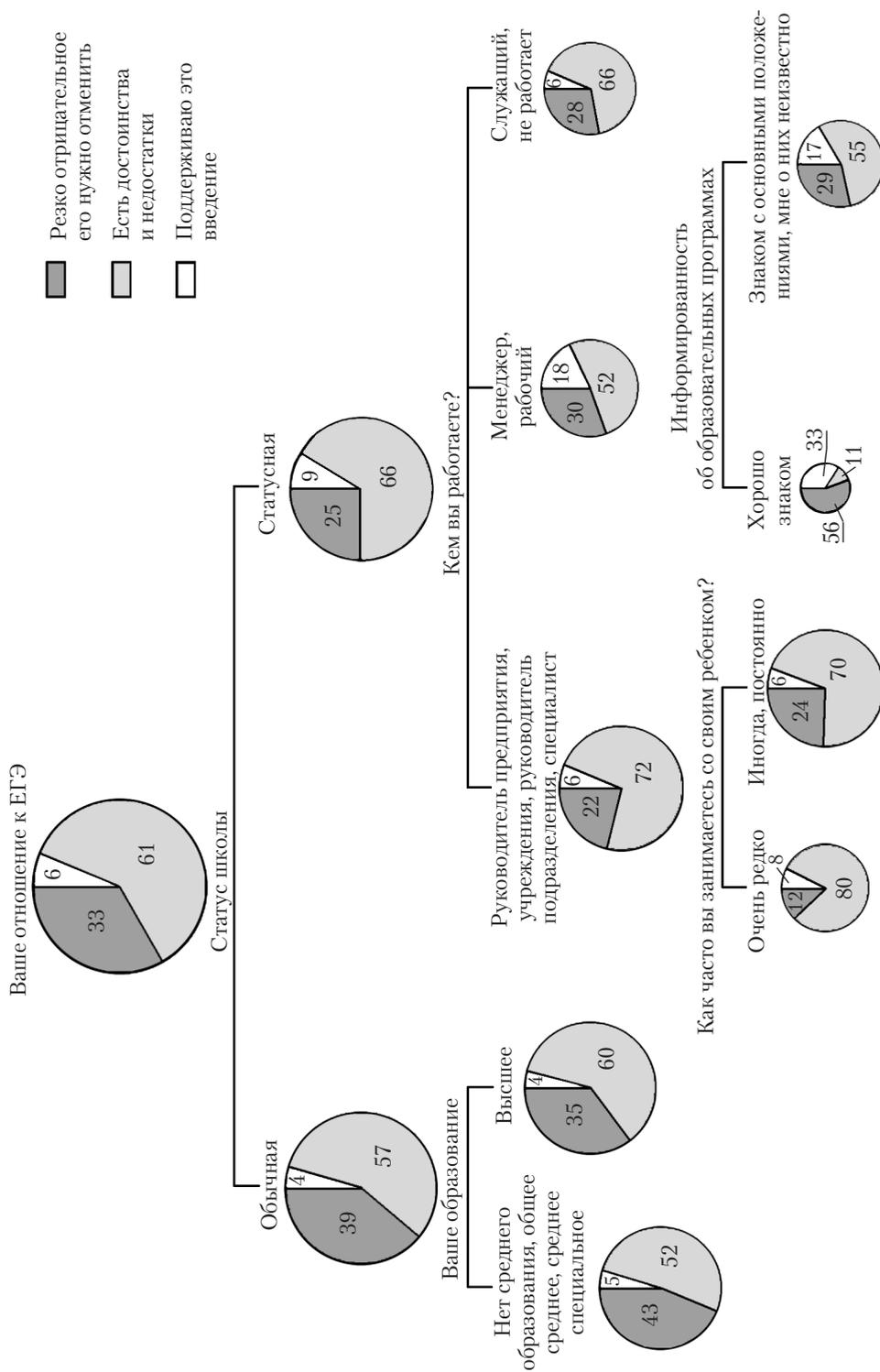


Рис. 2. Дендрограмма классификации групп родителей с разным отношением к ЕГЭ: общий процент правильной классификации – 61,9

отношения к ЕГЭ среди родителей руководящих профессий и интеллектуального труда. В отличие от рабочих руководители и специалисты привыкли к комплексному взгляду на ситуацию и умеют видеть как преимущества, так и недостатки, что формирует их в целом неоднозначное отношение к ЕГЭ.

На третьем шаге дендрограммы в качестве основания классификации родителей статусных школ, имеющих исполнительские должности и рабочие специальности, оказался вопрос об информированности родителей о программах развития образования. Те, кто хорошо знаком с такими программами, в большей степени предпочитают выбор отрицательного ответа в отношении ЕГЭ — 56 %, чем малоинформированные — 29 %. Вероятно, оценка об информированности родителей о программах развития образования, которую они дают себе, завышена, а собираемая ими информация о ЕГЭ однобокая, полученная не из первоисточников, а из СМИ. В свою очередь, для малоинформированных родителей сильнее выражены неоднозначные позиции — 55 %, чем для хорошо информированных — 11 % (рис. 2).

Группа родителей статусных школ, занимающих руководящие должности, разделилась на третьем шаге дендрограммы по основанию, связанному с вопросом о том, как часто родители уделяют время своему ребенку. Группа родителей, которая призналась в том, что редко уделяет время своему ребенку, была малочисленной и предпочитала неоднозначное отношение к ЕГЭ — 80 %. Группа родителей, которая уделяет время своему ребенку постоянно или иногда, более критично настроена в отношении к ЕГЭ, чем предыдущая группа (за — 6 %, против — 24 %) (рис. 2). Вероятно, эти родители видят, какой стресс вызывает у детей различного рода экзамены и контрольные мероприятия, и их отношение к ЕГЭ несколько хуже (выше доля отрицательных оценок).

Проведенное исследование по изучению отношения родителей к ЕГЭ показало неоднородность мнения по оценке самого экзамена и его положительного и отрицательного эффекта на образовательные процессы и учебную деятельность. Преобладающей точкой зрения является оценка ЕГЭ, сочетающая его положительные и отрицательные стороны (60,7 % от числа ответивших), отрицательная оценка преобладает над положительной (33,0 и 6,3 % соответственно). Можно заключить, что преобладание неоднозначного мнения о ЕГЭ вполне справедливо, так как не может быть столь сложная и социально значимая процедура идеальной. Основным недостатком ЕГЭ родители считают нервное напряжение детей при подготовке и особенно при прохождении экзамена. Это напряжение усиливается созданными мерами контроля за процедурой ЕГЭ, необходимыми для соблюдения правил, дисциплины и порядка его проведения. Одна из задач, поставленных при введении ЕГЭ, — уменьшить психологическое напряжение при прохождении выпускных школьных и вступительных в вуз экзаменов за счет их совмещения. Хотя такое совмещение произошло, психологическое напряжение не уменьшилось, а скорее возросло. Основное преимущество ЕГЭ родители видят в упрощении процесса подачи документов в вуз, особенно если выпускник живет в другом регионе. Такая задача ставилась перед ЕГЭ изначально, и можно констатировать, что она достигается.

Неоднородность мнений о ЕГЭ среди родителей связана с тем, в какой школе обучаются их дети (статусной или обычной), какое у них образование, какую должность они занимают, насколько они информированы о программах развития образования и сколько времени они уделяют своим детям. Лояльность родителей к ЕГЭ выше, если их дети учатся в статусной школе, если они имеют среднее специальное или высшее образование, занимают руководящую должность или должность специалиста, занимаются интеллектуальным трудом, хорошо информированы о программах развития образования и постоянно уделяют внимание своим детям. Фактом является постоянное совершенствование содержания и порядка проведения ЕГЭ, — осведомленность об этом у родителей невысокая, а средства массовой информации о таких позитивных изменениях не сообщают, по-прежнему находясь в плену критики ЕГЭ. Смена акцентов в информировании родителей и общественности о Государственной итоговой аттестации учащихся с критической на позитивную могла бы сыграть важную роль в изменении отношения к ЕГЭ.

1. Берзин Б. Ю., Мальцев А. В., Панченко П. Б., Садкина Т. М., Сыманюк Э. Э., Шкурин Д. В., Щипанова И. А. Эффективность школы — позиция родителей // Педагогическое образование в России. 2018. № 4. С. 49–54.

2. Большинство россиян недовольны ЕГЭ. Левада-центр. 06.06.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2017/06/06/bolshinstvo-rossiyan-nedovolny-ege/> (дата обращения: 01.06.2018).

3. ВЦИОМ, 2017. ЕГЭ и школьное образование [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/13464> (дата обращения: 01.06.2018).

4. ЕГЭ окончательно разочаровал россиян. Левада-центр. 03.06.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2015/06/03/ege-okonchatelno-razocharoval-rossiyan/> (дата обращения: 01.06.2018).

5. ЕГЭ и школьное образование. ФОМ. 05.06.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/13464> (дата обращения: 01.06.2018).

6. Мальцев А. В., Берзин А. Б. Единый государственный экзамен: взгляд изнутри // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] : материалы V Всерос. социол. конгр. / отв. ред. В. А. Мансуров. М., 2016. С. 6624–6630 (DVD ROM).

7. О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об образовании» и Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в части проведения единого государственного экзамена: Федеральный закон от 09.02.2007 г № 17-ФЗ (в ред. от 1 декабря 2007 г.). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2015 г.). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об утверждении Порядка приема в государственные образовательные учреждения высшего профессионального образования (высшие учебные заведения) Российской Федерации, учрежденные федеральными органами исполнительной власти (с изменениями на 9 февраля 2004 года). Приказ Министерства образования Российской Федерации от 14 января 2003 года № 50 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901850783> (дата обращения: 01.06.2018).

10. Письмо Рособнадзора от 27.12.2017 № 10-870 «О направлении методических документов, рекомендуемых к использованию при организации и проведении ГИА по образовательным программам основного общего и среднего общего образования в 2018 году» [Электронный ресурс]. URL: <http://rulaws.ru/acts/Pismo-Rosobrnadzora-ot-27.12.2017-N-10-870> (дата обращения: 01.06.2018).
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»» [Электронный ресурс]. URL: <http://rulaws.ru/goverment/Postanovlenie-Pravitelstva-RF-ot-26.12.2017-N-1642/> (дата обращения: 01.06.2018).
12. Приказ Минобрнауки России от 26.12.2013 № 1400 (ред. от 09.01.2017) «Об утверждении порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования» (зарегистрировано в Минюсте России 03.02.2014 № 31205) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158656/ (дата обращения: 01.06.2018).
13. Приказ Минобрнауки России от 14.10.2015 № 1147 «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» (в ред. Приказов Минобрнауки России от 30.11.2015 № 1387, от 30.03.2016 № 333, от 29.07.2016 № 921, от 31.07.2017 № 715) [Электронный ресурс]. URL: http://ege.edu.ru/ru/main/legal-documents/education/index.php?id_4=21637 (дата обращения: 01.06.2018).
14. Система образования и ЕГЭ. Левада-центр 21.06.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2016/06/21/sistema-obrazovaniya-i-ege/> (дата обращения: 01.06.2018).

Рукопись поступила в редакцию 6 июня 2018 г.

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 330:327.2 + 355.1

Н. А. Комлева

СПЕЦИФИКА СИЛОВОЙ КОМПОНЕНТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОРПОРАЦИЙ

В статье впервые в русскоязычной научной литературе исследуется силовая компонента функционирования глобальных и транснациональных экономических корпораций (ГК/ТНК). Проблема изучается в рамках методологии геополитического реализма. Автор полагает, что силовая компонента функционирования ГК/ТНК в настоящее время состоит из трех основных элементов: частные военные компании, подразделения регулярной армии определенного государства (государств), незаконные вооруженные формирования. Основные задачи перечисленных структур состоят в следующем: 1) вооруженная борьба со структурами, представляющими интересы противостоящих ГК/ТНК; 2) плотный и постоянный вооруженный контроль завоеванной территории с ее ресурсами, которые разрабатываются соответствующими ГК/ТНК; 3) создание постоянной военной угрозы для ГК/ТНК, зарящихся на те же ресурсы и то же самое пространство, с целью предупредить или затруднить их экспансию.

К л ю ч е в ы е с л о в а: экономическая корпорация, глобальная корпорация, транснациональная корпорация, регулярная армия, частная военная компания, незаконное вооруженное формирование.

Современный период развития геополитических процессов характеризуется изменением качества и соответственно иерархии геополитических акторов.

До 1991 г. геополитическая борьба во многом определялась идеологическими различиями двух межгосударственных систем — социалистической и капиталистической. Исчезновение коммунистической идеологии как активного фактора геополитического процесса в значительной степени снизило глобальную роль государства как геополитического актора, поскольку идеологическая борьба направляется в основном государственными структурами. На первое место в геополитических баталиях вышла экономика, которой эффективнее занимаются транснациональные и глобальные корпорации, чем государство. Сведение этатристической экономики стран социализма к ничтожному минимуму (КНДР, Куба) сделало либеральную рыночную экономику глобальным абсолютom. Процесс

превращения глобальных экономических корпораций в основной геополитический актор современности резко активизировался в период 90-х гг. прошлого века и завершился в течение 2000-х.

Финансовая мощь современной глобальной корпорации практически сравнялась с потенциалом крупного государства. Это обстоятельство дает исключительные возможности для экспансии ГК/ТНК во всех геополитических пространствах. Так, iPhone, самая дорогая компания в мире, в 2017 г. имела капитализацию €713,8 млрд, или 849,322 млрд долл. [11], что соответствовало бюджету такой страны, как Италия (884,4 млрд долл.) и более чем втрое превосходило бюджет России (253,9 млрд долл.) [2]. Капитализация нефтедобывающей Exxon Mobile в том же году составляла €293,9 млрд, или чуть более 349 млрд долл. [11], что на 100 млрд. долл. превосходило бюджет Индии (248,7 млрд долл.) и вдесятеро — бюджет Казахстана (34,13 млрд долл.) [Там же].

Однако наличия одного лишь финансового фактора мало. Для осуществления масштабной экономической экспансии, особенно экспансии глобального уровня, нужен фактор организационный, с необходимостью включающий силовую компоненту в случае корпораций, действующих в том числе и в географическом пространстве (корпорации добывающих отраслей производства).

Рассмотрим три основных типа структур, составляющих костяк силовой компоненты глобальных и транснациональных корпораций, в хронологической последовательности их возникновения и применения в качестве «поддерживающей силы».

1. *Частные военные компании, или частные военные корпорации (ЧВК)*. Это: 1) официально зарегистрированные, платящие налоги бизнес-структуры, род деятельности которых применительно к ГК и ТНК — охрана месторождений, трубопроводов и иных важных коммуникаций, ведение боевых действий для захвата или защиты территории, где находятся данные месторождения и/или трубопроводы; 2) структурные подразделения самих ГК/ТНК.

В качестве «поддерживающей силы» ЧВК действуют с конца 1960 гг. [8, 9].

Так, структурным подразделением Northrop Grumman в первой половине 1970-х гг. являлась компания Vinnell Corp., в 1974 г. по контракту с Саудовской Аравией осуществлявшая защиту нефтяных разработок в этой стране [3]. В настоящее время крупная корпорация Marsh & McLennan Cos, официально занимающаяся венчурными операциями и поддержкой человеческого капитала, имеет в своем составе ЧВК Kroll [Там же].

Самостоятельной бизнес-структурой, специализирующейся на военных операциях, была южноафриканская ЧВК Executive Outcomes (действовала в 1989–1999 гг.), возникшая при поддержке британской МИ-6 и сил специальных операций Великобритании SAS. Компания обеспечивала защиту интересов американской нефтяной корпорации Ranger Oil в Анголе. Ranger Oil была вынуждена приостановить добычу нефти в провинции Сою из-за активных боевых действий прокоммунистической группировки УНИТА. С помощью Executive Outcomes подразделениям УНИТА было нанесено решающее поражение, а район Сою освобожден для деятельности Ranger Oil и других западных нефтяных

компаний [8, 16–20]. Схожим образом Executive Outcomes также сотрудничала с такими компаниями, как De Beers, Chevron, JFPI Corporation, Rio Tinto Zinc, Техасо [Там же, 23].

Это отнюдь не единичный пример [Там же, 26–53].

«Современные транснациональные корпорации, располагающие сотнями миллиардов долларов, нуждаются в защите своих интересов ничуть не меньше чем государства. Включение в эти процессы регулярной армии — процесс долгий и сложный, иногда не совсем оправданный в военно-политических последствиях, а затраты на поддержание лояльности бюрократического аппарата сравнимы с расходами на содержание собственной службы безопасности. Именно поэтому корпорации предпочитают неповоротливым армиям отряды оперативного реагирования частных военизированных компаний. Впрочем, еще более важным является то, что через эти компании можно без контроля американского налогового ведомства получать доходы с заведомо завышенными ценами на услуги» [3].

Предшественниками ЧВК были частные армии, входившие в структуру крупных экономических корпораций позднего Средневековья и Нового времени вплоть до конца XIX в. Так, Британская Ост-Индская компания (1600–1874), как и Британская Левантийская компания (1581–1753), имела собственные воинские контингенты, выполнявшие при случае и специфические задания правительства Великобритании. Например, военное подразделение этой экономической империи охраняло Наполеона на острове Святой Елены. Содержалась частная армия компании на средства завоеванных ею же государств Индостанского полуострова: эти государства «добровольно-принудительно» передавали компании ведение своих иностранных дел и обязывались выплачивать «субсидию» на содержание армии компании. В случае невыплат территория аннексировалась войсками компании. Кроме сухопутных войск компания имела и свой флот, называвшийся последовательно «Флотилия Ост-Индской компании», «Индийский флот Ее Величества», «Индская флотилия», «Бомбейская флотилия», «Индийская флотилия Ее Величества» и «Королевская Индийская флотилия». Флот компании стал предшественником Королевского Индийского флота. Собственный флот был и у Левантийской компании. Вооруженные силы Британии подключались к защите интересов Британской Ост-Индской компании в ее противостоянии с Французской Ост-Индской компанией, поддержанной военными подразделениями Франции (1799), а также при подавлении восстания сипаев (1857) (подробнее см.: [22]). В той или иной форме собственные воинские контингенты имели Французская (1664–1769) и Голландская (1602–1798) Ост-Индские компании.

Таким образом, ЧВК и их взаимоотношения с крупными экономическими корпорациями имеют длительную историю, имеющую вполне реальную перспективу продолжения и в будущем.

2. Регулярные армии. В ряде случаев юридически входят в структуру определенного государства, но фактически выполняют задачу силовой поддержки экспансии ГК/ТНК, чей головной офис базируется в данном государстве. Так, Сирийский конфликт в значительной степени является борьбой европейских и американских ГК/ТНК, с одной стороны, и российских ТНК — с другой, а применение армейских

контингентов соответствующих государств выражает лишь вовлеченность данных контингентов в борьбу экономических корпораций. Большая часть западных компаний оставила Сирию в 2005–2011 гг., в основном из-за десяти пакетов санкций, последовательно введенных Евросоюзом из-за нарушений прав человека в Сирии. В нефтегазовой сфере — Pecten, дочернее предприятие британско-нидерландской Royal Dutch Shell, американские Marathon и Devon Energy, Shell-LF-Total (совместное предприятие британско-нидерландской Royal Dutch Shell и французской Total), а также Petro-Canada. На освободившиеся места в Сирию в 2005–2010 гг. пришли несколько российских компаний: ПАО «Газпром» (через свои структуры «Стройтрансгаз» и «Газпромнефть»), ЗАО «Союзнефтегаз», «Татнефть», «Трубная металлургическая компания». В апреле 2016 г. президент Б. Асад предложил ряду российских компаний участвовать в восстановлении нефтегазовой отрасли, почти полностью разрушенной войной. Предложения получили «Зарубежнефть», «Газпромнефть» (вновь) и ЛУКОЙЛ [15].

Соответственно основные локусы вооруженной борьбы в Сирии — это места реализации основных бизнес-проектов указанных российских компаний: Пальмира, Латакия, Алеппо, Хомс и Дамаск [14]. В вооруженную борьбу, главной целью которой объявлено противодействие террористическому Исламскому государству (подробнее об ИГ см. [6]), непосредственно включаются Воздушно-космические силы России (с сентября 2015 г.), а также военно-воздушные и военно-морские подразделения США, Великобритании и Франции (в явной форме — с апреля 2018 г.) — государств, где базируются головные офисы вышеназванных ГК/ТНК. Вовлечены и ЧВК соответствующих корпораций и стран (об этом, в частности, см. [10, 23, 24]).

В Ираке по итогам войны коалиции западных стран с Саддамом Хусейном «одна только американская корпорация Halliburton получила контракт на тушение горящих нефтяных скважин и восстановление нефтедобычи в Ираке в размере 7 млрд долларов США (после этого было еще несколько подобных контрактов). А каких размеров достигла здесь прибыль американских нефтяных компаний, если учесть, что Ирак — вторая по запасам нефти страна в мире, а США с сателлитами контролируют сегодня до 80 % месторождений этой страны?» [9]. В Ираке работают американские Exxon Mobil Corporation (через свою «дочку» Exxon Mobil Iraq) и Occidental Petroleum, британско-нидерландская Royal Dutch Shell, британская Premier Oil, итальянская ENI, французская Total [7]. Кроме того, были еще контракты западных компаний на восстановление разрушенного войной жилого и производственного сектора, на возрождение банковской системы, на поставки вооружений для «новой иракской армии» [Там же]. Необходимо при этом отметить, что в Ираке представлены экономические корпорации из РФ, Китая, Малайзии, однако совокупные объемы контрактов западных компаний превосходят объемы контрактов, заключенных российскими, китайскими и малайзийскими компаниями с правительством Ирака.

В Ливии работали на условиях контрактов с государством практически те же корпорации, что и в Ираке («итальянская ENI, немецкая Wintershall, французские Total и GDF Suez, американские Conoco Phillips, Hess, Occidental, Marathon,

австрийская OMV, испанская Repsol-YPF, канадская Suncor, британско-нидерландская RoyalDutchShell, норвежская Statoil, австралийская Woodside Petroleum, российский Газпром» [17]), но в условиях непрерывной гражданской войны, осложненной внешним вторжением (бомбардировки и ракетные удары по Ливии со стороны коалиции западных государств в 2011 г.), ни одна компания, западная или восточная, не может в полной мере реализовать свои экономические выгоды, и все они фактически ушли из страны. Тем не менее в Ливии «следует ожидать изменения экономического курса нового правительства по примеру Бахрейна, т. е. в пользу западных корпораций и инвесторов. В этом смысле действия Совета безопасности ООН и санкционированная им военная операция уже сами по себе могут рассматриваться как вложения в будущую экономическую благонадежность Ливии» [4].

3. *Незаконные вооруженные формирования (НВФ)*. Формирование и поддержка экстремистских движений и организаций с последующим их применением в качестве «неофициальных» комбатантов региональных конфликтов были впервые осуществлены Западом и его ближневосточными союзниками в ходе Афганского кризиса 1979–1989 гг. С тех пор этот важный фактор наличествует в локальных войнах постоянно и лишь изменяет форму применительно к конкретным обстоятельствам.

Наиболее ярким примером НВФ, использующегося в интересах добывающих ГК/ГНК Запада, является армия так называемого Исламского государства. Боевые структуры ИГ специфичны сравнительно с радикальными структурами локальных войн рубежа XX–XXI вв.: афганскими моджахедами, бойцами Аль-Каиды, Армии освобождения Косова и праворадикальных украинских формирований. По нашему мнению, боевые структуры ИГ представляют собой армию нового типа, которую с полным правом можно назвать регулярной армией иррегулярного теократического государства¹. «Регулярная армия – постоянная армия (вооруженные силы), имеющая установленные организацию, систему комплектования, порядок прохождения военной службы, обучения и воспитания личного состава, типовое вооружение и форму одежды военнослужащих, а также централизованную систему управления и обеспечения материально-техническими средствами» [13]. Указанные особенности, насколько можно судить, присущи и вооруженным структурам ИГ [6]. В «классическом» государстве армия является структурным элементом исполнительной ветви власти. В современном ИГ, по нашему мнению, напротив, государство (в той специфической форме, в которой оно на данный момент существует) представляет собой приданную структуру армии и используется для обеспечения армии финансами, кадрами и вооружениями, а также для организации тыла.

¹ Автор называет ИГ иррегулярным государством, поскольку площадь и границы его территории, состав и некоторые функции его органов власти и управления изменяются в соответствии с изменением локусов военных действий и интенсивности боестолкновений. В то же время ИГ является именно государством, поскольку имеет такие базовые признаки государства, как наличие «публичной власти», а также исключительное право издания законов и сбора налогов на контролируемой им территории.

Армия ИГ состоит исключительно из сухопутных формирований, в составе которых находятся такие специфические подразделения, как смертники-подрывники на так называемых «шахид-мобилях» [19] и «шахид-танках» [18]. Финансирование армии ИГ отличается от финансирования радикальных структур прежних локальных войн: это уже не только спонсорская помощь, но главным образом собственные источники получения средств: налоги с населения захваченных территорий, таможенные сборы при пересечении границ ИГ, экспорт продукции сельского хозяйства, добывающей и обрабатывающей промышленности [6, 54–81]. Имеются и нелегальные источники доходов казны ИГ. Это торговля человеческими органами [16], людьми [20] и артефактами древних цивилизаций Междуречья [12]. Ранее радикальные структуры, использовавшиеся в качестве комбатантов локальных войн, жили преимущественно за счет спонсорской помощи. Так, Армия освобождения Косова (Югославский кризис) финансировалась преимущественно странами НАТО [21]. Армия ИГ также имеет спонсорскую составляющую своего финансирования, но она не является преобладающей. Специфической формой спонсорской помощи ИГ является обильное присутствие в армии ИГ не только военных советников, но и бойцов частных военных компаний (о спонсорах ИГ см. [25, 1, 23, 10, 5]). Армия Исламского государства — основной комбатант войны за возвращение бизнеса западных ГК/ТНК в Ирак, Ливию и Сирию.

Таким образом, «поддерживающая сила», или силовая компонента функционирования ГК/ТНК, в настоящее время состоит из трех основных элементов: частные военные компании, подразделения регулярной армии определенного государства (государств), незаконные вооруженные формирования. Основные задачи перечисленных структур на службе экономических корпораций состоят в следующем: 1) вооруженная борьба со структурами, представляющими интересы противостоящих ГК/ТНК; 2) плотный и постоянный вооруженный контроль завоеванной территории с ее ресурсами, которые разрабатываются соответствующими ГК/ТНК; 3) создание постоянной военной угрозы для ГК/ТНК, зарящихся на те же ресурсы и то же самое пространство, с целью предупредить или затруднить их экспансию.

1. *Братерский А., Матвеева П.* Террористические миллионы. Кто финансирует группировку «Исламское государство» [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2014/10/29_a_6281277.shtml (дата обращения: 10.05.2018).

2. Бюджеты стран мира [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yestravel.ru/world/economy/budget/> (дата обращения: 31.05.2018).

3. *Валецкий О. В.* ЧВК, их создание, развитие и опыт работы в Ираке и других регионах мира [Электронный ресурс]. URL: http://artofwar.ru/w/waleckij_o_w/chvk.shtml (дата обращения: 31.05.2018).

4. *Гованс С.* На защите интересов западных корпораций и инвесторов. Почему Запад идет на военное вмешательство с целью замещения одних арабских правительств другими [Электронный ресурс]. URL: <http://left.ru/2011/3/gowans205.phtml> (дата обращения: 29.05.2018).

5. *Домогадский В.* Главный спонсор террористических группировок в Сирии не США [Электронный ресурс]. URL: http://www.discred.ru/news/glavnyj_sponsor_terroristicheskikh_gruppirovok_v_sirii_ne_ssha/2015-10-30-16575 (дата обращения: 10.05.2018).

6. ИГИЛ как угроза международной безопасности : моногр. / коллектив авт. ; под ред. А. В. Глазовой ; Рос. ин-т стратег. исслед. М., 2015.
7. Иностранные нефтяные компании в Ираке: досье [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/info/1274000> (дата обращения: 29.05.2018).
8. Коновалов И. П., Валецкий О. В. Эволюция частных военных компаний. Пушкино, 2013.
9. Лепехин В. США не государство, а мировой правящий бизнес-класс [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/analytics/20151026/1308440014.html> (дата обращения: 29.05.2018).
10. Мардасов А. В Сирии появились «шпионы по найму». Какие задачи в САР выполняют американские ЧВК, наемники и добровольцы [Электронный ресурс]. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/154131/> (дата обращения: 10.05.2018).
11. Мировые лидеры рыночной капитализации-2017: рейтинг компаний [Электронный ресурс]. URL: <https://offshoreview.eu/2018/01/10/mirovyie-lideryi-ryinochnoy-kapitalizatsii-2017-reyting-kompaniy/> (дата обращения: 10.05.2018).
12. Наследие Вавилона: руками боевиков ИГ Запад грабит Сирию и Ирак [Электронный ресурс]. URL: <https://riafan.ru/514555-nasledie-vavilona-rukami-boevikov-ig-zapad-grabit-siryu-i-irak> (дата обращения: 16.05.2018).
13. Регулярная армия. Определение [Электронный ресурс]. URL: http://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/9619/%D0%A0%D0%95%D0%93%D0%A3%D0%9B%D0%AF%D0%A0%D0%9D%D0%90%D0%AF_%D0%90%D0%A0%D0%9C%D0%98%D0%AF (дата обращения: 10.05.2018).
14. Российские нефтяные компании могут быть привлечены к восстановлению ТЭК в Сирии [Электронный ресурс]. URL: https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/410874/rossiiskie_nieftnyie_kompanii_moghut_byt_privlechii_k_vosstanovleniiu_tek_v_sirii (дата обращения: 02.05.2018).
15. Российские нефтяные компании начинают бурение в Сирии [Электронный ресурс]. URL: <http://arafnews.ru/news/rossijskie-neftjanye-kompanii-nachinajut-burenie-v-sirii.html> (дата обращения: 02.05.2018).
16. Сенкович В. Свержение Каддафи и перспективы иностранных энергетических компаний в Ливии [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sverzhenie-kaddafi-i-perspektivy-inostrannykh-energeticheskikh-kompaniy-v-lyvii/> (дата обращения: 29.05.2018).
17. Сидоркова И. «Танки-шахиды» без кондиционеров. На какой бронетехнике воюют в Сирии исламисты и правительство [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2016/09/11/10188101.shtml> (дата обращения: 10.05.2018).
18. Тойоты и шахид-мобили: на чем ездят противники России в Сирии [Электронный ресурс]. URL: <http://geo-politica.info/toyoty-i-shakhid-mobili-na-chem-ezdyat-protivniki-rossii-v-sirii.html> (дата обращения: 10.05.2018).
19. Торговля людьми. Рабы джихада [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2015/08/06/ig-site.html> (дата обращения: 16.05.2018).
20. Филимонова А. «Независимое Косово»: патологический криминал глобального уровня [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/18312-nezavisimoe-kosovo-patologicheskij-kriminal-globalnogo-urovnya.html> (дата обращения: 12.05.2018).
21. Фурсов К. А. Держава-купец: отношения английской Ост-Индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М., 2006.
22. Цатурия С. Судьба мусульманского мира решится в Сирии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iarex.ru/articles/52619.html> (дата обращения: 10.05.2018).
23. ЧВК «Вагнер» все-таки навалила американцам в Сирии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iarex.ru/news/56811.html> (дата обращения: 10.05.2018).
24. Эрдоган заявил, что имеет доказательства поддержки ИГ коалицией во главе с США [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3911284> (дата обращения: 12.05.2018).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.7 + 339.9 + 316.4.063

С. А. Васильева

ЕАЭС И ТЮРКСКИЙ СОВЕТ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматривается проблема столкновения интересов двух интеграционных образований на постсоветском пространстве. Тюркский совет, в состав которого входят и два государства — члена ЕАЭС, имеет широкую сферу интересов в регионе — от укрепления культурных и экономических связей между тюркскими государствами до политической интеграции в перспективе. Автор рассматривает историю возникновения Тюркского совета, его уставные цели и современные направления деятельности. Исходя из этого выявляются точки соприкосновения интересов обеих организаций, а также формулируется ряд сценариев развития отношений ЕАЭС и Тюркского совета с учетом как экономических интересов и положения их государств-членов, так и политической конъюнктуры, детерминирующих их деятельность на мировой арене.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ЕАЭС, Тюркский совет, интеграция, постсоветское пространство.

Одной из тенденций современных международных отношений являются интеграционные процессы разных уровней — от глобального взаимодействия до создания небольших по количеству участников и пространству объединений. Особенно востребованной на протяжении многих десятилетий продолжает оставаться региональная интеграция, основывающаяся как на приграничном сотрудничестве, так и на других формах взаимодействия государств. Многие государства состоят одновременно в нескольких региональных организациях, которые могут как отличаться сферами своей деятельности, так и дублировать их, конкурируя друг с другом по ряду вопросов.

Одним из примеров региона с высоким уровнем интеграционной активности является Евразия в целом и постсоветское пространство в частности. Например, вокруг Центральной Азии расположен целый ряд государств, выступающих в качестве действующих или потенциальных интеграционных центров в различных региональных организациях: Россия, Китай, Турция, Иран. В данной статье речь пойдет о двух региональных организациях, которые могут стать как партнерами, так и соперниками при реализации своих уставных целей, — Евразийском

экономическом союзе (ЕАЭС) и Совете сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркском совете, ССТГ).

В отечественной научной литературе вопросам евразийской интеграции уделяется значительное внимание, однако история создания Тюркского совета и его деятельность практически не рассматриваются. В связи с этим, прежде чем перейти к рассмотрению точек соприкосновения организаций и перспектив их взаимодействия, необходимо остановиться на более подробной характеристике Совета сотрудничества тюркоязычных государств.

Тюркский совет: история создания и современная ситуация

Сама идея активизировать тюркское взаимодействие возникла после образования новых независимых государств на территории бывшего СССР. С 1992 г. проводились саммиты глав тюркоязычных государств, на которых обсуждались вопросы сотрудничества и интеграции в рамках так называемого «тюркского мира». В саммитах принимали участие главы Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Турции и Узбекистана. Всего с 1992 по 2010 г. прошло 10 саммитов.

Встречи на высшем уровне превращались не только в дискуссионные площадки, но и способствовали появлению различных организаций, призванных всесторонне способствовать тюркской интеграции: Объединенной администрации тюркских искусств и языков (основана в 1992 г.), Парламентской ассамблеи тюркоязычных государств (2008). Кроме того, в связи с необходимостью осуществления координационной и организационной работы, а также контроля за исполнением принятых на саммитах решений в 1996 г. на встрече в Ташкенте было объявлено о формировании постоянно действующего Секретариата. На следующих встречах глав тюркских государств в 1998 и 2000 гг. работа в этом направлении была продолжена, однако низкий уровень заинтересованности Узбекистана в развитии тюркского сотрудничества и несогласие Туркменистана с некоторыми целями работы организации привели к тому, что Секретариат так и не был окончательно сформирован.

В 2009 г. на саммите в Нахичевани было подписано Соглашение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств [11], или Тюркского совета. Однако в силу данное соглашение вступило только в ноябре 2010 г., а потому первым официальным саммитом Тюркского совета стала встреча лидеров в Алматы в 2011 г., а не Стамбульский саммит, состоявшийся в июле 2010 г. Членами Тюркского совета стали только четыре тюркских государства: Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Турция. 30 апреля 2018 г. Узбекистан, который до этого принимал неформальное участие в саммитах глав государств Тюркского совета, официально вступил в организацию.

Алматинский саммит был преимущественно посвящен вопросу укрепления экономического сотрудничества. Кроме того, здесь была окончательно согласована деятельность Секретариата совета, расположившегося в Стамбуле, и Совета старейшин тюркоязычных государств [7]. Бишкекский саммит 2012 г. был посвящен

образовательному, научному и культурному сотрудничеству [12]. Также главами государств были подписаны соглашения об основании Тюркской академии в Астане и Фонда тюркской культуры и наследия. Главными темами следующих саммитов стали: «Транспорт и связь» (Габала, Азербайджан, 2013) [9], «Сотрудничество в сфере туризма» (Бодрум, Турция, 2014) [8], «Сотрудничество в сфере средств массовой коммуникации и информации» (Астана, Казахстан, 2015) [6]. Шестой саммит, проведение которого было запланировано в Кыргызстане в 2016 г., был перенесен на неопределенный срок по инициативе киргизской стороны.

Начиная с 2014 г. в саммитах Тюркского совета принимают участие представители Туркменистана (в том числе президент Гурбангулы Бердымухамедов). Кроме того, генеральный секретарь Совета сотрудничества тюркоязычных государств Камиль Хасанов (в должности с 2014 г.) неоднократно подчеркивал заинтересованность в установлении тесных контактов не только с Узбекистаном, но и с Венгрией и тюркскими регионами России. Также в 2014 г. было объявлено о начале процедуры вступления Туркменистана в Тюркский совет, однако в настоящее время процесс еще не завершен.

В результате укрепления тюркского сотрудничества в регионе возник ряд международных организаций, которые оказались тем или иным образом встроены в структуру Тюркского совета. Таким образом, Тюркский совет состоит из собственных подразделений и аффилированных структур. К собственным органам Тюркского совета относятся Совет глав государств, Совет министров иностранных дел, Комитет старших должностных лиц, Совет старейшин и Секретариат. Аффилированными организациями являются Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), основанная в 1993 г., Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТЮРКПА), основанная в 2008 г., а также Тюркский деловой совет, Тюркская академия и Фонд тюркской культуры и наследия. Встречи глав государств и министров иностранных дел проходят ежегодно¹. Председателем организации является государство, принимающее саммит глав государств. Председательство страны отсчитывается с даты начала саммита, поэтому, например, срок руководства Казахстана в организации составляет около трех лет (с момента проведения последнего саммита в Астане в 2015 г.).

Цели и задачи Совета сотрудничества тюркоязычных стран прописаны в Нахичеванском соглашении.

Основными целями и задачами ССТГ являются [11]:

- укрепление между сторонами взаимного доверия, дружбы и добрососедства;
- поддержание мира и укрепление безопасности и доверия в регионе и мире в целом;
- поиск общих точек зрения по внешнеполитическим вопросам, представляющим общий интерес, в том числе в рамках международных организаций и на международных форумах;

¹ Следует уточнить, что последний саммит глав государств — членов Тюркского совета состоялся в 2015 г., после чего неоднократно переносился по инициативе принимающей стороны. В некоторых источниках появлялась информация о планируемом саммите в марте 2018 г., однако саммит так и не был проведен.

— координация действий в борьбе с международным терроризмом и сепаратизмом, экстремизмом, торговлей людьми, наркобизнесом, а также содействие международной политике по контролю за незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ;

— поощрение эффективного регионального и двустороннего сотрудничества в политической, торгово-экономической, правоохранительной, природоохранной, культурной, научно-технической, военно-технической, образовательной, энергетической, транспортной, кредитно-финансовой и других областях, представляющих общий интерес;

— создание благоприятных условий для торговли и инвестиций, дальнейшее упрощение таможенных и транзитных процедур в целях постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий и упрощения финансовых и банковских операций;

— стремление к всестороннему и сбалансированному экономическому росту, социальному и культурному развитию в регионе посредством совместных действий на основе равноправного партнерства в целях неуклонного повышения уровня и улучшения условий жизни народов сторон;

— обсуждение вопросов по обеспечению верховенства закона, эффективного управления и гарантий прав и основных свобод человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права;

— расширение взаимодействия в области науки и техники, образования, здравоохранения, культуры, молодежи, спорта и туризма, популяризации великого культурно-исторического наследия тюркских народов;

— поощрение взаимодействия между средствами массовой информации и связей между сторонами в пропаганде, популяризации и распространении великого культурно-исторического наследия тюркских народов;

— обсуждение вопросов обмена правовой информацией в интересах развития взаимодействия, оказания взаимной правовой помощи и сотрудничества в различных сферах правовых отношений.

Анализируя заявленные цели, следует отметить, что в первую очередь деятельность Тюркского совета направлена на обеспечение безопасности в регионе и укрепление культурно-экономического сотрудничества. В документе отсутствуют какие-либо прямые или косвенные заявления, касающиеся интеграционных перспектив тюркских государств в какой-либо из сфер взаимодействия.

Реализуя поставленные задачи, Тюркский совет осуществляет работу в нескольких направлениях.

Главным механизмом политического сотрудничества тюркских стран является ежегодный саммит глав государств. Кроме того, государства активно взаимодействуют в рамках других международных организаций, согласуя свои позиции по различным вопросам международной повестки дня и поддерживая своих кандидатов на выборные должности. Каждая из деклараций, принятых по итогам саммитов глав государств, содержит согласованное мнение по ключевым текущим проблемам международных отношений. Например, в Декларации первого саммита в 2011 г. были представлены единые позиции государств по ситуации

в Ираке, Афганистане, Турецкой Республике Северного Кипра, а в декларации пятого саммита в 2015 г. затронуты проблемы крымских татар и армяно-азербайджанский конфликт.

Сферы пересечения интересов Тюркского совета и ЕАЭС

Рассматривая взаимодействие ЕАЭС и Тюркского совета, следует отметить, что особую роль в этом процессе играют отношения двух лидирующих в этих организациях государств — России и Турции. Именно поэтому оценка перспектив взаимодействия организаций будет тесно связана с текущими процессами и кризисами российско-турецких отношений.

Прежде всего, следует отметить, что рассматриваемые организации имеют общих членов (Казахстан и Кыргызстан), а Казахстан выступал инициатором как тюркской, так и евразийской интеграции. Кроме того, в обеих организациях неоднократно упоминали о перспективе увеличения числа участников. Для Турции как лидера тюркской интеграции центральноазиатское направление стало особенно важным после охлаждения отношений с Европой и США. Количество противоречий между Турцией и Европейским союзом непрерывно растет, а шансы на успешную европейскую интеграцию сокращаются. Даже попытка Турции использовать проблему сирийских беженцев для оформления безвизового режима и получения ряда привилегий не реализовалась, принесла с собой только дополнительные проблемы и недовольство сторон друг другом. Таким образом, интеграционные проекты в Большой Евразии стали для Турции наиболее реальной альтернативой бесконечному процессу вступления в ЕС. В этом направлении у Турции есть несколько вариантов участия в интеграционных проектах.

Во-первых, речь идет об усилении тюркской интеграции за счет привлечения новых членов. Переговоры о вступлении в Тюркский совет Туркменистана и Узбекистана ведутся уже не один год. Кроме того, лидеры тюркских государств не раз высказывали свою заинтересованность в активизации сотрудничества с Венгрией и тюркскими регионами России. Так, в 2014 г. Венгрия стала наблюдателем в ТюркПА [1]. Во-вторых, неоднократно поднимался вопрос о возможном вступлении Турции в ШОС в качестве полноправного члена. Например, после в 2016 г. президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган заявил о вступлении в ШОС как альтернативе европейской интеграции. Имея статус партнера по диалогу в ШОС, Турция активно интересуется деятельностью этой организации [10]. Например, в 2017 г. Турция стала председателем Энергетического клуба ШОС. Это был первый случай председательствования государства, не являющегося полноценным членом организации.

Отдельным вопросом стоит членство государств Тюркского совета в различных военно-политических организациях. Турция является членом НАТО, в то время как Казахстан и Кыргызстан входят в ОДКБ. В таких условиях реализация одной из заявленных целей Тюркского совета — сотрудничество в военно-технической сфере — видится довольно проблематичной. Хотя следует отметить, что попытки наладить взаимодействие в этой сфере уже предпринимались: «Так,

в начале 2013 года, по инициативе Турции, были созданы вооруженные силы тюркоязычных государств (ТАКМ), которые объединили воинские соединения Турции, Азербайджана, Киргизии и Монголии... Однако сам факт создания вооруженных сил тюркоязычных государств свидетельствует о том, что амбиции Турции в Центральной Азии растут» [3, 30]. Отдельно отметим отсутствие Казахстана в списке государств, участвующих в этом проекте, что довольно ярко демонстрирует возникновение противоречий при попытке углубления тюркской интеграции в сфере безопасности.

Еще одной сложной темой является создание системы таможенных преференций в рамках Тюркского совета, в то время как два из государств-членов являются членами таможенного союза в ЕАЭС. Страны Тюркского совета проводят встречи в рамках Рабочей группы по таможенному сотрудничеству и Совета руководителей таможенных ведомств, на которых активно обсуждается вопрос снижения таможенных пошлин и упрощения таможенных процедур. На совещании в 2014 г. большое внимание стороны уделили так называемым «проектам Шелкового пути» [13], к которым относят турецкий проект «Караван-сарай» и казахский «Шелковый ветер» (провалившийся в 2016 г.). В совещании Совета руководителей таможенных ведомств в 2015 г. принял участие генеральный секретарь Всемирной таможенной организации Кунио Микурия. Обсуждались темы введения единого окна в таможенных службах, упрощения экспортно-импортных процедур, инноваций [15].

Варианты взаимодействия ЕАЭС и Тюркского совета

С учетом имеющихся точек пересечения в деятельности Тюркского совета и ЕАЭС специалистами был предложен ряд сценариев развития ситуации в этой сфере. По мнению белорусского журналиста Кирилла Озимко, наиболее вероятными являются следующие сценарии [4]: во-первых, вступление Турции и Азербайджана в ЕАЭС и возникновение «интеграции в интеграции» в рамках ЕАЭС, а во-вторых, усиление конкуренции Тюркского совета и ЕАЭС в экономической и политической сферах с последующим распадом Тюркского совета.

По нашему мнению, вариант вступления Турции и Азербайджана в ЕАЭС на данный момент невозможен, прежде всего в силу ряда политических причин. Пока не разрешен армяно-азербайджанский конфликт, любые интеграционные процессы этих государств невозможны. В данном случае более вероятным выглядит вступление Турции в ШОС и укрепление экономического взаимодействия государств в рамках этой организации.

Теоретических предпосылок для конкуренции Тюркского совета и ЕАЭС существует вполне достаточно, однако на практике многих спорных моментов просто не существует: пересечение таможенных договоров, конкуренция в сфере обеспечения безопасности, перспективы тюркской интеграции в политической сфере и т. д. В связи с этим объективных причин для конкуренции между организациями на данный момент нет. Даже более того, признавая потенциальную возможность конкуренции в геополитическом пространстве, ряд киргизских

исследователей отмечает наличие преимуществ во вступлении членов Тюркского совета в Таможенный союз: «Вступление Казахстана, Кыргызстана в Таможенный союз с Беларусью и Россией может иметь положительные последствия для Турции, поскольку турецкие предприниматели, которые инвестируют в экономику Казахстана и Кыргызстана, смогут пользоваться выгодами и плюсами Таможенного союза между Казахстаном, Кыргызстаном, Россией и Беларусью. Хорошие отношения могут быть взаимовыгодным образом использованы всеми сторонами Тюркской интеграции» [2, 165]. Естественно, что данный тезис распространяется и на деятельность ЕАЭС.

Нам кажется наиболее вероятным третий вариант развития ситуации: ЕАЭС и Тюркский совет будут и дальше осуществлять свою деятельность, но произойдет естественная переориентация сфер специализации организаций. Если ЕАЭС будет оставаться преимущественно экономической организацией с отсроченными перспективами политической интеграции, то Тюркский совет полностью сосредоточится на социокультурных проектах, которые будет распространять не только на государства — члены организации, но и на другие тюркские страны и регионы.

Такой подход подтверждается и реальными достижениями Тюркского совета на сегодняшний день. Наибольших успехов в совместной деятельности тюркские государства добились в сфере культуры и образования. Только за несколько месяцев 2018 г. в рамках Тюркского совета или при его участии был реализован целый ряд крупных проектов. В 2018 г. был представлен первый общий учебник тюркской истории с древнейших времен до XV в. [14]. 19 апреля 2018 г. прошло заседание Третьего Генерального совета Союза тюркских университетов. Разработана Орхонская обменная программа, которая предполагает дополнение учебных программ по направлениям «Международные отношения» и «Политические науки» тюркским компонентом. Также была одобрена и реализована идея проведения Первых спортивных игр среди тюркских университетов [16].

Успешность деятельности Тюркского совета в культурной сфере признают и представители тюркских государств. Так, азербайджанский исследователь С. Багирова отмечает, что «гуманитарная сфера является основой... сотрудничества. В то же время из года в год растет потенциал тюркских стран в экономической сфере, они тесно сотрудничают друг с другом» [5, 85]. Именно о необходимости расширения экономического сотрудничества в рамках Тюркского совета регулярно говорят тюркские эксперты и политические деятели, однако практика подтверждает скромные достижения в этой сфере.

Что касается политического сотрудничества тюркских государств, то на данный момент оно ограничивается совместными заявлениями по важнейшим проблемам международных отношений и участием членов Тюркского совета в избирательных процессах тюркских государств в качестве наблюдателей.

Кроме того, следует отметить, что в рамках данной статьи не был затронут вопрос российского влияния на интеграционные процессы тюркских государств, которое, безусловно, присутствует наряду с другими факторами. Это связано со сложностью и малоизученностью данного вопроса в отечественной науке, требующего проведения отдельного исследования.

Таким образом, подводя итог рассмотренному нами вопросу взаимодействия Совета сотрудничества тюркских государств и Евразийского экономического союза, можно с уверенностью отметить, что, несмотря на близкое географическое расположение и наличие общих членов, организации действуют параллельно друг другу и реальной угрозы друг для друга не представляют. Скорее всего, в ближайшие 10 лет подобный расклад сил сохранится. Несмотря на присоединение нового члена, Тюркский совет остается инициатором проектов прежде всего в гуманитарной сфере, в то время как ЕАЭС активно работает над расширением экономического сотрудничества.

1. Венгрия присоединяется к тюркской парламентской ассамблее [Электронный ресурс] // Turan Today. URL: <https://www.turantoday.com/2014/06/hungary-turkpa.html> (дата обращения: 22.03.2018).

2. *Карабаев С., Фахрэттин Акыналп.* Проблемы и перспективы тюркской интеграции на современном этапе // М. Рыскулбеков атындагы кыргыз экономикалык университетинин кабарлары. 2016. № 4. С. 164–167.

3. *Лагутина М. Л., Ягья В. С.* Турецкий фактор в евразийской интеграции // История, философия, социология, культурология: опыт и знания в процессе формирования и развития общества : сб. материалов междунар. науч. конф. М., 2014. С. 26–33.

4. *Озимко К.* Геополитические амбиции Турции в Средней Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sonar2050.org/publications/geopoliticheskie-ambicii-turcii-v-sredney-azii/> (дата обращения: 21.01.2018).

5. *Bagirova S.* The Objectives, Plans and Prospects of the Cooperation Council of Turkic States // European Journal of Philosophical Research. 2014. № 2. P. 80–88.

6. Declaration of the Fifth Summit of the Cooperation Council of Turkic Speaking States Astana, Kazakhstan [Electronic resource]. URL: <http://www.turkkon.org/Assets/dokuman/DECLARATION-ENG.pdf> (accessed: 25.03.2017).

7. Declaration of the First Summit of the Cooperation Council of Turkic Speaking States Almaty, 21 October 2011 [Electronic resource]. URL: http://www.turkkon.org/Assets/dokuman/Declaration_ENG_20141021_151023.pdf (accessed: 25.03.2017).

8. Declaration of the Fourth Summit of the Cooperation council of Turkic Speaking States Bodrum, Turkey [Electronic resource]. URL: http://www.turkkon.org/Assets/dokuman/CHS_Declaration_ENG_20141021_172859.pdf (accessed: 24.03.2017).

9. Declaration of the Third Summit of the Cooperation Council of Turkic Speaking States Gabala, Azerbaijan [Electronic resource]. URL: http://www.turkkon.org/Assets/dokuman/DECLARATION_ENG_20141021_172228.pdf (accessed: 24.03.2017).

10. Erdoğan AB'nin alternatifini açıkladı: Neden olmasın? [Electronic resource]. URL: <https://www.sabah.com.tr/gundem/2016/11/20/erdogan-abnin-alternatifini-acikladi-neden-olmasin> (accessed: 17.03.2018)

11. Nakhchivan Agreement on the Establishment of the Cooperation Council of Turkic Speaking States [Electronic resource]. URL: http://www.turkkon.org/Assets/dokuman/Nahngilizce1_20140424_191816.pdf (accessed: 24.03.2017).

12. The Bishkek Declaration. The Second Summit of the Cooperation Council of Turkic Speaking States. Bishkek, Kyrgyz Republic, 22-23 August 2012 [Electronic resource]. URL: http://www.turkkon.org/Assets/dokuman/Draft_Bishkek_Declaration_20141021_151212.pdf (accessed: 24.03.2017).

13. Türk Dili Konuşan Ülkeler İşbirliği Konseyi Gümrük İdaresi Başkanları 3. Dönem Toplantısı [Electronic resource]. URL: <https://ab.gtb.gov.tr/haberler/turk-dili-konusan-ulkeler-isbirligi-konseyi-gumruk-idaresi-baskanlari-3-donem-toplantisi> (accessed: 24.03.2018).

14. Türk dünyası 'Türk tarihi' dersinde buluşacak // Anadolu Ajansı. 03.04.2018 [Electronic resource]. URL: <https://aa.com.tr/tr/egitim/turk-dunyasi-turk-tarihi-dersinde-bulusacak-/1106708> (accessed: 23.03.2018).

15. Türk Keneşi Gümrük İdareleri Başkanları 4. Toplantısı Bişkek'te Yapıldı // Beyaz Gazete. 03 Temmuz 2015 [Electronic resource]. URL: <http://beyazgazete.com/haber/2015/7/3/turk-kenesi-gumruk-idareleri-baskanlari-4-toplantisi-biskek-te-yapildi-2764676.html> (accessed: 21.03.2018).

16. Türk Üniversiteleri Birliği 3. Genel Kurulu Açılış Töreni Bişkek'te gerçekleştirilmiştir [Electronic resource]. URL: <http://www.turkkon.org/tr-TR/turk-universiteleri-birligi-3-genel-kurulu-acilis-toreni-biskek%60te-gerceklestirilmistir/3/54/54/4677> (accessed: 22.03.2018).

Рукопись поступила в редакцию 14 июня 2018 г.

УДК 327(510:532) + 327(5-011)

Г. Н. Валиахметова
М. А. Герман

ОТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ: СПЕЦИФИКА ЭВОЛЮЦИИ КИТАЙСКО-САУДОВСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена анализу роли и места Саудовской Аравии в ближневосточной политике КНР. Авторы раскрывают особенности становления и развития двусторонних отношений во второй половине XX — начале XXI в., выявляют факторы, определяющие основные направления и динамику сотрудничества двух стран. Особое внимание уделяется методам реализации национальных интересов КНР на Ближнем Востоке, а также анализу позиции Пекина по ряду ключевых региональных проблем. Авторы приходят к выводу о том, что присущие внешней политике КНР прагматизм и гибкость позволяют Пекину балансировать на противоречивых интересах ключевых участников ближневосточной политики и получить доступ к энергетическим ресурсам региона для обеспечения потребностей динамично развивающейся китайской экономики. Работа выполнена в рамках системного подхода с применением методов политических и исторических исследований.

Ключевые слова: КНР, Саудовская Аравия, Ближний Восток, стратегическое партнерство, внешняя политика.

Введение

Ближний Восток играет исключительно важную роль во внешней политике КНР в силу его выгодного географического положения и внушительных запасов углеводородов, способных удовлетворить возрастающие потребности интенсивно развивающейся экономики современного Китая. Вместе с тем данный регион остается самым нестабильным в мире, что априори препятствует полноценному включению ближневосточных стран в систему международного сотрудничества. В этой связи политическую и академическую актуальность приобретает вопрос

об особенностях выстраивания отношений КНР с ключевыми игроками ближневосточного геополитического пространства, в числе которых Королевство Саудовская Аравия (КСА).

Исследование специфики истории развития китайско-саудовских отношений и их современного состояния приобретает исключительную практическую значимость не только в свете перманентного ухудшения военно-политической обстановки на Ближнем Востоке. Выходя на новые измерения внешней политики, китайское руководство продвигает идею о новом возвышении Поднебесной и трансформации ее в «ответственную великую державу». В сложном и противоречивом процессе выстраивания КНР в международные экономические и политические отношения в качестве одного из новых центров силы Пекин отводит Саудовской Аравии особую роль.

Возрастающий интерес Поднебесной к Саудовскому королевству обусловлен рядом факторов. Во-первых, это государство обладает самыми крупными в мире высококачественными нефтяными ресурсами и имеет сильные позиции в Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК), что позволяет оказывать влияние на конъюнктуру мировых цен на нефть. Во-вторых, КСА — один из региональных «тяжеловесов» (наряду с Ираном, Турцией и Израилем), действия которого в значительной степени определяют политический климат на Ближнем Востоке. В-третьих, Саудовская Аравия — один из ключевых игроков на Арабском Востоке и в мусульманском мире, влиятельный участник ряда международных организаций: Лиги арабских государств (ЛАГ), Организации исламского сотрудничества (ОИС), Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и др. Арабский мир является для КНР восьмым по величине торговым партнером, крупнейшим экспортным рынком, седьмым по величине источником импорта товаров [32, 4–5].

Осмысление истории становления и развития межгосударственных связей КНР и КСА позволяет ответить на вопрос, почему Пекину и Эр-Рияду удалось не только преодолеть идеологические разногласия, которые на протяжении 40 лет препятствовали взаимному дипломатическому признанию двух стран, но и вывести свои отношения на уровень стратегического партнерства, причем в рекордно короткие исторические сроки. Данная статья также является попыткой внести определенный вклад в научные и политические дискуссии о целевых установках внешней политики КНР и методах ее реализации на различных этапах исторического развития страны и в условиях современности.

Комплексный характер ближневосточной политики КНР предопределил применение в данной работе общенаучных, а также традиционных методов исторических и политических исследований в рамках системного и многофакторного подходов. Источниковой основой работы стали материалы сайтов МИД КНР и информационных агентств, позволяющие проанализировать нормативно-правовую базу китайско-саудовского взаимодействия и выявить его специфику. В работе также использованы публикации китайских, арабских, российских и американских экспертов, посвященные различным аспектам политики КНР на Ближнем Востоке.

Специфика взаимодействия КНР и КСА в условиях биполярного мира

Саудовское королевство первым из арабских государств установило дипломатические отношения с Китаем в 1939 г., но Вторая мировая война не позволила перевести их в практическую область. Подписанный 15 ноября 1946 г. Договор о дружбе тоже не получил продолжения в связи с начавшейся в Китае Гражданской войной [7, 3]. Вместе с тем позитивный опыт взаимодействия с правительством Чан Кайши способствовал тому, что КСА в числе немногих государств мира официально признало Китайскую Республику на Тайване легитимным представителем китайской нации. Политическому сближению Тайбэя и Эр-Рияда, кроме того, способствовали наличие общего союзника в лице США и идеологическая несовместимость с коммунистической КНР, ориентировавшейся на сотрудничество с СССР. Стремление Тайваня к развитию связей с КСА также объясняется значимой ролью саудовской нефти в обеспечении энергетической безопасности острова (порядка 40 % нефтяного импорта). Поэтому саудовское направление являлось ключевым в ближневосточной политике Тайбэя, но последняя имела ограниченные масштабы в силу преимущественной ориентации общей внешней политики Тайваня на США [23].

КНР, как и Тайвань, тоже остро нуждалась в международном признании, и ее внешняя политика также формировалась исходя из интересов национальной безопасности. Пекин, первоначально взявший курс на сотрудничество с СССР, довольно быстро осознал уязвимость КНР в условиях биполярной системы и преимущества международной поддержки со стороны третьего мира, где набирали силу национально-освободительные движения. Первой дипломатической победой Китая на этом пути стала Конференция стран Азии и Африки в Бандунге 1955 г., когда в основу ее итоговой декларации легли предложенные премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем «пять принципов мирного сосуществования» [1], которые отражали основные положения стратегии расширения связей КНР с внешним миром. Конференция положила начало активному включению КНР в международные политические и экономические процессы, в том числе на Ближнем Востоке. Интерес Пекина к данному региону в то время был обусловлен не только его внушительным нефтяным потенциалом, но и стратегическим расположением на стыке Европы, Азии и Африки. Контроль недружественных Китаю великих держав над этими территориями расценивался китайскими лидерами как серьезная угроза безопасности страны, поэтому они призывали к невмешательству внешних сил в дела региона и оказывали поддержку местным политическим движениям антиимпериалистической направленности. В результате уже в 1956 г. три ближневосточных государства — Сирия, Йемен и Египет — обменялись дипмиссиями с КНР. Однако для КСА и КНР разнонаправленность их идеологий и внешнеполитических стратегий в условиях холодной войны стала серьезным препятствием для сближения [23; 33, 13].

Разворот во внешней политике Пекина, который в 1969 г. окончательно раскорректировался с Москвой и взял курс на нормализацию отношений с Вашингтоном, позволил КНР совершить прорыв на международной арене. В 1971 г. КНР стала

полноправным членом ООН и постоянным членом Совета Безопасности ООН, заняв в этой ведущей международной организации место Тайваня как единственного законного представителя китайской нации. Рост значимости Китая в мировой политике и установление дипломатических отношений с США в 1979 г. способствовали стремительному продвижению КНР на Ближний Восток [16, 3].

С начала 1970-х гг. идеологические барьеры уже не являлись непреодолимым препятствием для развития двусторонних связей КНР и КСА, поскольку теперь арабские режимы рассматривались Пекином как основная сдерживающая сила советского влияния на Ближнем Востоке [5]. Кроме того, несмотря на то, что коммунистические лидеры Китая продолжали считать Саудовское королевство теократической монархией феодального типа, Пекину импонировала способность Эр-Рияда проявлять независимость в принятии внешнеполитических решений. Так, в 1950–1960-е гг. представители КСА в ООН сохраняли нейтралитет в вопросах статуса Тайваня в ООН, признания КНР агрессором в Корейской войне и других международных инициатив США антикитайской направленности. В свою очередь, в англо-саудовском споре о территориальной принадлежности оазиса Бурайми 1951–1974 гг. КНР поддерживала КСА как государство, противостоящее империализму и справедливо отстаивающее свои суверенные права. Пекин также высоко оценивал роль Эр-Рияда в организации исламистского сопротивления вводу советских войск в Афганистан в 1979 г. [23].

В конце 1970-х гг. КНР в рамках политики реформ открытости стала активно налаживать связи с КСА, используя методы, которые продемонстрировали свою эффективность в процессе выстраивания конструктивного сотрудничества как с миром Запада, так и со странами Африки и Латинской Америки. Развитие неофициальных личных контактов на уровне спортсменов, журналистов, представителей мусульманского духовенства и деловых кругов внесло существенный вклад в формирование атмосферы доверия между КНР и КСА. Пекин восстановил паломничество китайских мусульман в Мекку и Медину; стал финансировать реконструкцию мечетей, издание Корана и хадисов; санкционировал взаимодействие Всекитайской ассоциации мусульман с Организацией Исламская конференция (с 2011 г. — ОИС. — Г. В., М. Г.), делегация которой сопровождала свой первый визит в Китай в 1981 г. щедрым пожертвованием в 500 тыс. долл. В том же году саудовские бизнесмены приняли участие в Кантонской торговой ярмарке, открыв для китайских товаров двери на саудовский рынок. Дипломатические реверансы Пекина в поддержку саудовских инициатив в вопросе арабо-израильского урегулирования подготовили почву для первых межгосударственных контактов на высшем уровне. В октябре 1981 г. на полях международного форума в Канкуне (Мексика) состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыяна с наследным принцем Фахдом. Годом позже в составе арабской делегации «Комитета семи» Пекин посетил министр иностранных дел КСА принц Сауд аль-Фейсала, который стал первым саудовским государственным деятелем, официально принятым в КНР [4, 201–202; 23].

В начале 1980-х гг. начинает формироваться новая внешнеполитическая доктрина КНР, которая вплоть до сегодняшнего дня остается концептуальной основой

возрастающей активности Пекина на мировой арене. Приоритетной целью внешней политики Китая стало обеспечение благоприятных внешних условий для форсированной модернизации страны [5]. Соответственно динамичное развитие связей КНР с мусульманским миром в этот период в первую очередь объясняется возрастающими энергетическими потребностями набравшей обороты китайской экономики. Повышение роли энергетического фактора в ближневосточной политике КНР также было обусловлено истощением крупнейшего в Китае нефтяного месторождения Дацин, а также ограничением доступа к нефтяным ресурсам Юго-Восточной Азии (в связи с военными и гражданскими конфликтами в Индокитае) и СССР (в связи с китайско-советским расколом).

Дестабилизация военно-политической обстановки в зоне Персидского залива в связи с Ирано-иракской войной (1980–1988) запустила процесс форсированного наращивания военной мощи Саудовского королевства. После отказа США увеличить военные поставки Эр-Рияд переориентировался на закупку китайского оружия. Инициированное КСА военно-техническое сотрудничество с КНР также логично вписывалось в политику реформ Дэн Сяопина: военный экспорт обеспечивал стране приток валюты, необходимой для оплаты нефтяного импорта. Развитие экономических связей с Эр-Риядом приносило Пекину и весьма существенные политические дивиденды, способствуя охлаждению отношений между КСА и Тайванем [23].

К 1989 г. Саудовская Аравия оставалась единственным ближневосточным государством, сохранявшим дипломатические отношения с Тайванем и воздерживавшимся от дипломатического признания КНР [Там же]. Возросший авторитет Китая на международной арене и стремительный рост его экономического потенциала на фоне распада биполярного мира способствовали прорыву в китайско-саудовских отношениях. Обмен торговыми миссиями и подписание двустороннего Меморандума о взаимопонимании в 1988 г. запустили финальную фазу процесса взаимного признания, завершившегося 21 июля 1990 г. установлением дипломатических отношений между КНР и Саудовским королевством.

Особенности сотрудничества КНР и КСА в постбиполярную эпоху

Отличительной чертой нового этапа в развитии китайско-саудовских отношений стали многочисленные контакты на высшем уровне, которые способствовали продвижению взаимовыгодных экономических связей. Так, в 1990 г. при непосредственном участии Председателя КНР Цзян Цзэминя и короля Саудовской Аравии Фахада ибн Абдул Азиза Аль-Сауда была учреждена межгосударственная Комиссия по экономическому, торговому и техническому сотрудничеству. Открытие в 1997 г. Обществ китайско-саудовской дружбы расширило двустороннее взаимодействие в сфере образования, культуры и информации [3, 202].

В 1999 г. состоялся первый в истории визит китайского лидера в Саудовскую Аравию. В ходе переговоров под председательством Цзян Цзэминя, короля Фахада и наследного принца Абдаллы были подписаны многочисленные соглашения и документы, в том числе Меморандум о взаимопонимании в сфере энергетики,

который перевел энергетическое сотрудничество двух стран на уровень стратегического партнерства [4, 204; 7, 4–5]. Пекин и Эр-Рияд, кроме того, согласовали условия запуска проектов строительства в КСА крупного нефтеперерабатывающего завода стоимостью 1,5 млрд долл. и поставок саудовской нефти в Китай в объеме 10 млн т ежегодно на протяжении ближайших 50 лет. Взаимопонимание в энергетической сфере придало импульс двустороннему военному сотрудничеству: китайская сторона выразила готовность поставить в КСА межконтинентальные баллистические ракеты дальностью до 5,5 тыс. км, однако под давлением Вашингтона Эр-Рияд был вынужден отказаться от этой сделки [4, 204].

В 1990–2000 гг. общая стоимость китайско-саудовской торговли возросла на 643 %, а объем нефтяных поставок КСА в КНР увеличился на 6721 % [7, 2]. В 2000-х гг. энергетическое сотрудничество становится основным вектором взаимодействия Китая и Саудовской Аравии. В 2004 г. китайская нефтехимическая корпорация *Sinopet* выиграла тендер на разработку газового месторождения в КСА, обойдя американских конкурентов [19]. В 2005 г. КСА стала главным нефтяным поставщиком Китая (22,2 млн т), а объем двусторонней торговли превысил 16 млрд долл. [34, 159]. Развитие связей с КСА, являющейся системообразующим элементом ССАГПЗ, способствовало продвижению китайских энергетических интересов в странах Персидского залива. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве и свободной торговле, подписанное КНР и ССАГПЗ в 2005 г., гарантировало бесперебойность нефтяных поставок из зоны Залива, а также снижало таможенные тарифы и упрощало передвижение товаров, капиталов и услуг [4, 205].

Январь 2006 г. ознаменовался первым в истории китайско-саудовских отношений визитом саудовского короля Абдаллы в Пекин. Спустя три месяца в ходе ответного визита в Саудовскую Аравию Ху Цзиньтао выразил готовность к дальнейшему всестороннему развитию «стратегического партнерства» КНР и КСА в рамках концепции «гармоничного развития Ближнего Востока» [16, 3]. В 2008 г. КНР и КСА подписали коммюнике «Об укреплении китайско-саудовских отношений и усилении стратегического сотрудничества». Важный вклад в поддержание атмосферы доверия был внесен Саудовской Аравией в мае 2008 г., когда Эр-Рияд пожертвовал 60 млн долл. на ликвидацию последствий разрушительного землетрясения в Сычуане, оказав Пекину самую крупную финансовую помощь [34, 159]. Визит Ху Цзиньтао в Эр-Рияд в 2009 г. не только активизировал китайско-саудовский диалог в энергетической, медицинской, образовательной и других сферах, но и придал импульс развитию связей КНР с арабскими странами в многосторонних форматах ЛАГ, ОИС, ССАГПЗ и Форума китайско-арабского сотрудничества [26]. В 2013 г. Пекин включил арабский мир в свою новую экономическую инициативу «Один пояс — один путь» [25], и уже через год на Китайско-арабском форуме был представлен первый проект [31]. В 2015 г. товарооборот между КНР и КСА достиг 5,17 млрд долл. и удвоился за первый квартал 2016 г. [26].

Особое значение для развития китайско-саудовских отношений имел визит Си Цзиньпина в Эр-Рияд в рамках ближневосточного турне 19–23 января 2016 г.

(К этому времени новый лидер Китая уже посетил все регионы мира, кроме Ближнего Востока; запланированный на весну 2015 г. дипломатический тур Си Цзиньпина был отложен в связи с началом военной кампании КСА против хуситов и дестабилизацией ситуации в регионе.) Стороны подписали совместное Коммюнике о всестороннем стратегическом партнерстве, а также 15 соглашений о сотрудничестве в различных областях, в том числе в рамках проекта «Один пояс — один путь» [26]. *Sinopet* и саудовская национальная нефтегазовая корпорация *Saudi Aramco* утвердили план расширения совместного нефтеперерабатывающего завода «Ясреф», крупнейшего китайского проекта в регионе. Инвестиционное взаимодействие распространилось на атомную энергетику: к 2022 г. КНР обязалась построить в КСА первую АЭС и еще 15 — к 2032 г.; сумма проекта составила 2,43 млрд долл. [10]. Значимость нового направления сотрудничества КНР и КСА — в ядерной энергетике — подчеркнул визит саудовского наследного принца Мухаммеда бен Салмана в Пекин в августе 2016 г., в ходе которого стороны также подписали 15 соглашений и меморандумов о взаимопонимании в различных сферах [21]. В рамках обсуждения совместных ядерных проектов саудовский министр энергетики Халид аль-Фалих выразил готовность поддержать инициативы Китайской национальной корпорации по атомной энергетике в области научных исследований и разработки ядерных технологий, добычи урана и строительства АЭС [6]. На новый уровень вышло и военно-техническое сотрудничество: КСА стала первой арабской страной, закупившей новейшие разработки КНР — дроны «Винг Лунг» [20].

Взаимовыгодный характер китайско-саудовских отношений и их роль в глобальных процессах современности были отмечены на саммите G-20 в сентябре 2016 г. Стратегическая программа модернизации КСА «Vision-2030», ориентированная на постепенный переход страны в постнефтяную эру, в том числе путем развития высоких технологий, органично вписывается в китайскую инициативу «Один пояс — один путь». Кроме того, успех реформ Мухаммеда бен Салмана может оказать позитивное влияние не только на мировую экономику, но во многом определить вектор развития исламского фактора мировой политики [13].

2016 год был отмечен активным продвижением китайско-саудовского диалога также в рамках многосторонних форматов взаимодействия КНР с арабскими странами. В ходе вышеупомянутого ближневосточного турне Си Цзиньпина была согласована Дорожная карта сотрудничества КНР и ЛАГ [27]. 12 мая 2016 г. в Дохе КНР и ЛАГ подписали Договор о сотрудничестве, который зафиксировал общность позиций государств-участников по вопросам региональной безопасности, урегулирования палестинской проблемы, ядерного нераспространения, противостояния терроризму и др. [30]. В июне Китайско-арабский форум утвердил совместный План действий на 2016–2018 гг. [29].

В ходе визита вице-премьера Госсовета КНР Чжана Гаоли в Эр-Рияд в августе 2017 г. было подписано свыше 60 соглашений в сфере инвестиций, торговли, энергетики, массмедиа и т. д. на сумму порядка 70 млрд долл. В числе новых совместных инициатив — проекты опреснения морской воды с использованием высокотемпературных газоохлаждаемых реакторов, развития технопарка

в Джизане и строительства электростанции в западном прибрежном городе Рабиг [11, 12, 14].

Новые черты приобретает и стратегическое партнерство двух держав в энергетической сфере. После включения юаня в корзину мировых валют китайская национальная валюта используется в двусторонней торговле КНР с Пакистаном, Ираном, Турцией, Россией и рядом других стран. Теперь и Эр-Рияд рассматривает возможность перевода части расчетов за нефтяной экспорт в китайские юани в целях сокращения дефицита госбюджета. Если примеру саудитов последуют другие нефтедобывающие страны Персидского залива, юань со временем может стать реальной альтернативой доллару США как глобальной резервной валюте. Серьезную обеспокоенность в Вашингтоне вызывает и намерение китайских нефтегазовых гигантов *PetroChina* и *Sinopec* приобрести 5 % акций *Saudi Aramco*. И хотя этой доли недостаточно для продвижения нефтьюаней, она тем не менее может стать чувствительным инструментом воздействия Пекина на Эр-Рияд [9, 15, 22].

Сдерживающие факторы развития китайско-саудовских отношений на современном этапе

Высокий конфликтный потенциал Ближнего Востока, нестабильность военно-политической обстановки в регионе, соперничество КСА и Ирана за региональное лидерство, активное вмешательство внерегиональных игроков в ближневосточные дела — эти и другие факторы создают целый комплекс препятствий для Пекина, выстраивающего систему взаимовыгодных связей со всеми ближневосточными странами.

«Арабская весна», охватившая Большой Ближний Восток в 2011–2013 гг., продемонстрировала относительно слабый политический вес КНР в региональной системе международных отношений. Несмотря на впечатляющие результаты экономической экспансии, Китай оказался не готов играть активную роль в ближневосточной политике в силу своей жесткой приверженности принципу невмешательства во внутренние дела суверенных государств, а также из-за опасений вызвать негативную реакцию нефтяных монархий Персидского залива в случае поддержки Пекином массовых протестных настроений в арабском мире. Существенный экономический урон, нанесенный китайским компаниям в период «арабского пробуждения», по сути, свидетельствовал об отсутствии у Китая эффективных политических и военных инструментов для защиты своей глобальной бизнес-империи. Это вынудило Пекин поставить вопрос о внесении корректив в свои внешнеполитические принципы и взять курс на превращение КНР в сильного внерегионального игрока на Ближнем Востоке [2, 24]. Статус постоянного члена СБ ООН и дружественные отношения с ведущими региональными державами, в первую очередь с соперничающими между собой Саудовской Аравией и Ираном, и облегчают, и в то же время осложняют решение этой довольно непростой для Китая задачи. Дипломатический тур Си Цзиньпина по Ближнему Востоку в январе 2016 г. с посещением суннитских стран (КСА,

Египет) и шиитского Ирана подчеркнул нейтральную позицию КНР в межконфессиональных конфликтах в регионе.

Одним из самых затяжных региональных конфликтов остается палестино-израильское противостояние, которое в последние десятилетия приобрело тупиковый характер. Китай последовательно отстаивает законное право палестинского народа на самоопределение и выступает за всестороннее мирное урегулирование проблемы на международно-правовой основе, включающей соответствующие резолюции СБ ООН и Арабскую мирную инициативу. Помимо дипломатической поддержки Пекин оказывает Государству Палестина, находящемуся на стадии формирования, существенную финансовую помощь. Политика КНР в палестинском вопросе по многим параметрам совпадает с позицией КСА и Ирана (Эр-Рияд и Тегеран отстаивают право палестинцев на самоопределение, но в отношении Израиля КСА последние годы придерживается более умеренной позиции, в то время как Иран продолжает призывы «стереть Израиль с лица земли»), но не находит понимания со стороны Израиля и США [17].

Так же последовательно КНР выступала в СБ ООН против антииранских санкций, считая ядерную программу Ирана исключительной мирной экономической инициативой. Позиция Пекина не омрачает его отношения с Эр-Риядом (который усматривает в ядерных амбициях шиитского Ирана прямую угрозу суннитам), поскольку КНР активно включилась в создание атомной отрасли в Саудовском королевстве. О прагматическом подходе КНР и КСА к вопросам двусторонних отношений свидетельствует и Сирийский кризис, в котором Пекин и Эр-Рияд остаются по разные стороны баррикад без ущерба для взаимного сотрудничества. Конфликт в Сирии с ее географическим расположением в центре Ближнего Востока и угроза фрагментации страны по иракскому и ливийскому сценариям не оставляют шансов на реализацию китайского проекта Нового Шелкового пути. Поэтому Пекин, в отличие от КСА, поддерживает правительство Б. Асада и призывает к урегулированию Сирийского кризиса мирными средствами под эгидой ООН в рамках международного права [32].

В Йеменской войне КНР выступает в защиту законного правительства, которому КСА оказывает военную поддержку, в противоположность Ирану, отстаивающему права хуситов. Схожесть позиций Пекина и Эр-Рияда в Йеменском кризисе в значительной степени обусловлена тем, что обе страны уже получили с него внушительные дивиденды, и прежде всего — права на строительство собственных военных баз в Джибути. Для Китая эта первая зарубежная военная база является звеном в «нити жемчуга» — опорных пунктов экономической экспансии от Южно-Китайского моря до Северной Африки. Активное строительство вдоль этой линии военной инфраструктуры КНР в первую очередь нацелено на обеспечение безопасности нефтяных поставок, жизненно важных для китайской экономики. Однако данная стратегия усугубляет и без того сложные отношения в треугольнике КНР — США — КСА, в связи с чем развитие китайско-саудовских отношений происходит с определенной оглядкой Пекина и Эр-Рияда на США [8, 18].

Заключение

Политика КНР на Ближнем Востоке обусловлена интересами национальной безопасности, спецификой международных отношений и раскладом сил на глобальной и региональной аренах. В условиях холодной войны разнонаправленность внешнеполитических приоритетов, приверженность различным концепциям государственного строительства и идеологические противоречия стали серьезным препятствием для продвижения китайско-саудовского взаимодействия, которое тем не менее развивалось в формате неофициальных личных и групповых связей по инициативе и при негласной поддержке руководства КНР. Возросший авторитет Китая на международной арене и стремительный рост его экономического потенциала на фоне распада биполярного мира способствовали углублению и расширению китайско-саудовского сотрудничества, что сформировало благоприятные условия для взаимного дипломатического признания КНР и КСА в 1990 г.

В постбиполярном мире отношения Пекина и Эр-Рияда демонстрируют впечатляющую динамику развития. В двусторонней повестке дня доминируют экономические, прежде всего энергетические, интересы, на реализацию которых по сути и нацелены другие направления взаимодействия в сфере политики, культуры, науки и образования, религии и т. д. В свою очередь, прочный политический фундамент и атмосфера доверия между КНР и КСА позволили вывести отношения двух держав на уровень стратегического партнерства, в основе которого лежат интересы взаимовыгодного энергетического сотрудничества.

Нестабильность военно-политической обстановки в регионе вынуждает КНР балансировать на противоречивых интересах многочисленных акторов ближневосточной политики. Соперничество за лидерство на Ближнем Востоке между двумя региональными «тяжеловесами» — Саудовской Аравией и Ираном — усугубляет и без того сложную военно-политическую обстановку в регионе и создает целый комплекс препятствий для Пекина, выстраивающего систему взаимовыгодных связей со всеми ближневосточными странами. Сбалансированная политика Китая на Ближнем Востоке обусловлена стремлением Пекина избежать вовлечения в региональные конфликты или оказаться в открытой конфронтации с Вашингтоном. Об эффективности действий китайской дипломатии свидетельствует, например, тот факт, что и Саудовская Аравия, и Иран, несмотря на свои геополитические противоречия, заинтересованы в увеличении политического участия КНР в региональных делах, в том числе в качестве противовеса США. Выстраивание Китаем стратегического диалога с Саудовским королевством, одним из двух главных (наряду с Израилем) региональных союзников Вашингтона, способствует росту китайско-американского соперничества, которое, однако, носит скрытый характер и вряд ли выйдет на уровень открытого противостояния. Соответственно политика КНР на Ближнем Востоке в целом, и на саудовском направлении в частности, в обозримой перспективе вряд ли выйдет за рамки выстроенной к настоящему времени системы сдержек и противовесов, взаимных уступок и компромиссов, позволяющих Пекину успешно решать вопросы

экономической модернизации КНР путем развития взаимовыгодных отношений с ближневосточными странами.

1. Декларация о содействии всеобщему миру и сотрудничеству. 24 апр. 1955 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1168321> (дата обращения: 19.04.2018).

2. Китай и арабские революции // Forbes. 01.12.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya-opinion/runki/77050-kitai-i-arabskie-revolutsii> (дата обращения: 10.04.2018).

3. *Мухина С. В.* Стратегия энергетической безопасности Китая // Общество и государство в Китае. М., 2007. С. 307–311.

4. *Пахомова М. А.* Китай и Саудовская Аравия: история взаимодействия и перспективы сотрудничества (1980–2010) // Общество и государство в Китае. М., 2012. С. 201–209.

5. Политика Китая в арабских странах // Strategy Links. 12.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.strategy-links.com/news/china_uae_1.html (дата обращения: 15.04.2018).

6. 15 pacts to boost Sino-Saudi ties // Saudi Gazette. 31.08.2016 [Electronic resource]. URL: <http://saudigazette.com.sa/saudi-arabia/15-pacts-boost-sino-saudi-ties/> (accessed: 27.04.2018).

7. *Al-Tamimi N.* China – Saudi Arabian Relations. Economic Partnership or Strategic Alliance. Durham, 2012.

8. *Braude J.* Why China and Saudi Arabia Are Building Bases in Djibouti // The World Post. 14.08.2016 [Electronic resource]. URL: http://www.huffingtonpost.com/joseph--braude/why--china-and--saudi--arabi_b_12194702.html (accessed: 12.04.2018).

9. China offers to buy 5 percent of Saudi Aramco directly: sources // Reuters. 16.10.2017 [Electronic resource]. URL: <https://uk.reuters.com/article/uk-saudi-aramco-ipo-china/exclusive-china-offers-to-buy-5-percent-of-saudi-aramco-directly-sources-idUKKBN1CL1WX> (accessed: 12.04.2018).

10. China strengthens economic relations with the Middle East // Saudi Gazette. 03.02.2016 [Electronic resource]. URL: <http://saudigazette.com.sa/business/china-strengthens-economic-relations--with--the--middle--east/> (accessed: 12.04.2018).

11. China, Saudi Arabia agree to build energy cooperation mechanisms // Xinhua. 25.08.2017 [Electronic resource]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-08/25/c_136554476.htm (accessed: 10.04.2018).

12. China-Saudi Arabia cooperation to enter more fruitful era, broad consensus reached on key projects // Xinhua. 25.08.2017 [Electronic resource]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-08/25/c_136554724.htm (accessed: 12.04.2018).

13. Economic ties with China a key positive measure // Saudi Gazette. 11.09.2016 [Electronic resource]. URL: <http://saudigazette.com.sa/opinion/economic-ties-china-key-positive-measure/> (accessed: 12.04.2018).

14. *Gao C.* Closer Ties: China And Saudi Arabia Sign \$70 Billion in New Deals // The Diplomat. 27.08.2017 [Electronic resource]. URL: <https://thediplomat.com/2017/08/closer-ties-china-and-saudi-arabia-sign-70-billion-in-new-deals/> (accessed: 15.04.2018).

15. *Gergawi M.* China Is Eyeballing a Major Strategic Investment in Saudi Arabia's Oil // Foreign Policy. 26.10.2017 [Electronic resource]. URL: <http://foreignpolicy.com/2017/10/26/china-is-eyeballing-a-major-strategic-investment-in-saudi-arabias-oil/> (accessed: 12.04.2018).

16. *Ismail N. B.* The Political and Economic Relations of the People's Republic of China (PRC) and the Kingdom of Saudi Arabia (KSA), 1949–2010. PhD Thesis. University of Exeter, 2011.

17. Israel's International Relations: Israel-China Relations. August, 2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Politics/ChinaIsraelRelations.html> (accessed: 21.04.2018).

18. *Laft G.* China's New Grand Strategy for the Middle East // Foreign Policy. 26.01.2016 [Electronic resource]. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/01/26/chinas-new-middle-east-grand-strategy-iran-saudi-arabia-oil-xi-jinping/> (accessed: 11.04.2018).

19. Mufson S. As China, US Vie for More Oil Diplomatic Friction May Follow // The Washington Post. 15.04.2006 [Electronic resource]. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/04/14/AR2006041401682.html> (accessed: 12.04.2018).
20. Saudi Arabia buys high-tech China drones // Arab News. 01.09.2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.arabnews.com/node/978446/saudi-arabia> (accessed: 27.04.2018).
21. Saudi Arabia, China seal 15 deals // Arab News. 29.08.2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.arabnews.com/node/977551/saudi-arabia> (accessed: 27.04.2018).
22. Saudis may seek funding in Chinese yuan // Reutres. 24.08.2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-saudi-china/saudis-may-seek-funding-in-chinese-yuan-idUSKCN1B413R> (accessed: 11.04.2018).
23. Wang T. Y. Competing for friendship: The two Chinas and Saudi Arabia. [Electronic resource]. URL: <http://www.thefreelibrary.com/Competing+for+friendship%3A+the+two+Chinas+and+Saudi+Arabia.-a015016927> (accessed: 14.04.2018).
24. Yellinek R. China's New Position on the Middle East // The Bejin-Sadat Center for Strategic Studies. 11.09.2016 [Electronic resource]. URL: <http://besacenter.org/perspectives-papers/363-yellinek-chinas-new-position-middle-east/> (accessed: 12.04.2018).
25. 中国政府发布首份对阿拉伯国家政策文件, 新华网 (Китайское правительство опубликовало первую часть доклада о политике в арабском мире // Агентство Синьхуа). 13.01.2016 [Electronic resource]. URL: http://news.xinhuanet.com/2016-01/13/c_1117766467.htm (accessed: 17.04.2018).
26. 中国同沙特阿拉伯的关系, 外交部 (Китайско-саудовские отношения // МИД КНР. Июль 2016) [Electronic resource]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676860/sbgx_676864/ (accessed: 19.04.2018).
27. 外交部长王毅谈习近平主席访问沙特、埃及、伊朗和阿盟总部, 外交部 (Министр иностранных дел КНР Ван И о визите Си Цзиньпина в Саудовскую Аравию, Египет, Иран и штаб-квартиру ЛАГ // МИД КНР) [Electronic resource]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676860/xgxw_676866/t1334451.shtml (accessed: 19.04.2018).
28. 联合国投票通过巴勒斯坦为观察员国, BBC 中文网 (ООН проголосовала за принятие Палестины в качестве страны-наблюдателя // BBC). 12.11.2012 [Electronic resource]. URL: http://www.bbc.com/zhongwen/simp/world/2012/11/121129_un_palestine_vote.shtml (accessed: 23.04.2018).
29. 中国—阿拉伯国家合作论坛2016年至2018年行动执行计划, 外交部 (План действий Китайско-арабского форума сотрудничества на 2016–2018 гг. // МИД КНР). 23.06.2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/zalt/chn/dqjbzjhy/t1374586.htm> (accessed: 15.04.2018).
30. 中国—阿拉伯国家合作论坛第七届部长级会议多哈宣言, 2016年5月12日 多哈, 外交部 (Седьмое совещание на уровне министров Китайско-арабского форума сотрудничества. Доха, 12 мая. 2016 г. // МИД КНР) [Electronic resource]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/zalt/chn/wjk/bzjhywj/dqjbzjhy/t1374608.htm> (accessed: 17.04.2018).
31. 习近平出席中阿合作论坛第六届部长级会议开幕式并发表重要讲话, 新华网 (Си Цзиньпин посетил Китайско-арабский форум сотрудничества и выступил с речью на церемонии открытия Шестого совещания министров // Агентство Синьхуа). 05.06.2014 [Electronic resource]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-06/05/c_1111002498.htm (accessed: 19.04.2018).
32. 田文林: 《中国在伊朗的利益评估》, 载《国际研究》(Тянь Вэньлин. Оценка интересов Китая в Иране // Международ. исслед. 2014. Авг.). С. 4–5.
33. 吴冰冰: 《从中国与海湾八国关系的发展看“中阿合作论坛”》, 载《阿拉伯世界研究》(У Бинбин. Китайско-арабский форум сотрудничества с точки зрения развития отношений между Китаем и восемью государствами Персидского залива // Исследования арабского мира. 2011. Янв.). С. 10–18.
34. 伍庆玲: 《从不同视角分析中国和阿拉伯国家关系的发展变化》, 载《西亚非洲》(У Цицзин. Анализ эволюции китайско-арабских отношений с другого ракурса // Западная Азия и Африка. Пекин, 2012). С. 155–160.

ФЕНОМЕН НЕВОЗМОЖНОГО СПАСЕНИЯ В «ПОЭЗИИ ХОЛОКОСТА»: СЛУЧАЙ ДАНА ПАГИСА

В статье предпринимается попытка истолкования нескольких стихотворений израильского поэта Дана Пагиса, тематически связанных с его воспоминаниями о пережитом во время еврейской Катастрофы. Лирический герой Пагиса — свидетель событий этого времени. Но для того, чтобы по-настоящему свидетельствовать, он должен встать на место тех, кому спастись не удалось. Отсюда — антиномическая двойственность его позиции: он жив, и он же — среди погибших; его спасение осуществилось, и в то же время оно невозможно. Именно невозможность (точнее, «невозможная возможность») спасения выступает главной из тех проблем, которые затрагиваются в нижеследующем тексте.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поэзия Холокоста, Катастрофа, Дан Пагис, спасение, свидетельство, талмудическая ангелология, иудейская традиция.

Дан Пагис (1930–1986) — один из крупнейших израильских поэтов, большинству читателей известный как «поэт Холокоста». Он родился в городе Рэдэуци (Южная Буковина) в немецкоязычной еврейской семье. С 1934 г., после смерти матери и отъезда отца в Палестину, жил с дедом и бабушкой. В 1941-м десятилетним ребенком оказался в нацистском концлагере на территории Транснистрии (часть Украины, находившаяся во время войны под румынским управлением), где пробыл до 1944 г., выжив каким-то чудом. Его родственники тоже были в числе депортированных, но что с ними случилось (иначе говоря, когда и при каких обстоятельствах они погибли), нам неизвестно: «Пагис очень редко рассказывал об этом периоде и никогда не вдавался в подробности. В интервью, опубликованном в 1983 г., он лаконично отметил: “Они послали нас в трудовой лагерь... и я не все время был с дедом и бабушкой”» [16, 144]. В 1946 г. Пагис переехал в Палестину, где жил его отец. Окончил Иерусалимский университет, в 1964-м получил докторскую степень по еврейской литературе. Опубликовал несколько монографий о средневековой ивритской поэзии. Стихи на иврите начал писать,

очевидно, в 50-х (до приезда в Израиль этого языка не знал). Первый поэтический сборник, «Солнечные часы» («Шеон га-цель»), вышел в свет в 1959 г., вслед за ним — еще шесть книг, из которых одна, «Последние стихи» («Ширим га-ахароним»), издана посмертно, в 1987-м.

Оценивать Дана Пагиса исключительно как «поэта Холокоста» было бы не вполне корректно, поскольку лишь немногие его стихи посвящены этой теме. В то же время сюжеты и мотивы, косвенно связанные с воспоминаниями о событиях времен Катастрофы, встречаются у него повсеместно. Таков, например, сюжет возвращения из некоего призрачного путешествия, когда вернувшийся понимает, что вырваться «оттуда» — из мира летаргического сна, из одинокого заточения на необитаемом острове (как в стихотворениях «Хони» и «Эпилог Робинзона»¹) или из самого Шеола, царства мертвых (см. стихотворение «Ненужное возвращение»² («Шива меютерет»)), — ему уже никогда не удастся. С этим сюжетом сопрягается характерная для большинства пагисовских текстов ситуация фатального «несовпадения» лирического «я» с внешними (прежде всего пространственно-временными) обстоятельствами собственного существования, или, как пишет об этом Роберт Алтер, состояние «смещенности», «сдвига» (*displacement*), порождающее «эффект радикального остранения» с «жутковатыми отсветами тех катаклизмов, которые фактически стерли с лица земли европейское еврейство» [15, 399]. Наконец, в том же ряду — прямо отсылающий к событиям прошлого (хотя и довольно редко звучащий) мотив пребывания одновременно и «по ту», и «по эту» сторону смерти³, — ср., например, стихотворение «Рот Сатане» («Пэ лессатан») из сборника «Последние стихи»:

Стоя перед гильотиной,	כְּשֶׁעָמַד לְפָנַי הַגְּלִיטִינָה
Дантон сказал: «Глагол “гильотинировать”	אָמַר דָּנְטוֹן: “הַפְּעַל לְגַלְתִּי
(это новое слово)	(הַפְּעַל הַחֲדָשׁ הַזֶּה)
ограничен склонением времени и тела,	מְגֻבָּל בְּנִטְיָה בְּזִמְן וּבְגוּף,
ибо в прошедшем времени я не успею сказать:	כִּי לֹא אֶסְפִּיק לומר בְּזִמְן עֲבָר:
я гильотинирован».	גְּלִיטִינָה.”

Высказывание остроумное и точное, однако наивное.	מְשֻׁפֵּט קָרִיב וְנָחַד, אֲבָל תָּמִים.
Вот я (не будучи кем-то особенным)	הִנֵּה אֲנִי (וְכֹאֲמַת אֵינְנִי מִיָּחַד)
обезглавлен	נִצְרַפְתִּי
повешен	נִתְלִיתִי
сожжен	נִשְׂרַפְתִּי
расстрелян	נִוְרִיתִי
зарезан.	נִטְבַּחְתִּי.
Забыв.	נִשְׁכַּחְתִּי.

¹ Включены в книгу «Поздний досуг» («Шеѓут меухерет») (1964). Хони (точнее, Хони га-Меагель) — персонаж Талмуда, чудотворец, согласно легенде проспавший семьдесят лет.

² Из того же сборника.

³ Имея в виду именно этот мотив, Хана Яоз утверждает, что центральное место в поэзии Пагиса отведено «образу человека, лежащего в могиле, под землей, но тем не менее бодрствующего, активного и благодарного, как будто он сразу и мертв, и жив (מֵת-חַי *met chay*, буквально “мертв заживо”. — Н. Б.)» [30].

(Зачем я открываю рот Сатане⁴?
Он поймет еще, чего доброго,
что хотя бы в моральном отношении
я уже победил) [28, 269]⁵.

מה אני פותח פה לשטן?
הוא עוד עלול להזכר
שמחבינה מוסריה, לפחות,
בינתיים בצחתי.

В настоящей статье будут рассмотрены некоторые стихотворения короткого (всего семь текстов) цикла «Опечатанный вагон» («Карон хатум»), включенного в книгу «Метаморфоза» («Гильгуль») (1970) и в связи с ними отдельные фрагменты поэмы «Следы» («Акевот»), помещенной там же. Эти тексты, в отличие от упомянутых выше, можно с уверенностью отнести к числу прямых свидетельств о пережитом в период Катастрофы.

1. «Я — ошибка»

Начнем со стихотворения «Поверка» («Г'а-мисдар»), третьего в упомянутом цикле:

Он стоит, переминаясь с ноги на ногу в своих сапогах,
потирая руки: холодно ему на утреннем ветру,
ангел прилежный, что много трудился и достиг высокого чина.
Вдруг ему показалось, что он ошибся: весь — глаза,
он смотрит в открытый блокнот и снова считает
тела, в ожидании томящиеся на плацу:
лагерь в сердце лагеря. Только я...
Нет, меня нет, я — ошибка;
скорее зажмурить глаза, стереть свою тень...
Не вычитайте, пожалуйста! Завершите расчет
без меня: здесь навсегда [28, 136].

הוא עומד, רוקע מעט במגפיו,
משפשף את ידיו: קר לו ברוח הבקר,
מלאך חרוץ שעמל ועלה בדרגה.
פתאם נדמה לו ששגה: כלו עינים
הוא חוזר ומונה בפנקס הפתוח
את הגופים המחכים לו ברבוע,
מחנה בלב מחנה: רק אני
אינני, אינני, אני טעות,
מכבה מהר את עיני, מוחק את צלי.
לא אחסר, אגא. החשבון יעלה
בלעדי: כאן לעולם.

Очевидно, речь здесь идет о такой «поверке», на которой из списка заключенных «вычитаются» приговоренные к смерти (в немецких концлагерях эта процедура называлась «селекцией»). Происходит она как будто сразу в двух измерениях — в лагере и в том, по-видимому, еще более страшном подобии лагеря, которое обнаруживается в его «сердце». Что значит «מחנה בלב מהנה» *маханэ белев маханэ*, «лагерь в сердце лагеря»? Вероятно, Пагис допускает, что если его герой вообще может быть подвергнут принудительному «вычитанию», то его *уже* нет в качестве субъекта, имеющего самостоятельную ценность (по известному выражению Теодора Адорно, он «не человек, не индивид, а экземпляр»⁶). В таком случае «лагерь в сердце лагеря» — это место, где тот, кого некоторым образом уже не существует, поставлен перед угрозой окончательного уничтожения. Можно предположить, что сама смерть оказывается для него как бы растянутой: превращение «я» в безликий объект (в «тело», вместе с другими телами «томящиеся

⁴ «Открывать рот Сатане» — навлекать на себя беду неосторожным словом.

⁵ Здесь и далее подстрочный перевод (равно как и перевод нестихотворных ивритских текстов) везде, кроме специально оговоренных случаев, наш.

⁶ Ср.: «В лагерях умирал не человек, не индивид, а экземпляр» [1, 323].

на плацу»⁷ — ее первый этап; неизбежное «вычитание» из списка еще живых — последний. На границе между этими состояниями (она сливается с линией «счета») единственно доступным приемом спасения становится воображаемая невидимость — закрывание глаз, «стирание» тени, — имитация отсутствия, схожая с попыткой «обмануть судьбу» или представить ее уже свершившейся.

Восклицание «אֲנִי, אֵלֶּיךָ לֹא אֶחְסַר» *ло эхсар, ана*, в нашем переводе: «Не вычитайте, пожалуйста!» (хотя «ло эхсар» можно перевести и как «не исчезну» или, ближе к контексту, «не дайте исчезнуть»)⁸, перекликается с первым стихом 23-го псалма (22-й в православной Псалтыри) «הוֹדוּ רַעֲיָ לֹא אֶחְסַר» (в синодальном переводе: «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться»), где «ло эхсар» означает «не будет у меня нужды»⁹. Переключка эта, без сомнения, не случайна, однако вряд ли следует думать, что Пагис цитирует слова псалма в единственном, исходном значении, иначе было бы непонятно, зачем он добавляет к ним слово אֲנִי *ана* («пожалуйста», «прошу вас»), заметно диссонирующее с утвердительным (в псалме) «ло эхсар». Скорее он пытается создать эффект «просвечивания» одного значения через другое: в этом смысле «אֲנִי, אֵלֶּיךָ לֹא אֶחְסַר» — и упование на то, что Бог не ввергнет в «нужду», не даст погибнуть, и просительный возглас, который, благодаря совпадению с библейским текстом, звучит почти как молитва.

На первый взгляд, страх «вычитания» противоречит желанию героя самоустраниться, стать «ошибкой». Но, как заметила, разбирая это стихотворение, Наоми Соколофф, «не быть там по существу означает противоположное: не исчезнуть» [22, 229]. И действительно, утверждение «אֵינִי אֲנִי אֵינִי טָוֵה» *эйнени, эйнени, ани таут*, «Нет, меня нет, я — ошибка», равно как и следующая за ним строка, подразумевает не столько исчезновение в собственном смысле (уничтожение, превращение в ничто), сколько возможность свести к нулю, сделать незримым пребывание героя там, где решается его судьба, — буквально «ברבוע» *берибуа*, «в квадрате» лагерного плаца. Ускользая из видимого пространства, сливаясь с той спасительной пустотой, которая возникает в результате мгновенной (сугубо «оптической», а значит, иллюзорной для взгляда извне) самонегации, он все равно должен осознавать свое отсутствие как некую минимальную меру существования (иначе говоря, *быть* в качестве отсутствующего), и потому перспектива «вычитания» не может его не ужасать.

Кстати, заметим, что слово «ошибка» (טָוֵה *таут*), близкое здесь к понятиям выживания, спасения (избегания гибели), оказывается не менее «позитивно»

⁷ О жизни в лагере как явлении по преимуществу биологическом свидетельствует, в числе многих других, Примо Леви: «Мы забыли не только свою родину и свою культуру, но и свои семьи, свое прошлое, свое представление о будущем, потому что, как животные, существовали только в настоящем» [3, 61]. Джорджо Агамбен, основываясь, в частности, на воспоминаниях Леви, отмечает, что «жизнь обитателей лагеря, лишенных политического статуса, была сведена к “голому естеству” (naked life)» и потому «сам лагерь оказался пространством, главным образом биополитическим — пространством, в котором власть без всяких опосредований противостояла чисто биологической жизни» [14, 254].

⁸ Ср. перевод Зои Копельман: «Не берите меня в расчет, пожалуйста, пусть уж счет сойдется / без меня...» [7].

⁹ В английском переводе Стивена Митчелла пагисовское «אֲנִי, אֵלֶּיךָ לֹא אֶחְסַר» выглядит именно как цитата из псалма: «I shall not want. The sum will be in order / without me...» [18, 32].

отмеченным в другом тексте Пагиса — поэме «Следы» («Акевот»), тематически смыкающейся с циклом «Опечатанный вагон»:

Да, я был ошибкой, я был забыт
в опечатанном вагоне, тело мое —
в узле жизни. Завязано.
Вот карман, в котором нашел я хлеб —
сладкие крошки, все из того же мира [28, 142].

אָמַת, הֵייתִי טְעוּת, נִשְׁכַּחְתִּי
בְּקָרוֹן הַחֲתוּם, גּוּפִי
בְּצִרוֹר הַחַיִּים. צָרוּר.
הִנֵּה הַכֶּסֶם שֶׁגִּלְתִּי בוֹ לֶחֶם,
פְּרוּרִים מִתּוֹקִים, כֻּלָּם מֵאוֹתוֹ הַעוֹלָם

И в этом фрагменте, и в рассматриваемом стихотворении семантика «ошибки» определяется значениями забывости, незамеченности, неучтенности. Быть «ошибкой» — то же, что неожиданно оказаться вне поля зрения, то есть стать «невидимым» в силу неких случайных причин (любую из них, в том числе и закрывание глаз, можно обозначить метафорой «я был забыт / в опечатанном вагоне»). Важно отметить, что «я» как «ошибка» («я» спасающееся или спасенное) занимает подчеркнуто дистанцированную позицию по отношению к собственному телу, наблюдая за ним как бы со стороны, но все же не отчуждаясь от него. В этой связи особенно примечательно выражение «גופי בצרוור החיים צרוור» *gufi biצרור ha-chayim царур* «тело мое — / в узле жизни. Завязано» (см. выше цитату из поэмы) — парафраз ритуальной формулы «ההה נפשו צרוורה בצרוור החיים», «Да будет душа его / ее завязана в Узел Жизни», включенной в поминальную молитву «Йизкор» и в виде аббревиатуры תוצב"פ часто встречающейся в надгробных эпитафиях¹⁰. Используя эту формулу, Пагис, возможно, ориентируется на тексты талмудического канона, — ср., например, один из афоризмов трактата «Авот де-рабби Натан»: «Под престолом Славы схоронена не только душа Моше, но и души всех праведников, как сказано: “Душа господина моего будет завязана в узле жизни у Господа»» [9, 113] (см. еще: Шаббат, 152 б; Хагига, 12 б). Возможно также, что к числу ее источников принадлежит и поэма Шломо ибн Габироля (ок. 1021 — ок. 1058) «Царский венец» («Кетер Мальхут»), где в начале главы XXV сказано:

מִי יַעֲשֶׂה כְּמַעֲשֵׂיךָ, בְּעִשׂוֹתַי תַּחַת כִּסֵּא כְבוֹדְךָ / מִמַּעַד לְנַפְשׁוֹת חַסִּדִּיךָ?
וְשֵׁם נִהַה הַנְּשָׁמוֹת הַטְּהוֹרוֹת / אֲשֶׁר בְּצִרוֹר הַחַיִּים צָרוּרוֹת
וְאֲשֶׁר יִיגְעוּ וַיִּעֲפוּ / שֵׁם כַּחַן וְהַלִּיפוּ
וְשֵׁם גְּבוּחוֹ יִגְיֵעַ כַּחַן / אֲאֵלֶּה בְּנֵי-נַחַ. [26].

Кто сделает так, как сделал Ты, когда устроил под престолом Славы Твоей
Место для благочестивых душ Твоих?
И там — обитель душ чистых, которые завязаны в узел жизни,
Которые утомились и устали. Там сила их обновится,
Там обретут покой те, кто ослаб силой. И это — дети покоя.

¹⁰ См., например, [23, 5]. См. также интересную работу Михаила Носоновского, в которой эта формула рассматривается как возможный источник стихотворения Мандельштама «Может быть, это точка безумия...» [6].

Вероятность обращения к этим или подобным текстам в поэме Пагиса по крайней мере косвенно подтверждается откровенно каламбурной игрой на внешнем сходстве слов «престол» и «карман» («вот карман, в котором нашел я хлеб...»): первое — כסא *kisá*, второе — כיס *kis*. Если упоминание «престола» в связи с образом души, восходящей к вечному покою, теологически оправдано (все чистые души находят пристанище именно «под престолом Славы»), то включение созвучного с ним «кармана» в тот же контекст имеет принципиально иную, «обратную» (подчеркнуто «безыдейную») мотивировку. Можно предположить, что, подставляя «тело» на место «души» в «узле жизни» и тем самым радикально меняя смысл классической формулы, Пагис одновременно пародирует (точнее, сводит к абсурду) представление о сопряженности посмертного бытия с Божественной Славой (или Божественным Присутствием — Шехиной): не вечная душа «завязана в узел жизни», а брэнное тело, и в соседстве с телом — не «престол» (киса), а обыкновенный «карман» (кис). Канонический образ загробного блаженства замещается здесь своей противоположностью — картиной безблагодатной смерти, в которой все, подобно «сладким крошкам» хлеба, нашедшимся в кармане, — «из того же мира», то есть из мира тел, недосягаемого для лучей Славы.

Пагис использует метафору «узла жизни» прежде всего как эмблему погребального ритуала, намеренно исключая из нее самое существенное — указание на собственно «жизнь». Тело, «завязанное» в этот «узел», оказывается если не мертвым, то как бы заживо плененным смертью. Так, например, когда мимо героя поэмы проносятся души погибших («ангелы», судьбу которых он «по ошибке» не разделил), то он с одной и той же позиции смотрит и на них, и на свое тело, как если бы последнее уже отделилось от него, обособилось, иначе говоря, умерло:

Из неба небес в туман¹¹ уносились
ангелы. Иногда кто-то из них оглядывался,
увидев меня, пожимал плечами
и летел прочь от моего тела,

משמי שמים לערפל נטרודו
מלאכים, לפעמים העיף מי מהם
מבט לאחור, ראה אותי, קשף בכתפיו,
המשיך מגופי והלאה.

смерзшегося и треснувшего, застылого,
израненного,
зaduшенного, искривленного [28, 144–145].

קפוא ופוקע, קרוש,
מצלק,
חניק, מעקם.

Здесь между телом и его обладателем — очевидный разлад, который в дальнейшем все более углубляется: тело не знает, жив ли герой, а герой, прямо говорящий о себе: «הרי לא ידתי שאני חי», «я и не знал, что живу» [Там же, 144], утрачивает органическую согласованность с действиями тела¹²:

¹¹ Фрагмент двуступенчатой средневековой литургической поэмы Янны (VI или VII в.), которое Пагис поставил эпиграфом к поэме «Следы»: «משמי השמים לערפל» / משמי השמים לערפל / *Мишмаим лишмей ша-шмаим* / *Мишмей ша-шмаим лерафель*, «Из неба в небо небес / Из неба небес — в туман». Ср.: «Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, который я построил» (3 Цар. 8, 23–27).

¹² Отсутствие в этих действиях «естественной» пластичности и последовательности может быть понято как свидетельство радикального ослабления / обессиливания тела, что, согласно ветхозаветной традиции, равнозначно его смерти. Ср.: «...Смерть — это не противоположность жизни, а ее крайнее ослабление. Поэтому умершие зовутся также рефаим, то есть “слабые”. Царю вавилонскому, нисходящему в преисподнюю, мертвые говорят: “И ты стал бессилён, как мы” (Иешаягу 14, 10), как будто жизнь в преисподней продолжается, хотя

На пути назад
 мои глаза говорят:
 ты уже был, что хочешь еще ты увидеть?
 Закрой нас и смотри:
 ты — мрак, ты — звук пустой.

וּבְדַרְכֵי תְהִיָּה
 כִּי רִמְזוֹת לִי עֵינַי:
 הֵייתָ, מָה עוֹד רְצִיתָ לִרְאוֹת?
 עֲצַם אוֹתְנוּ וְרָאָה:
 אַתָּה הוּא הָאֵפֶל, אַתָּה הוּא הָאוֹת.

И гортань моя говорит:
 если ты еще жив, открой меня,
 я обязана славословить.

כִּי אוֹמֵר לִי גְרוֹנִי:
 אִם עוֹד אַתָּה חַי, פָּתַח לִי, אֲנִי
 חַיֵּב לְהַלֵּל.

И руки мои хватают меня,
 и свернутая голова моя уверяет меня:
 я брошена, брошена
 из неба в небо небес, из неба небес — в туман... [28, 145].

כִּי אוֹחֲזוֹת בִּי יָדַי
 וְרִאשֵׁי הַקְּפוּף נֶאֱמָן לִי:
 אֲנִי נוֹפֵל נוֹפֵל
 מִשָּׁמַיִם לְשָׁמַיִם הַשָּׁמַיִם מִשָּׁמַיִם לְעָרְפֶּל.

Похожая (хотя и не столь отчетливо эксплицированная) ситуация обнаруживается и в стихотворении «Поверка». Разыгрываемая здесь «невидимость» может означать, кроме прочего, отчуждение от тела, «неучастие» в нем, нежелание быть тождественным ему: «нет, меня нет» — то же, что «меня нет в этом теле», или: «то, что вы видите, — не я». Когда, закрывая глаза, герой пытается найти спасение в некоем бестелесном пространстве, его тело словно бы «застревает» во внешнем (внеположном для «я», *души*), гибельном локусе — по ту сторону жизни.

2. «Здесь навсегда»

Следует, впрочем, заметить, что спасение как результат «ошибки» в любом случае оказывается неподлинным, мнимым, ибо пережить то, что не пережили другие, ставшие «שיירות ארוכות של עשן», «длинными караванами дыма»¹³ («Следы» [Там же, 142]), вовсе не значит спастись¹⁴. Не случайно в пагисовской поэме ускользание от смерти контрастирует с неспособностью «я» вырваться из ее вместилища — истерзанного, полупризрачного тела, о чем можно судить, например, по восклицанию «האם אוכל לעבור מגופי והלאה», «если б я мог пройти сквозь тело мое, и дальше!» [Там же], или по уподоблению героя медленно гаснущей лампе: «אך הנפט מתמעט עם הדם הלהבה מהבהבת», «Но керосин убывает вместе с кровью, пламя

и в ослабленной форме» [11, 166–167] (ср. также выражение «שם כֹּחַ יְחַלְפֵי» шам коах яхалифу, «там сила [их] обновится», из приведенного выше фрагмента поэмы Ибн Габироля (души умерших представлены здесь как «ослабевшие»).

¹³ С этими «караванами дыма» восходят к небесам «השרפים החדשים» *ša-serafim ša-xadašim*, «новые ангелы», души погибших. Здесь, возможно, — скрытая цитата из Книги Судей: «Когда пламень стал подниматься от жертвенника к небу, Ангел Господень поднялся в пламени жертвенника. Видя это, Маной и жена его пали лицом на землю. И невидим стал Ангел Господень Маною и жене его» (Суд. 13, 20–21).

¹⁴ Особенно показательны в этом смысле пример тех «выживших», чья гибель в Катастрофе оказалась как бы «отложенной». В числе таковых часто упоминаются Жан Амери (настоящее имя Ганс Майер) и Примо Леви. Первый покончил с собой в 1978-м, второй — в 1987-м. «Из-за того ли, что оба, Амери и Леви, были свидетелями “невозможной реальности”, они столкнулись с невозможностью жить? <...> Амери писал, что он человек горьких воспоминаний, которому нет места в этом мире. У самоубийства никогда не бывает однозначных объяснений. Как бы то ни было, экстремальный опыт лагерей придает добровольной смерти особое значение» [4, 169].

начинает мерцать...» [28, 144]. При этом вся поэма представляет собой описание возвратного пути из какого-то запредельного («засмертного») мира, и уже в конце ее мы узнаем, что на самом деле герой (его «я») — там, а не здесь и его истинный облик (на что указывают, в частности, ангельские «крылья», כנפי *кнафай*) ничем не отличается от облика тех, кто вернуться уже не сможет:

И прежде чем я дойду
(теперь — дотянуть до конца, дотянуть),
пробудившийся, бодрый — весь, вплоть до кончиков крыльев,
я почувствую вдруг, что где-то очень близко,
внутри, в плену надежд, теплится
шар этой земли,
израненный, покрытый следами [Там же, 146]¹⁵.

וּלְפָנַי שְׂאֲגִיעַ
(וְעֵכָשׁוּ לְהוֹשִׁיט עַד הַסּוֹף, לְהוֹשִׁיט)
כָּבֵד יָר, נִפְרָשׁ עַד קְצוֹת כְּנָפָי,
עַל קְרָחִי מִנְחֹשׁ שְׂקָרוֹב מְאֹד,
בְּכַנָּיִם, שְׂבוּי בְּתַקְוֹת, מְהֻבָּה לִּי
כִּדּוּר הָאֶרֶץ הַזֶּה
מִצְלָק, מִכְסֵה עֲקֻבוֹת.

В «Проверке» мотив «неокончателности» (а потому и невозможности) спасения звучит еще более драматично. Это стихотворение, по словам Даниэля Фельдмана, «помещает субъекта речи одновременно и в эмпирическое пространство лагеря, и в неопределенную пустоту за его пределами» [17, 452]. Если первая из этих двух позиций — простая данность физического присутствия, то вторая должна быть достигнута своего рода «трансцендирующим» усилием. Разрыв между ними очевиден, но также очевидно и то, что, устремляясь в «пустоту», лирический герой *остается* на своем месте в лагерном пространстве и, следовательно, реальностью для него обладает не столько «пустота» как таковая, сколько длящееся (непрерывно возобновляющееся) стремление к ней. Последняя фраза стихотворения, «כֵּאֵן לְעֹלָם» *кан леолам*, «здесь навсегда», придает этой ситуации едва ли не фатальный характер, представляя ее как возникший в данной временной точке (по сути же в любое мгновение лагерной жизни) и в дальнейшем неупражняемый способ существования. В самом деле, «здесь навсегда» может означать: навечно остаться здесь (на этом плацу), — закрыв глаза, как бы исчезнув и тем самым уклонившись от «вычитания». Однако форма этого высказывания (очевидная императивность при относительной обособленности от контекста) допускает иное толкование: «независимо от того, что случится сейчас и потом, я — “здесь навсегда”». О том же — у Наоми Соколофф: «Даже при условии физического спасения он (герой Пагиса. — Н. Б.) будет хранить этот опыт в себе и никогда от него не освободится» [22, 229]. Если принять такую трактовку, то окажется, что состояние, при котором нет ни имени, ни лица, ни гибели, ни спасения, ни жизни, ни смерти, — константно, непреходяще.

В связи со сказанным вызывает интерес другой персонаж «Проверки» — нацистский офицер или, скорее, начальник из числа заключенных (в лагерной

¹⁵ По мнению Тamar Якоби, герой «Следов» сразу — и «здесь», и «там», но при этом — словно бы вне времени: «Субъект речи (а кто здесь субъект речи? — его невесомое парение выглядит как движение дыма, поднимающегося из трубы крематория в нацистском концлагере) обозревает события на земле с высоты — как дух, прошлое которого исчерпано и завершено. Он воспринимает и описывает все в терминах страдания, свидетелем которого был и опыт которого имел. Он выжил только как голос погибших, помнящий прошлое, но не имеющий ни настоящего, ни будущего» [24, 107].

терминологии, «капо»), названный здесь «прилежным ангелом» (מלאך הרוץ *малах харуц*):

Вдруг ему показалось, что он ошибся: весь — глаза,
он смотрит в открытый блокнот и снова считает
тела, в ожидании томящиеся на плацу...

Согласно талмудическому трактату «Авода зара» ангел, который «весь глаза» (כולו עינים *куло эйнаим*), — это ангел смерти (מלאך המות *малах га-мавет*)¹⁶. «Говорят об ангеле смерти, что весь он полон очей. В час кончины больного стоит он у его изголовья, и с меча, что в руке его, свисает капля желчи, и когда больной видит ее, то содрогается и открывает рот, и ангел стряхивает [каплю] ему в рот, и от нее он умирает, от нее он дурно пахнет, от нее зеленеет лицо его, обращается он в ничто (буквально: “в отдаленное / невидимое место”, קרן זיית, *керен завит*. — Н. Б.)» («Авода зара», I, 20 б) [25]¹⁷. Аллюзия к образу ангела смерти (и через него — ко всему фрагменту) позволяет предположить, что «оптический» мотив, связанный с отношениями видимости и невидимости, разворачивается у Пагиса не по одной линии (воображаемое исчезновение), а как минимум по двум. Герой закрывает глаза и становится «невидимым». Но даже если мы допустим, что это подлинная, неиллюзорная «невидимость», то и в этом случае она не смогла бы стать защитой от взгляда «ангела прилежного» — ангела смерти, назначение которого в том и заключается, чтобы *видеть* все и всех как в зримом, так и в незримом пространстве, — видеть и отнимать жизнь. Его взгляд герой должен чувствовать на себе постоянно — и тогда, когда наблюдает за ним, глядящим в роковой «блокнот» (ספנקס *пинкас* — грецизм, одно из многих значений которого — книга памяти об умерших¹⁸), и в тот момент, когда пытается выйти из поля собственного зрения, обращаясь, по выражению Даниэля Фельдмана, «в ничто, настойчиво именующее себя “я”» [17, 452] (уместно предположить, что этот взгляд становится неотъемлемой частью той совокупности обстоятельств, которая «здесь» и «навсегда» определяет невозможность окончательного спасения).

Заметим также, что если Пагис принимает во внимание параллель между «невидимостью» лирического «я» и קרן זיית, невидимым («пустым») местом из отрывка об ангеле смерти, то сама эта «невидимость» оказывается двойственной, даже антиномичной: с одной стороны, она должна быть понята как спасительный прием, отчасти корреспондирующий с аналогичными приемами в фольклорных сюжетах о «шапке-невидимке» и т. п., а с другой, в ней можно усмотреть симптом уже не метафорического и/или ситуативного, а безусловного и необратимого

¹⁶ Отмечено Зоей Копельман в примечании к переводу «Поверки» [7]. Ср. у Эли Визеля: «Неожиданно наступило тягостное молчание. Вошел офицер СС, и мы ощутили дыхание ангела смерти. Наши взгляды были прикованы к его мясистым губам. Стоя в середине барака, он обратился к нам: “Вы находитесь в концентрационном лагере. В Освенциме...”» [2, 73].

¹⁷ В каббалистической книге «Зоѓар» «исполненным очей» выступает не сам ангел смерти, но его посланник — «демон с глазами по всему телу, облаченный в огненные одежды» [21, 9].

¹⁸ Ср., например, упоминаемый В. Н. Топоровым пинкас Бретфельдского (Волкова) кладбища в Петербурге [10, 110].

исчезновения. Иначе говоря, «невидимость» как защитная мера *одновременно* может выступать «невидимостью», обозначающей смерть. Речь идет о такой ситуации, когда два противоположных состояния, будучи равно реальными (то есть действительно переживаемыми), связаны отношением как бы взаимной подмены: одно проявляется через другое, маркируя его как неотвратно присутствующее себе, вызывая эффект двоящегося смысла — «сквожения», просвечивания, совмещения исключających друг друга полярностей (вспомним оксюморонное выражение «п-лм», «мертв заживо», из упомянутой выше статьи Ханы Яоз). Сквозь осознанную данность спасения «мерцает» ее антипод — столь же ясно ощущаемый факт гибели, приобщенности к тем, кто растворился в «караванах дыма», — и каждый миг сохраненной жизни служит напоминанием о том, что она уже кончилась.

В образе «ангела прилежного», или ангела смерти, есть еще один аспект, который, несомненно, был учтен Пагисом. Как отмечает Эфраим Урбах, иудейская традиция не знает «единой последовательной ангелологии», поскольку ангел понимается здесь как существо, в очень малой степени обладающее онтологической самостоятельностью. «...Мудрецы чувствовали, что во многих стихах, где упоминается ангел, речь идет о самом Творце, — в связи с нежеланием лишней раз прибегать к телесным образам Писание приписывало Его деяния ангелам. Поэтому некоторые таннаи ничтоже сумняшеся “вычеркивали” ангелов из библейских стихов, призванных подчеркнуть близость Бога к своему народу, или когда они опасались, что деяние, приписываемое ангелу, позволит ему приобрести статус самостоятельной силы, своего рода демиурга» [11, 79–80]¹⁹. Не случайно в трактате «Шмот Раба» при обсуждении стиха «Вот Я посылаю перед тобою Ангела Моего» (Исх. 23, 20) говорится: «Там, где являются ангелы, является и Шехина» (32, 7) [Там же, 81]. Что касается ангела смерти, функции которого Талмуд нередко присваивает Сатане, то он также не рассматривается в качестве автономного и тем более враждебного Богу существа. В этом отношении интересно одно место из трактата «Бава Батра», где речь идет, в частности, о роли Сатаны в испытании праведника Иова: он «спускается, соблазняет (מרגיז), поднимается, получает разрешение и берет (נוטל) душу (толкование: спускается и вводит людей в грех, поднимается вверх и [рассказами о грешниках] возбуждает гнев Господа, получает от Него право на уничтожение грешника, ибо есть у него [такое] право, как сказано: “в нем — соблазн”»». Здесь же — реплика одного из мудрецов: «Сказал Реш-Лакиш: он, Сатан, — носитель зла, он ангел смерти (מלאך המות), ибо сказано: “И вышел Сатан от Господа” (Иов. 2, 7). <...> Он ангел смерти, ибо сказано: “И сказал Господь Сатану: вот он в руке твоей, только душу его сохрани” (Иов. 2, 6)» (16 а) [27]²⁰.

¹⁹ Шломо Пинес в своей статье о «Диалоге с Трифоном Иудеем» Иустина Мученика обращает внимание на то, что для иудейского оппонента Иустина ангелы «суть не что иное, как временные “исходы” или “выскакивания” из недр Божества; они “выступают” из него и к нему же возвращаются — все в соответствии с волей Бога» [8, 128].

²⁰ Развернутый комментарий к этому фрагменту см. [11, 117–118].

3. «У меня был другой Творец»

В этой парадигме пагисовский «ангел» — нечто большее, чем просто демоническая сила: он посланник Бога, орудие Его суда. Как бы странно это ни выглядело, но, по правилам иудаистического дискурса, его присутствие на лагерном плацу должно прочитываться как символическое ознаменование самой Шехины и, кроме того, как ответ на традиционный (и традиционно же неразрешимый) вопрос всей «литературы Холокоста»: «где был Бог в это время?» — *Он был здесь*. В «Поверке» нет прямого упоминания Бога (хотя цитата из 23-го псалма именно с Ним соотносит и пафос, и общую направленность речи), однако в соседних стихотворениях — «Свидетельство» («Эдут») и «Другое свидетельство» («Эдут ахерет») — тема Его причастности судьбе героя занимает весьма значительное место. Кратко рассмотрим два этих текста, обратившись прежде всего к «Другому свидетельству», где Бог представлен в своем исконном, освященном традицией образе — как Бог Ветхого Завета, «Бог истории»:

Ты — первый, и Ты остаешься последним,
если неясен будет тебе закон о различии
между тяжбой и тяжбой,
между кровью и кровью,
услышь на суде мое отягченное сердце,
воззри на мои страдания.
Твои соучастники — Михаэль, Гавриэль,
стоят и подтверждают,
что сказал Ты: «Сотворим человека»,
и они возгласили: «Аминь» [28, 138].

אַתָּה הָרִאשׁוֹן וְאַתָּה הַנְּשֹׂאֵר אַחֲרָיו,
כִּי יִפְלֵא מִמֶּךָ מִשְׁפֵּט בֵּין דִּין לְדִין
בֵּין דָּם לְדָם,
הַקָּשֶׁב לְלִבִּי הַקָּשֶׁה בְּדִין, רֵאֵה אֶת עֲנִי.
מִשְׁתַּפִּי-הַפְּעֵלָה שְׁלָה, מִיכָאֵל, גַּבְרִיאֵל,
עוֹמְדִים וּמוֹדִים
שְׂאֵמְרֶת: נַעֲשֵׂה אָדָם,
וְהֵם אָמְרוּ אָמֵן.

Почти вся первая половина стихотворения пронизана библейскими цитатами. Начальная строка отсылает к Книге Исаяи: «אני ראשון ואני אחרון», «Я — первый и Я — последний» (Ис. 44, 6; см. также: Ис. 48, 12; 41, 4). Во второй и третьей строках — несколько искаженная цитата из Второзакония 17, 8: «כי יפלא ממך דבר למשפט בין דם בין דין לדין», «Если неясен будет тебе закон о различии между кровью и кровью, между тяжбой и тяжбой...»²¹ Чтобы уяснить, для чего Пагис включает ее в свой текст, уместно привести цитируемый фрагмент Втор. 17, 8–9 целиком (по синодальному переводу): «Если по какому делу затруднительным будет для тебя рассудить между кровью и кровью, между судом и судом, между побоями и побоями, и будут несогласные мнения в воротах твоих, то встань и пойдь на место, которое изберет Господь, Бог твой, [чтобы призываемо там было имя Его], и приди к священникам левитам и к судье, который будет в те дни, и спроси их, и они скажут тебе, как рассудить». Это наставление, требующее не полагаться на разного рода «мнения», а искать поддержки у подлинных знатоков закона, адресовано всякому, кто сталкивается с тем или иным «трудным»

²¹ Зоя Копельман, вероятно, не увидев в пагисовских строках цитаты, переводит их с неизбежной в данном случае приблизительностью (то же — и в четвертой строке, где незамеченной остается цитата из 9-го псалма): «...сокроется ли от Тебя тяжба меж судом и судом, / меж кровью и кровью? / Внемли на суде сердцу моему ожесточенному, зри мою бедность» [7].

правовым вопросом. Пагис же адресует его самому Творцу, предполагая, что и *Ему* может быть «неясен закон» (потому, видимо, что произошедшее с пагисовским героем в принципе невозможно «рассудить» по закону) и что в этом случае для вынесения вердикта «суду» достаточно будет вслушаться в биение «отягченного сердца» и увидеть его «страдания» («воззри на мои страдания», «ראה עני» — слова из Пс. 9, 14; в синодальном переводе: «Помилуй меня, Господи; воззри на страдания мое от ненавидящих меня, — Ты, Который возносишь меня от врат смерти»).

Бог — судья на этом «суде» (Ему отдано право определить «различие между кровью и кровью, между тяжбой и тяжбой»), однако возникает такое впечатление, что именно Он, а вовсе не подсудимый (как следует из начальных строк, им должен быть субъект речи, лирический герой) оказывается здесь в роли обвиняемого. Об этом вполне недвусмысленно свидетельствует выражение משתפיהפעלל שלך (буквально «сотрудники твои» или «причастники дела твоего»), которое, будучи отнесенным к ангелам, в единстве с темой «суда» приобретает особое, «юридически» маркированное значение и прочитывается как указание не столько на «сотрудничество», сколько на «соучастие». Об ангелах, Михаэле и Гавриэле, сказано: «עומדים ומודים» *омдим умодим*, «стоят и подтверждают». Но если учесть, что מודים в точном переводе — «признаются», то, значит, «подтверждают» они нечто такое, что прямо связано с существом разбираемого «дела» и в чем, по-видимому, скрыта его исходная причина. Речь идет о словах «Сотворим человека» (Быт. 1, 26). Виновен ли Творец в том, что произнес и исполнил их, заранее зная, чем станет человек²², или Его вина — это вина жертвы собственного благого деяния (обобщенно говоря, жертвы любви к человеку; ср.: «Любим человек, ибо он создан по образу; особенная любовь выказана ему в том, что он создан по образу Его» (Пиркей Авот 3, 14) [9, 41]), — вопрос этот, кажется, остается неразрешенным. Ясно лишь, что в тот момент, когда звучат эти слова и дается «подтверждение» тому, что они действительно были сказаны, вектор обвинения как бы перенаправляется с подсудимого на Судью²³.

В стихотворении «Свидетельство» Творцу человека, каким Его знает библейская традиция, противопоставлен «другой» Бог:

Нет, нет: они, несомненно,
были людьми: униформа, сапоги.
Как объяснить-то... Они были сотворены
по образу и подобию.

לא לא: הם בְּהַחֲלֵט
היו בְּנֵי-אָדָם: מְגַפִּים,
אֵיךְ לְהַסְבִּיר. הם נִבְרָאוּ בְּצַלְמֵם.

²² В Талмуде неоднократно говорится о недоверчивом отношении «ангелов служения» к созданию человека. Господь либо скрывает от них, что человеческий род будет состоять не только из праведников, но и из нечестивцев, либо, по другой версии, уже завершив творение, убеждает их в том, что появление в мире человека неизбежно и необходимо. Ср., например: «Когда [Всевышний] начинал творить первого человека, Он советовался с ангелами служения и сказал им: “Сотворим человека по образу нашему, по подобию нашему?”. Сказали они Ему: — Этот человек — каков он? Сказал Он им: — Праведные произойдут от него, как написано: “Ибо знает Господь путь праведных” (Тегилим 1, 6) — Господь дал знать о пути праведных ангелам служения, “а путь нечестивых сгинет” (Там же) — скрыл от них. <...> Если бы открыл им, что нечестивые произойдут от него, Мера суда не дала бы сотворить его» (Берешит Раба 8, 4) [5, 148].

²³ Наоми Соколовф, отмечая, что это стихотворение является ярким примером «диалога о Холокосте» между человеком и его Творцом, высказывается несколько более прямолинейно: «Здесь герой адресует свою речь Богу, упрекая Его в том, что именно Он ответствен за создание человека» [22, 227].

А я был тенью.

У меня был другой Творец.

אָנִי הָיִיתִי צֶלַל.

לִי הָיָה בּוֹרֵא אַחֵר.

И по милости своей Он не оставил во мне ничего,
что могло бы умереть.

И к Нему я убегал, взлетал — невесомый, сизый,
извивающийся смиренно:

дым к дыму всеильному,
ни тела у него, ни образа [28, 137].

וְהוּא בְּחַסְדּוֹ לֹא הִשְׁאִיר בִּי מָה שְׂיָמוּת.

וּבְרַחֲמָי אֱלֹהִים, עָלִיתִי קָלִיל, כְּחָל,

מִפִּיִּס, הָיִיתִי אוֹמֵר: מִתְנַצֵּל:

עָשׂוּ אֶל עָשׂוֹן כָּל כָּוֹל

שְׂאִיִן לוֹ גּוֹף וְדַמוּת.

Нетрудно заметить, что «они» — בני־אדם *бней адам*, люди — изображаются здесь предельно отстраненно — так, как могло бы описать их иное, не соприродное им существо (такое впечатление, что «униформа, сапоги» — единственная характеристика, по которой в них опознается «человеческое»). У Пагиса слова *בן אדם* *бен адам*, «сын Адама» и «сын человеческий», «человек», приобретают устойчиво негативную окраску еще в стихотворении «Написано карандашом в опечатанном вагоне» («Катув беипарон бекарон га-хатум»), предшествующем обоим «Свидетельствам» и подсказывающем название всему циклу:

здесь в этом транспорте

я Ева

с сыном Авелем

если увидите моего старшего

Каина сына Адама

передайте ему что мама [Там же, 135]²⁴.

כָּאן בְּמִשְׁלֹחַ הַדָּג

אָנִי חַוָּה

עִם הַבֵּן בְּנֵי

אָם תִּרְאוּ אֶת בְּנֵי הַגְּדוֹל

קָלוֹ בֶן אָדָם

תְּגִידוּ לוֹ שְׂאֵנִי

Достаточно просто назвать Каина *בן אדם*, чтобы это выражение обнаружило свою двусмысленность: с одной стороны, перед нами «Каин — сын Адама», с другой, «Каин — человек». Получается так, что Ева просит передать свое послание одновременно и Каину-сыну, и Каину-человеку (именно «человеку вообще»). Но те, к кому она обращается (в принципе, кто угодно, а значит, и любой читатель стихотворения), — такие же בני־אדם. Как пишет Карл Планк, «передача сообщения Каину — явная ирония, поскольку стихотворение идентифицирует его не только с “другим сыном” Евы, но и с “бен адам”. Буквально Каин назван “сыном Адама”, однако те же слова означают “сын человеческий” или, проще, “человек”. В конечном счете стихотворение призывает читателей передать послание Евы самим себе, адресовать его себе как Каину» [19, 359]²⁵. Как видим, здесь допустимо не только тождество «Каин — человек», но и его обратная версия:

²⁴ Перевод Гали-Даны Зингер. Это самое известное стихотворение Дана Пагиса. У него, без преувеличения, миллионы читателей, в частности, потому, что оно, в переводе на несколько языков, высечено на памятной стеле, стоящей у входа в бывший концлагерь Белжец. Здесь мы не останавливаемся на нем специально, поскольку оно требует отдельного (более внимательного и подробного) рассмотрения.

²⁵ О сознательно актуализированной двойственности обсуждаемого выражения говорится и в статье Ханы Яоз: «Ева пытается передать сообщение сыну-убийце и называет его “бен адам” в двояком смысле: в том, который задан сюжетом, и в том, который подразумевается самим языком, где “бен адам” означает “сын человеческий”» [30].

«человек — Каин». Между понятиями «человек» и «братоубийство» устанавливается, таким образом, зримая связь²⁶.

В «детях Адама» «Свидетельства» эта связь эксплицирована уже в качестве некоего «лексического признака». Непреодолимое «родовое» противоречие между ними и героем стихотворения обусловлено тем, что «они были сотворены по образу и подобию», а он «был тенью» и, очевидно, вовсе не их тенью (не тенью «образа и подобия»), поскольку у него, как он говорит, «был *другой* Творец». Это многозначительное «другой», *אחר* *axer*, воспринимается как указание на абсолютную, отрицающую любые аналогии инаковость «его» Бога по отношению к Богу традиции. Тем удивительнее, что определение «הוא ודמותו» *sheyin lo guf udmut*, в нашем переводе — «ни тела у него, ни образа», взято из канонического источника — молитвы «Игдаль»²⁷ (ее авторство приписывается средневековому поэту Иммануэлю Римскому (ок. 1265–1330)). Каждый стих этой молитвы (по жанровой принадлежности — пюта, литургического гимна) представляет собой поэтическое переложение одного из тринадцати принципов веры, сформулированных в «Комментарии к Мишне» Маймонида. В начале третьего ее стиха сказано: «אין לו דמות והוא אינו גוף» [12, 46]²⁸, «Нет у Него ни образа тела, ни тела».

Спрашивается, как может быть назван «другим» Творец, характеризующийся посредством определения, ничем не противоречащего духу и букве Закона? Возможно, Пагис как раз и хочет сказать о неприменимости к Нему никаких иных определений, кроме этого, — по той же причине, по какой некоторые христианские мистики предпочитали называть Его «Не сущий» или «Ничто», а еврейские каббалисты — *אין-סוף*, *Эйн-Соф*, «Бесконечный» (думается, в этот ряд органично вписалось бы и пагисовское выражение «עשן כל יכול» *ашан коль яхоль*, «дым всесильный»). Понятие «другой» в данном случае подразумевает несовместимость Бога с какими бы то ни было представлениями, в том числе (а для Пагиса — в первую очередь) с представлением о Его «צלם» *целем*, «образе», в человеке. И те, кто этим образом наделен («они»), и лишенный его, превращенный в «тьень» лирический герой, без сомнения, созданы одним Творцом (в этом смысле нельзя считать случайным созвучие между *צל* и *צלם* *цель*, «тьень»). Но у последнего Творец все-таки «другой»: сохраняя верность «сыновьям Адама», Он в то же время — с их жертвами, на стороне «тени» и «дыма». Он страдает вместе с теми, кто терпит страдания,

²⁶ Карл Планк утверждает, что даже позиция «нейтрального» (стороннего, безучастного) читателя — это позиция Каина, которая непременно будет «эволюционировать от безразличия к насилию», если он не ощутит себя «присутствующим среди жертв»: «Если читатель не хочет отождествляться с Каином, то он должен как-то переместиться извне вовнутрь — в опечатанный вагон. Просьба Евы требует большего, чем просто контакт с Каином: “сказать ему” — значит сделать так, чтобы непомерный груз пустоты стал его собственным, чтобы он присоединился к мученикам как свидетель, но не как мучитель, и именно тогда Ева будет освобождена. ... Читатель выходит из роли Каина и снимает печать с вагона, чтобы освободить Еву» [19, 359].

²⁷ Отмечено Даниэлем Фельдманом [17, 453].

²⁸ В маймонидовой формулировке третьего принципа, точнее в ее общепризнанном ивритском переводе, слово *למט* дмт, *образ*, отсутствует (хотя там есть однокоренное слово *דמיון* димйон, *сходство, подобие*), поэтому можно с уверенностью сказать, что Пагис ориентируется именно на текст «Игдаля».

и погибает вместе с убитыми²⁹. Он источник последней милости, не оставляющей «тени» «ничего, что могло бы умереть», — очевидно, самой жизни в ее телесном (гибельном) проявлении. Он уже не Бог истории, Завета, мессианской надежды, но, как писал Ричард Рубинштейн, — «Безликая Бездна», «Священное Ничто», «океан, в котором мы только волны», негативная «эссенция» Божественности [20, 315–316], ставшая единственно возможным предметом веры после того, как все «положительные» определения Бога изобличили свою иллюзорность («Бог умер», — говорит Рубинштейн, имея в виду, что Его библейский образ навсегда утрачен и что «нить, связывающая Бога и человека, небо и землю, оборвана» [Там же, 311]; здесь перед нами — один из ярких примеров трагического апофатизма, порожденного Катастрофой).

Бегство к Нему пагисовского героя («*וברחתי אליו עליתי*» *уварахти элав, алити*, «И к Нему я убежал, взлетал...») — симптом «редуцированности» его существования к тому крайнему пределу, где он уже неподвластен смерти, то есть, вообще говоря, физически уничтожен. В этом смысле весьма показательна переключка между «дымом», в образе которого он «взлетает» к своему Творцу («*עשן אל עשן*» *ашан эль ашан*, «дым к дыму», когда первый — «тень» второго), и «караванами дыма» из поэмы «Следы» — метафорой вхождения душ, или «новых ангелов», в мир посмертного бытия:

Из неба в небо небес, из неба небес в туман —
длинные караваны дыма,

משמים לשמי השמים, משמי שמים לערפל
שירות ארכות של עשן

новые ангелы, еще не все осознавшие,
узники надежды, блуждающие в пустой свободе... [28, 142].

השופרים החדשים שעוד לא הבינו,
אסירי התקנה, תועים בחפש הריק

По существу он такой же «новый ангел». Ханан Хевер уподобляет его Ангелу Истории Вальтера Беньямина, полагая, что этот образ (сложившийся, как известно, под влиянием картины Пауля Клее «*Angelus Novus*») скрыт в подтексте «Следов» и «Свидетельства». «Спина Ангела развернута к будущему, его распростертые крылья наполняет ветер прогресса, толкающий его вперед... распахнутые настезь глаза обращены в прошлое, в громоздящиеся до небес последствия разрушений» [29, 183]. Герой Пагиса тоже бессилен перед «ветром прогресса» и тоже смотрит в прошлое — как его свидетель. По словам Хевера, «Пагис обращается к образу беньяминовского ангела именно для того, чтобы свидетельствовать об истории с точки зрения потерпевших поражение, т. е. тех, кто не спасся, тех, кто в полной мере претерпел ужас Катастрофы, обрушенной на них историей. Это позиция жертв, которые, не найдя спасения, приблизились к чистой сути свидетельствования, ибо о Катастрофе во всей ее полноте

²⁹ Тема страдающего и погибающего Бога — одна из центральных как для «теологии Холокоста», так и для многих мемуарных свидетельств. Ср., например, знаменитое описание казни узника-подростка в четвертой главе «Ночи» Эли Визеля: «Больше получаса продолжалась на наших глазах его агония, борьба жизни со смертью. <...> Я услышал, как позади меня тот же человек спросил: “Да где же Бог?” И голос внутри меня ответил: “Где Он? Да вот же Он — Его повесили на этой виселице...”» [2, 132].

способен свидетельствовать только тот, кто уже не может свидетельствовать» [29, 183]³⁰.

В самом деле, если герой выступает как «свидетель», то, значит, он спасен. И по той же причине спасение для него невозможно. Чтобы быть «свидетелем», он вынужден существовать как бы в «обратном» времени, непрерывно смещаясь из своего настоящего к одному и тому же прошлому, где он — в однообразно повторяющемся состоянии «здесь навсегда» — тот, кто так и не спасся: «невидимое» «я», «ошибка», узник «опечатанного вагона», «тень» и «дым».

-
1. *Адорно Т.* Негативная диалектика / пер. с нем. Е. Л. Петренко. М., 2003.
 2. *Визель Э.* Ночь / пер. Е. Клоковой. М., 2017.
 3. *Леви П.* Канувшие и спасенные / пер. с итал. Е. Дмитриевой. М., 2010.
 4. *Мартен Ж.-П.* Книга стыда. Стыд в истории литературы / пер. с фр. И. Иткина, А. Пазельской. М., 2009.
 5. Мидраш Раба [Великий мидраш]: в 10 т. Т. 1: Берешит Раба / пер. с иврита Я. Синичкина, А. Членовой. М., 2012.
 6. *Носоновский М.* «Узел жизни, в котором мы узнаны и развязаны для бытия» — от эпитафии к Мандельштаму и обратно // Заметки по еврейской истории. 2016. № 7(193) [Электронный ресурс]. URL: <http://berkovich-zametki.com/2016/Zametki/Nomer7/Nosonovsky1.php> (дата обращения: 10.06.2018).
 7. *Пагис Д.* «Опечатанный вагон»: стихи / пер. с иврита З. Копельман, Г.-Д. Зингер // Диалог: альм. 2005/2006. Вып. 7/8 (т. 2) [Электронный ресурс]. URL: https://almanah-dialog.ru/archive/archive_7-8_2 (дата обращения: 27.05.2018).
 8. *Пинес Ш.* Иудаизм, христианство, ислам: парадигмы и взаимовлияния: Избранные исследования. М., 2017.
 9. Талмудические трактаты: Авот и Авот де-рабби Натан / пер. с иврита Н. Переферковича. М.; Иерусалим, 2011.
 10. *Топоров В. Н.* Петербургский текст. М., 2009. (Памятники отечественной науки. XX век).
 11. *Урбах Э.* Мудрецы Талмуда (их верования и мнения) / пер. с иврита и англ. Е. Левина, М. Орлова. М.; Иерусалим, 2016.
 12. Шабат шалом: Молитвы, благословения и песни Субботы / под ред. П. Полонского. Иерусалим, 1993.
 13. *Agamben G.* Remnants of Auschwitz: The Witness and the Archive / trans. to English by Daniel Heller-Roazen. N. Y., 2002.
 14. *Agamben G.* What is a Camp? // The Holocaust: Theoretical Readings / ed. by Neil Levi and Michael Rothberg. New Brunswick; N. J., 2003. P. 252–256.
 15. *Alter R.* Dan Pagis and the Poetry of Displacement // Judaism: A Quarterly Journal of Jewish Life and Thought. 1996. Vol. 45, № 4. P. 399–402.
 16. *Esher A.* Eternal Present: Poetic Figuration and Cultural Memory in the Poetry of Yehuda Amichai, Dan Pagis and Tuvia Rubiner // Jewish Social Studies. 2000. Vol. 7, № 1. P. 141–166.

³⁰ Легко заметить, что последнее утверждение восходит к знаменитому «парадоксу Леви» (имеется в виду упоминавшийся выше Примо Леви), сформулированному Джорджо Агамбеном: свидетельством тех, кто выжил и не был «мусульманином» (узником, в силу крайнего истощения утратившим человеческий облик), является неполноценным, потому что не схватывает всей глубины «расчеловечивания», которому подвергались заключенные концлагерей. Но «мусульманин» именно «расчеловечен», то есть, кроме всего прочего, не способен быть свидетелем. Поэтому «тот, кто взял на себя обязанность свидетельствовать от их ("мусульман". — Н. Б.) имени, знает, что должен свидетельствовать от имени невозможности свидетельствования» [13, 34].

17. *Feldman D.* Writing Nothing: Negation and Subjectivity in the Holocaust Poetry of Paul Celan and Dan Pagis // *Comparative Literature*. 2014. Vol. 66, № 4. P. 438–458.
18. *Pagis D.* The Selected Poetry of Dan Pagis / trans. by Stephen Mitchell. Berkeley, 1996.
19. *Plank K.* Scripture in a Sealed Railway Car: a Poem of Dan Pagis // *Literature and Theology*. 1993. Vol. 7, № 4. P. 354–364.
20. *Rubenstein R., Roth J.* Approaches to Auschwitz: The Holocaust and Its Legacy. Atlanta, 1987.
21. *Seltzer A.* Judaism: The Journey of the Soul // *Ultimate Journey: Death and Dying in the World's Major Religions*. Westport, Conn., 2008.
22. *Sokoloff N.* Transformations: Holocaust Poems in Dan Pagis's *Gilgul* // *Hebrew Annual Review*. 1984. № 8. P. 215–240.
23. *Wzrosinski W.* Hebrew Epitaphs As a Unique Source for the Study of Jewish History and Genealogy // *Avotaynu: The International Review of Jewish Genealogy*. 2015. Vol. XXXI, № 3. P. 3–6 [Электронный ресурс]. URL: <http://jri-poland.org/cemetery/2015FallWzrosinskiHebrewEpitaphs.pdf> (дата обращения: 10.06.2018).
24. *Yacobi T.* Time Denatured into Meaning: New Worlds and Renewed Themes in the Poetry of Dan Pagis // *Style*. 1988. Vol. 22, № 1: Narrative Theory and Criticism (Spring 1988). P. 93–115.
25. Авода зара [Электронный ресурс]. URL <http://www.mechon-mamre.org/b/l/l47.htm> (дата обращения: 30.06.2018) (ивр.).
26. *Ибн Габироль Ш.* Кетер Мальхут [Царский венец] [Электронный ресурс]. URL: http://bepuehuda.org/rashbag/rashbag_keter.html (дата обращения: 10.06.2018) (ивр.).
27. Масехет Бава Батра [Трактат «Бава Батра»] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dafyomi.co.il/> (дата обращения 19.07.2018) (ивр.).
28. *Пагис Д.* Коль га-ширим. «Аба» (пиркей проза) [Полное собрание стихотворений. «Отец» (прозаические фрагменты)]. Иерусалим, 2009 (ивр.).
29. *Хевер Х.* «Мишамаим ли шмей га-шамаим»: травма веэдут бешират Дан Пагис [«Из неба в небо небес»: травма и свидетельство в поэзии Дана Пагиса] // *Дан Пагис: мехакерим ветеудот* [Дан Пагис: исследования и документы]. Иерусалим, 2016. С. 180–198 (ивр.).
30. *Яоз Х.* Шпират га-Шоа шель мишорерим ницулим: бейн эйма конкретит леэйма киюмит [Еврейская катастрофа в творчестве выживших поэтов: между событийным и экзистенциальным ужасом] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amalnet.k12.il/meida/sifrut/sifshoa/maamarim/ssi00002.htm> (дата обращения: 08.05.2018) (ивр.).

Рукопись поступила в редакцию 29 августа 2018 г.

АВТОРЫ НОМЕРА

АЗАРЕНКО Сергей Александрович — профессор кафедры социальной философии департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: sergey_azarenko@mail.ru

БОГАТЫРЕВА Ольга Николаевна — директор центра «Кафедра ЮНЕСКО прав человека, мира, демократии, толерантности и международного взаимопонимания», профессор кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор исторических наук. E-mail: olgabogat.100@gmail.com

БОГОМЯКОВ Владимир Геннадьевич — заведующий лабораторией по изучению социальных и политических институтов и процессов Тюменского государственного университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: boga2010@yandex.ru

БЫСТРОВ Никита Львович — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: nikita-bystrov@yandex.ru

ВАЛИАХМЕТОВА Гульнара Ниловна — профессор кафедры востоковедения департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор исторических наук. E-mail: vgulnara@mail.ru

ВАСИЛЬЕВА Светлана Анатольевна — доцент кафедры зарубежного регионоведения, политологии и восточной философии факультета Евразии и Востока Челябинского государственного университета, кандидат политических наук. E-mail: evrasia-site@mail.ru

ВАХРУШЕВА Евгения Александровна — ученый секретарь Института философии и права УрО РАН, младший научный сотрудник, кандидат политических наук. E-mail: snowdrop7j@gmail.com

ВЕРШИНИН Сергей Евгеньевич — профессор кафедры социологии и социальной работы Института гуманитарного и социально-экономического образования Российского государственного профессионально-педагогического университета, доктор философских наук. E-mail: Blochowed@yandex.ru

ВЕРШИНИНА Татьяна Станиславовна — доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках департамента лингвистики Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат филологических наук. E-mail: t.s.vershinina@urfu.ru

ГЕРМАН Мария Алексеевна — магистрант кафедры востоковедения департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: ger-marya@mail.ru

ГОМЕС Каролина-Джоанна — аспирант кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: gomeskjoanna@gmail.com

ГУЗИКОВА Мария Олеговна — заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках департамента лингвистики Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: m.o.guzikova@urfu.ru

ЖАКУПБЕКОВА Дана Амангельдиевна — аспирант кафедры социальной философии департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: dana.tamen@mail.ru

ИСАКОВ Александр Сергеевич — старший преподаватель кафедры государственного управления и политических технологий юридического факультета Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: as.isacov@gmail.com

КЕМЕРОВ Вячеслав Евгеньевич — профессор кафедры социальной философии департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: Kemerov1444@yandex.ru

КЕРИМОВ Тандыг Хафизович — заведующий кафедрой социальной философии департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: kerimovt@mail.ru

КОВБА Дарья Михайловна — младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, кандидат политических наук. E-mail: daria_kovba@mail.ru

КОМЛЕВА Наталья Александровна — директор Центра геополитического анализа Академии геополитических проблем (Екатеринбург), профессор, доктор политических наук. E-mail: Komleva1@yandex.ru

КРАПИВНИЦКАЯ Екатерина Дмитриевна — соискатель кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: Katya.krapi@hotmail.com

КРАСАВИН Игорь Вячеславович — доцент кафедры социальной философии департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: krasavin.i@gmail.com

КРУГЛОВА Татьяна Анатольевна — профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: tkruglova@mail.ru

ЛЕСКИНА Наталья Владимировна — ассистент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: nathalieleskina@gmail.com

МАЛЬЦЕВ Алексей Владимирович — доцент кафедры общей и социальной психологии департамента психологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат биологических наук. E-mail: AlrxeYMaltsev@urfu.ru

МЕНЬШИКОВ Андрей Сергеевич — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: asmenshikov@urfu.ru

ПУРГИНА Екатерина Сергеевна — доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках департамента лингвистики Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат филологических наук. E-mail: kathy13@yandex.ru

ТАБАРИНЦЕВА-РОМАНОВА Ксения Михайловна — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат филологических наук. E-mail: kmromanova@mail.ru

ТОМИЛЬЦЕВА Дарья Алексеевна — доцент кафедры социальной философии департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: Tomiltceva_d@mail.ru

ТРЕТЬЯК Артур Романович — аспирант школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: assefir@mail.ru

ШКУРИН Денис Вадимович — доцент кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат социологических наук. E-mail: vortexinform@gmail.com

SUMMARY

CONTEMPORARY PHILOSOPHY AND SOCIAL SCIENCES

Kemerov V. Y., Tomiltseva D. A. The Humanization of Contemporary Philosophy and the Humanitarization of Social Sciences (conference review).....5

The article reviews the conference "The Humanization of Modern Philosophy and the Humanitarization of Social Sciences" and summarizes the presentations that were delivered. The authors show how there emerge new forms of conceptualizing humanism and humanitarization in the context of contemporary philosophical discussions and debates in social theory, and what new trends in interpreting human being and his activity can be observed. In addition, it is highlighted that strict disciplinary division of labor in social and philosophical sciences, which was prevalent in the beginning of the twentieth century, loses its importance in the light of theoretical and methodological transformations.

Key words: social sciences, philosophy, humanism, humanization, humanitarization.

Kerimov T. Kh. Renewal of Humanism: Its Possibilities and Limits.....16

We witness a radical renewal of humanism in contemporary philosophy, which is connected with a change of the context and the initial attitudes in the reflection on man. The context in which the problem of man is set, shifts from the opposition of humanism and non-humanism (anti-humanism, post-humanism, trans-humanism) toward the way the notion of the man is grounded in philosophy. The author observes that new forms of constituting the notion of man, apart from the alternative between humanism and non-humanism, emerge. The article also examines the stages of this renewal of humanism in the philosophy of the twentieth and early twenty-first century. This renewal of humanism stems from the deconstruction of the philosophical foundation, on which the notion of man previously rested and, and is strongly connected with the ungrounded sociality.

Key words: image of the man, humanism, contemporary philosophy, aporias, ungrounded sociality.

Azarenko S. A. Social Reproduction and Topology of the Limit27

Our basic point is how we can truly exist in the present. This question is related to the process of ascent to the limit, that is, the redistribution of oneself, which historically people had to do with the formation of oneself within the framework of spiritual practices. In the process of social reproduction, involving initiation to spiritual practices, the key to culture is the relationship between the teacher and the student. This form of relations is co-common, in common with each other, which is the logic of "co", is the logic of the limit, of what exists "between", between two or many. In antiquity, philosophy was a spiritual practice that gave life lessons, not abstract knowledge. These practices formed a person, and not just informed, as in modern education. M. Foucault uses the socio-topological approach to philosophy as a social practice. In this practice, there is a key social communication for sociality, in which the subject is constituted in the whole of its existence (in the aspect of such social techniques as dietetics, economics, erotica). We propose a topological-anthropological approach in which social communication must be viewed as a complex multidimensional phenomenon that realizes the historical process as a whole. The communication is a being itself: it includes "talk-with", "live-with", "sleep-with". Let's call this being the being-in-communication. The reproduction of compatibility takes place in the course of a regular bodily connection between people through a certain social practice, through which a certain communication arises that serves to bring people to their community with certain values and ideas. The modern state of social communication leads to primitivization of the individual, the "assembly" of which

does not occur at the limit with genuine content. To live truly in the present is to go topology of the limit connected with the ascent to the limit, that is, redistribution of oneself in the light of spiritual communication, for a person's life is connected with the ability to reproduce and understand socially meaningful senses.

Key words: social practice, social communication, being-in-communication, limit topology, topological-anthropological approach.

Krasavin I. V. A Problem of General Intellect: Heterarchy and Social Complexity38

This paper explores the problem of the structure of General Intellect, the theory of which is developing in the post-operaismo intellectual movement. In this paper General Intellect is analysed as a property of a social connection structure, named here as heterarchy. As connection structure heterarchy forms different kinds of singularities: aggregations made by statistical repetitions of relations and individual egos making values through their goal setting and other intellectual activity. The main argument of the article is that although to some extent General Intellect may denote capacity for the self-organization of society, it is difficult to identify it with only one particular institutional organisation or political regime. General Intellect appears in any type of social structuring through self-organising processes.

Key words: general intellect, heterarchy, singularity, complexity, aggregate, multitude.

HUMANITARIAN DIPLOMACY, PERSONALITY, SOCIETY AND THE WORLD

Vakhrusheva E. A. Idea of Tolerance and Critical Theory: Towards Deconstruction of the Concept53

The author analyzes strategies of deconstruction of the concept of tolerance, applied within the framework of contemporary critical theory. Particular attention is paid to the discursive approach, on the basis of which critics of this concept demonstrate how under modern conditions tolerance turns into the most important ideological category of the global neoliberal discourse. The author shows that in their critical approach towards the idea of tolerance the considered critical theorists proceed from the idea of "culturalization of politics", which is viewed as one of the characteristic trends within the historical situation of the Postmodern that dialectically leads to the politicization of the idea of tolerance.

Key words: tolerance, critical theory, discursive approach, ideology, neoliberalism.

Tabarintseva-Romanova K. M. Culture in International Relations: Diplomacy, Security, Conflict60

The article is devoted to the changing role of culture in international relations, which is analysed through the concept of "soft power". The investigated transformations of the concept of culture were examined on the basis of an analysis of documents and activities of the European Union. The main priorities of the EU in the development of international cultural relations are highlighted. Further, proceeding from world political trends and the general geopolitical situation, the author analyzes the relatively new structural elements of the concept of culture, namely: cultural security, cultural conflict, cultural war. It is concluded that culture becomes a hybrid construct; and "soft power" becomes not only an instrument of external influence and "advancement" of the state in the international arena, but also acquires "defensive" functions.

Key words: cultural security, cultural conflict, "soft power", public diplomacy, EU.

Bogatyreva O. N., Leskina N. V. Educational Diplomacy of European Regions67

The paper analyses the features of cross-border cooperation in higher education of European subnational regions. The authors conclude that this kind of cooperation is complementary to a number of EU governance spheres, such as cohesion policy, Lisbon strategy 2000 and strategy "Europe 2020" of developing a knowledge economy. It also is an important mechanism for building European Higher Education Area. Another hallmark of regional educational cooperation is multi-level governance, formed with the support of EU programmes, and including supranational, national and regional authorities, as well as universities gaining prominence as autonomous actors and constituting transnational academic community.

Key words: Paradiplomacy, regional cooperation, cross-border cooperation, higher education, EU.

Kovba D. M., Isakov A. S. Soft Power: Reception of the Concept by Asian states79

In the article, the reception of the concept "soft power" and the development of strategies to achieve it by the Asian states such as China, Japan, Iran and Turkey are examined. The authors discover that China has paid the most

attention to the concept, whereas in the Muslim countries there has not been an official consolidation of the soft power in the form of formalized strategies. Turkey has an “invisible force” which is analogous to the notion of soft power; such concepts are not found in Iranian discourse. It is concluded that in the states surveyed, national strategies are built by the analogy with the Western experience. Particular attention is paid to the development of cultural resources and instruments of soft power.

Key words: soft power, cultural diplomacy, Asian states, China, Japan, Iran, Turkey.

Krapivnitskaya E. D. Subsidiary and Humanitarian Protection of Forced Immigrants in Italy88

Crisis in the Dublin System has shown that despite common European standards, migration policy is often built by the participating States on their own. The article deals with the modern experience of the Italian Republic in the sphere of providing international and humanitarian protection in the conditions of mass migratory flows. The author analyzes Italian legislation aimed at implementing the right to asylum in accordance with international and regional human rights standards. Commentary on the possible types of protection of forced migrants in the territory of the Italian Republic is given. Particular attention is paid to the analysis of the grounds for granting the subsidiary protection status, as well as to the reasons for providing humanitarian protection in case of rejection of the international protection status. The conclusion is made about the growing importance of human rights protection in the Italian foreign policy.

Key words: Italy, European Union, human rights, international protection, asylum, refugees, subsidiary protection, humanitarian protection.

COMMUNICATION TRENDS IN THE AGE OF POST-LITERACY

Kruglova T. A., Vershinin S. E. Mikhail Lifshitz in the 1930s: How to Define the Notion “Soviet Intellectual”97

The article focuses on the theoretical description and historical account of the intellectuals’ activity in the 1930s in the USSR. Mikhail Lifshits is one of the influential figures in the debates about socialist art, one of the founders of Marxist-Leninist aesthetics and an active literary critic, therefore he is a representative figure for defining the boundaries between the history of ideas and the history of intellectuals, the autonomy of humanitarian thought and the politically committed socio-ideological trends. The method of motivating contexts is applied as a theoretical framework of analysis.

Key words: Mikhail Lifshitz, international movement "return to order", Soviet magazine "Literary critic", Marxist-Leninist aesthetics, history of Soviet literary criticism of the 1930s, anti-formalist campaign.

Bogomyakov V. G. Formation of a Proto-Poetics: New Hypostases of the Poetic New 112

The article is devoted to the formation of new poets who consider poetic activity outside the framework of the actual poetic text. Comparison of the positions of Aristotle and M. Heidegger shows a departure from the principle of mimesis: poetry no longer imitates reality, it pretends to create the foundations of the human world, to construct new realities. A new kind of poetic activity is being formed, which becomes social action and social interaction. In this context, the article discusses geopoetics, digital poetics, zoopoetics, communication poetics

Key words: new poetics, geopoetics, digital poetics, zoopoetics, communication poetics.

Tretyak A. R. Language as Praxis: P. Virno’s Theory of Speech Act 118

This article reconstructs the understanding of a speech act in Paolo Virno’s political philosophy. In postfordism as a modern mode of production, we can observe erasure of boundaries between labor and action. This stems from the changes in forms of communication. Labor acquires the features of political action, since it involves the need for constant communicative cooperation between individuals. On this basis, Virno tries to justify the theory of language as a public space in which each separate speech act can be seen as an elementary form of political action. The main features of this action will be spectacularity and virtuosity. The author tries to substantiate the connection between publicity and language act through the concept of potentiality – a special feature of modern subjectivity – or, the multitude, that arises under the influence of the modern media.

Key words: Virno, multitude, language, communication, publicity.

Gomes C.-J. Protest Reaction of the Audience to Morally Provocative Art..... 124

The article analyzes the phenomenon of protest reaction of the audience to morally provocative art. Destructive and constructive engagement of viewers is examined as an intuitive reaction to morally controversial art. The article elicits several characteristics of conflicts over morally controversial art. Several cases of art attacks reveal the transformation of iconoclasm to media discourse.

Key words: protest reaction, iconoclasm, offending art, spiritual sufferings, moral harm, vandalism, destruction of images, take down policy, public censorship, cultural war, moral provocations.

Guzikova M. O., Vershinina T. S. What Value Linguistics Students Place on Proficiency in a Foreign Language: Case Study..... 134

The purpose of this article is to identify the range of basic value orientations of students who aspire to become linguists, which determine their choice of studying foreign languages. On the one hand, the essential condition for the future work of graduates is their skill to communicate with those people for whom this language is native. On the other hand, the value of any foreign language lies in the possibility of acquaintance with the national culture of the country in which it originated and functions to ensure a certain cultural unity of its speakers. The results of the materials of the pilot sociological study of the first year students majoring in linguistics have shown that the main value of the foreign language for them lies in the opportunity to be employed in international enterprises, organizations, or as teachers at a foreign university, thus ensuring the enhancement of their social status. The importance of a qualified knowledge of a foreign language as a condition for a deeper understanding of the culture of the country for which it is a national language has been insignificant. Dominant is the utilitarian approach to professional mastering of foreign languages.

Key words: values, value orientations, attitudes, foreign languages, students, multilingual culture, mobility, connectivity.

SOCIAL THEORY AND SOCIOLOGY

Zhakupbekova D. A. Concept of Useless in the Conceptualization of Nomadism 143

The article is devoted to the problem of studying nomadism within the framework of the conceptualization of the social. From the point of view of such notions of modernity as a blessing, the benefit of nomadism is not historical and useless. A comparative analysis of the methods of studying nomadism, undertaken in this article, demonstrates the need for a different vision of nomadic sociality, which prospects the author associates with the heterology project.

Key words: nomadism, sedentary society, tribal society, rhizome, potlatch, useless.

Menshikov A. S., Purgina E. S. ‘Headhunting in the Solomon Islands’ and ‘New Guinea Headhunt’ by Caroline Mytinger: Authenticity, Colonialism, and Cosmopolitanism in Travelogues of the Interwar Period..... 152

Travel writers, on the one hand, had unique position to observe the varieties of world-making across the globe and, on the other hand, they were also exposed to major geo-political, economic, demographic and cultural changes that swept the world in the twentieth century that are often referred to as globalization. Their travelogues present good evidence of the gradual transition from ‘colonial’ to ‘cosmopolitan’ vision in perceiving and describing the local populations. This paper focuses on the case of the two travelogues written by American artist Caroline Mytinger following her ‘headhunting expedition’ to the Solomon Islands and Papua New Guinea in the second half of the 1920s. It is shown that the transition affected such fundamental aspects of travel writing as the search for authenticity, the relationship between the subject and the object of the narrative (i.e. the narrator and the post-colonial Other).

Key words: travelogue, travel writing, colonial vision, indigenous people, authenticity, modernity.

Maltsev A. V., Shkurin D. V. Ekaterinburg Parents’ Assessment of the Unified State Examination 164

This article analyses results of the survey of the parents' attitudes towards the Unified State Exam. The sample included 1520 parents of school pupils in Ekaterinburg. The location of schools, their status and the level of education of students (primary, primary, senior) were taken into account. Parents expressed ambivalent views on the USE as they believe that it has both advantages and disadvantages (60.7% of the number of respondents).

The number of opponents of the Unified State Examination is 33 % whereas supporters number only 6.3 % among the sample. Parents particularly criticized the stress that children, parents and teachers have to suffer, while among the advantages of the USE they named the simplified admission to university level education. Difference of opinions about the USE among parents is related to the status of the school, to their own level of education, to their social position, to the degree they are familiar with educational development programs, and to the amount of time they spend with their children. Parents are more positive about the USE if their children study at a status school, they themselves have a secondary special or higher education, they occupy a managerial or specialized position, they are well informed about educational development programs and constantly pay attention to their children. The conclusion is made that the change in the opinion on the USE towards a more positive assessment could be achieved if the media objectively reflect the positive effects of the exam.

Key words: parents, the Unified State Exam, advantages of the Unified State Examination, shortcomings of the Unified State Examination, factors influencing the attitude to the Unified State Exam.

POLITICAL THEORY, POLITICAL SCIENCE AND POLICY ANALYSIS

Komleva N. A. Specifics of the force components for the economic corporations functioning.....177

In the article for the first time in Russian scientific literature the author examines the force component of the functioning of the global and transnational economic corporations (GC/TNC). The problem exists in the framework of geopolitical realism methodology. The author believes that the force component in the GC/TNC functioning currently consists of three main elements: private military companies, units of the regular army of a particular state (or states), illegal armed groups. The main tasks of these ones are: 1) armed struggle against organisations representing the interests of the opposite GK/TNC; 2) dense and permanent armed control of the conquered territory and its resources, using by the relevant GC/TNC; 3) the establishment of a permanent military threat for GC/TNC pretending the same resources and the same space, with the aim to prevent or hinder their expansion.

Key words: economic corporation, global corporation, transnational corporation, regular army, private military company, illegal armed group.

INTERNATIONAL RELATIONS

Vasilieva S. A. EAEU and the Turkic Council: Prospects for Cooperation184

The report considers the problem of the collision of interests of two integration entities in the post-Soviet space. The Turkic Council, which includes 2 member states of EAEU, has a wide range of interests in the region, from strengthening cultural and economic ties between the Turkic states to political integration in the future. The author considers the history of the emergence of the Türkic Council, its statutory goals and modern lines of activity. Proceeding from this, the points of contact between the interests of both organizations are revealed, and a number of scenarios for the development of the relations between the EAEU and the Turkic Council are formulated, taking into account both the economic interests and the position of their member states of the political conjuncture that determine their activities on the world stage.

Key words: EAEU, Turkic Council, integration, post-Soviet space.

Valiakhmetova G. N., German M. A. From Ideological Confrontation to Strategic Partnership: Evolution of Relations between China and Saudi Arabia192

The article analyzes the role of Saudi Arabia in the Middle East policy of China. The authors describe the development of bilateral relations in the second half of the 20th and the beginning of the 21st centuries as well as the factors that determine the main directions and dynamics of cooperation between the two countries. Particular attention is paid to the methods of realizing China's national interests in the Middle East, as well as analyzing the position of Beijing on a number of key regional issues. The authors come to the conclusion that pragmatism and flexibility inherent in China's foreign policy allow Beijing to balance on the conflicting interests of key participants in Middle East politics. Due to this factor China gets the access to the region's energy resources to meet the needs of the dynamically developing Chinese economy. The work was carried out within the framework of a system approach using methods of political and historical research.

Key words: China, Saudi Arabia, Middle East, strategic partnership, foreign policy.

AESTHETICS AND PHILOSOPHY OF CULTURE

Bystrov N. L. The Phenomenon of Impossible Salvation in the «Poetry of the Holocaust»: the Case of Dan Pagis204

The article interprets several poems by the Israeli poet Dan Pagis, which are thematically related to his memories of the Jewish Holocaust. Pagis' lyrical character is a witness of the events of that time. But in order to really witness, he has to look at the events from the point of those who did not manage to survive. Hence the antinomic duality of the character's position: he is alive, and he is among the dead; he is saved, and at the same time it is impossible to save him. The main problem of the article is the impossibility (or rather, the «impossible possibility») of his salvation.

Key words: poetry of the Holocaust, the Jewish Catastrophe, Dan Pagis, salvation, evidence, Talmudic angelology, the Jewish tradition.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 3
Общественные науки
2018. Т. 13
№ 3 (179)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.2012.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 27.09.2018. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 19,6. Усл. печ. л. 18,63. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 278.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета.
Серия 3. Общественные науки»!*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 13 июня 2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227-2291;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 22 июня 2018 г. с присвоением международного стандартного номера электронного издания журнала ISSN 2619-0613;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **философии, социологии, политологии** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- в лице главного редактора представлен в Секции философских научных периодических изданий Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ);
- включен в подписной каталог «Пресса России» ОАО «Агентство “Роспечать”». Подписной индекс 43144.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/ru/science/scientific-journals/izvestija-urfu/>), на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3/index>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@urfu.ru), по почте или лично автором предоставляются текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.
2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.
3. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.
4. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Правила рецензирования статей

1. После прочтения материала главным редактором текст, при условии, что он удовлетворяет основным требованиям к содержанию и оформлению научных статей, направляется для оценки внутреннему (журнальному) рецензенту.
2. На основании заключения рецензента главный редактор или редколлегия выносят решение о публикации статьи, о необходимости доработки материала или о его отклонении.

3. О принятом решении ответственный секретарь журнала извещает автора по электронной почте. При этом при принятии решения о необходимости доработки текста или о его отклонении к извещению прилагается копия или подробное изложение рецензии.

4. Журнал использует так называемое одностороннее анонимное рецензирование, при котором личность автора становится известна рецензенту, а автору персональные данные рецензента не сообщаются.

5. В исключительных случаях, а именно при наличии у автора очень серьезных и достаточно убедительных для редакции возражений против тех критических замечаний рецензента, на основании которых статья была отклонена журналом, текст по решению главного редактора или редколлегии может быть направлен на дополнительное рецензирование другому специалисту.

6. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

7. Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) шрифт — Times New Roman, кегль — 14, интервал — 1,5. Поля — все по 2 см;

б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

в) инициалы и фамилия автора на русском языке;

г) заголовок статьи на русском языке;

д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

— конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;

— научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;

— основные этапы анализа или аргументации;

— главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);

ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;

з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники; и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbк.ru> (дата обращения: 15.10.2013).

.....

21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] – означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] – первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) – на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Департамент философии.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу.*

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна.* Телефон для справок (343) 389-97-34).

Электронный адрес: izvestia_3@urfu.ru

АНКЕТА СТАТЬИ

ФИО автора 1 (полностью)	
Организация	
Должность	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
ФИО автора 2 (полностью)	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	

На английском языке:

Author 1 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Author 2 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Title of article	
Abstract	
Key words	